

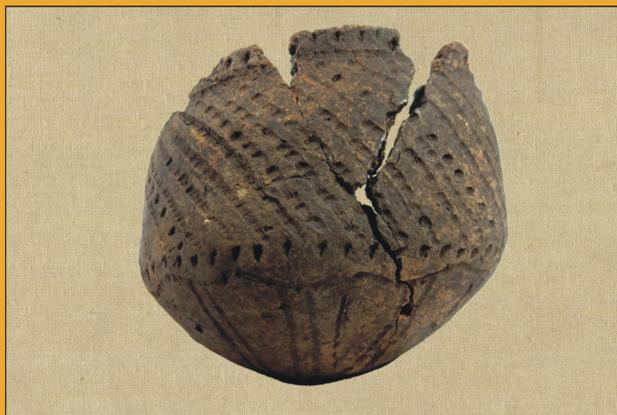

2 (37)

2017

ISSN 2071-0437 (Online)

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ

Электронный журнал

**№ 2 (37)
2017**

ISSN 2071-0437 (online)

Журнал основан в 1997 г.

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ИПОС СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., академик РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин, проф. (Германия);
Агапов М.Г., д.и.н., ИПОС СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ИПОС СО РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки, проф. (Финляндия); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга, проф. (США);
Логвин В.Н., д.и.н., Сургутский госуниверситет, проф.; Московченко Д.В., д.г.н., ИПОС СО РАН;
Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет, проф.; Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет, проф.;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Валь Й., Dr. rer. nat., Общ-во охраны памятников Штутгарта, проф. (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Дегтярева А.Д., к.и.н., ИПОС СО РАН;
Зиминова О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ИПОС СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ИПОС СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония), проф.; Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ИПОС СО РАН;
Миненко Н.А., д.и.н., Уральский госуниверситет, проф.; Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка, проф. (США);
Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина, проф. (Ирландия); Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет, проф.;
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ИПОС СО РАН; Ткачев А.А., д.и.н., ИПОС СО РАН

Утвержден к печати ученым советом Института проблем освоения Севера СО РАН

Электронное периодическое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство Эл № ФС 77-32570 от 15 июля 2008 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 22-93-60, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru/rics/va>

© Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2017

Тюмень
Издательство ИПОС СО РАН

INSTITUTE OF PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE NORTH
SIBERIAN BRANCH
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE JOURNAL

**№ 2 (37)
2017**

ISSN 2071-0437 (online)

Journal is founded in 1997
There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, IPDN SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Agapov M.G., Doctor of History, IPDN SB RAS
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Zakh V.A., Doctor of History, IPDN SB RAS
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Logvin V.N., Doctor of History, Professor, University of Surgut
Moskovchenko D.V., Doctor of Geography, IPDN SB RAS
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera

Editorial staff:

Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Wahl J., Dr. rer. nat., Professor, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Degtyareva A.D., Candidate of History, IPDN SB RAS;
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, IPDN SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, IPDN SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, IPDN SB RAS
Minenko N.A., Doctor of History, Professor, Ural federal university
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, IPDN SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, IPDN SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru/rics/va>

Tyumen
IPDN SB RAS Publishing House

Содержание

Археология

Зах В.А. О гребенчато-ямочной орнаментальной традиции и периодизации неолита Нижнего Приишимья.....	5
Еньшин Д.Н., Скочина С.Н. Орнамент на изделиях из кости и рога неолитического комплекса поселения Мергень 6.....	15
Сериков Ю.Б. Использование раковин в культовой и хозяйственной практике древнего населения	30
Виноградов Н.Б. Проблемы синхронизации, культурной близости памятников синташтинского и петровского типов и возможности их решения	38
Кукушкин И.А., Жусупов Д.С., Дмитриев Е.А. Могильник Акшоки — новый памятник в системе андроновских древностей Сарыарки	48

Антропология

Багашев А.Н., Слепченко С.М., Алексеева Е.А., Слепцова А.В. Краниологическая находка на святилище кулайского городища Большой Лог в Омске	57
Худавердян А.Ю., Гаспарян Б.З., Пинхаси Р., Канаян А.С., Ованесян Н.А. Комплексное исследование антропологических материалов позднего энеолита из пещеры Арени 1	72

Этнология

Бравина Р.И. Новая старая гипотеза о происхождении якутов (к 100-летию этнографа, фольклориста и краеведа А.А. Саввина).....	94
Сурво А.А. Бьярмийские тропы поэтики. Мифологема <i>первопроходца</i> финской метагеографии	106
Чернова И.В. О возможностях изучения истории и хозяйства населения русских старожильческих поселений Омского Прииртышья в XVIII–XX вв. на примере деревни Ананьино.....	118
Хасанова З.Ф. Временные летние жилища башкир инзерского бассейна в конце XIX — начале XXI в. ...	127
Щеглова Т.К. Принимающий алтайский социум и депортированные армяне в контексте перманентных репрессий и депортаций 1930–1940-х гг.: образы и культурное взаимодействие.....	137
Шишелякина А.Л., Бобров И.В. «Чужие» среди «своих»: о практиках ношения мусульманского платка в немусульманском российском регионе	146
Бобров И.В., Черепанов М.С. Фрагментация религиозной власти в исламе (тюменский случай на рубеже XX–XXI вв.).....	155

Палеоэкология

Рассадников А.Ю. Остеофагия домашних копытных на поселениях бронзового века Южного Зауралья (по археозоологическим и этнозоологическим материалам).....	163
--	-----

Хроника

К юбилею А.Н. Багашева	169
Информация для авторов	174
Список сокращений	176

На передней стороне обложки: шалаш (аласык) у башкир инзерского бассейна, Белорецкий р-н, с. Зуяково, Республика Башкортостан, 2010 г. (фото З.Ф. Хасановой); орнитоморфная фигурка из рога, вкладышевая оправа из кости и сосуд с неолитического поселения Мергень 6.

Contents

Archaeology

Zakh V.A. On the comb-pit ornamental tradition and periodization of the Neolithic of the Lower Ishim basin.....	5
Enshin D.N., Skochina S.N. Ornaments on bone and horn artefacts from the Neolithic complex of the settlement of Mergen 6.....	15
Serikov Yu. B. Using shells in the cult and economic activities of ancient population.....	30
Vinogradov N.B. Questions of synchronization, cultural affinity of Sintashta and Petrovka sites and their possible solutions.....	38
Kukushkin I.A., Zhusupov D.S., Dmitriev E.A. Akshoky burial ground: a new monument in the system of Andronovo antiquities of Saryarka.....	48

Anthropology

Bagashev A.N., Slepchenko S.M., Alekseeva E.A., Sleptsova A.V. A craniological finding from a shrine at Bolshoy Log fortified settlement of the Kulay culture in Omsk.....	57
Khudaverdyan A.Yu., Gasparyan B.Z., Pinhasi R., Kanayan A.S., Hovanesyan N.A. A comprehensive study of anthropological materials of the Late Eneolithic from the Areni 1 cave.....	72

Ethnology

Bravina R.I. A new old hypothesis of the origin of the Yakuts (on the occasion of the 100 th anniversary of A.A. Savvin, a specialist in folklore, ethnographer, and local historian).....	94
Survo A.A. Bjarmian Tropes of Poetry <i>Pioneer</i> — a mythologeme in Finnish Metageography	106
Chernova I.V. On possibilities of studying history and household of Russian settlements of long-term residents in the Irtysh River region near Omsk in the XVIII–XX centuries on the example of the village of Ananyino	118
Khasanova Z.F. Temporary summer dwellings of the Bashkirs of the Inzer River basin in the late 19 th — early 21 st centuries	127
Shcheglova T.K. Host Altai society and deported Armenians in the context of permanent repressions and deportations in the 1930–1940s: images and cultural interaction.....	137
Shisheliakina A.L., Bobrov I.V. Foreign natives: on practices of wearing of a Muslim headscarf in a non-Muslim region of Russia	146
Bobrov I.V., Cherepanov M.S. Fragmentation of religious authority in Islam (Tyumen case at the turn of the XXI century).....	155

Palaeoecology

Rassadnikov A.Yu. Osteophagia in domestic ungulates in the Bronze Age settlements of the Trans-Urals (according to archaeozoological and ethnozoological materials).....	163
---	-----

Chronicle

On the jubilee of A.N. Bagashev	169
Memo to the authors	174
Abbreviations	176

АРХЕОЛОГИЯ

В.А. Зах

Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ
E-mail: viczakh@mail.ru

О ГРЕБЕНЧАТО-ЯМОЧНОЙ ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ НЕОЛИТА НИЖНЕГО ПРИИШИМЬЯ

Рассматриваются время формирования и ареал гребенчато-ямочной орнаментальной традиции и связанная с этим процессом периодизация неолита Нижнего Приишимья. Отсутствие «коридоров» в Приишимье, Прииртышье и Барабу с северо-западных, западных и северных территорий, маркированных памятниками, в комплексах которых имела бы керамика с гребенчато-ямочной орнаментацией, а также отсутствие в предполагаемых некоторыми исследователями «метрополиях» достаточно ранних центров с этой традицией, скорее всего, свидетельствуют о ее сложении в пределах Приишимско-Барабинского региона. Основой для ее формирования, вероятно, служили местные комплексы с отступающе-прочерченной, отступающе-прочерченно-гребенчатой орнаментацией, которые уже на ранних этапах неолита в регионе содержали повышенное количество, правда, одиночных рядов ямок или ямок различных форм, заполняющих разные зоны сосуда. О времени формирования гребенчато-ямочной, а точнее, отступающе-гребенчато-ямочной традиции свидетельствуют стратиграфическое залегание данных комплексов выше боборыкинско-кошкинских на поселениях Боровлянка 2 и Автодром 2/2 и перекрывание такого комплекса жилищами с керамикой, близкой к сосновоостровской, на поселении Серебрянка 1. Исследование в Приишимье, на поселении Мерген 7, комплекса, близкого к козловскому, следующему хронологически за кошкинскими, позволяет поместить кокуйские материалы (отступающе-прочерченно-гребенчатые) в периодизационной схеме Приишимья между козловскими и близкими к сосновоостровским поселениям Серебрянка 1, расположенного на западной границе ареала. Внутри его, где последние (гребенчатые) материалы неизвестны, схема развития гребенчато-ямочной орнаментальной традиции могла быть иной, исключаящей перерыв между кокуйскими и екатерининскими комплексами. Материалы поселения Мерген 7 сужают период начала формирования рассматриваемой традиции; учитывая корреляцию калиброванных дат памятников Мерген 7, Серебрянка 1, Протока и Сопка 2, считаем, что это время, скорее всего, между V и IV тыс. до н.э.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, Приишимье, Бараба, отступающе-гребенчато-ямочная, гребенчато-ямочная орнаментальная традиция, периодизация.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-005-014

Для территории Тоболо-Ишимья в начале 2000-х гг. была разработана периодизация культур от эпохи неолита до андроновского (федоровского) времени включительно. При синхронизации схем развития комплексов в регионах оказалось, что некоторые из них характерны и существовали на обеих территориях приблизительно в одно и то же время (боборыкинские, кошкинские), другие больше тяготели к Притоболью (козловско-полуденковские) или Приишимью — кокуйские [Зах, 2009]. До недавних пор козловские и полуденковские поселения и посуда с отступающе-гребенчатой орнаментацией в основном встречались в Притоболье и на прилегающих к нему с севера территориях [Старков, 1980; Ковалева, 1989]. Небольшое количество аналогичной или близкой керамики найдено на многослойных поселениях к востоку от Приишимья в бассейне р. Иртыш и отнесено к среднеиртышской культуре [Генинг и др., 1970]. Наиболее представительным является комплекс керамики с напылом под венчиком и волнисто-гребенчатой орнаментацией с поселения Бичили 1, расположенного в правобережной части Иртыша. На памятниках Шалтов 1, 2 присутствует в основном посуда без утолщений под венчиком с отступающе-ямочной и гребенчато-ямочной орнаментацией [Старков, 1979]. Материалы упомянутых и еще ряда поселений В.Ф. Старков относит к послекокуйскому времени, считая более ранним (по нашему мнению, ошибочно) комплекс жилища 3 поселения Кокуй 1 по сравнению с материалами сооружения 2. Соображения по поводу последовательности сооружения этих конструкций на основе стратиграфических наблюдений высказывались неоднократно [Панфилов,

1991, 1993; Панфилов и др., 1991]. Материалы жилища 2 и жилища 3 поселения Кокуй 1 различаются орнаментацией посуды и, как следует из стратиграфии, хронологически. Изученные в Приишимье хорошо стратифицированные поселения позволяют считать отступающе-ребенчато-ямочные (кокуйские) и ребенчато-ямочные (екатерининские) материалы различными культурными комплексами. Тем не менее, при любой интерпретации кокуйских и екатерининских материалов — как этапов или культур, можно определенно говорить о формировании ядра ребенчато-ямочной орнаментальной традиции, скорее всего, в пределах Ишимо-Иртышья и Барабы. Важным было замечание В.Ф. Старкова, сделанное на основе материалов (правда, немногочисленных. — В. З.) памятника Бичили 1, о распространении на восток комплексов восточноуральской культуры (посуда с волнисто-ребенчатой орнаментацией), сменившейся среднеиртышской, на керамике которой фиксировалась новая, ребенчато-ямочная орнаментальная традиция с вошедшим в нее, вероятно, волнисто-накольчатым и волнисто-прочерченным орнаментом [1979].

Относительно небольшие в количественном отношении материалы козловско-полуденковского облика до открытия в Барабе на поселении Автодром 2 материалов, близких к боборыкинским и кошкинским, а в Приишимье — исследования поселения Мергенъ 7 [Еньшин, 2015] с материалами, во многом похожими на козловские, не давали оснований выделять особый этап между кошкиными и кокуйскими комплексами.

Исследования поселения Мергенъ 7 во многом изменили наши представления о развитии неолита между кошкиным и кокуйским периодами. Так, судя по конструкциям жилищ 21 и 14 поселения Мергенъ 6 [Еньшин, Скочина, 2014], на полу которых прослеживаются канавки, возможно используемые для дренажа в условиях начинающегося увлажнения и подъема грунтовых вод в конце кошкинского времени, население поселка Мергенъ 7 вновь (как ранее жители поселения Мергенъ 3) заселяет возвышенный участок надпойменной террасы озера. На поселении вскрыто 233 м², полностью исследовано двухкамерное жилище, непосредственно с котлованом жилища связано около 60 сосудов. Присутствие под краем венчиков наплывов, выступов-«ушек», глубоких небольшого диаметра ямок, образующих с внутренней или внешней стороны «жемчужины», орнаментов, выполненных ребенчатым штампом, и нанесение поверх ребенчатых оттисков прочерченных волнистых линий сближают керамический комплекс поселения Мергенъ 7 с козловско-полуденковскими материалами Притоболья, но в большей степени с козловскими [Еньшин, 2015; Илюшина, Еньшин, 2015]. Открытие в Барабе боборыкинско-кошкинских комплексов, а восточнее, в Приобье и Присалаирье,— материалов, во многом сопоставимых с козловско-полуденковскими, свидетельствует о распространении на восток и адаптации носителей культуры с посудой, орнаментированной в прочерченной и отступающей технике [Зах, Еньшин, 2015]. Если с линией развития традиции отступающей и отступающе-прочерченной орнаментации и далее сменившей ее в Притоболье ребенчатой [Зах, 2009] все более-менее ясно, то формирование ребенчато-ямочной орнаментальной традиции вызывает много вопросов, и одни из главных — об источнике и о времени ее возникновения.

Прежде всего, считаем необходимым дать характеристику наиболее ранних, по нашему мнению, комплексов, содержащих посуду с ребенчато-ямочной и отступающе-ямочной орнаментацией, так называемых кокуйских, распространенных от Приишимья до Барабы включительно. Рассматриваемые нами в рамках кокуйской культуры эти комплексы В.В. Бобров с коллегами выделяют в артынскую культуру [Бобров и др., 2010; Бобров, Марочкин, 2011]. Не дискутируя о культурной принадлежности данных комплексов (это отдельный вопрос), отметим, что ареал кокуйской культуры очерчивается поселениями, содержащими посуду с отступающе-ребенчатой и ребенчато-ямочной орнаментацией, на севере по Иртышу, на юге — многослойным поселением Пеньки 1, на западе — бассейном Ишима, на востоке — находками на р. Таре и поселением Автодром 2 [Чалая, 1972; Панфилов и др., 1991; Панфилов, 1993; Молодин и др., 1998; Тихонов, Татауров, 2002; Матющенко, 2003].

Кокуйские поселения расположены преимущественно в поймах на песчаных останцах или на мысах первых надпойменных террас в месте слияния рек. Прослеживается от 1 до 7 и более жилищ, расположенных рядом друг с другом и, как правило, параллельно краю террасы [Генинг, Голдина, 1969; Панфилов, 1993]. Жилища одно- или двухкамерные, подквадратной и подпрямоугольной форм, углубленные на 0,5–0,6 м. На полу котлованов, которые, судя по мощным ортзандовым прослойкам, были земляными, находились очаги, хозяйственные и столбовые ямы, расположенные как внутри, так и за пределами сооружений, что свидетельствует о кар-

О гребенчато-ямочной орнаментальной традиции и периодизации неолита Нижнего Приишимья

касно-столбовой конструкции жилищ, видимо, имевшей форму усеченной пирамиды. Площадь однокамерных сооружений варьировалась от 54 до 66 м², двухкамерного — 179 м² [Очерки культурогенеза..., 1995].

На приишимских поселениях Кокуй 1, Серебрянка 1, Боровлянка 2 и Тюляшов Бор 2 керамика встречалась в виде скоплений, отдельных сосудов или фрагментов. В основном это открытые или слегка закрытые сосуды полуяйцевидной формы с округлым или приостренным дном. Наряду с крупными сосудами обнаружены небольшие, с диаметром горловины 5–10 см. Толщина стенок 0,3–1,0 см, преобладают сосуды с толщиной стенок около 0,8 см. Венчики овальные, приостренные или уплощенные. Край сосудов в большинстве случаев ровный, изредка волнистый, достаточно часто орнаментирован. У некоторых сосудов по верхнему краю венчика имеются пальцевые защипы. Внутри венчика фиксируется каналчик, образовавшийся в результате выгорания нити или сухожилия, которым обвязывался верхний край сырого сосуда.

Хронологическое положение кокуйских материалов определяется на основе их стратиграфического залегания. На поселении Боровлянка 2 сооружение с кокуйской посудой частично перекрывает заполнение жилища с боборыкинско-кошкинскими материалами, обозначая нижнюю границу комплекса [Панфилов и др., 1991]. На поселении Кокуй 1 жилище с отступающе-ямочной и гребенчато-ямочной посудой перерезается сооружением с гребенчато-ямочной орнаментацией керамики (екатерининская культура) [Генинг, Голдина, 1969]. О постбоборыкинском времени существования артынского комплекса поселения Автодром 2/2 свидетельствует его залегание выше слоя белого песка с красным оттенком, содержащего в основном боборыкинские материалы [Бобров и др., 2012, с. 12]. На поселении Серебрянка 1 верхняя хронологическая граница кокуйских материалов уточняется на основе перерезания двухкамерного жилища 1 котлованами жилищ 2 и 3, содержащих посуду с гребенчатой орнаментацией, близкой к сосновоостровской, датированных по углю от сгоревших конструкций: 6200±200, 5095±78, 5690±40 и 10 667±172 л.н. (УПИ 566, 637, 636 и 739) [Панфилов, 1993].

С одной стороны, орнамент на кокуйской посуде во многом близок к композициям на козловской и полуденковской керамике Притоболья и Приишимья, в частности с поселения Мерген 7 [Еньшин, 2015; Илюшина, Еньшин, 2015], но отмечается заметная разница в оформлении венчиков сосудов. На козловской и полуденковской, как правило, наряду с прямыми округлыми присутствуют венчики с наплывами с внутренней стороны, разительно отличающие кокуйскую посуду. Из угля конструкции жилища поселения Мерген 7 получены радиоуглеродные даты: 8510±130, 5790±115, 5705±95, 5765±95, 5975±100 л.н. (СОАН-8896, 8897, 8898, 8899, 8900).

С другой стороны, форма венчиков кокуйской керамики, некоторые орнаменты аналогичны фиксируемым на посуде, близкой к сосновоостровским комплексам, жилищ 2 и 3, перерезавших жилище 1 с кокуйскими материалами на многослойном поселении Серебрянка 1. Сближает эти комплексы и наличие ямок на тулове (правда, в одном случае не типично для предшествующей посуды расположенных [Панфилов, 1993, с. 66, рис. 9, 1]).

Если гребенчатые оттиски в незначительном количестве появляются уже на боборыкинской посуде, несколько больше их на кошкинской и 50 % и более на козловской, то как стабильный признак гребенчато-ямочной орнаментальной традиции ямки на тулове фиксируются лишь в отступающе-гребенчато-ямочных (кокуйских) комплексах, а впоследствии доживают вплоть до средневековья [Зах, 2005]. Так, ряд ямок под краем венчика отмечается на боборыкинской посуде: в Притоболье, например, на поселении Юртобор 3 [Зах, 1995] и в Приишимье на Мергене 3 [Зах, Скочина, 2004], причем в количественном отношении этот элемент преобладает в мергенском комплексе (около 41 % по сравнению с 0,5 % на поселении Юртобор 3). Достаточно велика доля ямок под венчиком (31 %) в керамическом комплексе поселения Мерген 7. Обращают на себя внимание в этом плане несколько фрагментов керамики, орнаментированных оттисками шнура в виде «гусенички», чередующимися с двойными рядами ямок, и более соответствующих боборыкинско-кошкинскому комплексу поселения Боровлянка 2 [Панфилов и др., 1991].

Такие признаки, как доминирование ямок под краем венчиков на ранней посуде из Приишимья и «вдавления овальной, подтреугольной, округлой и семечковидной формы, разного размера, прямые и наклонные, сгруппированные в горизонтальные и вертикальные ряды или зигзагообразные узоры» [Бобров и др., 2012, с. 8], нанесенные в разных зонах боборыкинских (по В.В. Боброву с соавт. [2012]) сосудов поселения Автодром 2/2, могут в какой-то степени рассматриваться как предпосылка формирования отступающе-гребенчато-ямочной и гребенчато-ямочной традиции.

Это одна из версий формирования гребенчато-ямочных орнаментальных комплексов. Их несколько. Так, возникновение гребенчато-ямочной традиции В.И. Молодин видит в процессе синтеза местного населения и пришлых носителей гребенчато-ямочной посуды с севера и, возможно, с северо-запада Восточной Европы. По его мнению, об этом свидетельствуют материалы барабинских могильников Сопка 2/1, Протока и поселений Приишимья и Прииртышья, которые рассматриваются как кокуйский и екатерининский этапы в рамках среднеиртышской культуры конца IV — первой половины III тыс. до н.э. [Молодин, 1985]. Концепции проникновения гребенчато-ямочной традиции с северо-запада по Оби и Иртышу В.И. Молодин придерживается и сегодня, но удревняет этот период на основе радиоуглеродных дат, полученных по костному материалу могильников Сопка 2/1 и Протока [Молодин, 2001; Орлова, 1990].

Опираясь на неолитические материалы из Барабинской лесостепи, Ж.В. Марченко рассмотрела проблему появления керамики в Западной Сибири, а также место и время формирования комплексов с гребенчато-ямочной орнаментальной традицией. Исследователь сделала вывод об автохтонном и достаточно раннем появлении керамической посуды в Западной Сибири. По ее мнению, в неолитическое время сосуществовали как минимум две орнаментальные традиции — отступающе-прочерченная и гребенчато-ямочная, причем последняя самостоятельна и связана с лесными территориями Восточной и Западной Сибири, а не возникает вследствие развития отступающе-прочерченных комплексов зауральского неолита [Марченко, 2006].

Согласно двум последним концепциям, гребенчато-ямочная орнаментальная традиция принесена на рассматриваемую территорию пришлым населением из разных регионов, а впоследствии, в конце VIII — первой половине VII тыс. до н.э., ее носители сосуществовали с местным населением — носителями отступающе-прочерченной орнаментальной традиции.

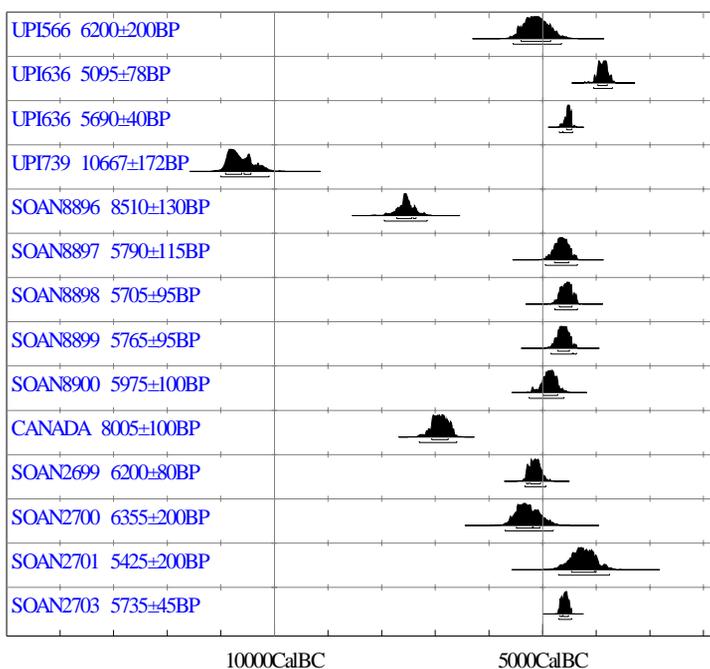
Если рассмотреть орнаментацию на керамике с сопредельных с Приишимьем, Прииртышьем и Барабой территорий, например Кондинской низменности, можно отметить, что гребенчато-ямочная орнаментальная традиция фиксируется здесь в атымьинское время [Кокшаров, 2015], т.е. позднее, чем датируются кокуйские комплексы. В конце неолита — начале эпохи раннего металла гребенчато-ямочная орнаментация появляется на байрыкской посуде Притоболья, до этого времени в Притоболье, бассейне Конды и на севере Западной Сибири, включая территории Ямала, Обской и Тазовской губ, керамики с гребенчато-ямочной орнаментацией не наблюдается. Необходимо обратить внимание и на то, что гребенчато-ямочные и ромбо-ямочные комплексы в северо-западной части Восточной Европы, откуда В.И. Молодин и Ж.В. Марченко видят исход носителей гребенчато-ямочной традиции, по калиброванным радиоуглеродным датам, существовали в IV — начале III тыс. до н.э. [Хорошун, 2014]. В пользу версии о локальном ареале формирования гребенчато-ямочной традиции в пределах территории Приишимья, Прииртышья и Барабы, на наш взгляд, свидетельствует присутствие комплексов с посудой, украшенной в этой традиции, с позднего неолита до эпохи средневековья включительно.

На ранних стадиях развития неолита сопредельные территории, да и сам ареал осваивались носителями посуды с отступающе-прочерченной и отступающе-прочерченно-гребенчатой орнаментацией [Ковалева, 1989; Шевнина, 2012; Мерц, 2014; Зах, Еншин, 2015; Ивасько, 2002]. На некоторых памятниках, например Боровлянка 2 и Автодром 2/2, отмечается перекрытие слоев и объектов, содержащих посуду с отступающе-прочерченной орнаментацией, комплексами с керамикой, украшенной отступающе-гребенчато-ямочными узорами [Панфилов и др., 1991; Бобров и др., 2012]. Этому не противоречат и материалы могильников Протока, Сопка 2/1, Венгерovo 2, в которых обнаружена керамика, отвечающая критериям посуды с отступающе-гребенчато-ямочной орнаментацией. В погребениях могильника Сопка 2/1 найдены сосуды, декорированные по тулову рядами «жемчужин» и одним рядом ямок в придонной части [Молодин, 2001, рис. 5, 1; рис. 10, 11], сосуд с рядами ямок присутствовал в комплексе Венгерovo 2А [Молодин и др., 2014, рис. 2, 18]. Керамика с гребенчато-ямочным орнаментом встречена и в погребальном комплексе Протока [Полосьмак и др., 1989]. Стратиграфическое положение комплексов с гребенчато-ямочной орнаментальной традицией в определенной степени подтверждается инвентарем, в частности обломками сланцевого и двусторонне обработанных наконечников стрел, и радиоуглеродными датами по костям погребенных могильника Протока [Орлова, 1990]. Не соответствует, на наш взгляд, стратиграфическим наблюдениям и инвентарю (обломкам двусторонне обработанных каменных наконечников стрел) дата 8005±100 л.н. по кости из погребения 68 могильника Сопка 2 [Молодин, 2001]. Необходимо отметить, что камен-

О гребенчато-ямочной орнаментальной традиции и периодизации неолита Нижнего Приишмья

ный инвентарь, в данном случае наконечники стрел, соотносимые с комплексами посуды, орнаментированной в отступающе-прочерченной технике, подстилающими слою с гребенчато-ямочной керамикой, представляют собой изделия на пластинах с подработанным острием и насадом, а двусторонне обработанные — характерны для более поздних этапов. Возможно, при использовании для радиоуглеродного датирования образцов костной ткани человека следует учитывать тот факт, что в неолитическое время у населения Западной Сибири основной формой хозяйства было заборное, затем и сетевое рыболовство, а преобладание в пище рыбы могло нарушать соотношение изотопов ^{12}C и ^{14}C в тканях человека.

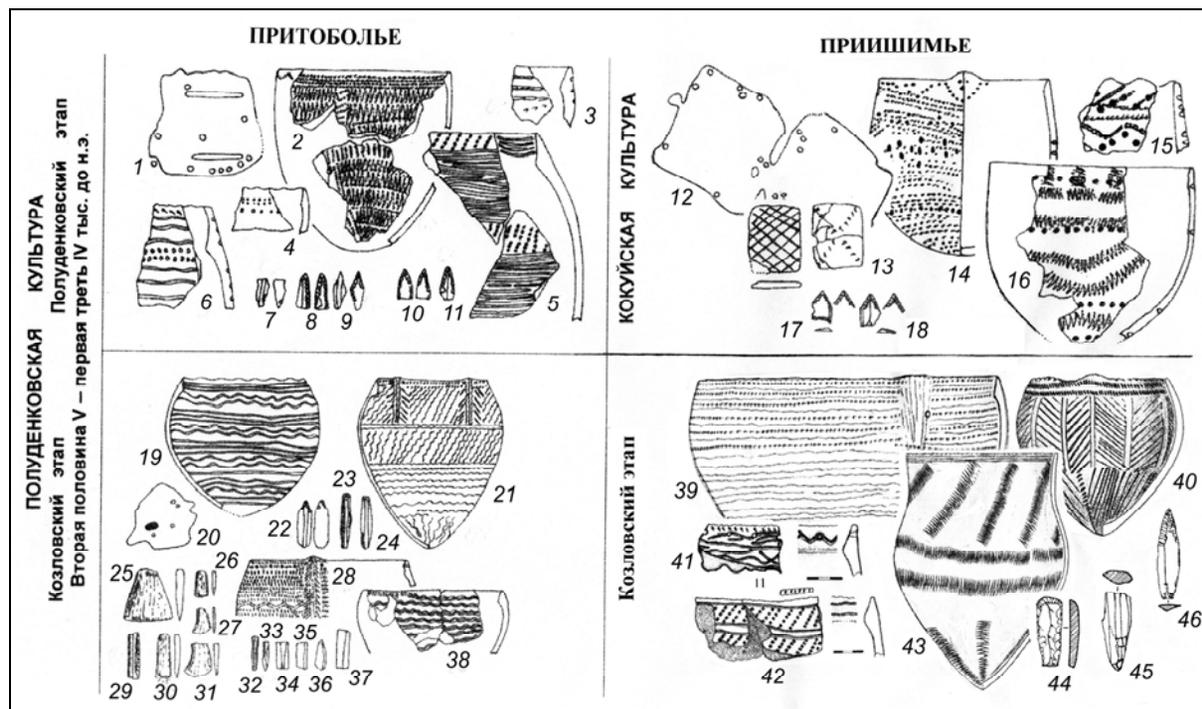
Учитывая отсутствие «коридоров» в Приишмье, Прииртышье и Барабу с северо-западных, с западных и северных территорий, состоящих из памятников, в материалах которых присутствовала бы керамика с гребенчато-ямочной орнаментацией, а также отсутствие на этих территориях достаточно ранних центров с этой орнаментальной традицией, можно говорить о ее сложении в пределах Приишимско-Барабинского региона. Основой для ее сложения, скорее всего, послужили местные комплексы с отступающе-прочерченной, отступающе-прочерченно-гребенчатой орнаментацией с незначительными включениями шнуровой, которые уже на ранних этапах неолита на этих территориях имели повышенное содержание, правда, одиночных рядов ямок или ямок различных форм, заполняющих разные зоны сосуда. О времени формирования гребенчато-ямочной, а точнее, отступающе-гребенчато-ямочной традиции свидетельствуют стратиграфическое залегание данных комплексов выше боборыкинско-кошкинских на поселениях Боровлянка 2 и Автодром 2/2 и перекрытие такого комплекса жилищами, содержащими керамику, близкую к сосновоостровской, на поселении Серебрянка 1. Материалы поселения Мергень 7 еще более сужают период начала формирования рассматриваемой традиции. Учитывая корреляцию калиброванных дат (рис. 1) памятников Мергень 7, Серебрянка 1, Протока и Сопка 2, считаем, что это время, скорее всего, между V и IV тыс. до н.э.

Рис. 1. Корреляция калиброванных дат памятников с гребенчато-ямочной посудой Ишимо-Барабинского региона: UPI 566, 636, 739 — Серебрянка 1; SOAN 8896–8900 — Мергень 7; CANADA — Сопка 2; SOAN 2699–2701, 2703 — Протока.

Впоследствии ареал выходит за рамки формирования традиции, распространяясь на восток до Енисея, на север до побережья морей. На юге гребенчато-ямочные комплексы открыты в Кулунде [Кирюшин и др., 2011], на западе представлены материалами байрынской культуры Притоболья [Заз, 2009]. С эпохи бронзы начинается постепенное сокращение ареала традиции, в эпоху средневековья она сохранилась на территориях первоначального формирования [Заз,

2005]. Процесс развития показывает, что гребенчато-ямочная орнаментальная традиция оформилась на местной основе ближе к концу эпохи неолита и является достаточно самостоятельной, повлиявшей на облик культур в пределах лесной и лесостепной полосы Западной Сибири.

Рис. 2. Периодизация комплексов Тоболо-Ишимья:

1, 20, 25–27, 29–37 — ЮАО 15; 2 — Черемуховый Куст; 3–11 — Дуванское 6; 19, 21–24, 28, 38 — 8-й пункт; 12–16 — Серебрянка 1; 17, 18 — Тюляшов Бор 2; 39–46 — Мергень 7.

В связи с этим разработанная ранее для Тоболо-Ишимского региона периодизация комплексов от неолита до доандроновского времени подлежит некоторому уточнению. Открытые в Пришимье козловские материалы ограничивают время появления кокуйских комплексов (рис. 2) и, как следствие, начало развития отступающе-гребенчато-ямочной (гребенчато-ямочной) орнаментальной традиции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бобров В.В., Марочкин А.Г. Артынская культура // Труды III (XIX) Всерос. археол. съезда, Вел. Новгород — Старая Русса. СПб; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. I. С. 106–108.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Исследования 2010 года на поселении Автодром 2 в Барабинской лесостепи: (Предварительные результаты) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. 16. С. 9–15.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром 2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18). С. 4–13.
- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Поселение Кокуй 1 // ВАУ. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1969. Вып. 8. С. 30–47.
- Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1970. С. 12–51.
- Еньшин Д.Н. Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Пришимье): Характеристика и интерпретация // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 15–27.
- Еньшин Д.Н., Скочина С.Н. Адаптационные ресурсы неолитического населения озера Мергень: (Домостроительный аспект) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2 (25). С. 4–14.
- Зах В.А. Боборыкинский комплекс поселения Юртобор 3 в Нижнем Притоболье // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1995. С. 12–28.

О гребенчато-ямочной орнаментальной традиции и периодизации неолита Нижнего Приишимья

Зах В.А. Развитие общности культур с гребенчато-ямочной орнаментацией // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 5. С. 4–12.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Зах В.А., Еньшин Д.Н. К вопросу о неолитизации в лесостепи Западной Сибири // Вестник КемГУ. 2015. № 2 (62). Т. 6. С. 34–43.

Зах В.А., Скочина С.Н. Поселение Мергень 3 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2004. Вып. 4. С. 37–56.

Ивасько Л.В. Укрепленное поселение каменного века Каюково 2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 7–25.

Илюшина В.В., Еньшин Д.Н. Гончарное производство козловской культуры по материалам поселения Мергень 7 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3 (30). С. 4–14.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Семибратов В.П., Гельмель Ю.И. Поселение Новоильинка-III — памятник энеолита Кулунды // Труды III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. I. С. 226–227.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. 80 с.

Кокшаров С.Ф. Культура населения севера Западной Сибири в бронзовом веке: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015. 47 с.

Марченко Ж.В. К проблеме появления керамики в Западной Сибири: (Хронологический и теоретический аспекты) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3. С. 44–49.

Матющенко В.И. Могильник на Татарском Увале у д. Окунево (ОМ 7). Раскопки 1998, 1999 годов // Новое в археологии Прииртышья. Омск, 2003. Вып. 3. 157 с.

Мерц В.К. Боборыкинский комплекс поселения Борлы (Северо-Восточный Казахстан) // Труды IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. I. С. 297–301.

Молодин В.И. Проблемы мезолита и неолита лесостепной зоны Обь-Иртышского междуречья // Археология Южной Сибири. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1985. С. 3–17.

Молодин В.И. Памятник Сопка 2 на реке Оми: (Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 1. 128 с.

Молодин В.И., Бобров В.В., Чемякина М.А., Ефимова Н.С., Гаркуша Ю.Н. Исследование неолитического памятника Авдотром 2 в Центральной Барабе — первые результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 1998. Т. IV. С. 140–143.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Пилипенко А.С., Трапезов Р.О. Неолитический погребальный комплекс Венгерово 2А в Западной Барабе: Результаты междисциплинарных исследований // Труды IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. I. С. 302–306.

Орлова Л.А. Голоцен Барабы: (Стратиграфия и радиоуглеродная хронология). Новосибирск: Наука, 1990. 128 с.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Кн. 1: Поселения и жилища. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. С. 86–137.

Панфилов А.Н. К вопросу о периодизации неолита лесостепного Прииртышья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 33–36.

Панфилов А.Н. Многослойное поселение Серебрянка 1 в Нижнем Приишимье: Итоги полевых исследований. Препр. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1993. 80 с.

Панфилов А.Н., Зах Е.М., Зах В.А. Боровлянка 2 — памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники по этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1991. С. 25–50.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск: Наука, 1989. 104 с.

Старков В.Ф. Новые данные о среднеиртышской культуре // История, археология и этнография Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. С. 3–14.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.

Тихонов С.С., Татауров С.Ф. Поселение Танатово 9 // Новое в археологии Среднего Прииртышья. Омск: Издатель-Полиграфист, 2003. С. 121–129.

Хорошун Т.А. К вопросу о культурно-хронологической атрибуции керамических комплексов на памятниках позднего неолита — раннего энеолита южной Карелии // Труды IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. I. С. 262–267.

Чалая Л.А. Озерные стоянки Павлодарской области Пеньки 1, 2 // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 163–181.

Шевнина И.В. Гончарство маханджарской культуры // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 21–28.

ON THE COMB-PIT ORNAMENTAL TRADITION AND PERIODIZATION OF THE NEOLITHIC OF THE LOWER ISHIM BASIN

The article analyzes the time of formation of the comb-pit ornamental tradition, its area, and periodization of the Neolithic of the Lower Ishim basin connected with the process. Lack of roads («corridors») to the Ishim and Irtysh basins and to the Baraba from the North-Western, Western and Northern territories marked by monuments whose complexes would have ceramics with the comb-pit decoration, as well as absence of enough early centers with such tradition in the «mother countries», assumed by some researchers, most likely, mean that it was formed within the limits of the Ishim basin and the Baraba region. Local complexes with divergent-scratched, divergent-scratched-comb ornamentation probably served as a basis for its formation. However, already at early stages of the Neolithic, they had an increased number of single sequences of pits, or pits of various forms at different zones of a vessel in the region. Stratigraphical occurrence of the complex under consideration above the Boborykino-Koshkino culture in the settlements of Borovlyanka 2 and Avtodrom 2/2 and the fact that it is overlapped by dwellings containing ceramics proximate to the Sosnovka-Ostrov culture at the settlement of Serebryanka 1 are indicative of the time of formation of the comb-pit tradition or, more specifically, of the divergent-comb-pit tradition. A research of a complex in the Ishim basin, at the settlement of Mergen 7, which is close to the Kozlovo culture and chronologically follows the Koshkino culture, allows us to arrange the periodization scheme of the Ishim basin so that the Kokuy materials (with divergent-scratched-comb ornamentation) are between the Kozlovo culture and the settlement of Serebryanka 1, which is located on the Western border of the area and is close to the Sosnovka-Ostrov culture. Materials with comb ornamentation were not found in the settlement, thus the scheme of development of the comb-pit ornamental tradition there could differ, excluding a break between the Kokuy and Ekaterininsk complexes. Materials of the settlement of Mergen 7 narrow the period of the beginning of formation of the tradition under consideration. Taking into account correlation of the calibrated dates of the monuments of Mergen 7, Serebryanka 1, Protoka and Sopka 2, we argue that, most likely, it is a period between V and IV thousands BC.

Key words: Western Siberia, Ishim basin, Baraba, the divergent-comb-pit, comb-pit ornamental tradition, periodization.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-005-014

REFERENCES

- Bobrov V.V., Marochkin A.G., 2011. Artynskaia kultura [Artinsk culture]. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arheologicheskogo s'ezda*, vol. I, St. Petersburg; Moscow; Velikii Novgorod, pp. 106–108.
- Bobrov V.V., Marochkin A.G., Iurakova A.I., 2010. Issledovaniia 2010 goda na poselenii Avtodrom 2 v Barabinskoii lesostepi: (Predvaritel'nye rezul'taty) [2010 researches at the settlement of Avtodrom 2 in the Baraba forest-steppe zone: (preliminary results)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, vol. 16, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, pp. 9–15.
- Bobrov V.V., Marochkin A.G., Iurakova A.I., 2012. Poselenie boborykinskoi kultury Avtodrom 2/2 (severozapadnye raiony Barabinskoii lesostepi) [Avtodrom 2/2: a settlement of the Boborykino culture (North-Western regions of the Baraba forest-steppe zone)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 3 (18), Tiumen': Izd-vo IPOS SO RAN, pp. 4–13.
- Chalaia L.A., 1972. Ozernye stoinki Pavlodarskoi oblasti Pen'ki 1, 2 [Lake sites of Pen'ki 1, 2 in Pavlodar region]. *Poiski i raskopki v Kazakhstane*, Alma-Ata: Nauka, pp. 163–181.
- Gening V.F., Goldina R.D., 1969. Poselenie Kokui 1 [The settlement of Kokui 1]. *Voprosy arkheologii Uralskoi oblasti*, no. 8, Sverdlovsk: Izd-vo UrGU, pp. 30–47.
- Gening V.F., Gusentsova T.M., Kondrat'ev O.M., Stefanov V.I., Trofimenko V.S., 1970. Periodizatsiia poselenii epokhi neolita i bronzovogo veka Srednego Priirtysh'ia [Periodization of the settlements of the Neolithic and Bronze Age in the Middle Irtysh basin]. *Problemy khronologii i kul'turnoi priinadlezhnosti arkheologicheskikh pamiatnikov Zapadnoi Sibiri*, Tomsk: Izd-vo TGU, pp. 12–51.
- En'shin D.N., 2015. Keramicheskii kompleks poseleniia Mergen' 7 (Nizhnee Priishim'e): Kharakteristika i interpretatsiia [A ceramic complex of the settlement of Mergen 7 (Lower Ishim basin): Characteric and interpretation]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 2 (29), Tiumen': Izd-vo IPOS SO RAN, pp. 15–27.
- En'shin D.N., Skochina S.N., 2014. Adaptatsionnye resursy neoliticheskogo naseleniia ozera Mergen': (Domostroitel'nyi aspekt) [Adaptation resources of the Neolithic population of the Lake of Mergen: (A house-building aspect)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 2 (25), Tiumen': Izd-vo IPOS SO RAN, pp. 4–14.
- Ivas'ko L.V., 2002. Ukreplennoe poselenie kamennogo veka Kaiukovo 2 [Fortified settlement of Kayukovo 2 of the Stone Age]. *Materialy i issledovaniia po istorii Severo-Zapadnoi Sibiri*, Ekaterinburg, pp. 7–25.

О гребенчато-ямочной орнаментальной традиции и периодизации неолита Нижнего Приишмья

Iliushina V.V., En'shin D.N., 2015. Goncharovoe proizvodstvo kozlovskoi kultury po materialam poseleniia Mergen' 7 [The Kozlovsky culture pottery, basing on the materials of the settlement of Mergen 7]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 3 (30), Tiumen': Izd-vo IPOS SO RAN, pp. 4–14.

Khoroshun T.A., 2014. K voprosu o kul'turno-khronologicheskoi atributsii keramicheskikh kompleksov na pamiatnikakh pozdnego neolita — rannego eneolita iuzhnoi Karelii [On the cultural and chronological attribution of ceramic complexes at the monuments of the Late Neolithic — Early Chalcolithic in South Karelia]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani*, vol. I, Kazan': Otechestvo, pp. 262–267.

Kiriushin K.Iu., Sitnikov S.M., Semibratov V.P., Gel'mel' Iu.I., 2011. Poselenie Novoilinka-III — pamiatnik eneolita Kulundy [Settlement of Novoilinka-III, a monument of the Chalcolithic of Kulunda]. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda*, vol. I, St. Petersburg; Moscow; Velikii Novgorod, pp. 226–227.

Koksharov S.F., 2015. Kul'tura naseleniia severa Zapadnoi Sibiri v bronzovom veke [Culture of the population of the North of Western Siberia in the Bronze Age]. Avtoreferat dissertatsii doktora istoricheskikh nauk. Ekaterinburg, 47 p.

Kovaleva V.T., 1989. *Neolit Srednego Zaural'ia* [The Neolithic of the Middle Trans-Urals]. Sverdlovsk: Izd-vo UrGU, 80 p.

Lukina N.V., 1995, (ed.). *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri* [Essays on cultural genesis of the peoples of Western Siberia], vol. 1, kn. 1: Poseleniia i zhilishcha, Tomsk: Izd-vo TGU, pp. 86–137.

Marchenko Zh.V., 2006. K probleme poiavleniia keramiki v Zapadnoi Sibiri: (Khronologicheskii i teoreticheskii aspekty) [On the appearance of pottery in Western Siberia: (Chronological and theoretical aspects)]. *Vestnik NGU, Seriya Istoriia, filologiya*, vol. 5, 3, pp. 44–49.

Matiushchenko V.I., 2003. Mogil'nik na Tatarskom Uvale u d. Okunevo (OM 7): Raskopki 1998, 1999 godov [A cemetery at the Tatar Uval near the village of Okunevo (OM 7): 1998, 1999 excavations]. *Novoe v arkheologii Priirtysh'ia*, Omsk, 3, 157 p.

Merts V.K., 2014. Boborykinskii kompleks poseleniia Borly (Severo-Vostochnyi Kazakhstan) [The Boborykino complex of the settlement of Borly (North-Eastern Kazakhstan)]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani*, vol. I, Kazan': Otechestvo, pp. 297–301.

Molodin V.I., 1985. Problemy mezolita i neolita lesostepnoi zony Ob'-Irtyskogo mezhdurech'ia [Problems of Mesolithic and Neolithic of the steppe zone of the Ob'-Irtys interfluve]. *Arkheologiya Iuzhnoi Sibiri*, Kemerovo: Izd-vo KemGU, pp. 3–17.

Molodin V.I., 2001. *Pamiatnik Sopka 2 na reke Omi: (Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov epokhi neolita i rannego metalla)* [The monument of Sopka 2 on the Om river: (Cultural and chronological analysis of the funerary complexes of the Neolithic and Early Metal Age)], vol. 1, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 128 p.

Molodin V.I., Bobrov V.V., Chemiakina M.A., Efimova N.S., Garkusha Iu.N., 1998. Issledovanie neoliticheskogo pamiatnika Avtodrom 2 v tsentral'noi Barabe — pervye rezultaty [A research of a Neolithic monument of Avtodrom 2 in the Central Baraba, the first results]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, vol. IV, Novosibirsk: Izd-vo IAET, pp. 140–143.

Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Nesterova M.S., Pilipenko A.S., Trapezev R.O., 2014. Neoliticheskii pogrebal'nyi kompleks Vengerovo 2A v Zapadnoi Barabe: Rezultaty mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [A Neolithic burial complex of Vengerovo 2A in the Western Baraba: Results of an interdisciplinary research]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani*, vol. I, Kazan': Otechestvo, pp. 302–306.

Orlova L.A., 1990. *Golotsen Baraby: (Stratigrafiia i radiouglerodnaia khronologiya)* [The Holocene of the Baraba: (Stratigraphy and radiocarbon chronology)], Novosibirsk: Nauka, 128 p.

Panfilov A.N., 1991. K voprosu o periodizatsii neolita lesostepnogo Priirtysh'ia [On the periodization of the Neolithic of the forest-steppe Irtysh basin]. *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamiatnikov Iuzhnoi Sibiri*, Barnaul, pp. 33–36.

Panfilov A.N., 1993. Mnogosloinoe poselenie Serebrianka 1 v Nizhnem Priishim'e: Itogi polevykh issledovaniy [A multilayer settlement of Serebryanka 1 in the Lower Ishim basin: Results of field studies], Preprint, Tiumen': Izd-vo IPOS SO RAN, 80 p.

Panfilov A.N., Zakh E.M., Zakh V.A., 1991. Borovlianka 2 — pamiatnik neolita i perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Nizhnem Priishim'e [Borovlianka 2, a monument of the Neolithic and the transition time from the Bronze Age to the Iron Age in the Lower Ishim basin]. *Istochniki po etnokul'turnoi istorii Zapadnoi Sibiri*, Tiumen': Izd-vo TiumGU, pp. 25–50.

Polos'mak N.V., Chikisheva T.A., Balueva T.S., 1989. *Neoliticheskie mogil'niki Severnoi Baraby* [Neolithic burial grounds in the North Baraba], Novosibirsk: Nauka, 104 p.

Shevnina I.V., 2012. Goncharstvo makhandzharskoi kul'tury [Pottery of the Mahandzharskaya culture]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 2 (17), Tiumen': Izd-vo IPOS SO RAN, pp. 21–28.

Starkov V.F., 1979. Novye dannye o sredneirtyshskoi kul'ture [New data on the Middle Irtysh culture]. *Istoriia, arkheologiya i etnografiia Sibiri*, Tomsk: Izd-vo TGU, pp. 3–14.

Starkov V.F., 1980. Mezolit i neolit lesnogo Zaural'ia [The Mesolithic and the Neolithic of the forest Trans-Urals], Moscow: Nauka, 1980. 220 p.

B.A. 3ax

Tikhonov S.S., Tataurov S.F., 2003. Poselenie Tanatovo 9 [Settlement of Tanatovo 9]. *Novoe v arkheologii Srednego Priirtysh'ia*, Omsk: Izdatel'-Poligrafist, pp. 121–129.

Zakh V.A., 1995. Boborykinskii kompleks poseleniia Iurtobor 3 v Nizhnem Prito-bol'e [A Boborykino complex of the settlement of Yurtobor 3 in the Lower Tobol basin]. *Drevniaia i sovremennaia kul'tura narodov Zapadnoi Sibiri*, Tiumen': Izd-vo TiunGU, pp. 12–28.

Zakh V.A., 2005. Razvitie obshchnosti kul'tur s grebenchato-iamochnoi ornamentatsiei [Development of a common culture with comb-pit ornamentation]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 5, Tiumen': Izd-vo IPOS SO RAN, pp. 4–12.

Zakh V.A., 2009. *Khronostratigrafiia neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishim'ia* [Chronostratigraphy of the Neolithic and the Early Metal of the Tobol-Ishim forest region], Novosibirsk: Nauka, 320 p.

Zakh V.A., En'shin D.N., 2015. K voprosu o neolitizatsii v lesostepi Zapadnoi Sibiri [On neolitization in the forest-steppe zone of Western Siberia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (62), vol. 6, pp. 34–43.

Zakh V.A., Skochina S.N., 2004. Poselenie Mergen' 3 [Settlement of Mergen 3]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 4, Tiumen': Izd-vo IPOS SO RAN, pp. 37–56.

Д.Н. Еньшин, С.Н. Скочина

Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625003, РФ
E-mail: Dimetrius666_72@mail.ru;
sveta_skochina@mail.ru

ОРНАМЕНТ НА ИЗДЕЛИЯХ ИЗ КОСТИ И РОГА НЕОЛИТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПОСЕЛЕНИЯ МЕРГЕНЬ 6

Статья посвящена анализу орнаментированных изделий из кости и рога неолитического комплекса поселения Мергень 6 (лесостепное Приишимье). С помощью трасологического метода проведен анализ технологических приемов нанесения изображений, выполнена микрофотофиксация следов их нанесения на поверхности предметов. В ходе исследования выделены две группы изображений — метки и орнаменты. Доминирующее положение в первой группе занимают насечки, во второй — зигзаг и прямая линия. На целых предметах выявлены композиционные построения. В результате анализа расположения изображений на целых орудиях определены особенности их локализации, выраженные в разграничении при помощи значков и орнаментов зон захвата рукой и рабочих частей предметов. Орнаментика, и в частности композиционные построения, позволяют уверенно связать основной неолитический керамический комплекс поселения (боборыкинские и кошкинские материалы) и исследуемые предметы. Помимо совместного залегания в жилищных объектах керамических сосудов и изделий из кости и рога, а также прямых соответствий композиций на керамике и кости о связи говорит доминирование основных орнаментальных элементов — прямой линии, зигзага по отношению к остальным. Кроме того, четкая культурная атрибуция орнаментированных орудий и аналогии в материалах боборыкинских и кошкинских древностей всего Зауралья позволили выйти на более широкий уровень сопоставлений, показывающих, что орнаменты и предметы являются одним из связующих звеньев между Зауральем и южными территориями, такими как Северный Прикаспий. Таким образом, рассмотренные артефакты могут использоваться в качестве еще одного свидетельства в пользу точки зрения о южных миграциях как движущей силе процесса неолитизации региона.

Ключевые слова: *неолит, лесостепное Приишимье, поселение Мергень 6, орнамент, орудия из кости и рога, трасологический анализ, боборыкинская культура, кошкинский этап.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-015-029

Значительную категорию предметов древнего искусства Евразии составляют орнаментированные изделия, по их характеру относимые исследователями к мобильным. Для создания таких произведений древнее население континента (Восточная Европа, Черноморский бассейн, Западная и Восточная Сибирь и т.д.) с эпохи палеолита выбирало преимущественно кость и рог [Цетлин, 1998, с. 96, 102]. Вместе с тем их встречаемость в эпохальном и территориальном планах очень неравномерна [Калинина, 2007; Савченко и др., 2011; Сериков, 2014; Савченко, 2014]. Так, например, археологические материалы Западной Сибири, содержащие орнаментированные изделия из кости и рога, встречены единично [Палеолит СССР, 1984; Генинг, Петрин, 1985]. В значительном количестве орнаментированные изделия данной категории присутствуют в материалах культур Восточной Сибири в палеолите и неолите [Палеолит СССР, 1984, с. 313–329; Окладников, 1950]. Наиболее же массово они представлены на палеолитических — энеолитических памятниках лесной зоны Восточной Европы [Абрамова, 1970; Гвоздовер, 1985; Искусство каменного века..., 1992; Сидоров, Энговатова, 1998; Уткин, Костылева; 2000; Жилин, 2001; Демещенко, 2006].

В связи с вышесказанным актуальным является введение в научный оборот неолитических материалов из многолетних раскопок на поселении Мергень 6 в Западной Сибири.

На сегодняшний день исследовано около 2000 м² площади памятника, изучено 13 построек боборыкинского (раннего) и кошкинского (позднего) этапов неолитической боборыкинской культуры [Еньшин, 2014]. Особенностью памятника является характер почв, обеспечивший сохранение значительного количества изделий из кости и рога, среди которых выделяется группа предметов с изображениями.

Коллекция насчитывает около 58 орнаментированных предметов, четко соотносимых с неолитическим слоем: шпатели для обработки поверхности глиняных сосудов (19 экз.), проколки (7 экз.), вкладышевые оправы ножей (4 экз.), рыбные ножи из лопаток (2 экз.), наконечник стрелы, наконечник зубчатого острия, игла для вязания сетей, долото, костяная рамка (пряжка?), орноморфная фигурка, костяная пластина (браслет?), обломки стержневидных изделий (2 экз.) а также обломки неопределимых изделий.

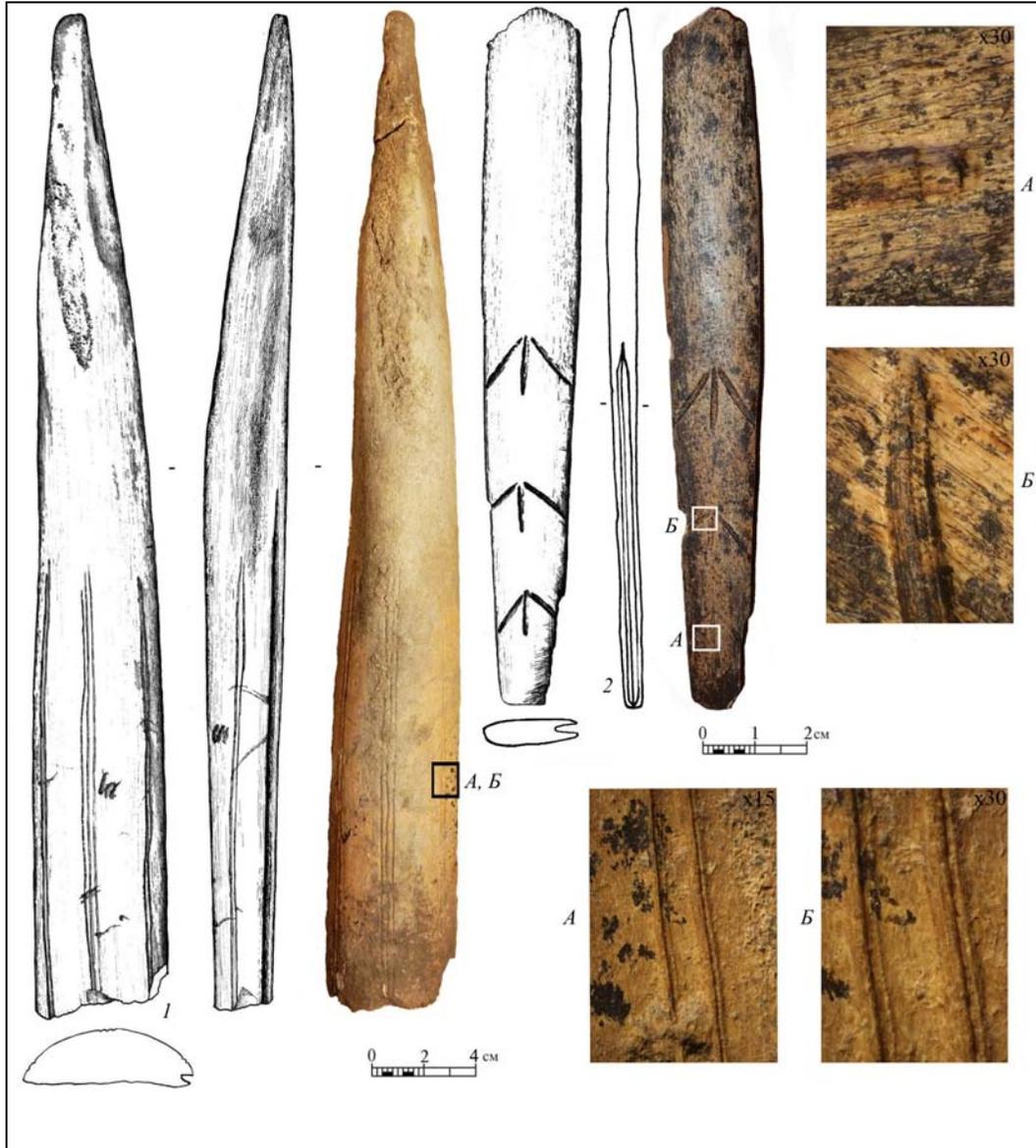

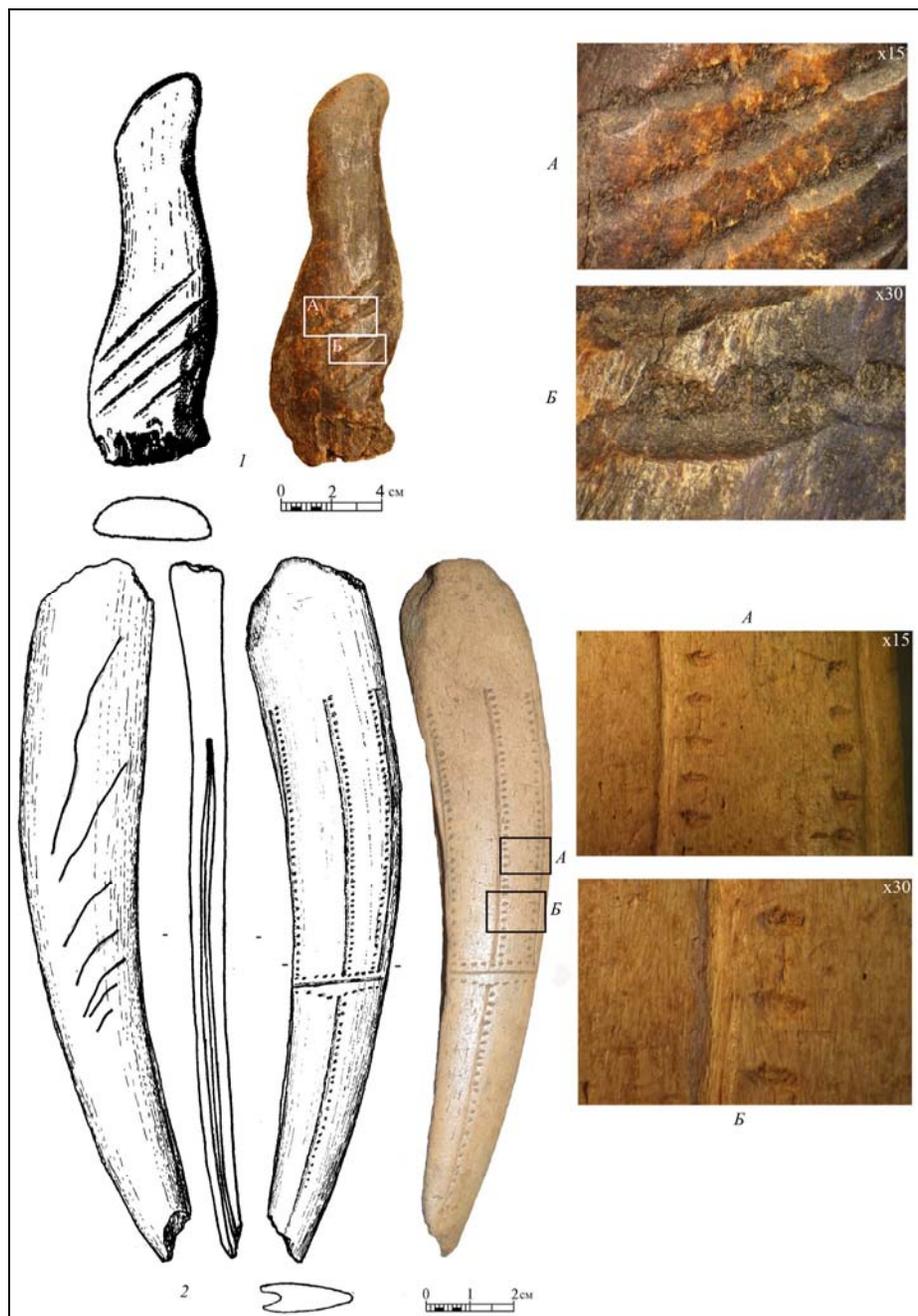
Рис. 1. Орнамент на орудиях из кости и рога пос. Мергель 6:

1 — копьевидная вкладышевая оправа из рога; 2 — вкладышевая оправа из кости (строгальный нож по дереву).

Орнамент на предметах из кости и рога создавался с помощью гравировки и глубокой резьбы — нанесением линий и насечек/зарубок, единично отмечен прием пропиливания (рис. 1, 2). Гравировка и резьба наносились на одну/две поверхности изделий, различались по глубине нажима (1–3 мм) и особенностям рабочего лезвия орудия (резца, резчика). Это могла быть достаточно тонкая линия (треугольная в сечении), образовавшаяся от острого лезвия орудия, или линия с чуть более широким ложем (около 1–2 мм). Фиксация на некоторых изделиях ступенчатого П-образного начала линии орнамента (рис. 1, 2А) может указывать на то, что в качестве орудия использовался резец. О применении резчика скорее всего свидетельствует неровный

Орнамент на изделиях из кости и рога неолитического комплекса поселения Мергель 6

характер линии орнамента, состоящей из нескольких бороздок (рис. 1, 2Б). Короткие насечки, в том числе элементы «точечного» орнамента (рис. 2, 2А, Б), наносились несколькими способами: путем врезания и пропиливания, в результате чего получалось П-образное сечение; путем врезания лезвия орудия в кость с двух сторон, отчего образовывалось треугольное сечение; зарубками, образованными врезанием с одной стороны и выламыванием поверхности кости с другой (рис. 2, 1А, Б). Часто встречаются следы неоднократного прорезания линий орнамента.

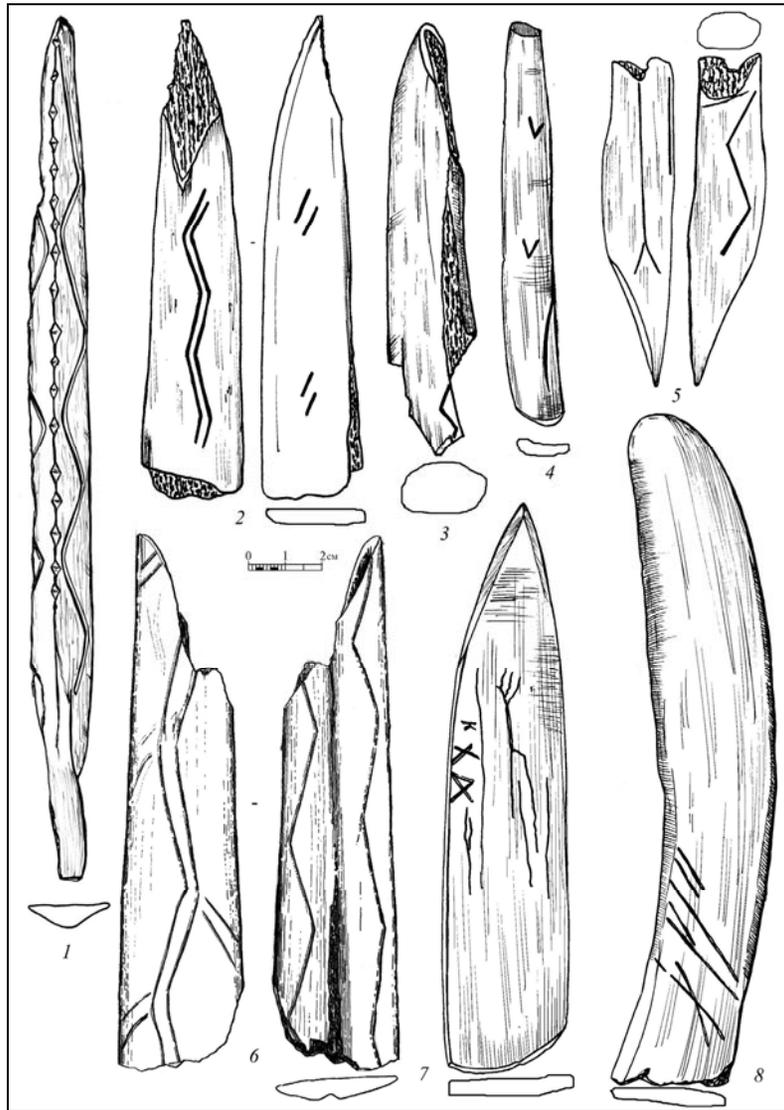

Рис. 2. Орнамент на орудиях из кости и рога пос. Мергель 6:

1 — орнитоморфная фигурка; 2 — вкладышевая оправа (нож для чистки рыбы от чешуи).

Содержание исследуемых изображений позволяет рассматривать их как систему знаков. Сами знаки мы условно делим на две группы — метки и орнаменты. Метки — отдельные значки (или их группы) и простые изображения, не имеющие композиционной целостности. Орнаменты —

узоры из ритмически повторяющихся элементов, связанные с формой изделия, подчеркивающие ее в целом или какие-либо части или детали [Жилин, 2001, с. 191–192].

Рис. 3. Орнамент на орудиях из кости и рога пос. Мergenъ 6:
1 — наконечник стрелы; 2, 4, 6, 7 — шпатели; 3 — игла для плетения сетей; 5 — проколка;
8 — шпатель по глине — струг по шкуре.

В группу меток вошли: насечки, крестики, сдвоенные короткие линии, уголки, а также трехвильчатые значки.

К *насечкам* отнесены метки, полученные путем коротких прорезаний и зарубок на ребрах предметов. Данный тип изображений отмечен на четырех проколках (рис. 5, 11, 12), двух стержневидных остриях (рис. 5, 13, 14), а также на обломках. На трех проколках ребро оформлено поперечными насечками по всей длине, на трех предметах они локализованы следующим образом: противолежащий острию конец — рукоять? (проколка), обработанный торец (стержневидное острие), область сужения формы (стержневидное орудие). Насечки присутствуют также в составе композиции на рамке — расположены в местах изгиба контура изделия (рис. 5, 1).

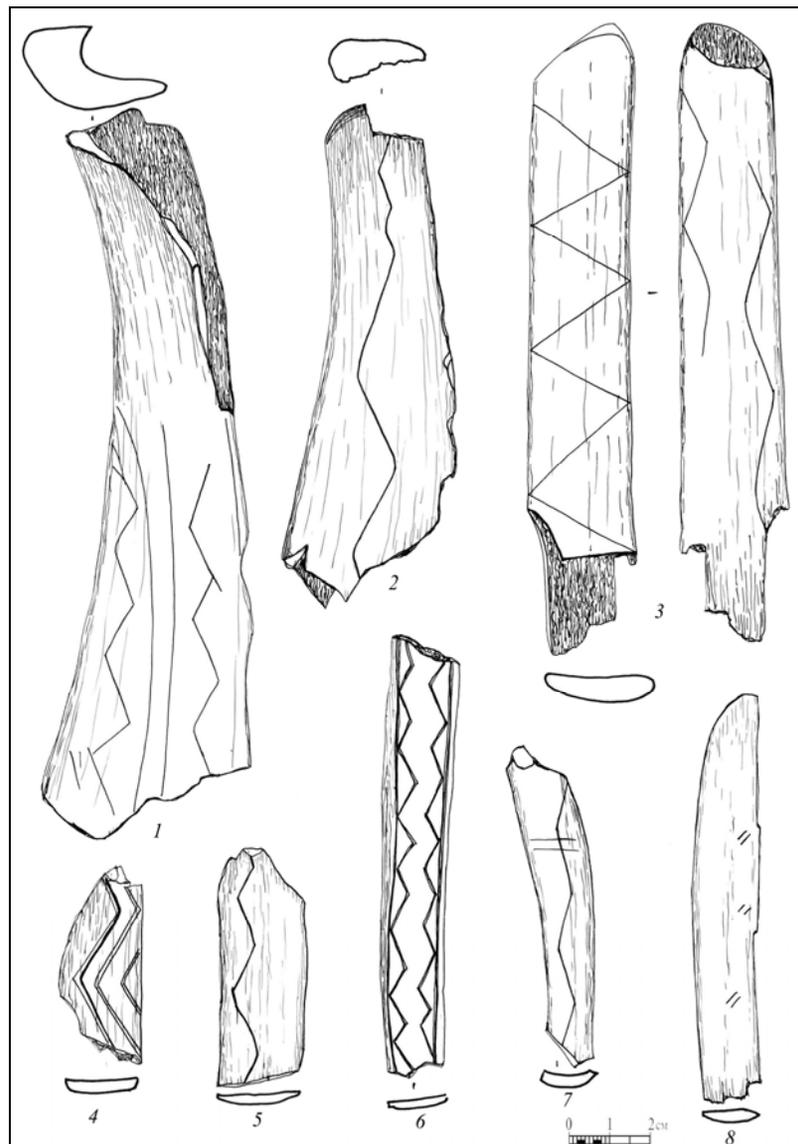
Скошенный крест из коротких линий. На поверхности одного шпателя отмечена группа из трех крестов у одного рабочего края (рис. 3, 7).

Уголковыми метками украшены два шпателя. На одном из них, орнаментированном косыми диагональными линиями, у поперечного рабочего края имеется метка в виде уголка, острие

Орнамент на изделиях из кости и рога неолитического комплекса поселения Мергель 6

которого направлено в сторону от обработанного конца орудия. У другого два уголка нанесены на одну сторону изделия (рис. 3, 4).

Сдвоенными наклонными короткими линиями декорированы три шпателя для обработки поверхностей глиняных сосудов, проколка и два обломка орудий (рис. 3, 2, 8; 4, 8; 5, 6, 7, 9). На шпателях и фрагментах орудий они нанесены в средней плоскости предметов. У проколки пара сдвоенных коротких линий идет поперек оси предмета на одной из поверхностей.

Рис. 4. Орнамент на орудиях из кости и рога пос. Мергель 6: 1, 2 — ножи для чистки рыбы; 3–5, 7, 8 — шпатели; 6 — пластина/браслет (?).

Трехвильчатые значки нанесены на обе поверхности вкладышевой оправы в области, которую условно можно назвать лезвийной (рис. 1, 2). Изображения ориентированы в сторону верхней узкой части. В двух из трех случаев метки с одной стороны орудия абсолютно симметричны меткам с другой.

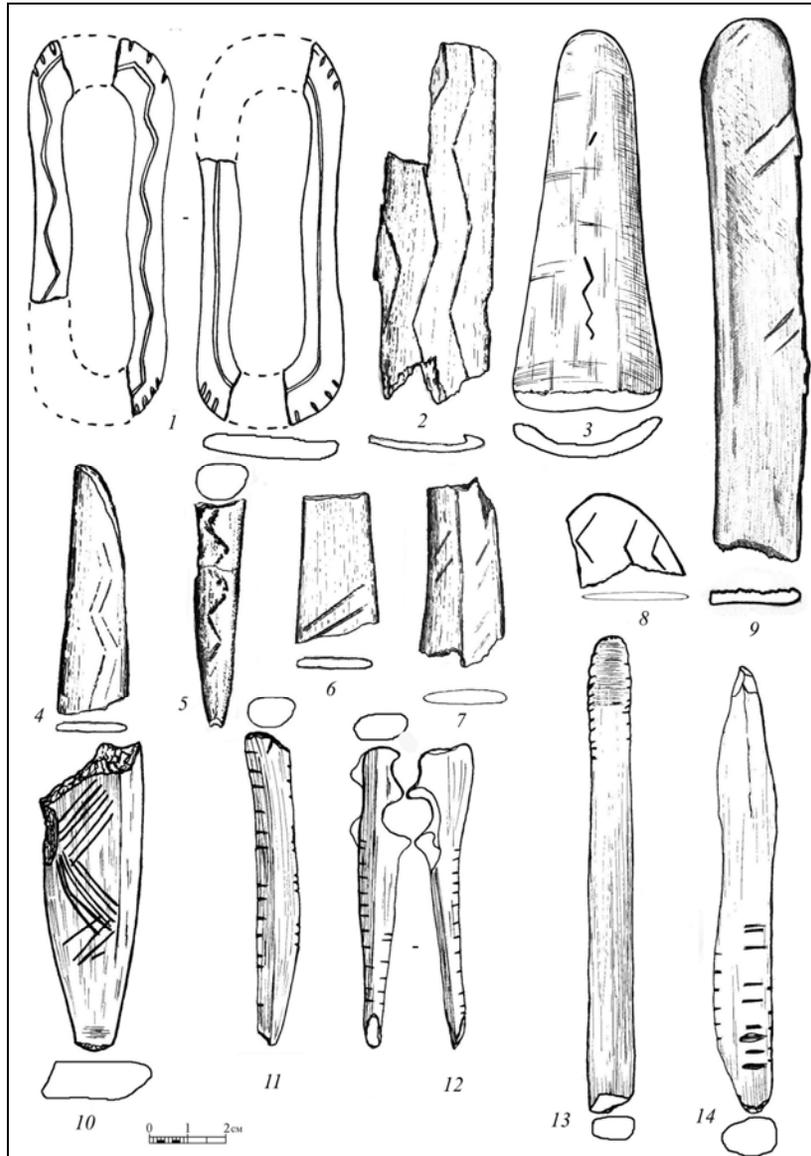
Вторая группа представлена предметами, украшенными геометрическим орнаментом — зигзагообразным, прямо- и криволинейным.

Зигзагообразный орнамент присутствует в таких вариантах, как одиночный и сдвоенный зигзаг, ряды зигзага, зигзаг из сгруппированных параллельных линий, зигзаг в составе компози-

ций, зигзаг, составляющий ромбический орнамент. В такой манере декорированы орудия различного функционального назначения и обломки.

Одиночный зигзаг имеется на проколках (2 экз.) (рис. 3, 5; 5, 5), шпателях (5 экз.) (рис. 3, 6; 4, 3, 5, 7; 5, 3), ноже из лопатки (рис. 4, 2), вкладышевой оправе, наконечнике зубчатого острия (гарпун?) и на обломках (8 экз.). Прослеживается три варианта его локализации на предмете: по краю; по всей поверхности, с шагом от края до края; по центру одной из поверхностей, с небольшим смещением в сторону одного из рабочих краев. Кроме того, одиночный зигзаг присутствует на некоторых изделиях в составе композиций (5 экз.): наконечник (рис. 3, 1), рамка (рис. 5, 1), пластина (браслет?) (рис. 4, 6), нож на лопатке (рис. 4, 1), обломок (рис. 3, 3).

Сдвоенный зигзаг нанесен на плоскости шпателей (2 экз.) (рис. 3, 2, 6) и отмечен на обломке кости (рис. 5, 4). Изображения на предметах расположены по центру одной из плоскостей вдоль ее длинной оси.

Рис. 5. Орнамент на орудиях из кости и рога пос. Мergenь 6:

1 — роговая пряжка; 2, 3, 8, 9 — шпатели; 4, 6, 7 — обломки орудий (шпателей?); 5, 11, 12 — проколки; 10 — стамеска; 13, 14 — стержни.

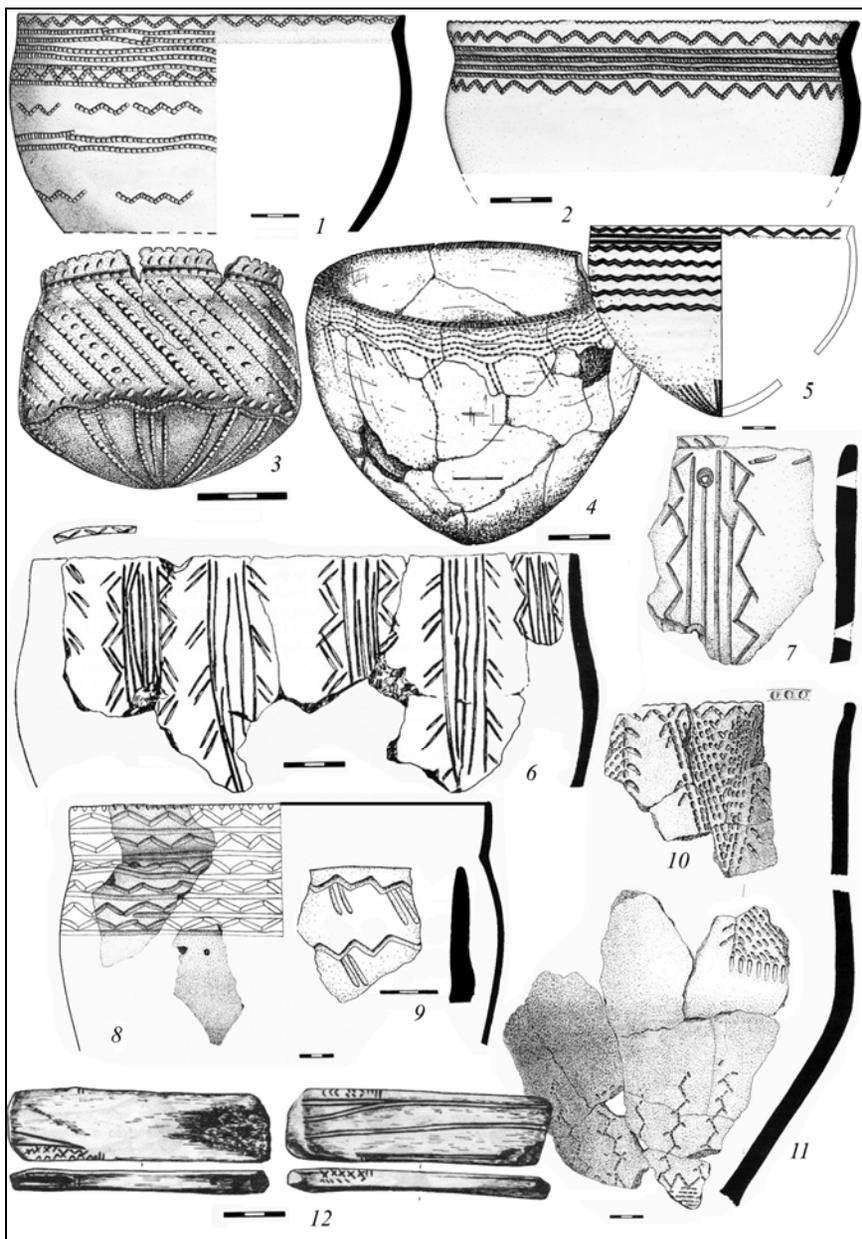
Трехрядный зигзаг прослежен на поверхности двух обломков предположительно шпателей (рис. 4. 4; 5, 2). Вероятно, изображения были нанесены по всей длине изделий.

Орнамент на изделиях из кости и рога неолитического комплекса поселения Мергель 6

Зигзаг из сгруппированных параллельных линий отмечен на обломке долотовидного орудия, располагался на одной из поверхностей с шагом от края до края (рис. 5, 10).

Ромбический орнамент зафиксирован на двух предметах — наконечнике (рис. 3, 1) и обломке изделия. На наконечнике по ребру, разделяющему две плоскости, нанесено 18 ромбов, а внутри них выполнены «глазки» путем прорезания или зарубок. На обломке орудия прослеживается ряд соединяющихся ромбических фигур. Характер их расположения на фрагменте позволяет предположить, что орнамент был нанесен на центральную часть одной из плоскостей изделия.

Линейный орнамент отмечен на девяти предметах в одиночном варианте, группах по две или три линии, а также в виде линий из близко поставленных точек (округлых выемок) и линии с вильчатым окончанием.

Рис. 6. Орнамент на бобрыкинских и кошкинских сосудах Зауралья:

1–3 — пос. Мергель 6; 4, 5 — пос. Ташково III (по В.Т. Ковалевой, С.Ю. Зыряновой); 6, 7 — пос. Ук VI (по В.Т. Ковалевой, С.Ю. Зыряновой); 8 — пос. Шайдурихинское V (по В.Т. Ковалевой, С.Ю. Зыряновой); 9 — пос. ЮАО IX (по В.Т. Ковалевой, С.Ю. Зыряновой); 10 — пос. ЮАО XII (по В.Т. Ковалевой, С.Ю. Зыряновой); 11 — костяная вкладышевая оправа с пос. Каиршак III (по И.Б. Васильеву, А.А. Выборнову, Е.В. Козину).

На проколке прямые линии прочерчены по двум ребрам, а по центру одной из плоскостей нанесена линия, которая при приближении к острию орудия раздваивается, образуя уголок, направленный острой частью от рабочего конца орудия (рис. 3, 5).

На костяной вкладышевой оправе узор состоит из линий с параллельными им рядами малых углублений овальной формы. В наиболее широкой части (предположительное место захвата рукой) прочерчены параллельно оси три линии (рис. 2, 2). Линии расположены по краям и по центру. Ближе к сужающемуся концу орудия, в месте, где, вероятно, должна была заканчиваться зона захвата рукой, поперек оси предмета нанесена еще одна линия.

На копьевидном острие с пазом для вкладышей также нанесен линейный орнамент (рис. 1, 1). На выпуклой поверхности нанесены сгруппированные параллельные линии. По краям орудия они сдвоены, по центру выпуклой поверхности — строены. Орнамент приурочен к нижней части изделия, зоне паза. Длина линии и паза — 15 см.

«Точечный» орнамент. Линии, составленные из близко нанесенных небольших углублений овальной формы — «точек», присутствуют на одной из плоскостей вкладышевой оправы (рис. 2, 2). «Точечный» орнамент дублирует изображение, выполненное прямыми линиями в зоне захвата рукой орудия.

Криволинейный орнамент. Под таковым понимаются изображения, выполненные кривыми линиями, расположенными либо параллельно друг другу, либо пересекаясь. В такой манере оформлены поверхности девяти предметов (три шпателя, два плоских струга, вкладышевая оправка, орнитоморфная фигурка, обломки). Наиболее наглядно изображение представлено на вкладышевой оправке (рис. 2, 2). Криволинейный орнамент присутствует, вероятно, на обратной, неллицевой стороне изделия и локализуется, скорее всего, в области захвата рукой в виде диагональных относительно оси предмета линий.

Яркой находкой является обломок орнитоморфной фигурки, выполненной из рога (рис. 2, 1). У фигурки высотой около 6 см схематично переданы чуть приподнятая вверх голова и шея, переходящая в туловище. С двух сторон в зоне туловища, в месте предполагаемых крыльев, с помощью зарубок нанесен орнамент в виде четырех косых линий (рис. 2, А, Б). В нижней части фигурка имеет желобчатое утончение, переходящее в слом.

Анализ изображений на мергенских изделиях из кости и рога позволил выделить наиболее характерные элементы. Часто встречающимися элементами геометрического орнамента являются зигзаг и линия. Зигзаг отмечен в одиночном, сдвоенном, строенном и составном вариантах, а также в составе композиций. Его доля в общей орнаментике — 53 %. Линейный орнамент также присутствует в значительной части изображений. Встречается в виде одной, двух или трех линий. Доля линейного орнамента — 15,4 %, а в совокупности с криволинейным достигает 31 %. Значительный процент орнаментики составляют насечки — 24 %.

В общем доля изображений на предметах мергенской коллекции, отнесенных к «орнаментам», составляет 88 %, «метки» — 33 %. Более подробные расчеты встречаемости их вариантов на изделиях из кости и рога с поселения Мергень 6 представлены в табл. 1.

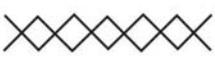
В ходе исследования было выявлено девять вариантов композиционных построений (табл. 2). Все они встречены единично. Большинство композиций (8) составлены из двух элементов орнамента. Лишь на одном орудии (наконечник стрелы) присутствует изображение, созданное при помощи трех элементов (зигзаг, прямая линия, ромбовидные насечки) (рис. 3, 1). Изображение нанесено на две плоскости-границы треугольного в сечении изделия. Два симметрично прочерченных зигзага ограничивают орнаментальное поле по краям и граням, а по ребру внутри него нанесена прямая линия, на которую «нанизаны» ромбовидные в плане насечки.

Четыре композиции построены сочетанием прямых линий и зигзагов. Три из них, вероятно, относятся к изображениям одного порядка, с одним принципом расположения элементов. На ноже из лопатки нанесены две параллельные линии, ограниченные с двух сторон симметрично прочерченными зигзагами (рис. 4, 1). На обломке шпателя отмечена такая же композиция, но с одной прямой линией в центре. Несколько отличается композиция, выявленная на плоской поверхности обломка пластины (браслет?) (рис. 4, б). Отличие заключается в том, что по краям прочерчены прямые линии, а внутри нанесены два зигзага. Иное построение имеет изображение на обломке другого шпателя: по его длинной оси по центру нанесен сдвоенный зигзаг, от вершин которого к краям орудия отходят короткие сдвоенные прямые линии («реснички») (рис. 3, б).

Орнамент на изделиях из кости и рога неолитического комплекса поселения Мергель 6

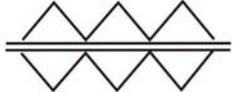
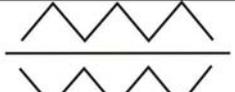
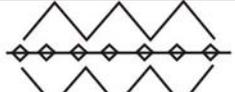
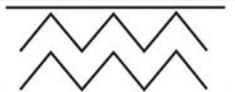
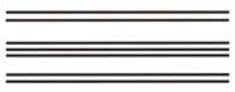
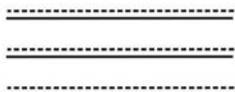
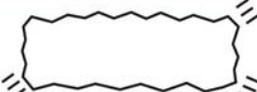
Таблица 1

Варианты меток и орнаментов на орудиях и обломках из кости и рога (58 экз.)

Орнамент	Локализация	Предмет	Частота встречаемости	%
	Плоскость	Ножи, шпатели (5), проколка (2), вкладышевая оправа (1), гарлун, наконечник, рамка, челнок для плетения, обломки (9)	25	43,1
	»	Шпатель (2), проколка	3	5,2
	»	Обломки изделий (2)	2	3,4
	»	Шпатель, наконечник, обломок	2	3,4
	»	Стамеска	1	1,7
	»	Вкладышевая оправа, наконечник, рамка, обломок	4	6,9
	»	Нож из лопатки, вкладышевая оправа	2	3,4
	»	Вкладышевая оправа	1	1,7
	»	Проколка	1	1,7
	»	Вкладышевая оправа	1	1,7
	»	Шпатель (3), струг, вкладышевая оправа, кость, фигурка птицы, обломок (2)	9	15,5
	Плоскость, край	Проколка (5), шпатель (2), вкладышевая оправа, наконечник, стержень, рамка, кость, обломок (2)	14	24,1
	»	Шпатели (4), вкладышевая оправа	5	8,6

На лицевой поверхности вкладышевой оправы нанесено изображение в виде трех прямых параллельных линий в нижней, широкой части, которые расположены по длинной оси предмета таким образом, что две крайние приурочены к краям предмета, а средняя к его центру. В средней части поверхности они ограничены перпендикулярной им линией, пересекающей орудие от края до края. Выше прочерчена лишь одна центральная прямая. Все линии данного изображения повторяет второй элемент — ряды точек (рис. 2, 2).

Варианты композиций изображений на костяных орудиях

Композиция	Локализация	Предмет
	Плоскость	Шпатель
	»	Нож из лопатки
	»	Обломок
	»	Наконечник
	»	Пластина/браслет?
	»	Вкладышевая оправа
	»	»
	»	Рамка/пряжка?
	»	»

Композиция только из прямых линий представлена на еще одной копьевидной вкладышевой оправе (рис. 1, 1). Расположение элементов, вероятно, демонстрирует устойчивую тенденцию их локализации на предметах: сдвоенные линии приурочены к краям одной из поверхностей, а три сгруппированные прямые — к ее центральной части.

Сразу два схожих композиционных построения присутствуют на сохранившейся части подовальной роговой рамки (пряжки?) (рис. 5, 1). На одной из уплощенных поверхностей нанесена замкнутая прямая линия, повторяющая общий контур изделия. На торцах, местах изгиба на этой же поверхности нанесены насечки. С обратной стороны предмета расположен такой же орнамент, но в качестве основного элемента выступает не линия, а зигзаг-волна.

Большая часть орнаментированных изделий в коллекции представлена фрагментами, что значительно затрудняет возможность установления основных вариантов локализации изображений как на отдельных группах предметов, так и на предметах коллекции в целом. Вместе с тем имеющиеся данные позволяют увидеть некоторые закономерности. Чаще всего орнамент на целых изделиях приурочен к рабочей зоне поверхности. Так, у всех вкладышевых оправ он начинается точно от линии начала паза для вкладышей (рис. 1, 1, 2; 2, 2). Изображение на наконечнике стрелы начинается у насада и покрывает лезвие до самого острия (рис. 3, 1). Орна-

Орнамент на изделиях из кости и рога неолитического комплекса поселения Мергень 6

мент на ноже из лопатки приурочен исключительно к сработанному краю орудия (рис. 4, 1). Несколько иная картина просматривается на орудиях керамического производства, таких как шпатели, на которых орнаментальное поле может занимать почти всю поверхность изделия. Подобная тенденция отмечается и на орудиях кожевенного производства — проколках. Вероятно, эта особенность может объясняться тем, что у данных групп изделий практически вся поверхность является рабочей. Кроме того, на трех орудиях зафиксировано нанесение криволинейного орнамента в предполагаемой зоне захвата рукой. Отмеченные тенденции вполне могут подтверждать точку зрения, что орнамент выступает организующим началом. Он выявляет тектонику и конструкцию предметов [Сериков, 2014, с. 104].

Коллекция орудий из кости и рога с изображениями на поверхностях составляет около 10 % от всего количества изделий из данных материалов, обнаруженных в неолитическом слое и жилищах на поселении Мергень 6. Одним из объяснений подобного соотношения, по всей видимости, может быть особый статус изделий этой категории. Исследователи отмечают неординарность орнаментированных орудий, которые могут быть изделиями как утилитарного назначения, так и духовного, votивного, порядка, предметами искусства. «В архаичных обществах с их традиционной культурой доминантой любого предмета или орнамента, используемого как украшение, является его особая значимость защиты, силы, помощи, заслуги или знака принадлежности и социального статуса» [Демещенко, 2006, с. 5]. Искусство в древности не просто служило для удовлетворения эстетических запросов человека. Оно было тесно связано с жизнью и, отражая мировоззрение людей, должно было магически способствовать благополучию племени или рода [Цветкова, 1969, с. 38]. В определенной степени подтверждением сказанного может являться вывод, что несколько орнаментированных предметов с поселения Мергень 6 (костяные вкладышевые оправы, шпатели, орнитоморфная фигурка и т.д.), скорее всего, использовались жителями поселка в ритуальных действиях. Об этом ярче всего свидетельствуют места и характер их расположения — у входа в жилище, у очага, у центрального столба, под настилами, воткнуты вертикально в материк и т.д. Мы уже предположили ранее, что данные факты могут указывать на практику строительных прикладов при возведении жилищ неолитическим населением [Еншин и др., 2012].

Совокупный анализ по системе *предмет + орнамент + характер залегания* на памятнике позволил несколько продвинуться в интерпретации ритуального назначения некоторых орнаментированных орудий. Однако попытка расшифровки собственно значения изображений на предметах представляется невероятно сложной. Орнамент, как отмечают исследователи, имеет свой символический изобразительный язык и является, по сути, знаковым закреплением информации с той или иной целью. Цель эта зависит от традиций и представлений об окружающем мире того народа, к культуре которого относится данный орнамент [Сериков, 2014, с. 104].

Совместное залегание в котлованах жилищ поселения Мергень 6 орудий из кости и рога, в том числе орнаментированных, с керамикой кошкинского этапа боборыкинской культуры позволяет с уверенностью связывать их с носителями данной культурной традиции. На это также указывает общность основных элементов орнамента (прямая линия, зигзаг). Однако наиболее ярким фактом являются композиционные построения, и в частности такие, как прямые линии, заключенные между зигзагами, зигзаг с отходящими от вершин одиночными или сдвоенными линиями, линейные изображения, которые повторяют ряды точек (овальных насечек-ямочек). Подобные композиции встречаются не только на посуде с поселения Мергень 6 [Зах, 2009, с. 95–98], но и в боборыкинских и кошкинских материалах памятников Зауралья [Ковалева, Зырянова, 2008, 2010] (рис. 6).

Что касается орнитоморфной фигурки, то образ птицы присутствует в нео-энеолитических памятниках Сибири в виде изображений на керамических сосудах, подвесок и нашивок, а также единичных скульптурок из камня и глины [Ковалева, Цапко, 1998; Усачева, 1998; Литвиненко, Сериков, 1998; Чаиркина, 1998; Морозов, 2013; Морозов, Умеренкова, 2015]. Наиболее массово изделия данной категории распространены в неолите — энеолите Восточной Европы [Кашина, 2005; Жульников, Кашина, 2010]. Слом в нижней части мергенской фигурки не позволяет определить, к какому виду изображений она относится — к автономному полнофигурному с креплением (нашивки/подвески) или к сопряженному (часть изделия). Фигурка птички с поселения Мергень 6, являясь пока единственной для лесостепной зоны Западной Сибири, не выпадает из круга подобных изделий, связанных с охотничьей и, возможно, ритуальной деятельностью [Кашина, 2005, с. 75–78, 83–84].

Таким образом, орнаментированные предметы из кости и рога с поселения Мергень 6 включаются в круг изделий — носителей закодированной информации о мировоззрении представителей ярчайшей неолитической культуры Урала и Западной Сибири — боборыкинской. Ее

происхождение исследователи связывают с неолитическим населением южных регионов, таких как Прикаспий и Приаралье, Кавказ, Северо-Восточное Причерноморье и т.д. [Зах, 2009, с. 149; Ковалева, Зырянова, 2010, с. 285–286]. По мнению В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой, население боборыкинской культуры Среднего Зауралья через неолитические культуры Кавказа и Причерноморья генетически связано с раннеземледельческим миром Ближнего Востока (хассунская и халафская культуры). Согласно их точке зрения, на это могут указывать морфологические особенности сосудов, а также сходство графической символики, мифологических представлений, ритуальной практики [Там же, с. 283]. Подобные выводы базируются в основном на семантическом анализе орнаментации и форм сосудов и носят весьма дискуссионный характер. Вместе с тем определенные аналогии в материалах южных неолитических памятников находят и для орнаментированных изделий из кости и рога поселения Мергень 6. Так, на поселении Каиршак III в Северном Прикаспии, при том что в орнаментации на посуде и форме изделий имеются параллели с боборыкинскими и кошкинскими комплексами, была обнаружена костяная вкладышевая оправа со значками в виде косых крестов, галочек, насечек, аналогичных мергенским (рис. 6, 11; 3, 7) [Васильев и др., 1989, с. 25–29, 41].

Орнаментированные предметы из кости и рога с поселения Мергень 6 не только являются уникальным источником информации о духовной культуре и искусстве неолитического населения Зауралья, но и, наряду с керамической посудой, «утожками», формами котлованов жилищ и т.д., могут служить опорой при построении культурогенетических схем развития неолитических культур лесостепной полосы Евразии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абрамова З.А. Палеолитическое искусство // МИА. 1970. № 166. С. 78–89.
- Белановская Т.Д. Орнаментированные изделия из кости и рога неолитического поселения Ракушечный Яр // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.: Наука, 1983. С. 158–164.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Исследования неолитической стоянки Каиршак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989. С. 18–45.
- Гвоздовер М.Д. Орнамент на поделках костенковской культуры // СА. 1985. № 1. С. 9–22.
- Генинг В.Ф., Петрин В.Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. 90 с.
- Демещенко С.А. Особенности украшений костенковско-авдеевской культуры // РА. 2006. № 1. С. 5–16.
- Еньшин Д.Н. Неолитические жилища поселений озера Мергень // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 14–23.
- Еньшин Д.Н., Скочина С.Н., Зах В.А. К вопросу о поселенческой обрядности в неолите Нижнего Приишимья (по материалам поселения Мергень 6) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 43–52.
- Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001. 328 с.
- Жульников А.М., Кашина Е.А. Образ птицы в искусстве неолита — энеолита лесной зоны Восточной Европы // РА. 2010. № 2. С. 5–17.
- Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
- Искусство каменного века: (Лесная зона Восточной Европы). М.: Наука, 1992. 136 с.
- Калинина И.В. Мезолитический субстрат в орнаментальной традиции обских угров // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 106–125.
- Кашина Е.А. Искусство малых форм неолита-энеолита лесной зоны Восточной Европы: Дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2005. 225 с.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры Среднего Зауралья // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. № 25. С. 73–113.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Учеб. книга, 2010. 308 с.
- Ковалева В.Т., Цапко Ю.Г. Проблема эволюции художественного стиля и культуры населения лесной зоны Урала в каменном веке // ВАУ. Екатеринбург: УрГУ, 1998. Вып. 23. С. 4–29.
- Литвиненко Ю.П., Сериков Ю.Б. Новые находки произведений первобытного искусства на территории Среднего Зауралья // ВАУ. Екатеринбург: УрГУ, 1998. Вып. 23. С. 216–227.
- Морозов А.В. Некоторые вопросы функционально-смыслового назначения предметов мелкой пластики в эпоху неолита-энеолита Сибири // Вестник КемГУ. 2013. № 3 (55). Т. 4. С. 50–56.
- Морозов А.В., Умеренкова О.В. Мелкая пластика эпохи неолита-энеолита Сибири: (К проблеме функционально-смыслового назначения) // Вестник КемГУ. 2015. № 1 (61). Т. 3. С. 71–77.
- Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. 1950. № 18. 416 с.
- Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. 383 с. (Археология СССР).

Орнамент на изделиях из кости и рога неолитического комплекса поселения Мерген 6

Савченко С.Н. Костяные наконечники стрел в мезолите Урала // Предметы вооружения и искусства в древних культурах Северной Евразии: (Функциональный и технологический аспекты). СПб., 2011. Вып. 2. С. 153–181.

Савченко С.Н. Преимущество и инновации в мезолите горнолесного Зауралья // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2014. № 1. С. 181–208.

Савченко С.Н., Лилли М., Жилин М.Г. Новые AMS-даты предметов вооружения из кости и рога Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея // Шестые Берсовские чтения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Квадрат, 2011. С. 49–55.

Серигов Ю.Б. Исследования грота на Камне Дождевом (р. Чусовая) // ВАУ. Екатеринбург: УрГУ, 1993. Вып. 21. С. 120–143.

Серигов Ю.Б. Шаманские погребения Зауралья // ВАУ. Екатеринбург: УрГУ, 1998. Вып. 23. С. 29–48.

Серигов Ю.Б. Очерки по первобытному искусству Урала. Ниж. Тагил, 2014. 268 с.

Сидоров В.В., Энговатова А.В. Знаки и орнаменты на изделиях со стоянок Заболотского озера // РА. 1998. № 1. С. 126–139.

Усачева И.В. К истокам мировоззрения древних уральцев (по материалам мелкой и кремневой пластики эпохи неолита-бронзы оз. Андреевского Тюменской обл.) // ВАУ. Екатеринбург: УрГУ, 1998. Вып. 23. С. 105–135.

Уткин А.В., Костылева Е.Л. Орнаментированные костяные изделия Сахтышских стоянок // Твер. археол. сборник. Тверь, 2000. Вып. 4. Т. 1. С. 236–244.

Цветкова И.К. Украшения и скульптура из неолитического поселения Черная Гора // Экспедиции Государственного исторического музея: Доклады на сессии Ученого совета ГИМ, 5–7 февр. 1969 г. М., 1969. С. 25–38.

Цетлин Ю.Б. О древнейших культурных традициях предметной изобразительной деятельности человека // Твер. археол. сборник. Тверь, 1998. Вып. 3. С. 95–110.

Чаиркина Н.М. Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья // ВАУ. Екатеринбург: УрГУ, 1998. Вып. 23. С. 81–104.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. 200 с.

D.N. Enshin, S.N. Skochina

Institute of the Problems of Northern Development, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Malygina st., 86, 625026, Tyumen, Russian Federation
E-mail: Dimetrius666_72@mail.ru;
sveta_skochina@mail.ru

ORNAMENTS ON BONE AND HORN ARTEFACTS FROM THE NEOLITHIC COMPLEX OF THE SETTLEMENT OF MERGEN 6

This article analyzes ornamented items of bone and horn from the Neolithic complex of the settlement of Mergen 6 (forest-steppe zone of the Ishim River basin). Working method of application of an image was described with the help of use wear analysis. Micro photos of traces of application of images on the surface of the artefacts were made. The study highlighted two groups of images — marks and ornaments. Notches dominate in the first group, and zigzags and straight lines dominate in the second group. Composite constructions are singled out on the whole artefacts. Image location analysis on the whole artefacts revealed features of their dislocation, manifested in delineation with marks and ornaments of zones of hand grip and working parts of the items. Ornamentation and, in particular, its composition allow us to firmly connect the core Neolithic pottery complex of the settlement (Boborykino and Koshkino materials) and the artefacts under consideration. In addition to co-occurrence of ceramic vessels and tools of bone and horn in the dwellings, as well as to analogous compositions on ceramics and bones, the relation is observed on the basis of the dominant position of the main ornamental elements (straight lines, zigzags) regarding the others. Moreover, a clear determination of cultural identity of the ornamented tools and analogies within Boborykino and Koshkino antiquities of the whole Trans-Urals allowed us to reach a wider range of comparisons and to consider the ornaments and the artefacts as links between the Trans-Urals and such Southern territories, as the North Caspian Sea, steppe Volga region, etc. This scale allows us to use the artefacts under consideration as one more evidence of a hypothesis that the Southern migrations were a driving force of neolithisation of the region. In turn, variability of functional purpose of the ornamented items of the Neolithic period, in comparison with the previous chronological periods, allows us to consider them as an indicator of changes in the ideology and the economic and ecological adaptation of ancient societies at the frontier of two epochs.

Key words: Neolithic, forest-steppe zone of the Ishim River basin, settlement of Mergen 6, ornaments, use wear analysis, tools of bone and horn, the Boborykino culture, Koshkino stage.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-015-029

REFERENCES

- Abramova Z.A., 1970. Paleolicheskoe iskusstvo [Paleolithic art]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, no. 166, pp. 78–89.
- Belanovskaia T.D., 1983. Ornamentirovannye izdeliia iz kosti i roga neolicheskogo poseleniia Rakushechny Iar [Ornamented items of bone and horn at the Neolithic settlement of Rakushechny Yar]. *Izyskaniia po mezolitu i neolitu SSSR*, Leningrad; Moscow: Nauka, pp. 158–164.
- Chairkina N.M., 1998. Antropo- i zoomorfnye obrazy eneolicheskikh kompleksov Srednego Zaural'ia [Anthropomorphic and zoomorphic images of Eneolithic complexes of the Middle Trans-Urals]. *Voprosy arkheologii Urala*, 23, Ekaterinburg: UrGU, pp. 81–104.
- Gvozdover M.D., 1985. Ornament na podelkakh kostenkovskoi kul'tury [Ornaments on artefacts of the Kostenki culture]. *Sovetskaia arkheologiia*, no. 1, pp. 9–22.
- Gening V.F., Petrin V.T., 1985. *Pozdnepaleolicheskaiia epokha na iuge Zapadnoi Sibiri* [Late Paleolithic in the South of Western Siberia], Novosibirsk: Nauka, 90 p.
- Demeshchenko S.A., 2006. Osobennosti ukrasheniia kostenkovsko-avdeevskoi kul'tury [Special features of adornments of the Kostenki-Avdeev culture]. *Rossiiskaia arkheologiia*, no. 1, pp. 5–16.
- En'shin D.N., 2014. Neolicheskii zhilishcha poselenii ozera Mergen [Neolithic dwellings in settlements on the Mergen Lake]. *Vestnik arkheologii antropologii i etnografii*, no. 1 (24), pp.14–23.
- En'shin D.N., Skochina S.N., Zakh V.A., 2012. K voprosu o poselencheskoi obriadnosti v neolite Nizhnego Priishim'ia (po materialam poseleniia Mergen' 6) [Settlement rituals in the Neolithic Lower Ishim River basin revisited (based on materials of the settlement of Mergen 6)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (19), pp. 43–52.
- Iudin A.I., 2004. *Varfolomeevskaia stoiianka i neolit stepnogo Povolzh'ia* [Varfolomeevskaya site and the Neolithic steppe Volga region], Saratov, 200 p.
- Kalinina I.V., 2007. Mezolicheskii substrat v ornamental'noi traditsii obskikh ugrov [Mesolithic substrate in the ornamental tradition of the Ob Ugrians]. *Mif, obriad i ritual'nyi predmet v drevnosti*, Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 106–125.
- Kashina E.A., 2005. *Iskusstvo malykh form neolita-eneolita lesnoi zony vostochnoi Evropy* [Art of small forms in the Neolithic-Eneolithic forest zone of Eastern Europe]. Dissertatsiia na soiskanie kandidata istoricheskikh nauk, Moscow, 225 p.
- Kovaleva V.T., Tsapko Iu.G., 1998. Problema evoliutsii khudozhestvennogo stilia i kul'tury naseleniia lesnoi zony Urala v kamennom veke [The problem of evolution of artistic style and culture of the population of the forest zone of the Urals in the Stone Age]. *Voprosy arkheologii Urala*, 23, Ekaterinburg: Izdatel'stvo UrGU, pp. 4–29.
- Kovaleva V.T., Zyrianova S.Iu., 2008. Istoriografiia i obzor osnovnykh pamiatnikov koshkinskoi kul'tury Srednego Zaural'ia [Historiography and an overview of the main settlement of the Koshkino culture of the Middle Trans-Urals]. *Voprosy arkheologii Urala*, 25, Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 73–113.
- Kovaleva V.T., Zyrianova S.Iu., 2010. *Neolit Srednego Zaural'ia: Boborykinskaia kul'tura* [The Neolithic period in the Middle Trans-Urals: The Boborykino culture]. Ekaterinburg: Uchebnaia kniga, 308 p.
- Morozov A.V., 2013. Nekotorye voprosy funktsional'no-smyslovogo naznacheniiia predmetov melkoi plastiki v epokhu neolita-eneolita Sibiri [Some issues of functional purpose and the meaning of small plastic objects in the Neolithic-Eneolithic Siberia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (55), vol. 4, pp. 50–56.
- Morozov A.V., Umerenkova O.V., 2015. Melkaia plastika epokhi neolita-eneolita Sibiri: (K probleme funktsional'no-smyslovogo naznacheniiia). [Small plastic items of the Neolithic-Eneolithic Siberia: (The problem of functional purpose and meaning revisited)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (61), vol. 3, pp. 71–77.
- Okladnikov A.P., 1950. Neolit i bronzovyi vek Pribaikal'ia [The Neolithic and Bronze Age in the Baikal area]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, no. 18, Moscow; Leningrad: Nauka, 416 p.
- Oshibkina S.V., Krainov D.A., Zimina M.P., 1992, (ed.). *Iskusstvo kamennogo veka: (Lesnaia zona Vostochnoi Evropy)* [Stone Age Art: (Forest zone of Eastern Europe)], Moscow: Nauka, 136 p.
- Rybakov B.A., 1984, (ed.). *Paleolit SSSR [Paleolithic of the USSR]*, Moscow: Nauka, 383 p. (Arkheologiia SSSR).
- Savchenko S.N., 2011. Kostiane nakonechniki strel v mezolite Urala [Bone arrowheads of the Mesolithic Urals]. *Predmety vooruzheniia i iskusstva v drevnikh kul'turakh Severnoi Evrazii: (Funktsional'nyi i tekhnologicheskii aspekty)*, 2, St. Petersburg, pp. 153–181.
- Savchenko S.N., 2014. Preemstvennost' i innovatsii v mezolite gornolesnogo Zaural'ia [Continuity and Innovations in the Development of the Mesolithic Bone Industry in the Forest Zone of Eastern Urals]. *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia*, 1, pp. 181–208.
- Savchenko S.N., Lilli M., Zhilin M.G., 2011. Novye AMS-daty predmetov vooruzheniia iz kosti i roga Shigirskoi kolektsii Sverdlovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia [New AMS-dates of bone and horn armaments from Shigirsky collection of Sverdlovsk Regional Museum]. *Shestye Bersovskie chteniia: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 1, Ekaterinburg: Kvadrat, pp. 49–55.
- Serikov Iu.B., 1993. Issledovaniia grota na kamne Dozhdevom (r. Chusovaia) [Researches of a cave on Dozhdey Stone (Chusovaia River)]. *Voprosy arkheologii Urala*, 21, Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, pp. 120–143.

Орнамент на изделиях из кости и рога неолитического комплекса поселения Мергель 6

Serikov Iu.B., 1998. Shamanskii pogrebeniia Zaural'ia [Shaman burials in the Trans-Urals]. *Voprosy arkheologii Urala*, 23, Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, pp. 29–48.

Serikov Iu.B., 2014. *Ocherki po pervobytnomu iskusstvu Urala* [Essays on primitive art of the Urals], Nizhnii Tagil, 268 p.

Sidorov V.V., Engovatova A.V., 1998. Znaki i ornamenti na izdeliakh so stoianok Zabolotskogo ozera [Signs and ornaments on artefacts from sites at the Zabolotsky Lake]. *Rossiiskaia arkheologiya*, no. 1, pp. 126–139.

Tsvetkova I.K., 1969. Ukrasheniia i skul'ptura iz neoliticheskogo poseleniia Chernaia Gora [Adornments and a sculpture from the Neolithic settlement of Chernaia Gora]. *Ekspeditsii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia: Doklady na sessii Uchenogo soveta GIM*, Moscow, pp. 25–38.

Tsetlin Iu.B., 1998. O drevneishikh kul'turnykh traditsiiakh predmetnoi izobrazitel'noi deiatel'nosti cheloveka [About the most ancient cultural traditions of subject graphical activities of humans]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik*, 3, Tver, pp. 95–110.

Usacheva I.V., 1998. K istokam mirovozzreniia drevnikh ural'tsev (po materialam melkoi i kremnevoi plastiki epokhi neolita-bronzy oz. Andreevskogo Tiimenskoi obl.) [Towards the foundations of ideology of the population of the ancient Urals (based on small and silicious plastics of the Neolithic and Bronze Age at the Andreevskoie Lake in Tyumen region)]. *Voprosy arkheologii Urala*, 23, Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, pp. 105–135.

Utkin A.V., Kostyleva E.L., 2000. Ornamentirovannyye kostiane izdeliia Sakhtyshskikh stoianok [Ornamented bone artefacts from Sahtysh sites]. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik*, 4, vol. 1, Tver, pp. 236–244.

Vasil'ev I.B., Vybornov A.A., Kozin E.V., 1989. Issledovaniia neoliticheskoi stoianki Kairshak III [A research at the Neolithic site of Kairshak III]. *Neolit i eneolit Severnogo Prikaspiia*, Kuibyshev, pp. 18–45.

Zakh V.A., 2009. *Khronostratigrafiia neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishim'ia* [Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal forest zone of the Tobol-Ishim interfluve], Novosibirsk: Nauka, 320 p.

Zhilin M.G., 2001. *Kostianaia industriia mezolita lesnoi zony Vostochnoi Evropy* [Bone industry of the Mesolithic forest zone of Eastern Europe], Moscow, 328 p.

Zhul'nikov A.M., Kashina E.A., 2010. Obraz ptitsy v iskusstve neolita -eneolita lesnoi zony Vostochnoi Evropy [Image of a bird in the art of the Neolithic-Eneolithic forest zone of Eastern Europe]. *Rossiiskaia arkheologiya*, no. 2, pp. 5–17.

Ю.Б. Сериков

Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал в Нижнем Тагиле)
Красновардейская ул., 57, Нижний Тагил, 622031, РФ
E-mail: u.b.serikov@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАКОВИН В КУЛЬТОВОЙ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ

Освещается один из аспектов символической деятельности древнего человека, связанный с использованием редкой разновидности природного сырья. Будучи сырьем ярким и необычным, раковины уже с глубокой древности служили материалом для изготовления различных украшений: бус и подвесок. На Урале подобные изделия бытовали с начала верхнего палеолита до современности. Очень редко раковины применялись в качестве гребенчатых штампов, скребков и емкостей для красок. Окаменевшие раковины в силу своей редкости и необычности также использовались в символической деятельности и могли служить амулетами, культовыми символами, коммуникативными знаками.

Ключевые слова: раковина, окаменевшая раковина, украшения, символическая деятельность.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-030-037

Осваивая окружающую среду, древнее население в своей хозяйственной деятельности использовало разнообразные виды природного сырья. Это были прежде всего горные породы, минералы, кости, рога и зубы животных, древесина. С появлением неутилитарной деятельности человек стал применять и более экзотические разновидности сырья: кристаллы, скорлупу яиц, раковины моллюсков, окаменелости.

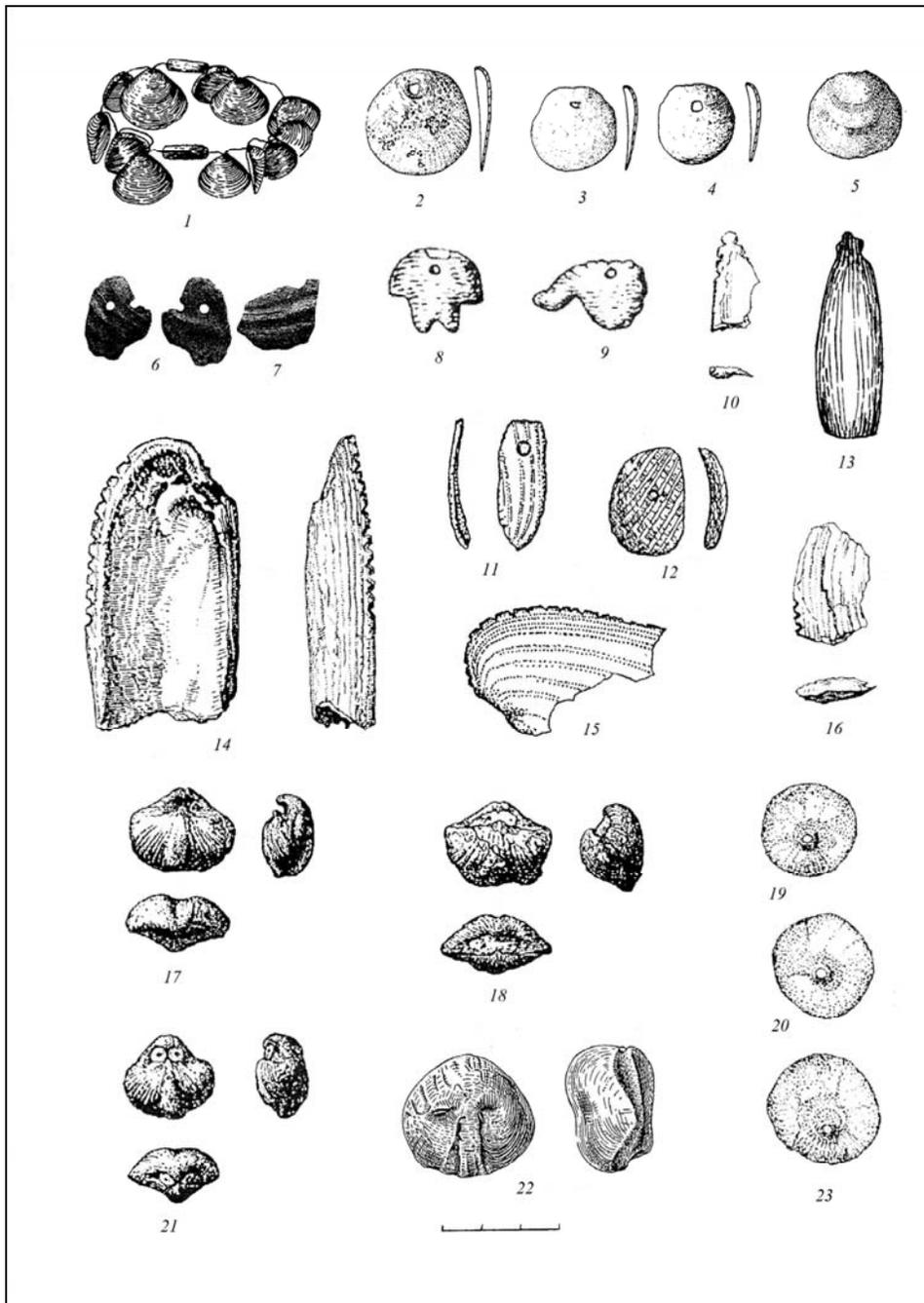
Уже с глубоких времен раковины использовались древним населением для изготовления украшений. Древнейшие бусы из раковин происходят из африканских пещер Грот де Пижон (82 тыс. л.н.), Бломбос Кэйв (78–75 тыс. л.н.) и Сибуду (71 тыс. л.н.). В пещере Кзар-Акил (Юго-Восточная Европа) обнаружены бусины и подвески из раковин морских моллюсков возрастом около 43 тыс. лет. Такие же украшения зафиксированы в пещере Учагизли в Турции. Их возраст составляет 41–39 тыс. лет [Деревянко, Рыбин, 2005, с. 252]. Еще позже (35–30 тыс. л.н.) датируются украшения из раковин на европейских стоянках Арси-сюр-Кюр (Франция), Абри Пато (Франция), Виллендорф (Австрия) [Демещенко, 2005, с. 9–12].

На территории России бусы и подвески из раковин зафиксированы на позднепалеолитических стоянках Костенки 1, 4, 14, 17, Дубовая балка и др. [Рогачев, Аникович, 1984, с. 228; рис. 98, 1–8, 10; 104, 18]. Иногда их количество превышает десятки экземпляров — в комплексе Костенок 4 найдено свыше сотни просверленных раковин пресноводного моллюска [Рогачев, 1940, с. 37].

Широко использовались раковины и в последующие археологические эпохи. Уникальным памятником является неолитическая мастерская по изготовлению подвесок из морских раковин Didachna, исследованная у мыса Куба-Тенгир (Северный Туркменистан) [Окладников, 1949, с. 69–70]. Украшения из этой мастерской могли расходиться на значительной территории [Виноградов, 1955, с. 135–139]. Часто бусы и подвески из раковин присутствуют в могильниках неолита, энеолита и бронзового века [Зах и др., 1991, с. 16–19; Кирюшин и др., 2000, с. 13, рис. 15; Молодин, 2001, с. 17, 37, 71, 102; рис. 10, 2; 22, 4, 6–8, 10; 29, 1; 52, 1–21, 23, 24; Кунгурова, 2005, с. 33; Лбова и др., 2008, с. 38; рис. 18, 4; 21, 1, 4; 62, 1, 5, 6]. В Серовском могильнике только в одном погребении (№ 18) найдено около 100 перламутровых круглых бусин [Окладников, 1976, с. 72–75; рис. 48, 49; табл. 98]. В могильнике Сопка-2 (Новосибирская обл.) для изготовления бус, подвесок и пронизок использовались четыре вида раковин (рис., 1–5) [Молодин, 2001, с. 102], а в могильнике Тузовские Бугры 1 на Алтае — пять разных подвидов раковин [Кирюшин и др., 2011, с. 105–114, рис. 6]. Кроме бус и подвесок в могильниках Прикамья III–V вв. известны и более сложные изделия из раковин типа крупных блях, которые использовались в качестве поясных украшений. Иногда бляхи из раковин дополнялись бронзовыми накладками и украшались орнаментом. Для изготовления блях, подвесок и бус в это время применялись ра-

Использование раковин в культовой и хозяйственной практике древнего населения

ковины Turbinidae [Ясаков, 2016, с. 149–152]. Эти крупные закрученные раковины с ярким перламутром внутри встречаются только в теплых водах Индийского и Тихого океанов.

Рис. Изделия из раковин перламутровых (1–16) и окаменевших (17–23):

1–5 — подвески из могильника Сопка-2; 6, 7 — подвески со стоянки Заозерье; 8, 9 — фигурные подвески из могильника у с. Съезжее; 10–12 — подвески с поселения Муллино; 13 — подвеска с I Береговой стоянки Горбуновского торфяника; 14–16 — штампы с поселения Муллино; 17, 18, 21 — изображения сов с поселения Муллино; 19, 20, 23 — подвески со стоянки Володары; 22 — «личина» со стоянки Костенки I).

На Урале использование раковин для украшений также начинается в эпоху палеолита. В раннем (35–33 тыс. л.н.) комплексе стоянки Заозерье (р. Чусовая, Пермский край) обнаружены две подвески, вырезанные из раковин *Unio*. На овальной подвеске сохранилось два расположенных рядом отверстия (рис., 6, 7) [Павлов, 2009, с. 9–11]. В культурном слое Каповой пещеры

(Башкортостан) с древними рисунками возрастом 16–14 тыс. л.н. найдено свыше 60 раковин ископаемых моллюсков с проткнутыми отверстиями. Представлены они тремя видами: *Theodoxus cf. astrahanicus* Stew., *Bithynia curta* (Garnier) и *Bithynia cf. troscheli* (Paasch.) [Щелинский, 2016, с. 35; рис. 8Б].

В гроте Большой Глухой (р. Чусовая, Пермский край) в окрашенном охрой слое возрастом 10,5 тыс. лет выявлено кострище, вокруг которого залежали многочисленные обломки раковин моллюсков и украшения. Среди них находились две круглые плоские бусины, изготовленные из перламутрового слоя раковин [Павлов, 1996, с. 59]. В раннеолитическом погребении № 6 могильника у с. Съезжее (р. Самара) украшения из морских раковин (бусы, подвески, пронизки) находились в области шеи и груди. Причем на груди они лежали двумя рядами. Около сотни бусин небольшого диаметра были вырезаны из перламутрового слоя раковин. А несколько вырезанных из раковин украшений имели фигурные очертания (рис. 1, 8, 9) [Васильев, Матвеева, 1979, с. 151; рис. 3, 7, 8, 11, 12, 14, 20–23]. Более 200 круглых плоских бусин, вырезанных из раковин беззубки, обнаружены в неолитическом Русско-Шуганском погребении (Татарстан). Диаметр бусин от 0,5 до 1 см, толщина 1–4 мм [Казаков, 1978, с. 175, рис. 7]. 38 подобных бусин, также вырезанных из раковины беззубки, занимали северную половину неолитического погребения в гроте у Каменного Кольца (р. Сим, Челябинская обл.) [Бадер, 1973, с. 106; рис. 2, 1–10]. Набор бусин из 53 раковин наземного моллюска *Dentalium* находился в энеолитическом погребении в Усть-Катавской пещере (р. Юрюзань, Челябинская обл.). Там же залежали и 36 плоских бусин, также вырезанных из раковин предположительно *Pectunculus* [Бибиков, 1950, с. 116; рис. 26, 27]. Видимо, из разрушенного энеолитического погребения происходят три обломка круглых подвесок из раковин, найденных в Бурмантовском гроте (р. Ивдель, Свердловская обл.) [Чаиркин, 2004, с. 30; рис. 22, 4]. Пять подвесок из раковин известны на Кара-Якуповской стоянке эпохи энеолита (Башкортостан). Интересно отметить, что две подвески выполнены из ископаемых раковин [Морозов, 1984, с. 46, 57]. Любопытны подвески из раковин из энеолитического слоя поселения Муллино (Башкортостан). Они похожи на штампы, так как на них вырезаны зубцы. Но поскольку раковины обточены со всех сторон, имеют отверстие, а зубцы очень мелкие, автор раскопок считает их украшениями (рис., 10–12) [Матюшин, 1982а, с. 55; рис. 14, 2, 5]. К тому же подвески с зубчиками, но выполненные из камня и кости хорошо известны в энеолитических погребениях Среднего Зауралья и Западной Сибири (Аятское Правобережное, Усть-Вагильский холм, Шайтанское озеро I, Старые Покачи 5.1, могильник на Большом Андреевском острове, Второй Перейминский могильник, Скворцовская гора V, Бурмантовский грот) [Чаиркина, 2011, с. 111–112]. Оригинальным украшением из раковины является подвеска с I Береговой стоянки Горбуновского торфяника. Она изготовлена в виде сильно вытянутого треугольника со слегка раздутыми боковыми сторонами. Верхняя ее часть заострена и снабжена двумя противоположащими выемками для привязывания. Высота подвески 4,9 см, ширина в средней части 1,6 см (рис., 13). Аналогов данному изделию автору неизвестно [Сериков, 2010, с. 74; рис. 1, 3]. В Кумышанской пещере (р. Чусовая, Пермский край) восемь раковин перловицы обыкновенной использовались в качестве подвесок. У семи раковин отверстия пробиты в верхней части, а у одной (самой маленькой) — посередине, у края створки. Только одна раковина целая, остальные расколоты, причем пять из них по диагонали [Сериков, 2009, с. 151].

Можно добавить, что для украшения национальных костюмов башкир, марийцев, коми, татар, удмуртов и других народов до настоящего времени используются раковины каури.

Кроме украшений раковины очень редко использовались в других целях. Уникальной находкой является раковина морского гребешка, на которой выгравирована голова быка. Найдена она во французской пещере Мас д'Азиль и датируется переходным временем от палеолита к мезолиту [Руссо, 2003, с. 21].

Известны случаи, когда раковины служили емкостями для хранения красителей. На палеолитической стоянке Боршево 2 найдена створка раковины, наполненная ярко-красной краской [Рогачев, Аникович, 1984, с. 228]. В Скворцовском курганном могильнике бронзового века (Оренбургская обл.) в женском погребении находилась раковина каури, заполненная охрой [Моргунова и др., 2010, с. 55]. Выразительный комплекс емкостей из раковин выявлен в могильнике ранних кочевников Яковлевский (Башкортостан). На дне могилы находились две раковины *Gryphaea*. Одна из них была заполнена порошком ярко-красного цвета (растертым гематитом), а вторая — ярко-зеленым (растертым азурином). Еще две раковины найдены в заполнении могильной ямы. В них также был краситель ярко-оранжевого (растертый реальгар и аурипигмент)

Использование раковин в культовой и хозяйственной практике древнего населения

и ярко-синего (растертый азурит, реальгар и аурипигмент) цветов [Таиров, Бушмакин, 2001, с. 169–170].

Известны случаи утилитарного употребления раковин. Раковины *Unio* с рельефно вырезанными зубцами найдены на неолитических поселениях Давлеканово и Муллино в Башкортостане (рис., 14–16) [Матюшин, 1982b, с. 194–195, 209–210; рис. 38, 2; 48, 2, 3, 5; табл. 117, 1]. По всей видимости, они служили гребенчатыми штампами. В Усть-Койвинском пещерном святилище обнаружена раковина перловицы обыкновенной, на длинном краю которой присутствуют четкие линейные следы скребкового характера. Раковина долгое время служила скребком по коже [Сериков, 2009, с. 164]. Следует также учесть, что в ряде уральских археологических культур толченые раковины добавлялись в керамическое тесто сосудов.

Кроме перламутровых раковин древнее население использовало и раковины окаменевшие. Свидетельств об использовании окаменелостей в древности не так уж и много. Наиболее распространенными находками из числа окаменелостей являются белемниты, губки, кораллы, морские ежи, членики морских лилий и аммониты [Сериков, 2005]. Их применение известно еще с палеолита.

В Европе наиболее ранние находки перфорированных аммонитов выявлены во Франции на стоянке Абри Пато [Монсель и др., 2012, с. 34; рис. 8]. В России находки просверленных окаменевших раковин известны на палеолитических стоянках Сунгирь (р. Клязьма) [Бадер, 1978, с. 165] и Костенки 17 (р. Дон) [Палеолит..., 1982, с. 186]. Большой интерес представляет чашечка из зеленоватого серпентинита, найденная в Каповой пещере. Она изготовлена из окаменелости какого-то моллюска [Щелинский, 2016, с. 36] и по форме напоминает раковину моллюска [Житенев, 2016, с. 88, рис. 8].

В раннеолитическом слое стоянки Подол III/1 (оз. Волге, Тверская обл.) найдены две крупные (до 9 см) ископаемые раковины *Gigantoproductus*. Они залежали в ямке вместе с каменной чашечкой и «карандашиком» из охры. Такие крупные раковины не могли служить украшениями, но судя по контексту их залегания они явно связаны с символической деятельностью [Синицына, Спиридонова, 2014, с. 99]. Примечательно, что в составе одного из ритуальных «кладов» (№ 7) на энеолитической стоянке Володары (Нижегородская обл.) находилось три просверленных окаменевших аммонита (рис. 1, 19, 20, 23) [Цветкова, 1975, с. 103; рис. 5, 9].

В неолитическую эпоху отмечается широкое использование окаменевших аммонитов в качестве штампов для орнаментирования керамических сосудов [Коробков, Крижевская, 1958, с. 54–59]. Орнаменты из окаменелостей (два рода белемнитов и два рода аммонитов) зафиксированы минимум на восьми неолитических памятниках [Калинина, Гаджиева, 1993, с. 83–87].

Серия уникальных находок происходит с поселения Муллино на Южном Урале. К окаменевшим раковинам брахиопод были приклеены парные кусочки перламутра. В результате они превратились в глаза из перламутра, а сами раковины, по мнению Г.Н. Матюшина, могли восприниматься в качестве скульптурных изображений сов (рис., 17, 18, 21) [1982b, с. 211, рис. 51].

Здесь можно напомнить забытое предположение П.П. Ефименко, который допускал, что окаменевшие раковины *Spirifer*, найденные на стоянке Костенки I, из-за своей странной формы могли ассоциироваться у первобытного человека с какими-то мало понятными для нас образами [1958, с. 339–340, рис. 136, 137]. В качестве примера он обращает внимание на одну раковину, которая своими очертаниями напоминает изображение человеческого лица (рис., 22). Приведенный им рисунок вполне соответствует описанию [Там же, рис. 137]. Возможно, данная находка показывает нам направление будущих исследований. В связи с этим интересно отметить, что и другие исследователи подчеркивают, что плеченогие выступы окаменевших раковин представителей отрядов *Productida* и *Spiriferida* напоминают глаза, и из-за этого раковины внешне похожи на голову с глазами и волосами [Синицына, Спиридонова, 2014, с. 99].

Отдельные находки окаменевших раковин известны и на ряде культовых памятников (Капова пещера, святилище в Кумышанской пещере, культовый озерный центр на Шайтанском озере). Думается, подобных находок все же значительно больше. Просто часто они единичны, и исследователи далеко не всегда представляют значение подобных находок и не фиксируют на них внимание в своих публикациях.

Использование перламутровых раковин в качестве украшений вполне соответствует практике древнего человека, при которой он для изготовления предметов символического назначения предпочитал использовать яркое, чем-то выделяющееся, необычное сырье. Это же отно-

сится и к окаменевшим раковинам. Такие единичные предметы могли быть амулетами, культовыми символами, коммуникативными знаками [Демещенко, 2005, с. 8].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бадер О.Н.* Неолитическое погребение в гроте у Каменного Кольца на Урале и его аналоги // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 104–109.
- Бадер О.Н.* Сунгирь: Верхнепалеолитическая стоянка. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бибииков С.Н.* Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // СА. 1950. Т. 13. С. 95–138.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И.* Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. 1979. № 4. С. 147–166.
- Виноградов А.В.* Неолитические украшения из створок раковин *Didacna*: (По материалам раскопок в Северной Туркмении) // КСИИМК. 1955. Вып. 59. С. 135–139.
- Демещенко С.А.* Древнейшие подвески и бусы эпохи палеолита // Археол. сборник. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. Вып. 37. С. 7–25.
- Деревянко А.П., Рыбин Е.П.* Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: Гипотезы и факты. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 232–255.
- Ефименко П.П.* Костенки I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 451 с.
- Житенев В.С.* Многообразие форм символических и хозяйственно-бытовых практик в пространстве пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Древние святилища: Археология, ритуал, мифология: Материалы Международ. науч. симп. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. С. 79–93.
- Зах В.А., Зотова С.В., Панфилов А.Н.* Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: ОмГУ, 1991. С. 13–42.
- Казаков Е.П.* Неолитические погребения в восточных районах Татарии // СА. 1978. № 2. С. 165–177.
- Калинина И.В., Гаджиева Е.А.* Архаические орнаменты для керамики // AD POLUS: Памяти Л.П. Хлобыстина: Археологические изыскания. СПб., 1993. Вып. 10. С. 83–94.
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Кузменкин, Д.В., Абдулганеев М.Т.* Раковины моллюсков в погребениях могильника Тузовские Бугры 1 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2. С. 105–114.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х.* Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2000. 117 с.
- Коробков И.А., Крижевская Л.Я.* Использование первобытным человеком аммонитов и белемнитов для орнаментации керамики // Вестник ЛГУ. Сер. геологических наук. 1958. Вып. 18. С. 54–59.
- Кунгурова Н.Ю.* Могильник Солонцы-5: Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2005. 128 с.
- Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П.* Погребальные комплексы неолита — раннего бронзового века Забайкалья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 248 с.
- Матюшин Г.Н.* Поселение Муллино III в Приуралье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1982а. С. 36–64.
- Матюшин Г.Н.* Энеолит Южного Урала: Лесостепь и степь. М.: Наука, 1982b. 328 с.
- Молодин В.И.* Памятник Сопка-2 на реке Оми: (Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 1. 128 с.
- Монсель М.-Э., Кьотти Л., Гайар К., Оноратини Ж., Плердо Д.* Каменные предметы неутилитарного назначения, найденные на европейских памятниках эпохи палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 1 (49). С. 24–40.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А.* Скворцовский курганный могильник. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010.
- Морозов Ю.А.* Кара-Якуповская энеолитическая стоянка // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ин-тут, 1984. С. 43–58.
- Окладников А.П.* Изучение древнейших археологических памятников Туркмении // КСИИМК. 1949. Вып. 28. С. 67–71.
- Окладников А.П.* Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск: Наука, 1976. 328 с.
- Павлов П.Ю.* Палеолитические памятники Северо-Востока европейской части России. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1996. 194 с.
- Павлов П.Ю.* Стоянка Заозерье — памятник начальной поры верхнего палеолита на северо-востоке Европы // РА. 2009. № 1. С. 5–17.
- Палеолит* Костенковско-Борщевского района на Дону, 1879–1979: Некоторые итоги полевых исследований. Л.: Наука, 1982. 288 с.
- Рогачев А.Н.* Палеолитическое поселение Костенки IV // КСИИМК. 1940. Вып. 4. С. 36–41.
- Рогачев А.Н., Аникович М.В.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. С. 162–271. (Археология СССР).

Использование раковин в культовой и хозяйственной практике древнего населения

- Руссо А. Глоссарий палеолитического искусства. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. 80 с.
- Сериков Ю.Б. Использование древним человеком окаменелостей и костей вымерших животных // Эволюция жизни на Земле: Материалы междунар. симп. Томск: ТГУ, 2005. С. 381–383.
- Сериков Ю.Б. Пещерные святилища реки Чусовой. Ниж. Тагил: НТГСПА, 2009. 368 с.
- Сериков Ю.Б. Неординарные и малоизвестные находки с памятников Горбуновского торфяника // Древности Горбуновского торфяника: Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2010. Вып. 6. С. 67–75.
- Синицына Г.В., Спиридонова Е.А. О природной среде и адаптации стоянок мезолита — неолита на верхневолжских озерах и системы озера Селигер // Природная среда и модели адаптации озерных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы. СПб.: Изд-во ИИМК, 2014. С. 97–100.
- Таиров А.Д., Бушмакин А.Ф. Минеральные порошки из курганов Южного Урала и Северного Казахстана // Уфим. археол. вестник. Уфа, 2001. Вып. 3. С. 168–175.
- Цветкова И.К. Ритуальные «клады» стоянки Володары // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975. С. 102–111.
- Чаиркин С.Е. Пещеры Урала: Общий обзор // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 24–37.
- Чаиркина Н.М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовская гора V). Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 224 с.
- Щелинский В.Е. Палеолитическое святилище в пещере Шульган-Таш/Каповой (Башкортостан): Настенные рисунки и археологические свидетельства // Древние святилища: Археология, ритуал, мифология: Материалы Междунар. науч. симп. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. С. 4–40.
- Ясак В.С. Предметы из раковин Turbinidae в могильниках Прикамья первых веков н.э. // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 8: XLVIII Урало-Поволж. археол. конф. студентов и молодых ученых (УПАСК). Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2016. С. 149–152.

Yu.B. Serikov

Russian State Vocational Pedagogical University
(Nizhniy Tagil branch)
Krasnogvardeyskaya st., 57, Nizhniy Tagil, 622031, Russian Federation
E-mail: u.b.serikov@mail.ru

USING SHELLS IN THE CULT AND ECONOMIC ACTIVITIES OF ANCIENT POPULATION

The article is dedicated to one of the aspects of symbolic activities of ancient population regarding the use of a rare variety of natural material. From ancient times, shells, as bright and unusual material, served for making jewelry: bead necklaces and pendants. In the Urals, such artefacts had been used from the beginning of the Upper Paleolithic to the Modern Times. The shells rarely served as combs punches, scrapers and containers for paints. Petrified shells were very rare and unusual. That is why they were used in symbolic activities and could serve as amulets, cult symbols and communicative signs.

Key words: shell, petrous shells, jewelry, symbolic activity.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-030-037

REFERENCES

- Bader O.N., 1973. Neolithisches pogrebenie v grote u Kamennogo Kol'tsa na Urale i ego analogi [A Neolithic burial in a cove by Kamennoe Kol'tso in the Urals and its analogues]. *Problemy arkheologii Urala i Sibiri*, Moscow: Nauka, pp. 104–109.
- Bader O.N., 1978. *Sungir': Verkhnepaleoliticheskaja stoianka* [Sungir, an Upper Paleolithic settlement], Moscow: Nauka, 272 p.
- Bibikov S.N., 1950. Neolithicheskie i eneolithicheskie ostatki kul'tury v peshcherakh luzhnogo Urala [Neolithic and Eneolithic cultural remainders in caves in the Southern Ural]. *Sovetskaja arkheologiya*, no. 13, pp. 95–138.
- Chairkin S.E., 2004. Peshchery Urala: Obschii obzor [Caves of the Urals: An overview]. *Kul'tovye pamiatniki gorno-lesnogo Urala*, Ekaterinburg: UrO RAN, pp. 24–37.
- Chairkina N.M., 2011. Pogrebal'nye komplekсы epokhi eneolita i rannego zheleznogo veka Zaural'ia (po materialam pogrebal'no-kul'tovoi ploshchadki Skvortsovskaja gora V) [Funerary complexes of the Neolithic and the Early Bronze Age in the Trans-Urals (based on materials of the funerary-cult ground of Skvortsovskaja Gora V)], Ekaterinburg: UrO RAN, 224 p.
- Demeshchenko S.A., 2005. Drevneishie podveski i busy epokhi paleolita [The most ancient Paleolithic bead necklaces and pendants]. *Arkheologicheskii sbornik*, 37, St. Peterburg: Izd-vo Gos. Ermitazha, pp. 7–25.
- Derevianko A.P., Rybin E.P., 2005. Drevneishee proiavlenie simvolicheskoi deiatel'nosti paleoliticheskogo cheloveka na Gornom Altai [The most ancient manifestation of symbolic activities of Paleolithic man in the Moun-

- tains of Altai]. *Perekhod ot srednego k pozdnemu paleolitu v Evrazii: gipotezy i fakty*, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, pp. 232–255.
- Efimenko P.P., 1958. *Kostenki I* [Kostenky I], Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 451 p.
- Iasakov V.S., 2016. Predmety iz rakovin Turbinidae v mogil'nikakh Prikam'ia pervykh vekov n.e. [Items made of Turbinidae shells in burial grounds of the Kama River basin of the first centuries A.D.]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Povolzh'ia*, 8, Ioshkar-Ola: Mar. gos. un-t, pp. 149–152.
- Kalinina I.V., Gadzhieva E.A., 1993. Arkhaicheskie ornamentiry dlia keramiki [Archaic punch tools for ceramics]. *AD POLUS. Pamiati L.P. Khlobystina: Arkheologicheskie izyskaniia*, 10, St. Peterburg, pp. 83–94.
- Kazakov E.P., 1978. Neoliticheskie pogrebeniia v vostochnykh raionakh Tatarii [Neolithic burials of Eastern Tatarstan]. *Sovetskaia arkheologiya*, no. 2, pp. 165–177.
- Kiriushin Iu.F., Kiriushin K.Iu., Shmidt A.V., Kuzmenkin, D.V., Abdulganeev M.T., 2011. Rakoviny molliuskov v pogrebeniakh mogil'nika Tuzovskie Bugry 1 [Mollusk shells in graves of the burial ground of Tusovskie Bugry 1]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, no. 2, pp. 105–114.
- Kiriushin Iu.F., Kungurova N.Iu., Kadikov B.Kh., 2000. Drevneishie mogil'niki severnykh predgorii Altaia [The most ancient burial grounds of the Southern foothills in Altai], Barnaul: Izd-vo AltGU, 117 p.
- Korobkov I.A., Krizhevskaia L.Ia., 1958. Ispol'zovanie pervobytnym chelovekom ammonitov i belemnitov dlia ornamentatsii keramiki [Use of ammonites and belemnites by ancient man for ceramics ornamentation]. *Vestnik Leningradskogo universiteta, Seriya geologicheskikh nauk*, 18, pp. 54–59.
- Kungurova N.Iu., 2005. *Mogil'nik Solontsy-5: Kul'tura pogrebennykh neolita Altaia* [The burial ground of Solontsy-5: Culture of buried men in the Neolithic Altai], Barnaul: Barnaul'skii iuridicheskii institut MVD Rossii, 128 p.
- Lbova L.V., Zhambaltarova E.D., Konev V.P., 2008. *Pogrebal'nye komplekсы neolita — rannego bronzovogo veka Zabaikal'ia* [Funerary complexes of the Neolithic and the Bronze Age in the Baikal region], Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 248 p.
- Matiushin G.N., 1982a. Poselenie Mullino III v Priural'e [The settlement of Mullino III in the Cisurals]. *Volgo-Ural'skaia step' i lesostep' v epokhu rannego metalla*, Kuibyshev: Izd-vo KGPI, pp. 36–64.
- Matiushin G.N., 1982b. Eneolit luzhnogo Urala: Lesostep' i step' [The Eneolithic of the Southern Urals: Forest-steppe and steppe areas], Moscow: Nauka, 328 p.
- Molodin V.I., 2001. Pamiatnik Sopka-2 na reke Omi: (Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov epokhi neolita i rannego metalla) [Sopka 2 site on the Om River: (Cultural and chronological analysis of the funerary complexes of the Neolithic and the Early Metal Age)], vol. 1, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 128 p.
- Monseil' M.-E., K'otti L., Gaiar K., Onoratini Zh., Plerdo D., 2012. Kamennye predmety neutilitarnogo naznachenii, naidennye na evropeiskikh pamiatnikakh epokhi paleolita [Stone objects of nonutilitarian purpose from European sites of the Paleolithic Age]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, no. 1 (49), pp. 24–40.
- Morgunova N.L., Gol'eva A.A., Degtiareva A.D., Evgen'ev A.A., Kuptsova L.V., Salugina N.P., Khokhlova O.S., Khokhlov A.A., 2010. *Skvortsovskii kurgannyi mogil'nik* [Skvortsovsky barrow burial ground], Orenburg: Izd-vo OGPU, 160 p.
- Morozov Iu.A., 1984. Kara-Iakupovskaia eneoliticheskai stoianka [The Eneolithic settlement of Kara-Iakupovskaja]. *Epokha medi iuga Vostochnoi Evropy*, Kuibyshev: Kuibyshevskii gos. ped. in-t, pp. 43–58.
- Okladnikov A.P., 1949. Izuchenie drevneishikh arkheologicheskikh pamiatnikov Turkmenii [Study of the most ancient archeological sites of Turkmenistan]. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii i material'noi kul'tury*, 28, pp. 67–71.
- Okladnikov A.P., 1976. Neoliticheskie pamiatniki Nizhnei Angary [Neolithic sites of the Lower Angara River basin], Novosibirsk: Nauka, 328 p.
- Pavlov P.Iu., 1996. *Paleoliticheskie pamiatniki Severo-Vostoka evropeiskoi chasti Rossii* [Paleolithic sites of the North-East of the European part of Russia], Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN, 194 p.
- Pavlov P.Iu., 2009. Stoianka Zaozer'e — pamiatnik nachal'noi pory verkhnego paleolita na severo-vostoke Evropy [The site of Saoserie, a settlement of the Upper Paleolithic in the North-West of Europe]. *Rossiyskaia arkheologiya*, no. 1, pp. 5–17.
- Praslov N.D., Rogachev A.N., 1982, (ed.). *Paleolit Kostenkovsko-Borshchevskogo raiona na Donu, 1879–1979: Nekotorye itogi polevykh issledovaniy* [The Paleolithic Age in Kostenkovsko-Borshchevsky region on the Don River, 1879–1979: Some results of field researches], Leningrad: Nauka, 288 p.
- Rogachev A.N., 1940. Paleoliticheskoe poselenie Kostenki IV [The Paleolithic settlement of Kostenky IV]. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii i material'noi kul'tury*, 4, p. 36–41.
- Rogachev A.N., Anikovich M.V., 1984. Pozdnii paleolit Russkoi ravniny i Kryma [The Late Paleolithic Age of the Russian Plain and of Crimea]. *Arkheologiya SSSR. Paleolit SSSR*, Moscow: Nauka, pp. 162–271.
- Russo A., 2003. *Glossarii paleoliticheskogo iskusstva* [A glossary of Paleolithic art], Kemerovo: Kuzbass-vuzizdat, 80 p.
- Serikov Iu.B., 2005. Ispol'zovanie drevnim chelovekom okamenelostei i kostei vymershih zhivotnykh [Use of fossils and bones of extinct animals by ancient man]. *Evolutsiia zhizni na Zemle: Mterialy mezhdunarodnogo simpoziuma*, Tomsk: TGU, pp. 381–383.
- Serikov Iu.B., 2009. *Peshchernye sviatilishcha reki Chusovoi* [Cave sanctuaries of the Chusovaya River], Nizhnii Tagil: NTGSPA, 368 p.

Использование раковин в культовой и хозяйственной практике древнего населения

Serikov Iu.B., 2010. Neordinarnye i maloizvestnye nakhodki s pamiatnikov Gorbunovskogo torfianika [Unusual and little-known findings from sites of the Gorbunovsky peat-bog]. *Drevnosti Gorbunovskogo torfianika. Okhrannye arkheologicheskie issledovaniia na Srednem Urale*, 6, Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, pp. 67–75.

Shchelinskii V.E., 2016. Paleolicheskoe sviatilishche v peshchere Shul'gan-Tash/Kapovoi (Bashkortostan): Nastennye risunki i arkheologicheskie svide-tel'stva [A Paleolithic sanctuary in Shulgan-Tash/Kapova cave (Bashkortostan): Cave art and archeological evidence]. *Drevnie sviatilishcha: Arkheologiya, ritual, mifologiya: Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma*, Ufa: IIIaL UNTs RAN, pp. 4–40.

Sinitsyna G.V., Spiridonova E.A., 2014. O prirodnoi srede i adaptatsii stoianok mezolita — neolita na verkhnevolzhskikh ozerakh i sistemy ozera Seliger [On natural environment and adaptation of Mesolithic — Neolithic sites at the Upper Volga lakes and in the Seliger Lake system]. *Prirodnaia sreda i modeli adaptatsii ozernykh poselenii v mezolite i neolite lesnoi zony Vostochnoi Evropy*, St. Peterburg: Izd-vo IIMK, pp. 97–100.

Tairov A.D., Bushmakina A.F., 2001. Mineral'nye poroshki iz kurganov luzhnogo Urala i Severnogo Kazakhstana [Mineral powders from the barrows of the Southern Urals and Northern Kazakhstan]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik*, 3, Ufa, pp. 168–175.

Tsvetkova I.K., 1975. Ritual'nye «klady» stoianki Volodary [Ritual hoards of the site of Volodary]. *Pamiatniki drevneishei istorii Evrazii*, Moscow: Nauka, pp. 102–111.

Vasil'ev I.B., Matveeva G.I., 1979. Mogil'nik u s. S'ezzhee na r. Samare [A burial ground near the village of Sjezhee by the Samara River]. *Sovetskaia arkheologiya*, no. 4, pp. 147–166.

Vinogradov A.V., 1955. Neoliticheskie ukrasheniia iz stvorok rakovin Didacna (po materialam raskopok v Severnoi Turkmenii) [Neolithic decorations made of Didacna shell (by materials from excavation sites in Northern Turkmenistan)]. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii i material'noi kul'tury*, 59, pp. 135–139.

Zakh V.A., Zotova S.V., Panfilov A.N., 1991. Drevnie mogil'niki na Andreevskom ozere bliz Tiumeni [Ancient burial grounds by the Andreevskoe Lake near Tyumen]. *Drevnie pogrebeniia Ob'-Irtys'ia*, Omsk: OmGU, pp. 13–42.

Zhitenev V.S., 2016. Mnogoobrazie form simvolicheskikh i khoziaistvenno-bytovykh praktik v prostranstve peshchery Shul'gan-Tash (Kapovoi) [A variety of forms of symbolic and domestic practices in the space of Shulgan-Tash (Kapova) cave]. *Drevnie sviatilishcha: Arkheologiya, ritual, mifologiya: Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma*, Ufa: IIIaL UNTs RAN, pp. 79–93.

Н.Б. Виноградов

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
просп. Ленина, 69, Челябинск, 454080, РФ
E-mail: vinogradov_n@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ СИНХРОНИЗАЦИИ, КУЛЬТУРНОЙ БЛИЗОСТИ ПАМЯТНИКОВ СИНТАШТИНСКОГО И ПЕТРОВСКОГО ТИПОВ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Статья посвящена обсуждению проблемы синхронизации и культурной близости памятников синташтинского и петровского типов. Автор отрицает возможность полной синхронизации синташтинских и петровских памятников. Он полагает, что в случае синташтинских и петровских памятников мы пытаемся сравнивать несравнимые явления: материализованные остатки истории общества синташтинских кланов горняков — металлургов — кузнецов — литейщиков и памятники общности алакульских скотоводческих культур.

Ключевые слова: *бронзовый век, Южное Зауралье, Северный Казахстан, памятники синташтинского типа, памятники петровского типа, кланы горняков — металлургов — кузнецов — литейщиков, алакульская культурно-историческая общность.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-038-047

Обсуждаемый сюжет был навеян недавно опубликованной статьей, посвященной новому обращению к материалам исследования укрепленного поселения бронзового века Семиозерное II в Северном Казахстане [Евдокимов и др., 2016]. Памятник был изучен В.В. Евдокимовым в 1970-х гг. Начало и ход его раскопок были анонсированы в ежегодниках «Археологические открытия» [Евдокимов, Логвин, 1972, с. 289; Евдокимов и др., 1975; Евдокимов, Ткачев, 1979]. Материалы раскопок тезисно были обнародованы В.В. Евдокимовым в одном из научных сборников ЧелГУ [1983]. Отдельная статья посвящена особенностям металлопроизводства у обитателей Семиозерного II [Евдокимов, Григорьев, 1996]. Последнее по времени обращение к материалам обсуждаемого памятника зафиксировано мной в учебном пособии по истории степей Центрального и Северного Казахстана в бронзовом веке [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 18–19].

Авторы обсуждаемой статьи считают укрепленные поселения Семиозерное II в Северном Казахстане и Аркаим в Южном Зауралье однослойными, а их население культурно близким и одновременно существовавшим. Но в приведенном иллюстративном ряду керамики Семиозерного II нет соответствий именно распространенным на Аркаиме ведущим *синташтинским* типам сосудов (типы Г I, Г II по типологии Т.С. Малютиной и Г.Б. Здановича). Большинство из представленных на двух иллюстрациях фрагментов керамики и сосудов из раскопок обсуждаемого памятника уверенно ассоциируется с ведущим в авторском понимании *петровским* типом сосудов (тип I Б по авторской типологии начала 1980-х гг.) (рис. 1). Это горшечно-баночные сосуды с утолщением в виде «воротничка» под венчиком с внешней стороны, переходом от тулова к плечу, оформленным в различной степени выраженным ребром и разнесенной по двум трем зонам орнаментацией. Присутствуют на представленных иллюстрациях также и сосуды близких ведущему, но опять-таки петровских типов. Керамике из раскопок укрепленного поселения Семиозерное II действительно, как утверждают авторы статьи, близки сосуды типа Г III из раскопок Аркаима согласно типологии Т.С. Малютиной и Г.Б. Здановича [Малютина, Зданович, 2004, с. 74, рис. 6, 1, 2]. Но и они также принадлежат упомянутому выше ведущему петровскому типу (тип I Б) сосудов.

Стратиграфическая позиция сосудов типа I Б хорошо зафиксирована как в ходе раскопок поселений, так и при исследовании могильников (укрепленное поселение Петровка II в Северном Казахстане, поселение Кулевчи III и укрепленное поселение Устье I, могильник Кривое Озеро в Южном Зауралье). И эта позиция однозначна. Слой с сосудами этого типа либо перекрыт собственно алакульским с сосудами с уступчатым плечом и двух-трехзональным размещением орнамента (поселение Кулевчи III), либо перекрывает синташтинский (укрепленное

Проблемы синхронизации, культурной близости памятников синташтинского и петровского типов...

поселение Устье I, могильник Кривое Озеро). Сосуды именно этого типа составляют основу керамической коллекции из петровского слоя укрепленного поселения Устье I, *перекрывающего* (курсив мой. — Н. В.) синташтинский культурный слой [Виноградов, Алаева, 2013, с. 143–178]. Причем речь идет о значительных коллекциях, насчитывающих по несколько сотен сосудов, и однозначных стратиграфических выводах. Особо хочу подчеркнуть, что в то же время в «закрытых» комплексах сосуды этого ведущего петровского типа и керамика ведущего синташтинского типа *никогда вместе не встречались* (курсив мой. — Н. В.). Во всяком случае, *опубликованные* комплексы могильников Бестамак, Токанай-I и Халвай не содержат таких примеров. Отсутствие совместного нахождения синташтинских и петровских сосудов в «закрытых» комплексах стало одним из основных аргументов для постановки гипотезы о многослойности известного укрепленного поселения Аркаим.

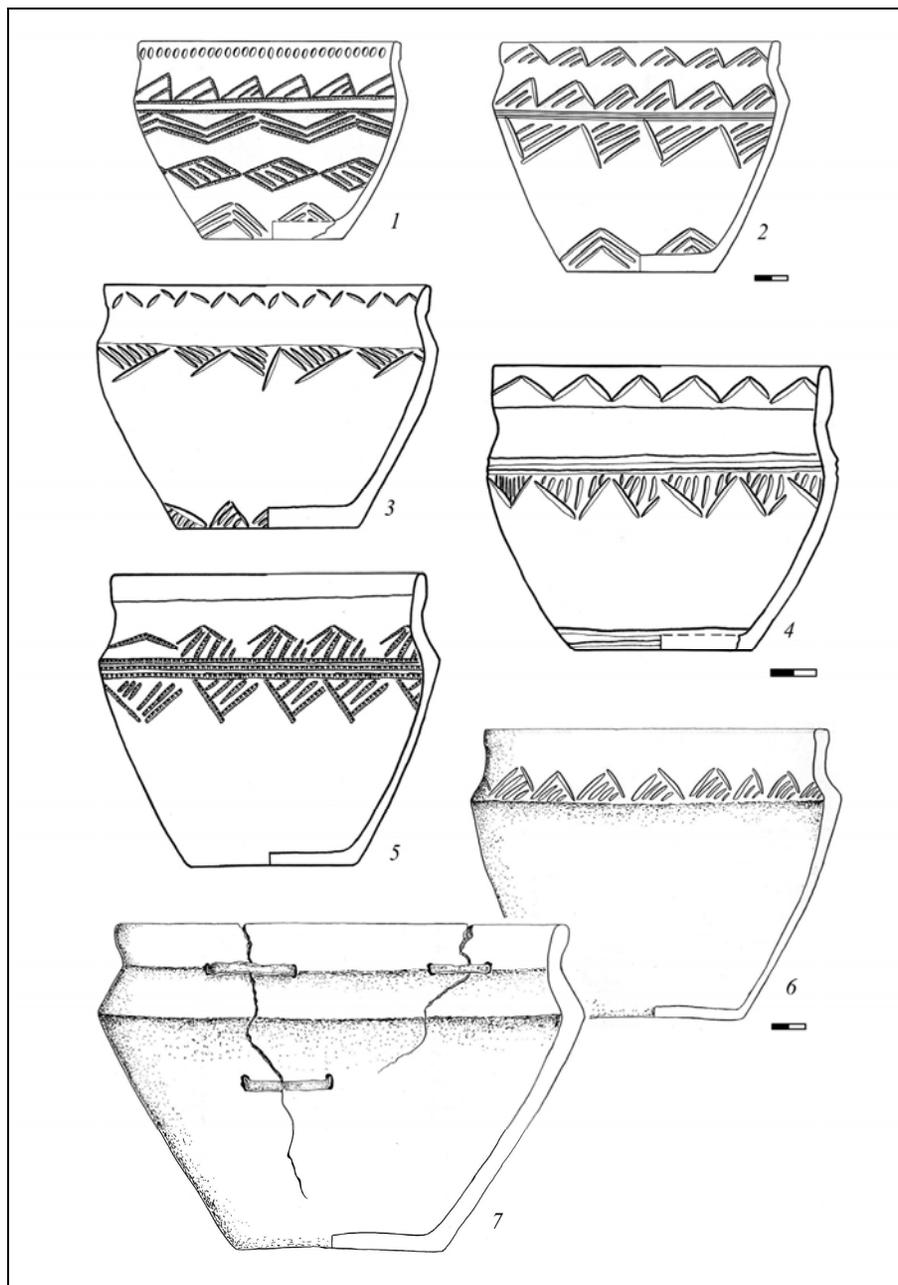

Рис. 1. Керамика памятников петровского типа Южного Зауралья и Притоболья. Тип I Б: 1, 2 — Алексеевское поселение; 3–5 — могильник Степное I; 6, 7 — могильник Грызаново.

Если продолжить обсуждать керамику Аркаима и его «однослойность», то, наряду с синташтинскими и петровскими типами керамики, обращает на себя внимание многочисленная, по мнению авторов типологии керамики укрепленного поселения Аркаим (курсив мой. — Н. В.), группа керамики Г II (2) [Малютина, Зданович, 2004, с. 73, рис. 5, 1–3]. Здесь, по нашему мнению, культурно-хронологическим маркером служит технологическое оформление верха сосуда неким внутренним желобком, придающим сосуду неповторимый и хорошо дифференцируемый облик. Колоритны также тесто, обработка поверхностей, технология выполнения орнамента и его геометризм. Хронологическая позиция подобных сосудов однозначно зафиксирована в петровском погребении 7 кургана 2 могильника Кривое Озеро, где были расчищены два сосуда (рис. 2). Один из них — типа Г III по Т.С. Малютиной и Г.Б. Здановичу или I Б по Н.Б. Виноградову — ведущего в петровском керамическом комплексе. Второй сосуд А.Д. Пряхин и Н.М. Малов единодушно определили как покровский или Г II (2) по Т.С. Малютиной и Г.Б. Здановичу. Опять-таки случаев нахождения подобных сосудов в «закрытых» комплексах вместе с сосудами ведущих синташтинских типов нет. Так что вопрос о многослойности укрепленного поселения Аркаим не снимается с обсуждения.

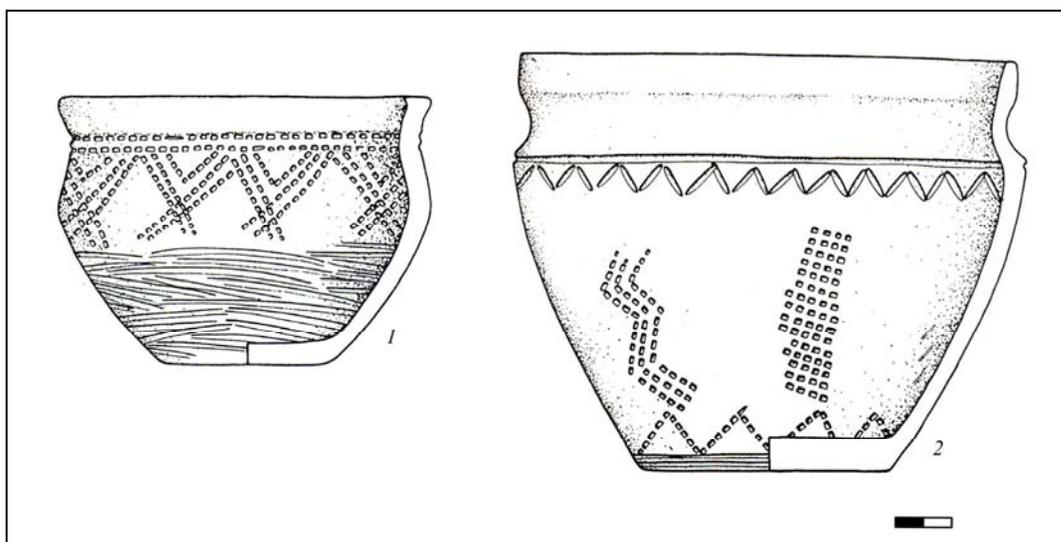

Рис. 2. Могильник Кривое Озеро. Курган 2. Яма 7. Керамические сосуды.

Таким образом, укрепленное поселение Семиозерное II никак не может быть синхронным укрепленному поселению Аркаим, поскольку культурный слой укрепленного поселения Семиозерное II насыщен различными типами лишь собственно петровских сосудов и не содержит широко представленных на Аркаиме синташтинских форм керамики. Наличие и синташтинских и петровских и, возможно, покровских групп керамики позволяет уверенно говорить о многослойности и большей продолжительности (возможно, в виде разорванных во времени эпизодов) истории укрепленного поселения Аркаим в сравнении с укрепленным поселением Семиозерное II.

Обсуждаемая статья с анализом материалов укрепленного поселения Семиозерное II снова возвращает нас к проблеме хронологического соотношения синташтинских и петровских памятников, их культурных дефиниций. Статья в этом смысле вполне созвучна целой серии публикаций, посвященных исследованию памятников бронзового века Северного Казахстана (в частности, это могильники Бестамак, Токанай-I и др.). Их авторы постоянно обращаются к дефиниции «синташтинско-петровские памятники» или «петровско-синташтинские» [Калиева, Логвин, 1997, с. 160; 2011, с. 253; Шевнина, Логвин, 2014, с. 143], подчеркивая культурное единство и хронологическую одновременность памятников синташтинского и петровского типов. По Г.Б. Здановичу (с чем согласны и В.В. Евдокимов и В.В. Варфоломеев), в Северном Казахстане круг памятников петровского типа (в другой версии — петровская культура) оформляется в основном на базе местных энеолитических культур [Зданович, 1984, с. 19; Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 12]. В это же время в Южном Зауралье начинается история населения, оставив-

шего памятники синташтинского типа, в сложении которых С.С. Калиева и В.Н. Логвин опять-таки значительное место отводят аборигенному компоненту — терсекской и ботайской культурам. Они утверждают, что «процесс формирования синташтинско-петровских древностей был сугубо местным явлением» [Калиева, 2005, с. 174] или следствием «сложного взаимодействия» ямно-афанасьевского субстрата и носителей терсекской и ботайской культур [Калиева, Логвин, 1997, с. 162].

Аргументами одновременности бытования синташтинских и петровских памятников могут являться единичные случаи находок в погребальных памятниках Северного Казахстана (могильники Лисаковский, Бозенген, Бестамак, Токанай I) и Южного Зауралья (могильник Степное-7) комплексов архаичных наконечников (тип II по Э.Р. Усмановой и В.Н. Логвину), типичных для синташтинских погребений, с петровскими сосудами [Усманова, Логвин, 1998, с. 13–15, 19–21]. Однако возможно и иное объяснение этих фактов. По моему мнению, подобные факты могут быть характерны для окраин синташтинского культурного ареала и бытовать здесь значительно дольше, нежели на основной территории, выступая в качестве палеознтического или социального маркера. Еще один аргумент сторонников синхронизации синташтинских и петровских памятников — специфический внутренний срез венчика, действительно более распространенный на синташтинской керамике и смотрящийся на петровских сосудах довольно архаично. Но объяснения бытованию этого достаточно утилитарного элемента формы на небольшой части петровской керамики Северного Казахстана могут быть самые разнообразные и вряд ли однозначные.

Для разногласий по обозначенному блоку проблем действительно есть очень серьезные основания. За практически полвека, прошедшие со времени начала исследования памятников петровского типа в Северном Казахстане, по ним так не была создана подробная информационная база. Отсутствуют в открытом доступе результаты исследования материальной культуры памятников петровского типа Северного Казахстана на *скрупулезном* источниковедческом уровне с их разнообразными параметрами, доведенными до характеристик отдельного сосуда. Я говорю о скрупулезном источниковедческом анализе, принимая во внимание ту культурогенетическую значимость для судеб целого ряда культур позднего бронзового века степей и лесостепей Южного Зауралья, Курганского Зауралья, Северного и Центрального Казахстана, которой коллеги наделяют петровское население. Определенное исключение составляют материалы эпонимного могильника у с. Петровка [Зданович Г.Б., Зданович С.Я., 1980]. Материалы остальных памятников опубликованы лишь суммарно [Зданович, 1988] либо, как результаты изучения петровского могильника Улубай, не опубликованы вовсе. Однако на концептуальном уровне различные категории материальной культуры памятников петровского типа уже давно определены и охарактеризованы.

Полагаю, коллеги вряд ли сблизят позиции по обсуждаемому блоку проблем до тех пор, пока научной общественности не станут доступны развернутые источниковедческие публикации памятников петровского типа Северного Казахстана, выполненные на уровне современных научных требований и возможностей. Пока не получен этот обширный массив данных, у всех желающих будет необъятное «поле» для самых разнообразных интерпретаций культурных дефиниций, хронологических позиций синташтинских и петровских памятников и взаимоотношений групп населения, их оставивших. И мы будем постоянно сталкиваться с ситуацией, когда в состав петровских записываются самые разнообразные памятники и, напротив, ряд собственно петровских в него не включается [Матвеев, 1998, с. 338].

С другой стороны, даже те достаточно скромные данные, которыми мы обладаем сегодня, позволяют поставить ряд вопросов. Первым в этом ряду будет следующий вопрос: если синташтинские и петровские памятники одновременны, то как объяснить ситуацию, когда все-таки более позднее хронологически, по данным C^{14} датирования, уже на петровском этапе истории формирующееся население алакульских культур Южного Урала, Зауралья и Северного Казахстана воспринимает как престижные ориентиры *именно синташтинскую* традицию строительства укрепленных поселений, организацию модели пространства для жизни, включая архитектурный стиль, оформление интерьера, гончарную технологическую традицию, особенности организации металлопроизводства, концепции погребальных памятников и особенности их функционирования? Причем важно и то, что уже на раннем — петровском этапе истории материальная культура алакульских сообществ демонстрирует такую степень каноничности, которую могло обеспечить лишь ранее культурно родственное население, каковым действительно могли быть только носители квазиэнеолитических культур Южного Урала и Северного Казахстана, т.е.

терсекской и ботайской. Учитывая степень археологической изученности пространства степей Южного Зауралья и Северного Казахстана, вряд ли можно рассчитывать на открытие целого пласта памятников мигрировавшего в эти регионы населения во время, предшествовавшее древностям синташтинского типа.

Несходство между аборигенными культурами позднейшего энеолита и памятниками синташтинского типа очевидно по всем линиям сравнения. И тем не менее я осмелюсь сказать, что именно взаимосвязи этих несходных явлений определили облик основных степных культур позднего бронзового века Южного Урала. На чем основана эта уверенность? Я уже более двадцати лет утверждаю, что укрепленные поселения синташтинского типа в Южном Зауралье населяли специализированные общины горняков, металлургов, кузнецов, литейщиков [Виноградов, 1995]. Причем полностью они были населены лишь часть года. Все остальное время их население было немногочисленным, что и сказалось на масштабах погребальных памятников, относящихся к этим поселениям. Синташтинские поселения были, как я думаю, местами, где происходили периодические встречи их обитателей с представителями аборигенных культур, прежде всего по поводу металла. Обладание металлом и изделиями из него, судя по практически полному отсутствию следов собственного металлопроизводства на памятниках терсекской и ботайской культур, для аборигенов, очевидно, было престижным.

К сожалению, культурогенетические процессы, особенно связанные с кардинальной трансформацией материального мира, археологические методики улавливают лишь в малой степени.

По моему мнению, сравнивая и ставя в один ряд синташтинские и петровские памятники, мы пытаемся сравнивать несравнимые явления.

С одной стороны, можно говорить о том, что за несколько десятилетий осмысления синташтинского феномена его таксономический уровень так и не был определен и объяснен, как и модель его функционирования. Например, не объяснены: наличие в синташтинском гончарстве нескольких культурно-технологических традиций, вызывающих у исследователей ассоциации с различными квазиэнеолитическими культурами и культурами бронзового века; странная тяга синташтинских общин к жизни *исключительно* в монументальных укрепленных поселениях с удивительной степенью стандартизации и «геометризма»; подразделение синташтинской территории на две подзоны: основную — с укрепленными поселениями и несоразмерно малыми с ними некрополями с тотально «богатыми» погребениями и внешнюю ойкумену, представленную отдельными могильниками, а то и отдельными погребениями, включающую на западе территорию распространения абашевских памятников Южного Урала, на востоке — Среднее Приоболье, на юго-востоке — территорию от Южного Зауралья до Верхнего Приоболья и Тургайского прогиба. Каковы были причины и необходимость появления этих синташтинских могильников и погребений в условиях значительной удаленности от укрепленных поселений? Не все коллеги согласны с гипотезой о приуроченности синташтинских и части петровских укрепленных поселений не к определенному ландшафту, а к месторождениям медьсодержащих минералов, к рудным телам вдоль окраин лесных массивов — источников древесного угля.

С другой стороны, уже на раннем (петровском) этапе истории алакульских культур материальный мир памятников разительно отличался от синташтинского. Культурную мозаичность материального мира синташтинских памятников на петровском этапе истории алакульских культур сменили алакульские стереотипы, прежде всего в гончарстве. Своеобразие раннему (петровскому) этапу истории алакульской культуры Южного Зауралья придает сохранение традиции обособленного существования кланов горняков — металлургов — кузнецов — литейщиков за оборонительными сооружениями укрепленных поселений. Как правило, петровские укрепленные поселения возникали на месте подобных же синташтинских. Как и в синташтинское время, это было обусловлено близостью месторождений медьсодержащих минералов. А кроме того, связь локализации петровских укрепленных поселений с развалинами синташтинских укрепленных поселений могла существовать и по причине сакрализации именно этих участков пространства. Необходимо отметить и резкое изменение, в сравнении с синташтинскими памятниками, культурных компонентов петровских укрепленных поселений и связанных с ними могильников. В гончарстве этих памятников прослеживается, помимо выраженной раннеалакульской, некая покровская (срубная) составляющая. Важно понимать и то, что, в отличие от синташтинских общин, творивших чудо металлопроизводства исключительно за оборонительными сооружениями, уже на петровском этапе истории алакульской культуры Южного Зауралья укрепленные поселения соседствовали с многочисленными неукрепленными селищами, в изо-

билии выявленными по степным рекам Южного Зауралья [Виноградов, 2011, с. 97, рис. 31]. Последнее. На развитом этапе истории алакульских культур традиция сооружения монументальных укрепленных поселений продолжала бытовать в Северном Казахстане и практически на развитом этапе истории алакульской культуры лесостепей Зауралья появилась в Среднем Приоболжье (укрепленное поселение Камышное II), на границе культурного ареала, но модель функционирования этих укрепленных поселений видится уже другой и не связанной с металлопроизводством. Что касается петровских укрепленных поселений в Южном Зауралье, то необходимость как в них самих, так и в функционировании кланов горняков — металлургов — кузнецов — литейщиков отпала, скорее всего, в связи с началом работы целого ряда мощных горно-металлургических центров на Южном Урале (Мугоджары, Каргалы и месторождения востока территории современной Оренбургской области).

Для автора проблема хозяйственно-экономического основания жизни синташтинских общин и проблема их дефиниции возникли в середине 1990-х гг. Уже тогда я связывал историю синташтинских общин с месторождениями медьсодержащих минералов и специализацией на металлопроизводстве с целым шлейфом общекультурных последствий [Виноградов, 1995, с. 25].

Модель функционирования памятников синташтинского типа, изученная преимущественно на археологическом уровне, далека от подобных моделей жизни, созданных для носителей «стандартных» пастушеских скотоводческих культур бронзового века степей Евразии. Несходство модели происхождения, внутренней структуры и системы функционирования кланов горняков — металлургов — кузнецов — литейщиков, к которым я отношу синташтинские общины с их тотальной «вписанностью» в практику специальной магии, своеобразной, судя по данным этнографии, системой семейно-брачных отношений, и «стандартных» скотоводческих обществ пастухов (к примеру, культур алакульской КИО) становится все более очевидным.

В отличие от пастушеских скотоводческих культур алакульской культурно-исторической общности синташтинские кланы-общины, по моему мнению, являли собой скорее *транскультурный феномен с иной моделью организации жизни, объединявший кланы горняков, металлургов, кузнецов и литейщиков нескольких соседних археологических культур, в частности абашевской Южного Урала, некоей «протосрубной» Южного Урала, и, в меньшей степени (с неким участием), носителей квазиэнеолитических культур Северного Казахстана.*

По моему глубокому убеждению, исследовательские усилия необходимо направить и на переосмысление содержания синхронных синташтинским и явно близких культурно абашевских памятников Южного Урала. «Лабильность» обитателей абашевских поселений, вызывающая восхищение исследователей [Горбунов, 1992, с. 197], легко объясняется через понятую для синташтинских общин нестандартность и креативность модели функционирования, хозяйственно-экономической жизни и вытекавшую из этого нестандартность социальной структуры и политической системы. Монолитность абашевских древностей Южного Урала кажущаяся. Это подтверждает многолинейность погребальной обрядности, безусловное выделение групп в керамическом комплексе, в частности, синташтинской или синташтоидной. В.С. Горбунов, рассматривая синташтинские памятники как вариант абашевской уральской культуры, указывает на то, что и Тюбьяк и Береговские поселения созданы «вблизи выходов рудных тел», а хозяйство их составляло «бесстойловое скотоводство и развитая металлургия» [1992, с. 197].

Также перспективным считаю внесение ясности по поводу статуса и модели функционирования срубного населения Каргалинского рудного поля в интересующем нас в данном случае хронологическом интервале и наличие у него системы контактов и связей с синташтинскими общинами Южного Зауралья.

Данные палеоантропологии, кажется, подтверждают всю сложность культурогенетических процессов, протекавших в это время в Уральском регионе и на прилегающих территориях в условиях краха катакомбного мира и пика многолетней аридизации рубежа III–II тыс. до н.э. Во всяком случае, вывод Е.П. Китова о том, что «максимальную разнородность обнаруживают *(краниологические. — Н. В.)* серии из синташтинских и петровских памятников», мне не кажется парадоксальным [Китов, 2011, с. 7, 18–19; Хохлов, Китов, 2014, с. 131–142].

К сожалению, часть высказанных мыслей останется в ранге гипотез до получения дополнительных массивов информации по отдельным проблемам.

Скорее всего, синташтинский феномен как сообщество кланов горняков — металлургов — кузнецов функционировал относительно самостоятельно, вне или в условиях частичной юрисдикции (?) элит упомянутых выше культур [Черных, 2007, с. 134–169].

Последнее. Если исходить из изложенной позиции, нет смысла представлять население синташтинских укрепленных поселений как результат дальних миграций из Малой Азии или другого отдаленного от Южного Урала региона, где в предшествующее время имели место круглоплановые укрепленные поселения и высокоразвитое металлопроизводство [Пятых, 2016, с. 127–128]. Вероятно, настало время для выдвижения гипотезы о южноуральском или Урало-Поволжском генезисе синташтинского феномена в контексте развития регионального процесса металлопроизводства (как его организации, так и модели функционирования). Повторюсь, речь идет о формировании синташтинского феномена именно как *некоего транскультурного сообщества кланов горняков — кузнецов — металлургов — литейщиков*.

Кроме того, есть еще одна важная проблема — лингвистическая. Выше уже отмечено, что, по мнению коллег, аборигенное энеолитическое население на обширных территориях между Уралом и Каспийским морем определяется как протоугорязычное [Мосин, 2000, с. 239]. Представители Зауральской энеолитической общности культур геометрической керамики лингвистически определены как финно-угорские [Калиева, Логвин, 1997, с. 161]. Население синташтинских укрепленных поселений говорило, как считает, в частности, Е.Е. Кузьмина, на диалектах индоиранских языков [1986, с. 37]. Усвоение всего пакета синташтинских культурных маркеров в этом случае должно было столкнуться с лингвистическими сложностями. Помимо обозначенной проблемы имеет смысл упомянуть и о трудностях заимствования у чуждого во всем населения идеологических парадигм. Таких, например, как модель пространства семейного некрополя. Так или иначе, специалисты должны вернуться к проблеме лингвистической идентификации носителей аборигенных культур Зауралья и Северного Казахстана энеолитического периода.

В качестве выводов

1. Укрепленное поселение Семиозерное II и укрепленное поселение Аркаим не могут быть ни одновременными, ни культурно идентичными, поскольку керамический комплекс культурного слоя Аркаима свидетельствует о более культурно разнообразной и протяженной во времени его истории, хотя бы и в виде отдельных эпизодов.

2. Стремление некоторых коллег синхронизировать и культурно объединить петровские памятники Северного Казахстана и синташтинские Южного Зауралья вряд ли оправдано, поскольку они глубоко отличны по происхождению, модели функционирования и лишь частично хронологически совпадают.

3. Одной из основных причин разногласий по поводу таксономического статуса петровских памятников Северного Казахстана, их хронологической и культурной атрибуции является отсутствие системно организованной информации. Необходимо направить исследовательские усилия на формирование базы данных по материальной культуре памятников петровского типа Северного Казахстана на *скрупулезном* источниковедческом уровне.

4. Настало время для выдвижения гипотезы о южноуральском или урало-поволжском генезисе синташтинского феномена в контексте развития регионального процесса металлопроизводства (как его организации, так и модели функционирования), о формировании синташтинского феномена именно как *некоего транскультурного сообщества кланов горняков — кузнецов — металлургов — литейщиков*.

5. Автор полагает, что за памятниками синташтинского типа Южного Зауралья необходимо видеть историю транскультурного феномена, объединявшего кланы горняков, металлургов, кузнецов и литейщиков нескольких соседних археологических культур, в частности абашевской Южного Урала, некоей «протосрубной» Южного Урала. В меньшей степени фиксируется присутствие носителей квазиэнеолитических культур Северного Казахстана.

6. Необходимо отметить и резкое изменение, в сравнении с синташтинскими памятниками, культурного состава петровских укрепленных поселений и связанных с ними могильников. В гончарстве этих памятников прослеживается, помимо выраженной собственно петровской (раннеалакульской), некая покровская (срубная) составляющая.

7. Петровские укрепленные поселения как места обитания и работы кланов горняков — металлургов — кузнецов — литейщиков существовали параллельно с многочисленными неукрепленными поселениями до тех пор, пока не началась работа целого ряда горно-металлургических центров позднего бронзового века на Южном Урале.

8. Памятники петровского типа в целом отражают ранний этап истории сообщества пастушеских скотоводческих алакульских культур.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Виноградов Н.Б.* Хронология, содержание и культурная принадлежность памятников синташтинского типа бронзового века в Южном Зауралье // Вестник ЧГПИ. Ист. науки. Челябинск: ЧГПУ, 1995. № 1. С. 16–26.
- Виноградов Н.Б.* Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э.: (Памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с.
- Виноградов Н.Б., Алаева И.П.* Керамическая коллекция из раскопок укрепленного поселения Устье I // Древнее Устье: Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис, 2013. С. 143–178.
- Горбунов В.С.* Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа: Изд-во БГПИ, 1992. 223 с.
- Евдокимов В.В.* Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1983. С. 35–47.
- Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В.* Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана: Учеб. пособие. Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. 138 с.
- Евдокимов В.В., Григорьев С.А.* Металлургические комплексы поселения Семиозерки II // Новое в археологии Южного Урала. Сер. Южный Урал: Природно-климатические факторы и историко-культурные процессы. Челябинск: Рифей, 1996. С. 124–130.
- Евдокимов В.В., Логвин В.Н.* Исследования в Кустанайской области // АО 1971 г. М.: Наука, 1972. С. 287–289.
- Евдокимов В.В., Логвин В.Н., Бурнаева В.Д.* Исследования в Верхнем Притоболье // АО 1974 г. М.: Наука, 1975. С. 484–485.
- Евдокимов В.В., Логвин А.В., Ткачев А.А.* Поселение Семиозерное II // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 30–40.
- Евдокимов В.В., Ткачев А.А.* Работы Карагандинского отряда // АО 1978 г. М.: Наука, 1979. С. 532.
- Зданович Г.Б.* Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1984. С. 3–23.
- Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. 177 с.
- Зданович Г.Б., Зданович С.Я.* Могильник эпохи бронзы у с. Петровка // СА. 1980. № 3. С. 183–193.
- Калиева С.С.* О роли «местного» компонента в формировании петровско-синташтинских древностей // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 173–177.
- Калиева С.С., Логвин В.Н.* Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай: Кустанайский печатный двор, 1997. 176 с.
- Калиева С.С., Логвин В.Н.* Некоторые штрихи к проблеме одомашненности лошади терсекских и бо-тайских памятников // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (13). С. 246–255.
- Китов Е.П.* Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 26 с.
- Кузьмина Е.Е.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1986. 134 с.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б.* Керамика Аркаима: Опыт типологии // РА. 2004. № 4. С. 67–82.
- Матвеев А.В.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 416 с.
- Мосин В.С.* Энеолит // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 149–241.
- Пятых Г.Г.* Реалии синташтинского феномена // РА. 2016. № 2. С. 120–130.
- Урманова Э.Р., Логвин В.Н.* Женские наконечники украшений Казахстана: (Эпоха бронзы). Лисаковск, 1998. 64 с.
- Хохлов А.А., Китов Е.П.* Специфика антропологического состава носителей потапово-синташтинских культурных традиций (по краниологическим материалам Поволжья и Урала переходного времени от средней к поздней бронзе) // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона: (Вопросы хронологии, периодизации, историографии). Самара: ПГСГА, 2014. С. 131–142.
- Черных Е.Н.* Каргалы: Феномен и парадоксы развития. Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М.: Языки славянской культуры, 2007. Т. V. 200 с.
- Шевнина И.В., Логвин А.В.* Синташтинские курганы в Северном Казахстане (по материалам Халвайских курганов) // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона: (Вопросы хронологии, периодизации, историографии): Материалы междунар. науч. конф., 12–14 марта 2014 г. Самара: ПГСГА, 2014. С. 143–150.

QUESTIONS OF SYNCHRONIZATION, CULTURAL AFFINITY OF SINTASHTA AND PETROVKA SITES AND THEIR POSSIBLE SOLUTIONS

The paper is aimed to discuss problems of synchronization and cultural affinity of Sintashta and Petrovka sites. The author denies a possibility of complete synchronization of Sintashta and Petrovka sites. He believes that comparing Sintashta and Petrovka sites, we try to compare incomparable phenomenon: materialized remnants of the history of a community of the Sintashta clans of miners, metal-makers, blacksmiths, foundrymen, on the one hand, and sites of a community of the Alakul pastoral cultures, on the other.

Key words: the Bronze Age, Southern Trans-Urals, Northern Kazakhstan, Sintashta sites, Petrovka sites, clans of miners, metal-makers, blacksmiths, foundrymen, Alakul cultural-historical community sites.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-038-047

REFERENCES

- Chernykh E.N., 2007. *Kargaly: Fenomen i paradoksy razvitiia. Kargaly v sisteme metallurgicheskikh provintsi. Potaennaia (sakral'naia) zhizn' arkhainykh gornikov i metallurgov* [Kargaly: Phenomenon and paradoxes of development. Kargaly in the system of metallurgical provinces. Secret (sacred) life of archaic miners and metal-makers], vol. 5, Moscow: lazyki slavianskoi kul'tury, 200 p.
- Evdokimov V.V., 1983. Khronologiya i periodizatsiya pamiatnikov epokhi bronzy Kustanaiskogo Pritobol'ia [Chronology and periodization of the Bronze Age sites of the Tobol River basin in Kustanai region]. *Bronzovyi vek stepnoi polosy Uralo-Irtyskogo mezhdurech'ia*, Cheliabinsk: ChelGU, pp. 35–47.
- Evdokimov V.V., Grigor'ev S.A., 1996. Metallurgicheskie komplekсы poseleniia Semiozerki II [Metallurgical complexes of the settlement of Semiozerky II]. *Novoe v arkheologii luzhnogo Urala*, Seriya luzhnyi Ural: Prirodno-klimaticheskie faktory i istoriko-kul'turnye protsessy, Cheliabinsk: Rifei, pp. 124–130.
- Evdokimov V.V., Logvin V.N., 1972. Issledovaniia v Kustanaiskoi oblasti [Researches in Kustanai region]. *Archeologicheskie otkrytiia-1971*, pp. 287–289.
- Evdokimov V.V., Logvin V.N., Burnaeva V.D., 1975. Issledovaniia v Verkhnem Pritobol'e [Researches in the Upper Tobol River basin]. *Arkheologicheskie otkrytiia-1974*, pp. 484–485.
- Evdokimov V.V., Logvin A.V., Tkachev A.A., 2016. Poselenie Semiozernoe II [The settlement of Semiozernoye II] *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 2 (33), pp. 30–40.
- Evdokimov V.V., Tkachev A.A., 1979. Raboty Karagandinskogo otriada [Works of the Karaganda expedition]. *Arkheologicheskie otkrytiia-1978*, p. 532.
- Evdokimov V.V., Varfolomeev V.V., 2002. *Epokha bronzy Tsentral'nogo i Severnogo Kazakhstana* [The Bronze Age in Central and Northern Kazakhstan], Karaganda: KarGU, 138 p.
- Gorbunov V.S., 1992. *Bronzovyi vek Volgo-Ural'skoi lesostepi* [The Bronze Age of the Volga-Ural forest-steppe region], Ufa: BGPI, 223 p.
- Kalieva S.S., 2005. O roli «mestnogo» komponenta v formirovaniі petrovsko-sintashtinskikh drevnostei [On the role of the «local» component in the formation of the Petrovka-Sintashta antiquities]. *Zapadnaia i luzhnaia Sibir' v drevnosti*, Barnaul: Izd-vo AltGU, pp.173–177.
- Kalieva S.S., Logvin V.N., 1997. *Skotovody Turgaia v tret'em tysiacheletii do nashei ery* [Turgai cattle-farmers in the third millennium BC], Kustanai: Kustanaiskii pechatnyi dvor, 176 p.
- Kalieva S.S., Logvin V.N., 2011. Nekotorye shtrikhi k probleme odomashnennosti loshadi tersekskikh i bo-taiskikh pamiatnikov [Some strokes to the problem of domesticated horses at the Tersek and Botay sites]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 2 (13), pp. 246–255.
- Khokhlov A.A., Kitov E.P., 2014. Spetsifika antropologicheskogo sostava nositelei potapovo-sintashtinskikh kul'turnykh traditsii (po kraniologicheskim materialam Povolzh'ia i Urala perekhodnogo vremeni ot srednei k pozdnei bronze) [Specificity of anthropological composition of bearers of the Potapov-Sintashta cultural traditions (based on craniological materials of the Volga River basin and the Urals during the transition period from the Middle to the Late Bronze)]. *Protseess kul'turogeneza nachal'noi pory pozdnego bronzovogo veka Volgo-Ural'skogo regiona: (Voprosy khronologii, periodizatsii, istoriografii)*, Samara: PGSGA, pp. 131–142.
- Kitov E.P., 2011. *Paleoantropologiya naseleniia luzhnogo Urala epokhi bronzy* [Paleoanthropology of the Bronze Age population of the Southern Urals]. Avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Moscow, 26 p.
- Kuz'mina E.E., 1986. *Drevneishie skotovody ot Urala do Tian'-Shania* [The ancient herdsmen from the Urals to the Tian Shan], Frunze: Ilim, 134 p.
- Maliutina T.S., Zdanovich G.B., 2004. Keramika Arkaima: Opyt tipologii [Ceramics of Arkaim: An effort of typology]. *Rossiyskaia arkheologiya*, no. 4, pp. 67–82.

Проблемы синхронизации, культурной близости памятников синташтинского и петровского типов...

Matveev A.V., 1998. *Pervye andronovtsy v lesakh Zaural'ia* [The first Andronovo people in the Trans-Ural forests], Novosibirsk: Nauka, 416 p.

Mosin V.S., 2000. Eneolit [The Eneolithic]. *Drevniaia istoriia luzhnogo Zaural'ia*, Cheliabinsk: Izd-vo IuUrGU, pp. 149–241.

Piatykh G.G., 2016. Realii sintashtinskogo fenomena [Realities of the Sintashta phenomenon]. *Rossiyskaya arkheologiya*, no. 2, pp. 120–130.

Shevnina I.V., Logvin A.V., 2014. Sintashtinskie kurgany v Severnom Kazakhstane (po materialam Khalvaiskikh kurganov) [Sintashta mounds in Northern Kazakhstan (based on materials of the Khalvay mounds)]. *Protsess kul'turogeneza nachal'noi pory pozdnego bronzovogo veka Volgo-Ural'skogo regiona: (Voprosy khronologii, periodizatsii, istoriografii)*, Samara: PGSGA, pp. 143–150.

Usmanova E.R., Logvin V.N., 1998. *Zhenskie nakosnye ukrasheniia Kazakhstana: (Epokha bronzy)* [Women plait adornments in Kazakhstan: (The Bronze Age)], Lisakovsk, 64 p.

Vinogradov N.B., 1995. Khronologiya, sodержanie i kul'turnaia prinadlezhnost' pamiatnikov sintashtinskogo tipa bronzovogo veka v luzhnom Zaural'e [Chronology, content and cultural identity of the Bronze Age Sintashta sites in the Southern Trans-Urals]. *Vestnik ChGPI, Istoricheskie nauki*, no. 1, pp. 16–26.

Vinogradov N.B., 2011. *Stepi luzhnogo Urala i Kazakhstana v pervye veka II tys. do n.e.: (Pamiatniki sintashtinskogo i petrovskogo tipa)* [Steppe of the Southern Urals and Kazakhstan in the first centuries of the II millennium BC.: (Sintashta and Petrovka types)], Cheliabinsk: Abris, 175 p.

Vinogradov N.B., Alaeva I.P., 2013. *Keramicheskaia kolleksiia iz raskopok ukreplennogo poseleniya Ust'e I* [The ceramics collection from the excavation of the fortified settlement of Ust'e I] *Drevnee Ust'e: Ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e*, Chelyabinsk: Abris, pp. 143–178.

Zdanovich G.B., 1984. *Otnositel'naia khronologiya pamiatnikov bronzovogo veka Uralo-Kazakhstanskikh stepei* [Relative chronology of the Bronze Age sites in Ural-Kazakhstan steppes]. *Bronzovyi vek Uralo-Irtyskogo mezhdurech'ia*, Cheliabinsk: ChelGU, pp. 3–23.

Zdanovich G.B., 1988. *Bronzovyy vek Uralo-Kazakhstanskikh stepey* [The Bronze Age of the Ural-Kazakhstan steppes], Sverdlovsk: Izd-vo UrGU, 177 p.

Zdanovich G.B., 1997. Arkaim — kul'turnyi kompleks epokhi srednei bronzy luzhnogo Zaural'ia [Arkaim, a cultural complex of the Middle Bronze Age in the Southern Trans-Urals]. *Rossiyskaya arkheologiya*, no. 2, pp. 47–62.

Zdanovich G.B., Zdanovich S.Ya., 1980. Mogilnik epokhi bronzy u s. Petrovka [A burial ground of the Bronze Age near the village of Petrovka], *Sovetskaia arkheologiya*, no. 3, pp. 183–193.

И.А. Кукушкин*, Д.С. Жусупов**, Е.А. Дмитриев*

*Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова
ул. Университетская, 28, Караганда, 100028, Казахстан
E-mail: sai@ksu.kz;
yevgenii1992@mail.ru

**Карагандинский областной историко-краеведческий музей
ул. Ерубаяева, 38, Караганда, 100000, Казахстан
E-mail: donya_1986@mail.ru

МОГИЛЬНИК АКШОКЫ — НОВЫЙ ПАМЯТНИК В СИСТЕМЕ АНДРОНОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ САРЫАРКИ

В последние годы археологическими исследованиями была охвачена целая группа федоровских памятников, демонстрирующих «чистую» линию развития (Бесоба, Шерубай-1, Бада и др.). Одним из таких комплексов является раскопанное на могильнике Акшоки многомогильное сооружение 1, которое представляет собой две вписанные друг в друга ограды прямоугольной в плане формы, вытянутые в меридиональном направлении. В заглубленной внутренней площадке было устроено семь выстроенных в линию могил с остатками кремации. Основные характеристики погребального обряда ограды Акшоки находят широкие аналогии в федоровских древностях Сарыарки и сопредельных регионов, а также отражают совмещение некоторых существенных особенностей регионального и общекультурного порядка: многомогильные комплексы (Сангуыр II, Айшрак), спаренные ящики (Айшрак, Бельасар, Балакулболды II), возведение двойной ограды, в том числе разными строительными методами, известное по материалам могильников Аксу-Аюлы II, Жыланды III, Бесоба. Массовые одноактные захоронения, видимо, связаны с исключительными обстоятельствами смерти, выходящими за рамки естественной смертности. Возможно, одной из таких причин явилось какое-то военное межплеменное столкновение, чему не противоречит пестрая культурная картина, фиксируемая в Центральном Казахстане, где происходили сложные процессы ассимиляции и интеграции на разных этапах между петровскими, алакульскими и федоровскими группами населения. Установить конкретную хронологическую позицию ограды Акшоки довольно проблематично, во-первых, в связи с общей неразработанностью детальной периодизации федоровской культуры; во-вторых, из-за практически сплошного ограбления в древности исследованных захоронений. Думается, наиболее верным будет принять широкую дату в рамках первой половины II тыс. до н.э., что подтверждается применением методов радиоуглеродного датирования федоровских древностей.

Ключевые слова: Сарыарка, бронзовый век, андроновские древности, федоровская культура, погребальный комплекс, кремация.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-048-056

Археологические факты

В 2012 г. археологической экспедицией Карагандинского областного историко-краеведческого музея проводились исследования комплекса разновременных памятников в местности Тортколь. Работами были охвачены сооружения нескольких исторических эпох на могильниках Акшоки, Танабай и отдельные погребальные постройки Тасшоки, Сеитказы, Шантимес и Карасу I. Особый интерес представляет ограда 1 могильника Акшоки, при раскопках которой получен материал бронзового века.

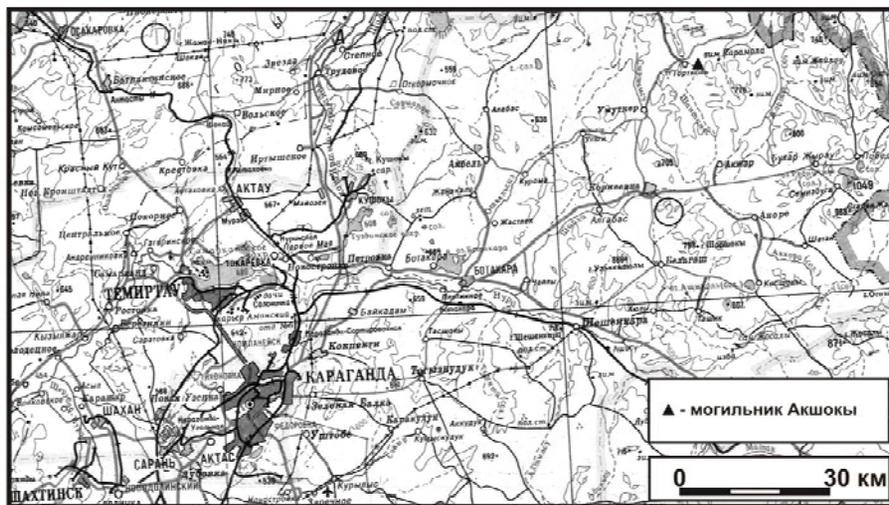
Некрополь Акшоки находится в Бухаржырауском районе Карагандинской области, на левом берегу р. Шантимес, в 2 км восточнее п. Тортколь и занимает относительно ровную площадку, на которой визуально фиксируются отдельные разновременные погребальные комплексы (рис. 1).

До раскопок сооружение 1 представляло собой прямоугольную в плане ограду, ориентированную в меридиональном направлении, которая фиксировалась по плитам, выступавшим на современной дневной поверхности на 0,15–0,4 м (рис. 2). На объекте был разбит раскоп общей площадью 70 м².

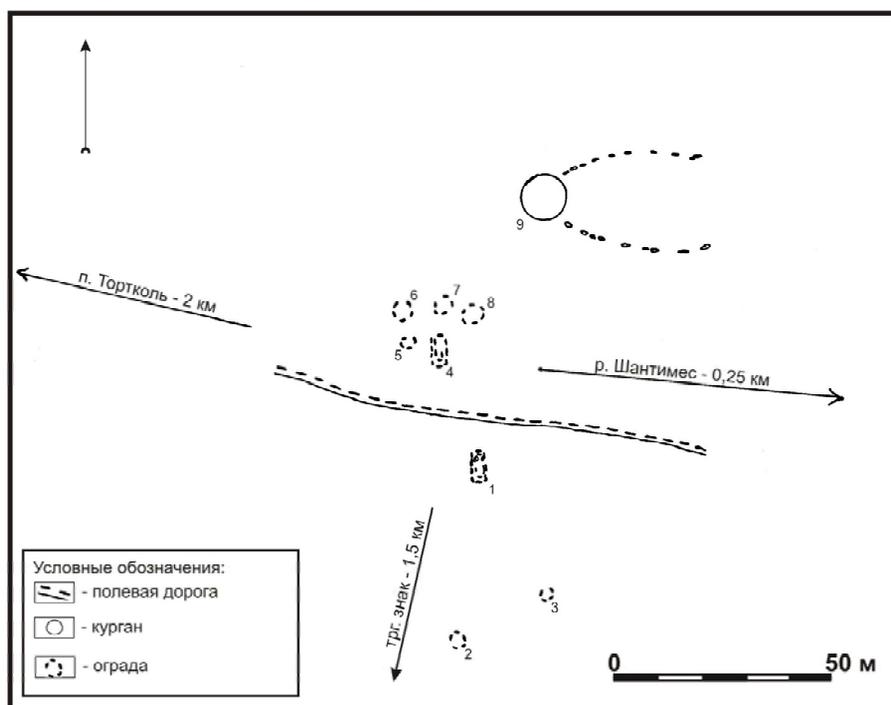
После снятия дернового слоя были выявлены две вписанные друг в друга ограды. Внешняя, размерами 8x4 м, была возведена из плит, установленных на ребро с целенаправленным наклоном внутрь, что достигалось благодаря подпорочным камням. С южной и северной сторон

Могильник Акшоки — новый памятник в системе андроновских древностей Сарыарки...

плиты ограды сохранились фрагментарно. Внутренняя ограда, размерами 7,5×2,5 м, имела аналогичную форму и ориентировку, но возводилась иным способом — заглубленной в грунт строительной кладкой в 2–3 ряда высотой.

1

2

Рис. 1. Могильник Акшоки. Местонахождение (1) и план (2) памятника.

Во внутреннем пространстве второй ограды был вырыт общий котлован, в котором на глубине 0,3–0,5 м от уровня материка фиксировались торцовые стенки каменных ящиков и разбитые плиты перекрытия могил. После выборки грунта были выявлены вытянутые в линию семь каменных ящиков, сооруженных из гранитных плит и ориентированных по линии запад — восток. Основная масса погребений (№ 3–7) совершена в отдельных каменных ящиках, погребения № 1 и 2 имели общую боковую стенку (рис. 3).

Рис. 2. Вид ограды Акшокры до раскопок.

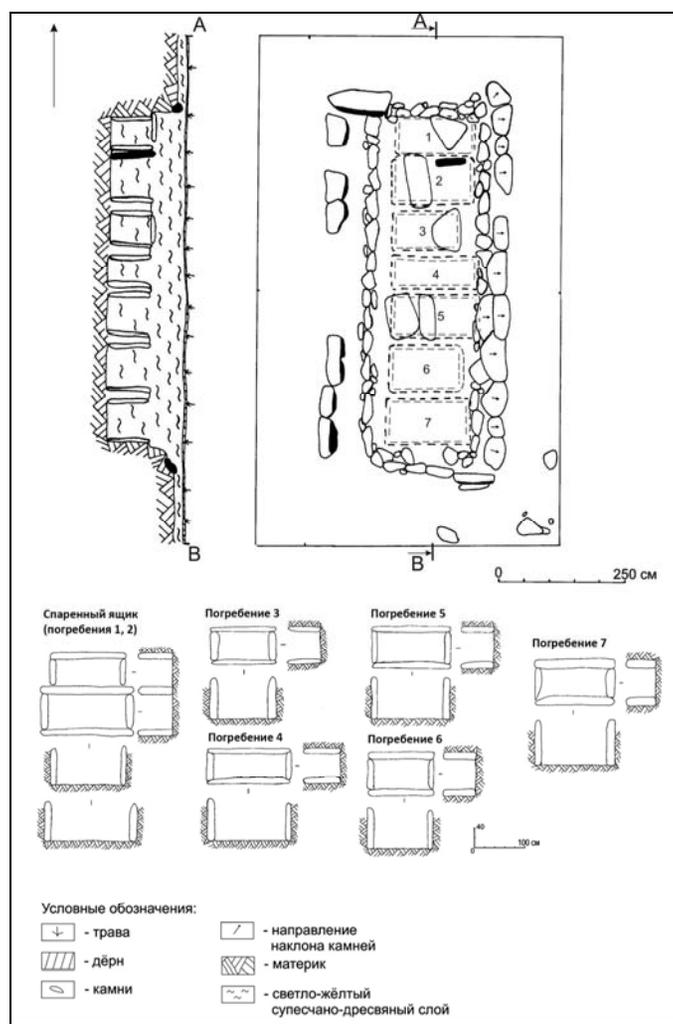

Рис. 3. Планы и разрезы ограды и погребений.

Ящик № 1. Расположен в северной части внутриоградного пространства. Размеры 1,5х0,75х0,8 м. Торцовые плиты выступают над продольными на 0,2 м. В процессе выборки заполнения могилы фиксировались фрагменты разрушенного перекрытия в виде обломков

Могильник Акшоки — новый памятник в системе андроновских древностей Сарыарки...

плит. На глубине 0,3 м от краев могилы обнаружены мелкие фрагменты керамики, ниже, у дна, найдены астрагал барана и кальцинированные кости.

Ящик № 2. Размеры 1,7×1×0,8 м. Торцовые плиты возвышаются над продольными до 0,3 м, причем западная несколько выше. В заполнении могилы встречались разрозненные фрагменты керамики и кальцинированные кости.

Ящик № 3. Размеры 1,2×0,7×0,8 м. Торцовые плиты возвышались над продольными на 0,1 м. При расчистке могилы встречены фрагменты каменного перекрытия и фрагменты глиняной посуды. На глубине 0,5 м расчищены остатки кремации в виде отдельных кальцинированных костей.

Ящик № 4. Размеры 1,7×0,7×0,85 м. На глубине 0,6 м обнаружены фрагменты керамики (рис. 4, 3). В процессе выборки заполнения могилы на глубинах 0,4–0,8 м встречались кальцинированные кости.

Ящик № 5. Размеры 1,7×0,9×0,85 м. Торцовые стенки возвышались над длинными продольными до 0,3 м, причем западная была выше восточной. На глубине 0,4 м обнаружены фрагменты керамики (рис. 4, 2, 4). На уровне 0,5–0,7 м расчищены остатки кремации в виде отдельных кальцинированных костей.

Ящик № 6. Размеры 1,3×0,95×0,85 м. Торцовые стенки возвышались над продольными до 0,15 м. Во внутреннем пространстве могилы обнаружены фрагменты каменного перекрытия. На глубине 0,3 м найдены бронзовые подвеска, звено пронизки и бусина. У дна могилы на уровне 0,5–0,7 м отмечены кальцинированные кости.

Ящик № 7. Размеры 1,75×0,9×0,85 м. Торцовые стенки могилы превышают продольные до 0,35 м, причем восточная несколько выше западной. В процессе выборки заполнения встречены фрагменты керамики (рис. 4, 1), а на глубине 0,5–0,7 м фиксировались отдельные скопления кальцинированных костей.

Погребальный инвентарь исследованного комплекса представлен украшениями в виде подвески в 1,5 оборота, звена пронизки, бусины и фрагментов керамики как минимум от четырех сосудов, один из которых удалось реставрировать (рис. 4, 1).

Керамический сосуд имеет горшечную форму, плавную профилировку, округлое плечо, переходящее в раструбообразную шейку с уплощенным венчиком. Орнамент нанесен по прямой сетке мелкозубчатым штампом и покрывает верхнюю половину сосуда. В композиционном плане подразумевается три обособленные зоны орнамента, что достигалось благодаря использованию каннелюр (рис. 4).

Аналогии

Керамический комплекс имеет широкие аналогии среди федоровских древностей Сарыарки и сопредельных территорий. Округлое плечо — важный диагностирующий признак, напрямую связанный с технологией изготовления сосудов, при которой ленты накладывались со скосом наружу [Кузьмина, 2008, рис. 23]. Раструбообразной формой шейки реставрированный сосуд близок к известным экземплярам в материалах могильников Зевакино [Арсланова, 1973, рис. 3], Дарьинский [Ломан, Кукушкин, 2012, рис. 12, 2].

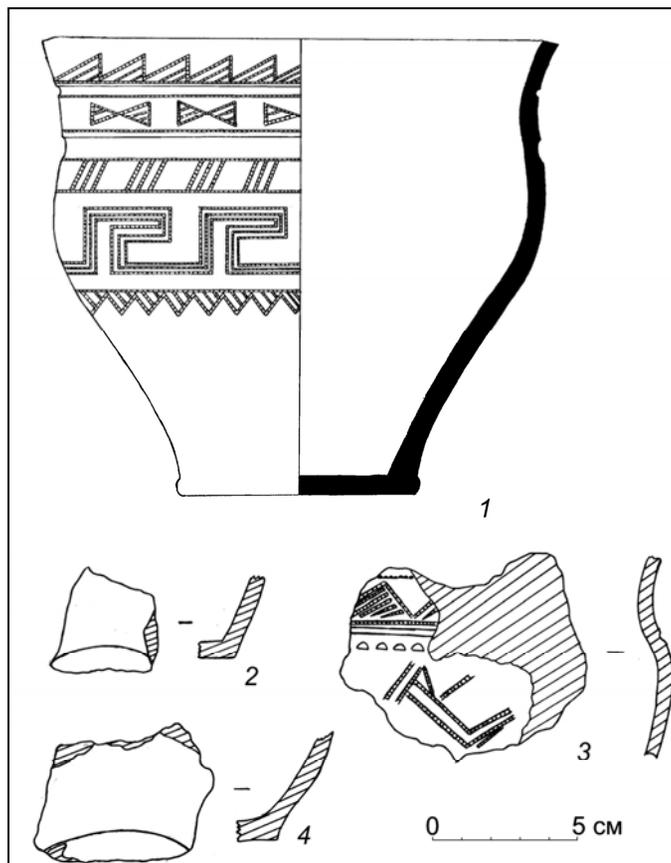
Орнаментальная композиция в виде прямого меандра по тулову находит аналогии в материалах могильников Дарьинский [Ломан, Кукушкин, 2012, рис. 12, 3; рис. 13, 5], Егизек [Маргулан, 1979, рис. 11, 1], Айшрак, Кытманово, Урский, Джартас, Путиловская Заимка II [Ковтун, 2016, табл. 26, 2, 3, 5–9] и раннеалакульских комплексах Аяпбергена [Кукушкин, 2006, рис. 4, 4]. Согласно типологии И.В. Ковтуна, композиционный вариант орнамента сосуда Акшоки является классическим моносюжетом, в котором доминантный мотив — цепочка треугольников по венчику с сопутствующей трехзональной разбивкой [2016, с. 21]. Довольно показательным, что тулово не покрыто сложными меандровыми фигурами, усложненными отрезками и обрамленными фестонами.

Как считает И.В. Рудковский, нанесение орнамента по прямой сетке и соотношение прямых и скошенных фигур на федоровской керамике при статичности базовых свойств орнаментики (65,1 %) не следует превращать в стереотип [2013, с. 44, 46].

Исследованный погребальный комплекс Акшоки, отражает особенности центрально-казахстанских федоровских материалов: возведение двойной ограды разными строительными методами, линейный принцип планирования внутриоградного пространства, сильно заглубленные в материк ящики и спаренные погребальные камеры.

Подобные по устройству федоровские многомогильные комплексы с линейной планировкой исследованы в составе некрополя Сангуыр II [Кадырбаев, 1961, рис. 3] и синкретических памят-

ников Былкылдак I, Айшрак, Аксу-Аюлы I, Жамбай-Карасу, Басбалдак, Койшоко I [Маргулан и др., 1966], Атасу I [Кадырбаев, Курманкулов, 1992], Ижевский I, познепетровских комплексов Бозенгена [Ткачев, 2002a, b] и раннеалакульского могильника Нураталды I.

Рис. 4. Керамическая коллекция:
1 — погребение 7; 2, 4 — погребение 5; 3 — погребение 4.

Как справедливо отмечала Т.С. Малютина: «определяя каждое последующее место захоронения, федоровское население руководствовалось линейными принципами, как при возведении отдельных курганов, так и при сооружении отдельных камер на погребальной площадке» [1994, с. 10], что противопоставляется круговой планировке петровских и раннеалакульских комплексов.

Появление у петровцев и алакульцев Сарыарки линейного принципа является результатом смешения с автохтонными федоровскими этнокультурными группами, что отмечается в ряде петровско-федоровских смешанных комплексов Сарыарки (Икпень I, Алтынсу, Балыкты, Звенигородка и др.) [Кабанов и др., 1975; Ткачев, 2002b], которые выделены А.А. Ткачевым в балыктинский тип [2002b, с. 215], видимо синхронный марининскому [Ткачева, Ткачев, 2008, с. 248–249] Верхнего Прииртышья. Апогея процессы ассимиляции и интеграции достигают на алакульском этапе, что в конечном счете приводит к сложению алакульско-федоровского синкретического типа памятников (Тасырбай II, Акимбек I, Сангуыр II, Ижевский I, Аялберген, Шапат, Тегисжол, Ельшибек и др.) [Варфоломеев, 2007; Кукушкин, 1989, 2006; Маргулан и др., 1966; Оразбаев, 1959; Ткачев, 2002a], в которых переплетаются обе культурные традиции.

Сложная по устройству надмогильная конструкция, состоящая из нескольких вписанных оград, которые возведены разными строительными методами, неоднократно фиксировалась при раскопках федоровских комплексов Сарыарки на некрополях Аксу-Аюлы II [Маргулан и др., 1966], Бесоба [Кукушкин, Дмитриев, 2016], Жыланды III [Кукушкин, 2014].

Отличительными особенностями ограды Акшоки являются заглубленная в материк внутриоградная площадка, отмеченная ранее на могильнике Алпымса [Ткачев, 2002b, рис. 147], значи-

тельная заглубленность в грунтовую яму погребальных камер (Жыланды I, III, Тундык, Алпымса, Самара) [Кукушкин, 2014; Кукушкин и др., 2015; Ткачев, 2002а], наличие спаренного ящика (Айшрак, Бельасар, Балакулболды II) [Маргулан и др., 1966; Маргулан, 1979].

Интерпретация

Думается, характер устройства исследованного погребального комплекса показывает его одноактность. Совершение целого ряда одновременных захоронений явление неординарное и связано с исключительными обстоятельствами смерти, выходящими за рамки естественной смертности. Традиционно под ними подразумеваются военные столкновения, эпидемии, жертвоприношения.

Исследованные погребальные камеры, судя по размерам, предназначены для взрослых индивидов, а обнаруженные украшения в равной степени могли принадлежать мужчинам и женщинам. Отсутствие детских погребений может указывать на искусственный выбор возрастной группы умерших, что при эпидемии маловероятно. Характер известных в материалах федоровской культуры человеческих жертвоприношений [Дмитриев, 2016] несопоставим с комплексом Акшоки. Наиболее вероятно, что погребенные погибли при каком-то военном столкновении или нападении. Показателен абашевский Пепкинский курган [Халиков и др., 1966], в основном захоронении которого расчищено более 20 уложенных в ряд молодых мужчин, в костяках которых фиксировались наконечники стрел. У большинства отрубленные головы были приложены к туловищам, у 7 чел. они вообще отсутствовали. В Центральном Казахстане о насильственной смерти свидетельствует захоронение в ограде 10 могильника Балакулболды II [Маргулан, 1979, с. 54], где обнаружена тазовая кость с вонзившимся в нее наконечником стрелы. На определенные межродовые конфликты указывают отдельные алакульские поселения Южного Зауралья, уничтоженные в результате военных набегов. На месте поселка фиксируются следы пожара и останки людей, погибших насильственной смертью, что доказывается различного рода тяжелыми прижизненными травмами, несовместимыми с жизнью [Чемякин, 2015, с. 172]. Пестрая культурная картина, отмечаемая на территории Центрального Казахстана, где происходили сложные процессы ассимиляции и интеграции, вполне могла обуславливать столкновения отдельных групп населения.

При попытке интерпретации не стоит исходить из способа обращения с телами умерших. Вся накопленная источниковая база позволяет уверенно говорить о наличии у федоровцев биритуализма в широком смысле. Выводы о кремации как об экстраординарном явлении или о статусном обряде не подтверждаются при масштабном статистическом анализе. Большинство предположений «работают» лишь в узких локальных группах и неспособны объяснить ситуацию при сопоставлении с соседними регионами. Наиболее близко к пониманию сути федоровского биритуализма подошли в своих работах В.И. Молодин [1985, с. 109] и В.В. Бобров [1990, с. 84], которые на основании материалов барабинской и кузнецкой групп интерпретируют кремацию и труположение как превалирующий в той или иной этнокультурной группе обряд погребения.

Установить конкретную хронологическую позицию ограды Акшоки довольно проблематично, во-первых, в связи с общей неразработанностью детальной периодизации федоровской культуры; во-вторых, из-за практически сплошного ограбления в древности исследованных захоронений. Думается, наиболее верным будет принять широкую дату в рамках первой половины II тыс. до н.э., что подтверждается применением методов радиоуглеродного датирования [Молодин и др., 2014].

Отдельно отметим, что в теоретических построениях, которые отчасти проиллюстрированы в рамках данной статьи, мы исходим из принципа единства федоровской культуры как явления во всех ее ареалах от Южного Зауралья на западе до котловин по среднему течению Енисея на востоке, вплоть до Средней Азии на юге.

Принимая во внимание некоторые специфические черты конструкций погребальных сооружений в каждой локальной группе, стоит отметить, что они, вероятно, детерминированы наличием подходящего строительного материала. Так, к примеру, в Барабинской лесостепи, Верхнем Приобье и Кузнецкой котловине широко применялось для имитации каменных конструкций дерево (Юрман 1, Кытманово и др.) [Савинов, Бобров, 1995, с. 84–85; Уманский и др., 2007, с. 23–24]. Однако там, где присутствовал подходящий для строительных работ камень, федоровские этнокультурные группы возвращались к исходным стереотипам (памятники Среднего Енисея). Основные же культуроопределяющие признаки (керамический комплекс, набор сопро-

водительных вещей, способы обращения с телами умерших, линейный принцип внутриградной планировки) оставались практически неизменными (окуневские и кротовские черты в орнаментике и конструировании сосудов — результат ассимиляции автохтонных этнокультурных групп Южной Сибири аллохтонными федоровскими).

Признавая некоторое своеобразие федоровских памятников Центрального Казахстана (большее разнообразие надмогильных конструкций), авторы не поддерживают использование термина «нуринский», предложенного в 60-е гг. XX в. в качестве аналога федоровскому этапу андроновской культуры [Маргулан и др., 1966, с. 61]. Создание целой свиты «самостоятельных» (федоровских по сути) археологических культур (нуринская, канайская), отражающих одно явление, только усложняет понимание историко-культурных процессов, протекавших в бронзовом веке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арсланова Ф.Х. Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области // СА. 1973. № 4. С. 160–168.

Бобров В.В. О взаимосвязи посуды и обряда погребения в андроновских памятниках Кузнецкой котловины // Древняя керамика Сибири: Типология, технология, семантика. Новосибирск: Наука, 1990. С. 81–88.

Варфоломеев В.В. Могильник Тегисжол по раскопкам 2005 г. // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда: ИП Е.А. Сытина, 2007. С. 65–84.

Дмитриев Е.А. Аграрный культ и человеческие жертвоприношения у носителей андроновской культуры (по материалам поселения Нижние Кайракты) // Кадырбаевские чтения — 2016: Материалы V Международ. науч. конф. Актобе: ИП Жанадилова С.Т., 2016. С. 95–99.

Кабанов Ю.Ф., Кожин П.М., Черных Е.Н. Андроновские находки на реке Алтынсу // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975. С. 230–240.

Кадырбаев М.К. Могильник Сангуыр II // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1961. Т. 12. С. 48–61.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-Аты: Гылым, 1992. 247 с.

Ковтун И.В. Андроновский орнамент: (Морфология и мифология). Казань: Казанская недвижимость, 2016. 547 с.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.

Кукушкин И.А. Андроновские могильники Кызылкентского ущелья // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Изд-во КарГУ, 1989. С. 67–75.

Кукушкин И.А. Могильник Аяпберген — раннеандоновский памятник Центрального Казахстана // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар: ЭКО, 2006. Вып. 2. С. 50–69.

Кукушкин И.А. Доандоновские погребения Центрального Казахстана // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана: Сарыарка, 2014. С. 401–414.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Полевые исследования на могильнике Бесоба (Казахстан) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: АлтГУ, 2016. Вып. XXII. С. 142–147.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Могильник Тундык: Предварительные результаты исследований // Этнические взаимодействия на Южном Урале: (VI Всерос. науч. конференция). Челябинск, 2015. С. 136–143.

Ломан В.Г., Кукушкин И.А. Могильник Дарьинский // Археология и история Сарыарки. Караганда: Изд-во КарГУ, 2012. С. 81–106.

Малютина Т.С. Федоровская культура Урало-Казахстанских степей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 27 с.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1979. 360 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1966. 436 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Молодин В.И., Елсимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: Принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Сер. История, филология. Т. 13: Археология и этнография. Новосибирск: Новосиб. национ. исслед. гос. ун-т, 2014. Вып. 3. С. 136–167.

Оразбаев А.М. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 59–74.

Рудковский И.В. Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. Алматы: Хикари, 2013. 192 с.

Могильник Акшоки — новый памятник в системе андроновских древностей Сарыарки...

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Курганы андроновской культуры могильника Юрман I в Западной Сибири // Археологические вести. СПб., 1995. № 4. С. 83–90.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002а. Ч. 1. 289 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002б. Ч. 2. 243 с.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: Наука, 2008. 304 с.

Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул: Издательство АлтГУ, 2007. 132 с.

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган: (Абашевский человек). Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1966. 69 с.

Чемякин Ю.П. Следы военных конфликтов на алакульских поселениях // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск, 2015. С. 169–176.

I.A. Kukushkin*, D.S. Zhusupov**, E.A. Dmitriev*

*E.A. Buketov Karaganda State University
Universitetskaya st., 28, Karaganda, 100028, Kazakhstan
E-mail: sai@ksu.kz;
yevgenii1992@mail.ru

**Karaganda Regional Museum of Local History
Erubaev st., 38, Karaganda, 100000, Kazakhstan
E-mail: donya_1986@mail.ru

AKSHOKY BURIAL GROUND: A NEW MONUMENT IN THE SYSTEM OF ANDRONOVO ANTIQUITIES OF SARYARKA

In recent years, archaeological studies have covered a group of Fedorovo monuments, which demonstrate a «pure» line of development (Besoba, Sherubai-1, Bada, etc.). A multigrave structure 1 excavated at the Akshoky burial is one of these complexes. It consists of two rectangular fences penetrating each other and elongated latitudinally. Seven graves arranged in a line with remains of cremation are buried in the internal site. Key features of a burial rite of the Akshoky fence are similar to Fedorov antiquities of Saryarka and adjacent regions, they also reflect a combination of some essential features of the regional and common cultural scale: multigrave complexes (Sanguir II, Aishrak), paired boxes (Aishrak, Belasar, Balakulboldi II), construction of double fencing, including different construction methods which are known according to the materials of the burial grounds of Aksu-Ayuly II, Zhylandy III, Besoba. Simultaneous burials of many people are probably associated with exceptional circumstances of death beyond natural mortality. Perhaps, one of those reasons was some kind of military tribal clash, which is not contrary to the variegated cultural situation in Central Kazakhstan, where the complex processes of assimilation and integration at different stages occurred between the Petrovka, Alakul and Fedorovo groups of population. It is problematic to determine a specific chronological position of the Akshoky fence, firstly, due to lack of detailed periodization of the Fedorovo culture; second, because of the almost continuous robbery of the investigated graves in ancient times. It seems to the authors that the most correct decision is to accept a wide date range within the first half of the II Millennium BC, as it is evidenced by wide application of methods of radiocarbon dating of Fedorovo antiquities.

Key words: Saryarka, the Bronze Age, Andronovo antiquity, the Fedorovo culture, burial grounds, cremation.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-048-056

REFERENCES

Arslanova F.Kh., 1973. Pamiatniki andronovskoi kul'tury iz Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti [Monuments of the Andronovo culture of East Kazakhstan Region]. *Sovetskaia arkheologiya*, no. 4, pp. 160–168.

Bobrov V.V., 1990. O vzaimosviasi posudy i obriada pogrebeniia v andronovskikh pamiatnikakh Kuznetskoi kotloviny [On relationship between dishes and the burial rite at the Andronovo monuments of the Kuznetsk Depression]. *Drevniaia keramika Sibiri: Tipologiya, tekhnologiya, semantika*, Novosibirsk: Nauka, pp. 81–88.

Chemiakin Iu.P., 2015. Sledy voennykh konfliktov na alakul'skikh poseleniakh [Traces of military conflicts in Alakul settlements]. *Etnicheskie vzaimodeistviia na luzhnom Urale: Materialy VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*, Cheliabinsk, pp. 169–176.

Dmitriev E.A., 2016. Agrarnyi kul't i chelovecheskie zhertvoprinosheniia u nositelei andronovskoi kul'tury (po materialam poseleniia Nizhnie Kairakty) [Agricultural cult and human sacrifice in bearers of the Andronovo culture (based on the settlement of Lower Kairakty)]. *Kadyrbaevskie chteniia — 2016: Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Aktobe: IP Zhanadilova S.T., pp. 95–99.

- Kabanov Iu.F., Kozhin P.M., Chernykh E.N., 1975. Andronovskie nakhodki na reke Altynsu [Andronovo findings on the Altynsu River]. *Pamiatniki drevneishei istorii Evrazii*, Moscow: Nauka, pp. 230–240.
- Kadyrbaev M.K., 1961. Mogil'nik Sanguyr II [Sanguyr II burial ground]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR*, vol. 12, pp. 48–61.
- Kadyrbaev M.K., Kurmankulov Zh., 1992. *Kul'tura drevnikh skotovodov i metallurov Sary-Arki (po materialam Severnoi Betpak-Daly)* [Culture of ancient herdsmen and metal-makers of Sary-Arka (based on the materials of North Betpak-Dala)], Alma-Aty: Gylm, 247 p.
- Khalikov A.Kh., Lebedinskaia G.V., Gerasimova M.M., 1966. *Pepkinskii kurgan: (Abashevskii chelovek)* [Pepkinsky mound: (Abashevo human)], Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 69 p.
- Kovtun I.V., 2016. *Andronovskii ornament: (Morfologiya i mifologiya)* [Andronovo Ornament: (Morphology and mythology)], Kazan': Izdatel'skii dom «Kazanskaia nedvizhimost'», 547 p.
- Kukushkin I.A., 1989. Andronovskie mogil'niki Kyzylkentskogo ushel'ia [Andronovo burials of the Kyzylkent gorge]. *Voprosy arkheologii Tsentral'nogo i Severnogo Kazakhstana*, Karaganda: Izd-vo KarGU, pp. 67–75.
- Kukushkin I.A., 2006. Mogil'nik Aiapbergen — ranneandronovskii pamiatnik Tsentral'nogo Kazakhstana [The burial of Ayapbergen, an early Andronovo monument in Central Kazakhstan]. *Izuchenie pamiatnikov arkheologii Pavlodarskogo Priirtysh'ia*, Pavlodar: EKO, 2, pp. 50–69.
- Kukushkin I.A., 2014. Doandronovskie pogrebeniia Tsentral'nogo Kazakhstana [Pre-Andronovo burials of Central Kazakhstan]. *Dialog kul'tur Evrazii v arkheologii Kazakhstana*, Astana: Saryarka, pp. 401–414.
- Kukushkin I.A., Dmitriev E.A., Kukushkin A.I., 2015. Mogil'nik Tundyk: Predvaritel'nye rezul'taty issledovaniia [The burial of Tundyk: Preliminary results]. *Etnicheskie vzaimodeistviia na luzhnom Urale: (VI Vserossiiskaia nauchnaia konferentsiia)*, Cheliabinsk, pp. 136–143.
- Kukushkin I.A., Dmitriev E.A., 2016. Polevye issledovaniia na mogil'nike Besoba (Kazakhstan) [Field research at the burial of Besoba (Kazakhstan)]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia*, XXII, Barnaul: AltGU, pp. 142–147.
- Kuz'mina E.E., 2008. *Klassifikatsiia i periodizatsiia pamiatnikov andronovskoi kul'turnoi obshchnosti* [Classification and periodization of monuments of the Andronovo cultural community], Aktobe: PrintA, 358 p.
- Loman V.G., Kukushkin I.A., 2012. Mogil'nik Dar'inskii [Darinsky burial ground]. *Arkheologiya i istoriia Saryarki*, Karaganda: Izd-vo KarGU, pp. 81–106.
- Maliutina T.S., 1994. *Fedorovskaia kul'tura Uralo-Kazakhstanskikh stepei* [The Fedorovo culture of Ural-Kazakhstan steppes]. Avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Moscow, 27 p.
- Margulan A.Kh., 1979. *Begazy-dandybaevskaia kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana* [The Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan], Alma-Ata: «Nauka» KazSSR, 360 p.
- Margulan A.Kh., Akishev K.A., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M., 1966. *Drevniaia kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana* [Ancient culture of Central Kazakhstan], Alma-Ata: «Nauka» KazSSR, 436 p.
- Molodin V.I., 1985. *Baraba v epokhu bronzy* [Baraba in the Bronze Age], Novosibirsk: Nauka, 200 p.
- Molodin V.I., Epimakhov A.V., Marchenko Zh.V., 2014. Radiouglerodnaia khronologiya kul'tur epokhi bronzy Urala i juga Zapadnoi Sibiri: Printsipy i podkhody, dostizheniia i problemy [Radiocarbon chronology of the Bronze Age cultures of the Urals and the South of Western Siberia: Principles and approaches, achievements and challenges]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya Istoriia, filologiya*, vol. 13: Arkheologiya i etnografiia, 3, Novosibirsk: Federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniia Novosibirskii natsional'nyi issledovatel'skii gosudarstvennyi universitet, pp. 136–167.
- Orazbaev A.M., 1959. Pamiatniki epokhi bronzy Tsentral'nogo Kazakhstana [The Bronze Age monuments in Central Kazakhstan]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR*, vol. 7, pp. 59–74.
- Rudkovskii I.V., 2013. *Andronovskaia ornamentika v kontekste sistemoobrazuiushchikh invariantov* [Andronovo ornaments in the context of the core invariants], Almaty: Khikari, 192 p.
- Savinov D.G., Bobrov V.V., 1995. Kurgany andronovskoi kul'tury mogil'nika Iurman I v Zapadnoi Sibiri [Mounds of the Andronovo culture of the burial ground of Yurman I in Western Siberia]. *Arkheologicheskie vesti*, no. 4, St. Petersburg, pp. 83–90.
- Tkachev A.A., 2002a. *Tsentral'nyi Kazakhstan v epokhu bronzy* [Central Kazakhstan in the Bronze Age], vol. 1, Tiumen': TiumGNGU, 289 p.
- Tkachev A.A., 2002b. *Tsentral'nyi Kazakhstan v epokhu bronzy* [Central Kazakhstan in the Bronze Age], vol. 2, Tiumen': TiumGNGU, 243 p.
- Tkacheva N.A., Tkachev A.A., 2008. *Epokha bronzy Verkhnego Priirtysh'ia* [The Upper Irtysh River basin in the Bronze Age], Novosibirsk: Nauka, 304 p.
- Umanskii A.P., Kiriushin Iu.F., Grushin S.P., 2007. *Pogrebal'nyi obriad naseleniia andronovskoi kul'tury Prichumysh'ia (po materialam mogil'nika Kytmanovo)* [Funerary rite among the population of the Andronovo culture of the Chumysh River basin (based on the materials of the Kytmanovo cemetery)], Barnaul: Izd-vo AltGU, 132 p.
- Varfolomeev V.V., 2007. Mogil'nik Tegiszhol po raskopkam 2005 g. [The burial ground of Tegiszhol: 2005 excavations]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Saryarki*, Karaganda: IP E.A. Sytina, pp. 65–84.

АНТРОПОЛОГИЯ

А.Н. Багашев, С.М. Слепченко, Е.А. Алексеева, А.В. Слепцова

Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ
E-mail: bagashev@mail.ru;
s_slepchenko@list.ru;
alekseeva.elena.ae@gmail.com;
slepsova_1993@mail.ru

КРАНИОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА НА СВАТИЛИЩЕ КУЛАЙСКОГО ГОРОДИЩА БОЛЬШОЙ ЛОГ В ОМСКЕ

Обнаруженный на святилище кулайского городища Большой Лог палеоантропологический материал представляет большой интерес при рассмотрении вопросов формирования морфологического типа населения кулайской историко-культурной общности. Несмотря на ее обширный ареал (Среднее и Нижнее Приобье и прилегающие территории Западной Сибири) и продолжительный период функционирования (середина I тыс. до н.э. — середина I тыс. н.э.), в научный оборот введены весьма незначительные антропологические данные, позволяющие охарактеризовать физический облик кулайского населения. Это материалы из могильников Каменный Мыс, Алдыган, единичные черепа с Усть-Полуя и Кулайской Горы. Исследование черепа со святилища Большой Лог показало, что при высокой индивидуальной изменчивости морфологические особенности данного индивида (мужчина зрелого возраста) полностью вписываются в параметры изменчивости, характерной именно для населения кулайской историко-культурной общности. В его морфологическом типе прослеживаются как европеоидная, так и монголоидная компоненты. Зафиксированы два трепанационных отверстия, которые сделаны на отделенном от тела черепа при отсутствии мягких тканей, характер их расположения не исключает возможности использования его в ритуально-магических действиях. Графическая реконструкция лица индивида наглядно демонстрирует его внешний облик и не противоречит основанному на результатах краниометрического анализа выводу о сходстве этого мужчины с кулайской женщиной из Усть-Полуя.

Ключевые слова: *краниология, одонтология, графическая реконструкция, трепанация, кулайская культура, городище Большой Лог, Усть-Полуй, Кулайская Гора, Западная Сибирь, ранний железный век.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-057-071

При археологических исследованиях Б.А. Кониковым в 1990–1994 гг. городища Большой Лог в черте г. Омска в северной части памятника зафиксировано святилище. В 1993 г. на этом святилище найдены крупные костяные наконечники стрел с отшлифованной поверхностью, роговой гребень, украшенный фигурками птиц, плоскодонный лепной глиняный горшок с двумя сквозными отверстиями у устья для подвешивания, рядом с которым располагался череп человека с сохранившейся нижней челюстью. Помимо святилища на городище Большой Лог обнаружена глиняная посуда с декором, характерным для древностей кулайской культуры, на основании чего и городище, и святилище связываются с населением данной исторической общности [Алябина, Коников, 1995; Коников, 1995, 1999, 2016].

Несмотря на обширность ареала кулайской историко-культурной общности, существовавшей с IV в. до н.э. по IV в. н.э. преимущественно в бассейне Средней и Нижней Оби, многочисленность археологических памятников, в том числе могильников, в палеоантропологическом отношении носители этой культурной традиции изучены крайне слабо. Видимо, в силу природно-климатических условий, этнокультурных особенностей и специфики погребальной обрядности пригодных для палеоантропологического исследования данных чрезвычайно мало. Наши представления об антропологическом типе популяций кулайской культуры пока базируются только на материалах из погребений могильников Каменный Мыс в Новосибирском Приобье [Багашев, 2000], Кулайская Гора [Багашев, 2010] и Алдыган [Аксянова и др., 2004] в Нарымском

Приобье, со святилища Усть-Полуй близ устья Оби [Багашев, Алексеева, 2012; Багашев и др., 2013, 2014].

Следует отметить, что кроме краниологической серии из могильника Каменный Мыс все остальные находки представлены единичными черепами. При этом в археологических материалах могильника Каменный Мыс нашло отражение слияние элементов кулайской и большереченской (каменской) культур, поэтому он отнесен к кругу памятников особого, новосибирского варианта кулайской культуры [Троицкая, 1979, 1981].

В таежной зоне Западной Сибири Алдыган является пока единственным изученным наиболее полно могильником, но краниологических данных по нему нет, исследован только одонтологический материал. Палеоантропологические материалы из погребений на Кулайской Горе оцениваются неоднозначно: если по особенностям погребальной обрядности они имеют аналогии с кулайскими древностями, то по датировке — IV–III тыс. до н.э. могут быть отнесены к раннему неолиту, хотя артефактов столь древнего периода на памятнике не найдено [Чиндина, 2003, с. 108; Евсеева, Малолетко, 2003, с. 35–36].

При археологических исследованиях на святилище Усть-Полуй, расположенном в черте г. Салехарда, обнаружено несколько погребений, содержащих палеоантропологический материал. В целом комплекс датируется преимущественно эпохой раннего железа и связан в той или иной степени с кулайской культурной общностью [Чернецов, 1953; Мошинская, 1965; Чиндина, 1984], по результатам радиоуглеродного и дендрохронологического анализов время его функционирования приходится на I в. до н.э. — I в. н.э. [Федорова, Гусев, 2008].

Анализ каменномысской краниологической серии показал ее неоднородность, морфологические особенности группы определяются в основном двумя компонентами: широколицым европеоидным и низколицым монголоидным. Первый связан в своем генезисе с андроновским (федоровским) населением эпохи бронзы, второй — местного западно-сибирского происхождения, расогенетически сопряжен со средневековыми и современными популяциями Томско-Нарымского Приобья, связанными с южно-самодийской линией развития [Багашев, 2000].

Судя по результатам исследования одонтологической выборки из могильника Алдыган, эта группа может иметь связь с довольно широким спектром современных популяций — уграми и самодийцами [Аксянова и др., 2004].

Краниологические материалы из погребений на Кулайской Горе, позволяющие обратиться к решению проблемы антропологии населения кулайской культуры, имели бы первостепенное значение, однако для этого они должны быть надежно датированы и культурно атрибутированы. Единственный способ пролить свет на эту ситуацию — сопоставить краниологические материалы Кулайской Горы с сериями различных исторических периодов, происходящих из могильников на сопредельных территориях. Анализ показал, что череп имеет черты как монголоидности, так и европеоидности. Так, по горизонтальному профилю лицевого скелета он выглядит явно монголоидным, но строение носовой части сближает его с европеоидными формами. Обобщенный показатель уплощенности лицевого скелета (УЛС) [Дебец, 1968] составил 78,5, преаурикулярный фациоцеребральный указатель (ПФЦ) — 94,7, условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) — 87,4. Данный череп, следовательно, может быть охарактеризован как монголоидный с заметной примесью европеоидных черт.

Сравнительный анализ характера изменчивости выборок эпохи неолита и бронзы Западной Сибири свидетельствует об отсутствии прямых аналогий морфотипу черепа с Кулайской Горы. Однако определенные тенденции сходства прослеживаются. Из всех привлеченных для анализа групп наибольшее сходство в сочетаниях специфических черт фиксируется с серией черепов из кротовских погребений эпохи развитой бронзы могильника Сопка 2. Своеобразием кротовской группы является наиболее существенная примесь монголоидных элементов местного таежного происхождения, сходная с таковой и в составе серии из могильника Еловка 2 [Дремов, 1990, 1997]. Характерно, что и кулайская серия из могильника Каменный Мыс наибольшее сходство обнаруживает также с этими группами [Багашев, 2000, 2010].

Иная картина вырисовывается при межгрупповом сравнении метрических характеристик черепа с Кулайской Горы с данными по группам раннего железа и средневековья из могильников с территории Среднего Приобья. Наибольшее морфологическое сходство он обнаруживает, с одной стороны, с территориально близкими средневековыми выборками из могильников Алдыган и Тискино, с другой — с монголоидным низколицым компонентом расовой структуры населения саргатской историко-культурной общности и новосибирского варианта кулайской куль-

Краниологическая находка на святилище кулайского городища Большой Лог в Омске

туры (Каменный Мыс). Невелики в целом различия в морфологическом строении черепа с Кулайской Горы и обширных палеоантропологических материалов из средневековых могильников Томско-Нарымского Приобья. А вот с группами, в составе которых присутствует либо южно-сибирская примесь (Астраханцево, чулымские тюрки), либо примесь северных западно-сибирских (уральских) элементов (Сайгатино, Усть-Балык), различия заметно возрастают. Вероятнее всего, формирование особенностей морфотипа черепа с Кулайской Горы происходило в южном западно-сибирском третичном очаге расообразования, который связан с южно-самодийской линией развития, и его антропологические особенности можно рассматривать в качестве физических черт населения кулайской культуры [Багашев, 2010].

Краниологические материалы из погребений на Усть-Полуе хотя и датируются временем существования кулайской культуры, но обнаружены не в погребении, поэтому возникает неопределенность в их культурной атрибуции. Как и в предыдущем случае, место данных находок в популяционной структуре Западной Сибири может быть определено только по результатам сравнительного межгруппового анализа. Из морфологических особенностей усть-полуйской выборки бросается в глаза сочетание в строении мозговой коробки небольшой ее ширины с относительно большей длиной и высотой. Яркая индивидуальная черта — большая высота лицевого скелета. По строению носовой части лицевого скелета, углу выступания носа, фациоцеребральным соотношениям и степени профилированности лица в горизонтальной плоскости черепа Усть-Полуя явно сближаются с монголоидными формами. Однако не с классическими центрально-азиатскими вариантами, а с комплексами, для которых характерно ослабление степени выраженности монголоидных особенностей и которые занимают промежуточное положение между популяциями Европы и Центральной Азии. Обобщенный показатель уплощенности лицевого скелета (УЛС) [Дебец, 1968] составил 72,0, преаурикулярный фациоцеребральный указатель (ПФЦ) — 94,2, условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) — 77,3 [Багашев, Алексеева, 2012].

При сопоставлении усть-полуйских материалов с данными предшествующих эпох выявляется, что с неолитическим населением Западной Сибири и Урала усть-полуйская группа не имеет особого сходства, однако в относительном масштабе заметно сближается с популяциями западно-сибирского протоевропейского неолитического пласта, широко распространенного как в Восточной Европе, так и в Западной Сибири. В отличие от неолитических групп Приуралья, для западно-сибирских популяций характерны более широкое зуриморфное лицо, мезобрахикrania, невысокий череп, относительно большая уплощенность лица в горизонтальной плоскости, меньшая высота переносья и угла выступания носа, а от подобных групп Восточной Европы их отличает наличие монголоидной примеси двух линий генезиса — центрально-азиатской и местной западно-сибирской [Багашев, 2011]. Приблизительно такого же уровня сходство обнаруживают усть-полуйские черепа и с андронидными северными сериями эпохи развитой бронзы (Еловка 2, Чернозерье 1) и позднебронзовыми ирменскими выборками, в составе которых вполне отчетливо прослеживаются как палеоевропеоидный компонент, так и вполне заметная примесь монголоидных элементов местного таежного происхождения [Дремов, 1997; Багашев, 2000].

А вот при межгрупповом сравнении метрических характеристик черепов Усть-Полуя с данными по группам эпохи раннего железа с территории Западной Сибири вполне определенно можно говорить о существенном морфологическом единстве усть-полуйской выборки с серией из кулайского могильника Каменный Мыс. О том, что это не случайность, свидетельствует и близость усть-полуйских черепов к монголоидным компонентам расовой структуры населения саргатской историко-культурной общности. Объединяющим фактором в данном случае выступает наличие в составе всех групп монголоидного компонента общего западно-сибирского генезиса.

Череп из погребений на святилище Усть-Полуя обнаруживают морфологическое сходство высокого таксономического уровня с популяциями томско-нарымского (томско-чулымские тюрки, нарымские селькупы) и тоболо-барабинского (тюменские, барабинские татары) вариантов обьиртышского антропологического типа. Формирование особенностей морфологического типа черепов Усть-Полуя, таким образом, как и черепа с Кулайской Горы, протекало в западно-сибирском вторичном очаге расообразования, и расогенетически население субарктических областей Западной Сибири сопряжено с генезисом обьиртышских популяций в южном третичном очаге, который связан с южно-самодийской линией развития [Багашев, 2000; Багашев, Алексеева, 2012].

Череп на святилище кулайского городища Большой Лог, как и в случае с Усть-Полуем, обнаружен вне погребения. Хотя керамика и другие артефакты свидетельствуют, что городище

оставлено кулайским населением, неизбежно встает вопрос, связан ли данный череп именно с этими людьми или попал на святилище случайно, из какого-либо могильника, например саргатского. Для решения этой проблемы в антропологии (помимо палеогенетического исследования) апробирован метод широкого межгруппового сравнительного анализа.

Краниометрический анализ выполнен по стандартной методике [Алексеев, Дебец, 1964], при определении пола учитывалась морфология черепа и нижней челюсти [Lovejoy, 1985, Meindl, Lovejoy, 1985]. По степени облитерации швов черепа, состоянию зубочелюстной системы и стертости зубов был определен возраст погребенного [Buikstra, Ubelaker, 1994]. Одонтологическое обследование проводилось по стандартной методике [Зубов, 1968, 2006] с учетом маркеров архаики [Зубова, 2013]. К сожалению, большинство зубов утрачено посмертно, в связи с чем удалось зафиксировать лишь незначительное количество одонтологических признаков. Реконструкция лица по черепу выполнена по методике, разработанной представителями российской школы антропологической реконструкции [Герасимов, 1949, 1955; Лебединская, 1998; Никитин, 2009; Филиппов, 2015] с учетом разработок зарубежных авторов [Stephan, 2002, 2003; Stephan et al., 2003; Stephan, Davidson, 2008; Guyomarc'h, Stephan, 2012].

Таблица 1

Размеры и указатели мужского черепа со святилища городища Большой Лог

№ по Мартину или условное обозначение		№ по Мартину или условное обозначение	
1. Продольный диаметр	186	47:45. Общий лицевой указатель	90,1
8. Поперечный диаметр	140	72. Общий лицевой угол	85
17. Высотный диаметр (ba-b)	134?	77. Назомалярный угол	139,0
20. Высотный диаметр (po-b)	120	∠zm'. Зигмаксиллярный угол	136,4
8:1. Черепной указатель	75,3	51. Ширина орбиты от mf.	43
17:1. Высотно-продольный указатель от ba.	72,0	52. Высота орбиты	37
20:1. Высотно-продольный указатель от po.	64,5	52:51. Орбитный указатель от mf.	86,0
17:8. Высотно-поперечный указатель от ba.	95,7	55. Высота носа	59
20:8. Высотно-поперечный указатель от po.	85,7	54. Ширина носа	28
5. Длина основания черепа	100?	54:55. Носовой указатель	47,5
11. Ширина основания черепа	132	75(1). Угол выступления носа	30
9. Наименьшая ширина лба	96	SC. Симотическая ширина	8,2
10. Наибольшая ширина лба	125	SS. Симотическая высота	4,0
9:8. Лобно-поперечный указатель	68,6	SS:SC. Симотический указатель	48,8
9:10. Лобный указатель	76,8	DC. Дакриальная ширина	22,2
32. Угол профиля лба от л.	72	DS. Дакриальная высота	10,8
29. Лобная хорда	122	DS:DC. Дакриальный указатель	48,6
SubNβ. Высота изгиба лба	29	68(1). Длина ниж. чел. от мыщелков	110
SubNβ:29. Указатель выпуклости лба	23,8	68. Длина ниж. чел. от углов	81
12. Ширина затылка	111	65. Мыщелковая ширина	126
9:12. Лобно-затылочный указатель	86,5	66. Угловая ширина	103
40. Длина основания лица	99?	66:45. Челюстно-скуловой указатель	73,0
40:5. Указатель выступления лица	99,0	70. Высота ветви	69
43. Верхняя ширина лица	112	71а. Наименьшая ширина ветви	40
45. Скуловой диаметр	141	67. Передняя ширина ниж. челюсти	48
48. Верхняя высота лица	77	69. Высота симфиза	37
47. Полная высота лица	127	69(1). Высота тела ниж. челюсти	35
45:8. Поперечный фациоцеребральный указатель	100,7	69(3). Толщина тела ниж. челюсти	11,5
9:45. Лобно-скуловой указатель	68,1	69(3):69(1). Указатель толщины	32,9
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	58,3	79. Угол ветви	118
48:45. Верхний лицевой указатель	54,6	C∠. Угол выступления подбородка	74

Череп со святилища (находится на хранении в музее ОмГПУ, инв. № ГБЛ — 93, п. 2) хорошей сохранности, исследован по полной краниометрической программе (табл. 1). В целом он овоидной формы, со средним развитием рельефа надглазничной области. Для мозговой коробки характерна большая величина продольного диаметра в сочетании со средними размерами поперечного и высотных диаметров, по черепному указателю долихокраний. Длина основания черепа малая, однако ширина его основания большой величины. Профиль лба по величинам углов можно охарактеризовать как наклонный. Лицо высокое и широкое, но по пропорции мезолептоморфного типа (узколицесть). В горизонтальной плоскости лицевой скелет характеризуется средней степенью профилированности на уровне орбит и относительно большей уплощенностью в средней части. Орбиты широкие и высокие, гипсиконхные по указателям. Глазничные бугорки выражены хорошо, расположены близко к краю глазниц. Линия разреза глаз имеет ко-

Краниологическая находка на святилище кулайского городища Большой Лог в Омске

совнутреннее направление. Слезный раструб выходит за границы орбит. Нос очень высокий при большой ширине, но указатель свидетельствует о его мезоринной пропорции. Носовые кости и переносье средней ширины и высоты, угол выступания носа над вертикальным профилем лицевого скелета большой величины. Профиль спинки носа прямой. Подносовой шип направлен вверх. Лобные отростки верхнечелюстных костей направлены кософронтально. Нижняя челюсть крупная, большой длины, ширины и высоты. Подбородочный бугор анфас — узкий, прямоугольный, в профиль — слабовыступающий.

Совокупность морфологических признаков черепа и нижней челюсти, таких как значительное развитие сосцевидных отростков и надбровных валиков, притупление надглазничного края орбит, слабое развитие лобных бугров, значительное развитие и раздвоенность подбородка, вертикальное положение вервей нижней челюсти, обращенность угловых точек последней наружу, и измерительные характеристики черепа указывают на мужской пол данного индивида. По степени зарастания наружных швов черепа и степени стертости зубов биологический возраст соответствует 40–50 годам.

По строению носовой части лицевого скелета, углу выступания носа, фациоцеребральным соотношениям и степени профилированности лица в горизонтальной плоскости данный череп характеризуется как сочетающий монголоидные и европеоидные черты. Обобщенный показатель уплощенности лицевого скелета (УЛС) [Дебец, 1968] составил 38,7, преаурикулярный фациоцеребральный указатель (ПФЦ) — 96,20, условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) — 49,2.

На черепе обнаружены два отверстия, являющиеся, как показало исследование, посмертными трепанациями. Их описание осуществлено в соответствии с методическими рекомендациями М.Б. Медниковой [2001]. Регистрировались расположение, размер и форма отверстий, наличие/отсутствие заживления и патологические изменения вокруг трепанационных отверстий и костей черепа в целом. На основе анализа вышеназванных характеристик отверстий определялся способ трепанирования в соответствии со схемой, разработанной Ф.П. Лисовски (скобление, прорезывание, сверление, пиление и их комбинации) [Lisowski 1967; Медникова 2001; Buikstra, Ubelaker, 1994]. Трасологический анализ проводился при помощи стереоскопического микроскопа «МСП-1» с увеличением от 15 до 60 раз и фотокамеры Canon EOS-1100.

Трепанационное отверстие в своде черепа в передней трети сагиттального шва подтреугольной формы, размером 32×29 мм, захватывает обе теменные кости и частично лобную в области брегмы. Дефект образован в результате многочисленных рубяще-выламывающих ударов, вследствие чего отверстие имеет неровные, рваные края (рис. 1). Удары, вероятно, были нанесены металлическим орудием с толщиной режущего края лезвия 1 мм и сечением треугольной формы (нож?). Трепанационное отверстие в области эндокрана окаймлено многочисленными выломанными негативами (сколами компактного слоя), являющимися следами разрубов (рис. 1, 1.2).

Судя по тому, что удары локализируются в основном в области брегмы и прилегающей части теменных костей, череп находился затылочной областью к наносящему удары человеку, который периодически изменял положение черепа для нанесения диагональных к сагиттальной линии разрубов.

В основании черепа кости частично отсутствуют и отмечается обширный искусственный дефект размером 101×76 мм, образованный комбинированием рубяще-выламывающих ударов и прорезывания (рис. 2). Преднамеренно были удалены чешуя затылочной кости, прилегающая к большому затылочному отверстию центральнее нижней выйной линии, каменистая часть височных костей с прилегающей костной тканью, иссечены большие крылья клиновидных костей и дистальная часть небных костей. Края трепанационного отверстия имеют отчетливые следы резания кости, в некоторых местах сочетающиеся с ее выламыванием.

Следов заживления на кости в области трепанации, расположенной на своде черепа, нет. При тщательном макроскопическом осмотре и трасологическом анализе черепа не обнаружено каких-либо следов (насечки, надрезы) удаления мягких тканей. Вышеперечисленные трасологические и макроскопические характеристики трепанационных отверстий позволяют сделать вывод, что трепанация проводилась при отсутствии мягких тканей, а это указывает на значительный промежуток времени между смертью человека и манипуляциями на его черепе.

Также обращает на себя внимание наличие участков залощенности (блеска) на наружной латеральной поверхности нижней челюсти, не находящих трасологического объяснения.

Характер расположения описанных выше искусственных отверстий на черепе, возможно, указывает на его использование в ритуально-магических действиях.

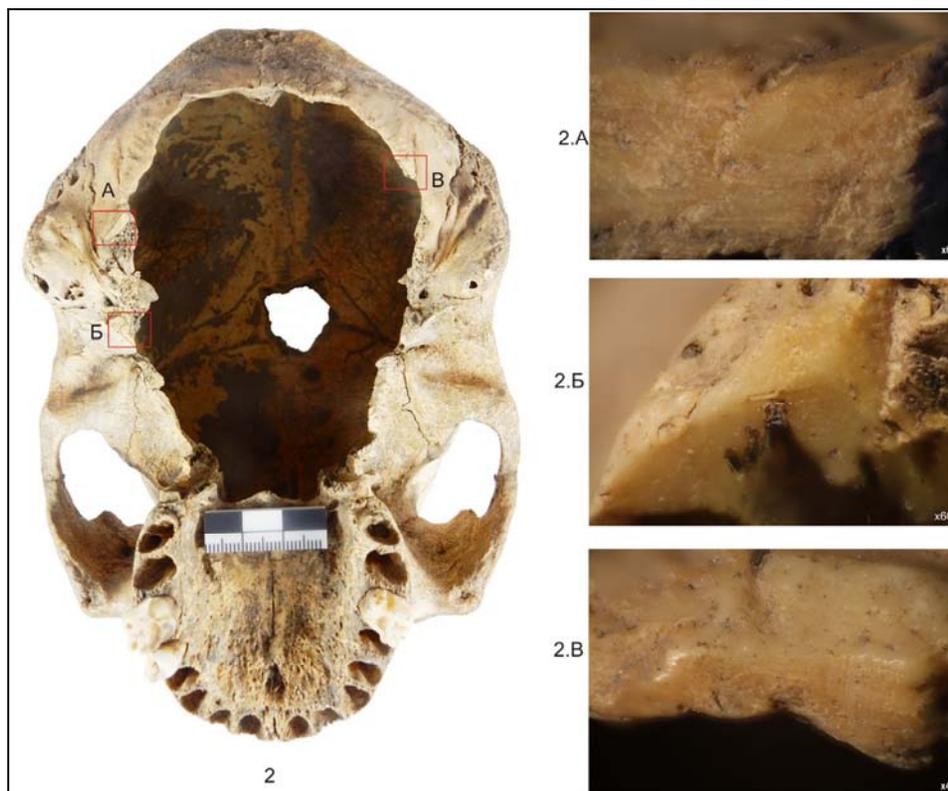

Рис. 1. Трепанационное отверстие в области брегмы:
1 — локализация и направление рубяще-режущих ударов; 1.1 — вид отверстия с внешней стороны;
1.2 — отверстие с внутренней стороны; 1.A, 1.B — следы от рубяще-выламывающих ударов (увел. 15).

В альвеолярной дуге верхней челюсти сохранился второй левый премоляр и оба первых моляра, каждый из которых имеет посмертные сколы эмали. На втором премоляре лингвальный бугорок примерно одинакового размера с вестибулярным (балл 3). Гипоконус первых моляров не редуцирован (балл 4 по Дальбергу), как и метаконус (балл 1). Наличие дополнительных бугорков установить не удалось из-за стертости и посмертных сколов эмали. Посмертные

Краниологическая находка на святилище кулайского городища Большой Лог в Омске

сколы эмали на лингвальной поверхности коронок не позволили установить наличие или отсутствие бугорка Карабелли. Косой гребень прерван.

Рис. 2. Трепанационное отверстие в области базиона:
2 — локализация следов в нижней части черепа; 2.A, 2.B — следы от прорезания;
2.Б — следы от разрубов (А, Б — увел. 60, В — увел. 45).

В альвеолярной дуге нижней челюсти сохранился только третий левый моляр. Он 5-бугорковый, с «У»-узором коронки. На нем отсутствуют дистальный гребень тригониды, коленчатая складка метакониды, *tami*, цингулюм. На лингвальной стороне отмечается бугорок Карабелли де Йонге. На вестибулярной стороне фиксируется ямка протостилиды. Большинство маркеров архаики отсутствуют, за исключением передней ямки. Вторая борозда метакониды впадает в фиссуру II. При этом первые борозды метакониды и протокониды сливаются в одну точку на главной фиссуре II (вариант 1).

Две изученные на данный момент по одонтологической программе кулайские серии из могильников Алдыган [Аксянова и др., 2004] и Каменный Мыс [Зубова, 2009] в Томско-Нарымском и Новосибирском Приобье суммарно характеризуются низкими частотами лопатообразных форм резцов, высоким процентом вторых нижних премоляров с непрерывным гребнем, высокой частотой встречаемости 4-бугорковых первых нижних моляров и их «Х»-форм. Данный набор признаков позволил А.В. Зубовой отнести суммарную серию кулайской культуры к «западному» одонтологическому стволу [2009, с. 83].

В палеопатологическом аспекте в зубной системе индивида обнаружено несколько изменений. Так, на зубах верхней челюсти присутствуют прижизненные сколы эмали. В основном они располагаются по краям жевательной поверхности зубов и представляют собой мелкие повреждения (1–2 мм), вероятно образованные в результате разгрызания чего-то твердого. Кроме того, на зубах верхней челюсти фиксируется поражение зубным камнем.

Для выяснения возможных путей формирования антропологических особенностей изучаемого черепа и определения его места в популяционной структуре населения различных исторических периодов, проведено сопоставление его с территориально ближайшими сериями эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья (перечень используемых признаков приведен

в табл. 2). Необходимо иметь в виду, что сопоставляются индивидуальные особенности черепа со святилища городища Большой Лог с популяционными данными. С учетом высокой индивидуальной изменчивости, характерной для человека современного вида, результаты проведенного анализа все же позволяют в первом приближении выделить те или иные сходные с его морфологией краниологические комплексы исторического характера.

Таблица 2

Величины нагрузок по 1 и 2 каноническим векторам (КВ)*

№ по Мартину или условное обозначение	1 КВ	2 КВ
1. Продольный диаметр	0,3649	-0,0827
8. Поперечный диаметр	-0,1195	0,2348
17. Высотный диаметр (<i>ba-b</i>)	0,1677	-0,0453
45. Скуловой диаметр	-0,2085	-0,0313
48. Верхняя высота лица	-0,0729	-0,4962
77. Назомалярный угол	-0,2562	0,0254
$\angle zm'$. Зигмаксиллярный угол	-0,2301	-0,2782
51. Ширина орбиты от <i>mf</i> .	-0,0096	0,6277
52. Высота орбиты	-0,1363	-0,1110
75(1). Угол выступаения носа	0,5563	-0,2912
SS. Симотическая высота	0,3281	0,1108
DC. Дакриальная ширина	-0,0722	0,2470
DS. Дакриальная высота	0,4648	0,2152
Собственные значения	62,4	25,0
% описываемой изменчивости	42,7	17,1

* Выделены максимальные нагрузки.

В качестве сравнительных привлечены следующие мужские краниологические серии: по эпохе бронзы — кротовская культура [Дремов, 1990], обобщенные андроновские федоровского и алакульского вариантов [Багашев, 2017], черкакульско-томский вариант андроновской общности [Дремов, 1997], обобщенная ирменская [Багашев, 2017]; по раннему железу — обобщенные по сакам и сарматам [Багашев, 2017], каменная культура [Рыкун, 2013], саргатская культура (четыре выборки из могильников Притоболья, Приишимья, Прииртышья и Барабинской лесостепи) [Багашев, 2000], тагарская [Козинцев, 1977] и пазырыкская [Чижишева, 2012] культуры, из могильника Каменный Мыс [Багашев, 2000], со святилищ Усть-Полуй [Багашев, Алексеева, 2012] и Кулайской Гора [Багашев, 2010]; по раннему средневековью — релкинская [Дремов, 1967] и усть-ишимская [Пошехонова, 2011] культуры, из могильников Алдыган [Багашев, 2001], Тискино [Багашев, 2001], Сайгатино [Багашев, Пошехонова, 2007], Усть-Балык [Пошехонова, 2006], Барсова Гора [Пошехонова, 2010].

По величинам нагрузок на признаки (табл. 2) видно, что по 1 КВ группы дифференцируются по степени выраженности европеоидных/монголоидных особенностей, а по 2 КВ — по высоте лицевого скелета и ширине орбиты. Характер рассеивания анализируемых серий в корреляционном поле этих КВ наглядно это демонстрирует (рис. 3).

Признаки 1 КВ максимально разграничивают наиболее выраженные европеоидные и наиболее выраженные монголоидные выборки — в данном случае андроновцев и средневековые группы из таежной полосы Западной Сибири. Несомненное морфологическое тяготение к последним обнаруживают серия из кулайского могильника Каменный Мыс и череп со святилища на Кулайской Горе. Объединяющим фактором выступает монголоидность этих групп в сочетании с низким лицевым скелетом. Речь может идти о монголоидном компоненте, который хорошо просматривается как заметная примесь в составе кротовской и черкакульско-томской популяций эпохи бронзы, в составе населения каменной и пазырыкской культур эпохи раннего железа, а в структуре кулайского населения и более поздних групп Среднего Приобья является доминирующим, чем в итоге и обусловлено морфологическое своеобразие не только средневекового, но и современного коренного населения Томско-Нарымского Приобья.

Несмотря на высокую индивидуальную изменчивость, можно говорить, что морфологические характеристики черепа со святилища на городище Большой Лог вписываются в параметры изменчивости, характерной именно для населения кулайской историко-культурной общности.

Для визуализации физических особенностей облика представителя кулайского населения Омского Прииртышья на основе черепа выполнена антропологическая графическая реконст-

Краниологическая находка на святилище кулайского городища Большой Лог в Омске

рукция лица, что позволило дополнить полученную морфологическую характеристику и отразить индивидуальные особенности внешности.

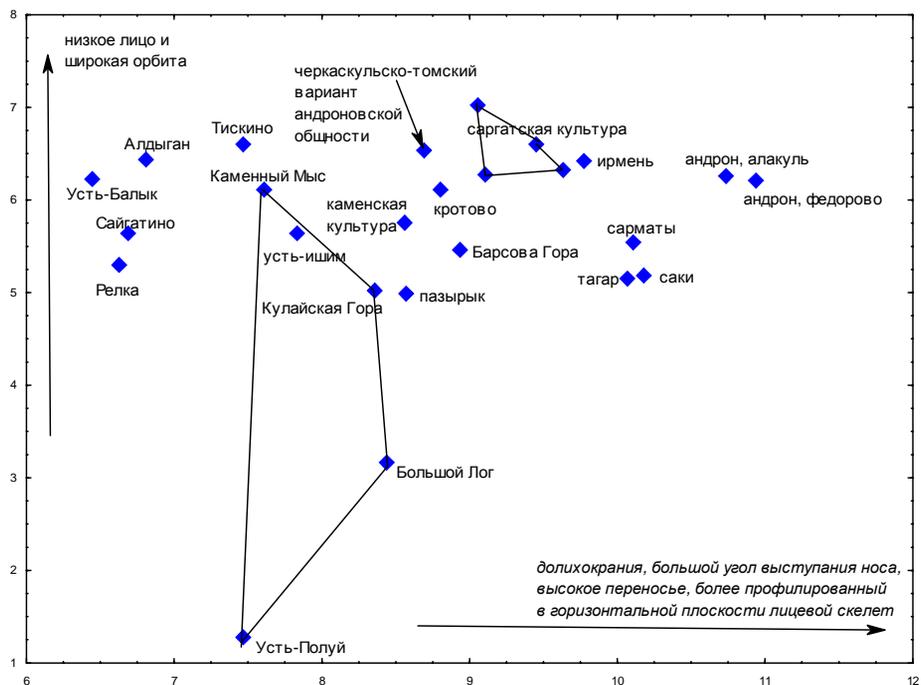

Рис. 3. Взаиморасположение мужских анализируемых групп в пространстве 1 и 2 канонических векторов.

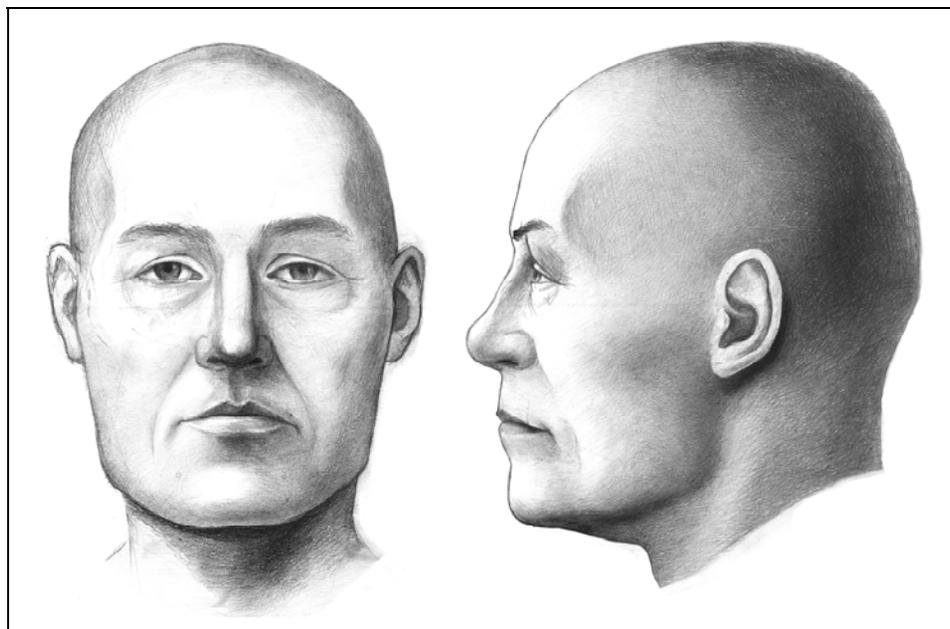
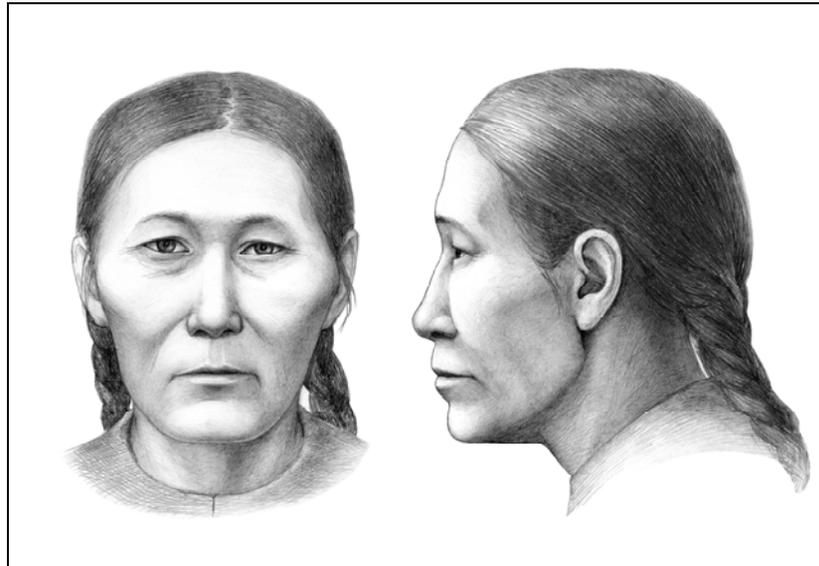

Рис. 4. Мужской графический портрет, выполненный по черепу со святилища на кулайском городище Большой Лог в г. Омске. Анфас, профиль.

Полученное изображение представляет собой портрет зрелого мужчины с высоким широким лицом, наклонным лбом, широкими скулами и невыступающим широким подбородком. Нос высокий, широкий, с прямым профилем и приподнятым кончиком, имеет слабую асимметрию.

Глаза среднего размера, без эпикантуса, верхняя складка века нависает на внешние углы глаз. Рот небольшой, губы средней толщины.

Рис. 5. Женский графический портрет, выполненный по черепу со святилища Усть-Полуй в г. Салехарде. Анфас, профиль.

Сравнение данной графической реконструкции с выполненной ранее по черепу со святилища Усть-Полуй, также связанного с кулайской культурой [Багашев, Алексеева, 2012], не дает оснований говорить о существенных антропологических различиях между ними. Их сближает большое количество признаков: высокое широкое лицо, наклонный лоб, форма складки верхнего века, отсутствие признаков эпикантуса, высокий с прямым профилем нос, приподнятые основание и кончик носа, небольшие размеры рта, степень выступания подбородка. Это не противоречит, с учетом полового диморфизма, результатам краниометрического анализа, свидетельствующего о сходстве облика этого мужчины из Омского Прииртышья с обликом женщины из Нижнего Приобья и принадлежности их к одному антропологическому типу.

Таким образом, в результате комплексного изучения палеоантропологической находки на святилище кулайского городища Большой Лог в г. Омске можно сделать следующие выводы.

По морфологии черепа и нижней челюсти пол данного индивида определяется как мужской, биологический возраст — 40–50 лет.

Хотя череп обнаружен вне погребения, т.е. в культурном отношении находка не может быть атрибутирована однозначно, широкое межгрупповое сопоставление с краниологическими данными по эпохе бронзы, раннему железу и средневековью говорит, что морфологические особенности черепа со святилища на городище Большой Лог вписываются в изменчивость, характерную именно для населения кулайской историко-культурной общности.

Обнаруженные на черепе трепанационные отверстия выполнены многочисленными рубяще-выламывающими ударами. Отсутствие следов заживления свидетельствует, что манипуляции проводились на отделенном от тела черепе, на котором отсутствовали мягкие ткани. Характер расположения описанных выше искусственных отверстий, возможно, указывает на использование черепа в ритуально-магических действиях.

Графическая реконструкция лица индивида позволила впервые наглядно представить особенности внешнего облика носителя кулайской культуры из Омского Прииртышья, которые не противоречат выводу о сходстве этого мужчины с кулайской женщиной из Усть-Полуя.

Благодарности

Авторы выражают глубокую благодарность научному сотруднику ИПОС СО РАН С.Н. Скочиной за проведение трасологического анализа трепанационных отверстий на черепе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аксянова Г.А., Боброва А.И., Яковлев Я.А. Могильник Алдыган — некрополь раннего железного века кулайской культуры // Вестник антропологии. 2004. Вып. 3. С. 54–75.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Алексеева Т.И. Географическая среда и биология человека. М.: Мысль, 1977. 302 с.
- Алексеева Т.И., Козловская М.В., Федосова В.Н. Опыт палеоэкологической реконструкции (на примере хантов) // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 83–102.
- Алябина В.П., Конигов Б.А. Древнее святилище на окраине Омска // Памятники истории и культуры Омской области. Омск: ОГИМК, 1995. С. 14–18.
- Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2000. 370 с.
- Багашев А.Н. Хронологическая изменчивость краниологического типа нарымских селькупов (по материалам могильника Тискино) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 159–174.
- Багашев А.Н. Сложение и эволюция населения кулайской археологической культуры по антропологическим данным // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западносибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 384–387.
- Багашев А.Н. Происхождение аборигенов Северной Евразии. Germany Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co.Kg., 2011. 363 с.
- Багашев А.Н. Антропология Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2017. 688 с.
- Багашев А.Н., Алексеева Е.А. Краниология Усть-Полуя: Родственные связи и проблемы таксономии // Археология Арктики. Екатеринбург: Деловая пресса, 2012. С. 72–79.
- Багашев А.Н., Пошехонова О.Е. Антропологический состав и проблемы происхождения средневекового таежного населения Среднего Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. № 8. С. 87–96.
- Багашев А.Н., Ражев Д.И., Пошехонова О.Е., Алексеева Е.А. Антропологические особенности населения Субарктики Западной Сибири в эпоху раннего железа // Физическая антропология. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 8–10.
- Багашев А.Н., Ражев Д.И., Пошехонова О.Е., Алексеева Е.А. Антропологические особенности населения Субарктики Западной Сибири в эпоху раннего железа // Физическая антропология: Методики, базы данных, научные результаты. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 60–73.
- Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу: М.: Сов. наука, 1949. 188 с.
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу: (Современный и ископаемый человек). М.: Наука, 1955. 586 с. (Труды ИЭ АН СССР; Т. 28).
- Дебец Г.Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 13–22.
- Дремов В.А. Древнее население лесостепного Приобья в эпоху бронзы и железа по данным палеоантропологии // СЭ. № 6. 1967. С. 53–66.
- Дремов В.А. Антропологический состав населения андроновской и андронидных культур Западной Сибири // Известия СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. Новосибирск, 1990. Вып. 2. С. 56–61.
- Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы. Томск: Изд-во ТГУ, 1997. 264 с.
- Евсеева Н.С., Малолетко А.М. Результаты обследования Кулайской горы в 2001 г. // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. С. 34–37.
- Зубов А.А. Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.
- Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М.: Этно-Онлайн, 2006. 72 с.
- Зубова А.В. Одонтологические особенности населения Западной Сибири эпохи раннего железного века: (Саргатская и кулайская культуры) // Вестник ТГУ. История. 2009. № 1. С. 79–85.
- Зубова А.В. Предварительные результаты изучения архаичной составляющей одонтологических комплексов населения Евразии эпохи неолита // Вестник антропологии. 2013. Вып. 4 (26). С. 107–127.
- Клевцова Н.И. Соматические особенности сибирских монголоидов в сравнительном освещении // Вопросы антропологии. 1976. Вып. 52. С. 151–168.
- Козинцев А.Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.: Наука, 1977. 144 с.
- Козлов А.И., Вершубская Г.Г. Медицинская антропология коренного населения Севера России. М.: Изд-во МНЭПУ, 1999. 288 с.
- Козлов А.И., Вершубская Г.Г., Лисицын Д.В., Санина Е.Д., Атеева Ю.А. Пермские и волжские финны: Медицинская антропология в экологической перспективе. Пермь: ПермГПУ, 2009. 160 с.

- Конигов Б.А.* Городище Большой Лог и история исследований кулайских древностей в Омском Прииртышье // Третьи исторические чтения памяти М.П.Грязнова. Омск, 1995. Ч. 1. С. 49–52.
- Конигов Б.А.* Городище Большой Лог. Омск: ООМПИ, 1999. 47 с.
- Конигов Б.А.* Иллюстрированная энциклопедия: Археология Омска. Омск, 2016. 408 с.
- Лебединская Г.В.* Соотношение между верхним отделом лица и лицевого черепа // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М.: Наука, 1973. С. 38–56.
- Лебединская Г.В.* Реконструкция лица по черепу. М.: Наука, 1998. 124 с.
- Медникова М.Б.* Трепанации у древних народов Евразии. М.: Науч. мир, 2001. 304 с.
- Мошинская В.И.* Археологические памятники севера Западной Сибири. М.: Наука, 1965. 88 с.
- Никитин С.А.* Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского кремля. М.: Изд-во музеев Московского кремля, 2009. Т. 1. С. 137–167.
- Пошехонова О.Е.* К проблеме происхождения средневекового населения Сургутского Приобья (по краниологическим материалам могильника Усть-Балык) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 7. С. 131–142.
- Пошехонова О.Е.* Краниологические особенности средневековых популяций Сургутского Приобья (по материалам могильников с Барсовой Горы) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 111–121.
- Пошехонова О.Е.* Антропологическая характеристика населения южно-таежного Прииртышья (по материалам могильников усть-ишимской археологической культуры рубежа I и II тыс. н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48). С. 142–155.
- Ражев Д.И.* Биоантропология саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. 492 с.
- Рыкун М.П.* Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа (по материалам каменной культуры). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. 284 с.
- Троицкая Т.Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 125 с.
- Троицкая Т.Н.* Лесостепное Приобье в раннем железном веке: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1981. 38 с.
- Федорова Н.В., Гусев А.В.* Древнее святилище Усть-Полуй: Результаты исследований 2006–2008 гг. // Усть-Полуй — древнее святилище на Полярном круге: Науч. вестник ЯНАО. Салехард, 2008. Вып. № 9 (61). С. 3–36.
- Филитов В.К.* Определение центра радужной оболочки глаза при графической реконструкции лица по черепу // Судебная медицина. 2015. Т. 1. № 2. С. 106–107.
- Чернецов В.Н.* Усть-полуйское время в Приобье // МИА. 1953. № 35. С. 221–241.
- Чикишева Т.А.* Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита раннего железа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.
- Чиндина Л.А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 256 с.
- Чиндина Л.А.* Новые данные о сакральной первооснове и функциональной специфике кулайского святилища // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. С. 106–112.
- Brothwell D.* Digging up bones. L.: Trustees of the British Museum, 1972. 196 p.
- Buikstra J., Ubelaker D.H.* (eds). Standards for data collection from human skeletal remains // Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History Organized by Johnathan Haes. Fayetteville AK: Arkansas Archeological Survey Research Series, 1994. No. 44. 206 p.
- Guyomarc'h P., Stephan C.N.* The Validity of Ear Prediction Guidelines Used in Facial Approximation // Journal of Forensic Sciences. 2012. Vol. 57. P. 1427–1441.
- Lisowski F.P.* Prehistoric and Early Historic Trepanation // D. Brothwell & A.T. Sandison (eds). Diseases in Antiquity. A survey of the diseases, injuries and surgery of early populations. C.C. Tomas, Illinois, 1976. P. 651–672.
- Lovejoy C.O.* Dental wear in the Libben Population: Its Functional Pattern and Role in the Determination of Adult Skeletal Age at Death // Amer. Journal of Phys. Anthropology. 1985. № 68. P. 47–56.
- Meindl R.S., Lovejoy C.O.* Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures // Amer. Journal of Phys. Anthropology. 1985. № 68. P. 57–66.
- Stephan C.N.* Facial Approximation: Globe Projection Guideline Falsified by Exophthalmometry Literature // Journal of Forensic Sciences. 2002. Vol. 47, 4. P. 1341–1346.
- Stephan C.N.* Facial Approximation: An Evaluation of Mouth-Width Determination // Amer. Journal of Phys. Anthropology. 2003. № 121. P. 48–57.
- Stephan C.N., Davidson P.L.* The Placement of the Human Eyeball and Canthi in Craniofacial Identification // Journal of Forensic Sciences. 2008. Vol. 53, 3. P. 612–619.
- Stephan C.N., Henneberg M., Sampson W.* Predicting nose projection and pronasale position in facial approximation: A test of published methods and proposal of new guidelines // Amer. Journal of Phys. Anthropology. 2003. № 122. P. 240–250.

A.N. Bagashev, S.M. Slepchenko, E.A. Alekseeva, A.V. Sleptsova

Institute of the Problems of Northern Development, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

Malygina st., 86, 625026, Tyumen, Russian Federation

E-mail: bagashev@mail.ru;

s_slepchenko@list.ru;

alekseeva.elena.ae@gmail.com;

sleptsova_1993@mail.ru

A CRANIOLOGICAL FINDING FROM A SHRINE AT BOLSHOY LOG FORTIFIED SETTLEMENT OF THE KULAY CULTURE IN OMSK

The paleoanthropological material discovered at a shrine in Bolshoy Log fortified settlement of the Kulay culture is of a big interest regarding the formation of the morphological type of the Kulay population. Despite the wide area of distribution (the Middle and Lower Ob River basin and adjacent territories of Western Siberia) and a long historical period of functioning (in the middle of the 1st millennium BC — the middle of the 1st millennium AD), there are only small data which would help to determine the morphological type of the Kulay population. These are materials from the burial grounds of Kamenny Mys, Aldygan and single skulls from Ust-Poluy and Kulayskaya Gora shrines. Investigation of a skull from Bolshoy Log shrine showed that morphological features of the individual (a male of mature age) completely fits into the variability, typical of the very Kulay population, despite of high individual variability. The morphological type of this male includes both Caucasoid and Mongoloid components. There are two trepanation holes on the skull, they were made after the skull had been separated from the body and after it had been cleaned off of soft tissues. The nature of holes location does not exclude a possibility of using it in ritual-magical actions. Facial reconstruction clearly demonstrates features of his appearance, which do not contradict a conclusion about the similarity of this male to a female from Ust-Poluy.

Key words: craniology, dental anthropology, facial reconstruction, trepanation, Kulay cultural-and-historical community, Bolshoy Log hillfort, Ust-Poluy, Kulayskaya Gora, West Siberia, the Early Iron Age.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-057-071

REFERENCES

- Aksianova G.A., Bobrova A.I., Iakovlev Ia.A., 2004. Mogil'nik Aldygan — nekropol' rannego zheleznogo veka kulaiskoi kul'tury [The burial ground of Aldygan, a necropolis of the Early Iron Age of the Kulay culture]. *Vestnik antropologii*, 3, pp. 54–75.
- Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. *Kraniometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry: Methodology of Anthropological Research], Moscow: Nauka, 128 p.
- Alekseeva T.I., 1977. *Geograficheskaya sreda i biologiya cheloveka* [Geographic environment and human biology], Moscow: Mysl', 302 p.
- Alekseeva T.I., Kozlovskaya M.V., Fedosova V.N., 1988. Opyt paleoekologicheskoi rekonstruktsii (na primere khantov) [An effort of paleoecological reconstruction (Khanty example)]. *Paleoantropologiya i arkheologiya Zapadnoi i luzhnoi Sibiri*, Novosibirsk: Nauka, pp. 83–102.
- Aliabina V.P., Konikov B.A., 1995. Drevnee sviatilishche na okraine Omska [An ancient sanctuary on the outskirts of Omsk]. *Pamiatniki istorii i kul'tury Omskoi oblasti*, Omsk: OGIMK, pp. 14–18.
- Bagashev A.N., 2000. *Paleoantropologiya Zapadnoi Sibiri* [Paleoanthropology of Western Siberia], Novosibirsk: Nauka, 370 p.
- Bagashev A.N., 2001. Khronologicheskaya izmenchivost' kраниologicheskogo tipa narymskikh sel'kupov (po materialam mogil'nika Tiskino) [Chronological variability of the craniological type of the Narym Selkups (based on materials from the burial ground of Tiskino)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 3, pp. 159–174.
- Bagashev A.N., 2010. Slozhenie i evoliutsiya naseleniya kulaiskoi arkheologicheskoi kul'tury po antropologicheskim dannym [Formation and evolution of the population of the Kulay archaeological culture according to anthropological data]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadnosibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy*, Tomsk: Argaf-Press, pp. 384–387.
- Bagashev A.N., 2011. *Proiskhozhdenie aborigenov Severnoi Evrazii* [Origin of Aboriginal people of Northern Eurasia], Germany Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co.Kg., 363 p.
- Bagashev A.N., 2017. *Antropologiya Zapadnoi Sibiri* [Anthropology of Western Siberia], Novosibirsk: Nauka, 688 p.
- Bagashev A.N., Alekseeva E.A., 2012. Kраниologiya Ust'-Poluia: rodstvennye svyazi i problemy taksonomii [Cranio-metry of Ust-Poluy: affinities and problems of taxonomy]. *Arkheologiya Arktiki*, Ekaterinburg: Delovaia pressa, pp. 72–79.
- Bagashev A.N., Poshekhonova O.E., 2007. Antropologicheskii sostav i problemy proiskhozhdeniya srednevekovogo taezhnogo naseleniya Srednego Priob'ia [Anthropological composition and problems of the origin of the medieval taiga population of the Middle Ob River region]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 8, pp. 87–96.

Bagashev A.N., Razhev D.I., Poshekhonova O.E., Alekseeva E.A., 2013. Antropologicheskie osobennosti naseleniia Subarktiki Zapadnoi Sibiri v epokhu rannego zheleza [Anthropological features of the population of the Subarctic of Western Siberia during the Early Iron Age]. *Fizicheskaiia antropologiiia*, St. Petersburg: MAE RAN, pp. 8–10.

Bagashev A.N., Razhev D.I., Poshekhonova O.E., Alekseeva E.A., 2014. Antropologicheskie osobennosti naseleniia subarktiki Zapadnoi Sibiri v epokhu rannego zheleza [Anthropological features of the population of the Subarctic of Western Siberia in the era of the Early Iron Age]. *Fizicheskaiia antropologiiia: Metodiki, bazy dannykh, nauchnye rezul'taty*, St. Petersburg: MAE RAN, pp. 60–73.

Beschastnov N.P., 2007. Portretnaia grafika: Uchebnoe posobie dlia studentov vuzov [Portrait graphics: A tutorial for students], Moscow: VLADOS, 367 p.

Brothvell D., 1972. Digging up bones. L.: Trustees of the British Museum, 196 p.

Buikstra J., Ubelaker D.H., 1994, (eds). Standards for data collection from human skeletal remains. *Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History Organized by Johnathan Haes*, no. 44, Fayetteville AK: Arkansas Archeological Survey Research Series, 206 p.

Debets G.F., 1968. Opyt kraniometricheskogo opredeleniia doli mongoloidnogo komponenta v smeshannykh gruppakh naseleniia SSSR [An effort of craniometric determination of proportion of the Mongoloid component in the mixed population groups of the USSR]. *Problemy antropologii i istoricheskoi etnografii Azii*, Moscow: Nauka, pp. 13–22.

Dremov V.A., 1967. Drevnee naselenie lesostepnogo Priob'ia v epokhu bronzy i zheleza po dannym paleoantropologii [Ancient population of the forest-steppe Ob River region in the Bronze Age and Iron Age according to paleoanthropology]. *Sovetskaiia etnografiia*, no. 6, pp. 53–66.

Dremov V.A., 1990. Antropologicheskii sostav naseleniia andronovskoi i andronoidnykh kul'tur Zapadnoi Sibiri [Anthropological composition of the Andronovo and Andronoid cultures of Western Siberia]. *Izv. SO AN SSSR, Seria istorii, filologii i filosofii*, 2, Novosibirsk, pp. 56–61.

Dremov V.A., 1997. *Naselenie Verkhnego Priob'ia v epokhu bronzy* [Population of the Upper Ob River region in the Bronze Age], Tomsk: Izd-vo TGU, 264 p.

Evseeva N.S., Maloletko A.M., 2003. Rezul'taty obsledovaniia Kulaiskoi gory v 2001 g. [The results of a survey of Kulaiskaya Gora in 2001]. *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniia v iuzhnotaezhnoi zone Zapadnoi Sibiri*, Tomsk: Izd-vo TGU, pp. 34–37.

Fedorova N.V., Gusev A.V., 2008. Drevnee sviatilishche Ust'-Polui: Rezul'taty issledovaniia 2006–2008 gg. [The ancient sanctuary of Ust'-Poluy: The results of 2006–2008 investigation]. *Ust'-Polui — drevnee sviatilishche na Poliarnom krughe: Nauch. vestnik lamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga*, no. 9 (61), Salekhard, pp. 3–36.

Gerasimov M.M., 1949. *Osnovy vosstanovleniia litsa po cherepu* [Basics of facial reconstruction on the skull], Moscow: Sovetskaiia nauka, 188 p.

Gerasimov M.M., 1955. Vosstanovlenie litsa po cherepu: (Sovremennyi i iskopaemyi chelovek) [Reconstruction of the face on the skull: (Modern and Fossil Man)]. *Trudy Instituta etnografii AN SSSR*, vol. 28, Moscow: Nauka, 586 p.

Guyomarc'h P., Stephan C.N., 2012. The Validity of Ear Prediction Guidelines Used in Facial Approximation. *Journal of Forensic Sciences*, vol. 57, pp. 1427–1441.

Filippov V.K., 2015. Opredelenie tsentra raduzhnoi obolochki glaza pri graficheskoi rekonstruktsii litsa po cherepu [Determination of the iris center during graphic facial reconstruction on the skull]. *Sudebnaia meditsina*, vol. 1, no. 2, pp. 106–107.

Kozintsev A.G., 1977. *Antropologicheskii sostav i proiskhozhdenie naseleniia tagarskoi kul'tury* [Anthropological composition and origin of the Tagar culture population], Leningrad: Nauka, 144 p.

Klevtsova N.I., 1976. Somaticheskie osobennosti sibirskikh mongoloidov v sravnitel'nom osveshchenii [Somatic features of Siberian Mongoloids in comparison]. *Voprosy antropologii*, 52, pp. 151–168.

Kozlov A.I., Vershubskaiia G.G., 1999. *Meditsinskaia antropologiiia korennogo naseleniia Severa Rossii* [Medical anthropology of the indigenous population of the North of Russia], Moscow: Izd-vo MNEPU, 288 p.

Kozlov A.I., Vershubskaiia G.G., Lisitsyn D.V., Sanina E.D., Ateeva Iu.A., 2009. *Permskie i volzhskie finny: Meditsinskaia antropologiiia v ekologicheskoi perspektive* [Perm and Volga Finns: Medical anthropology in the ecological perspective], Perm': Perm. gos. ped. un-t, 160 p.

Konikov B.A., 1995. Gorodishche Bol'shoi Log i istoriia issledovaniia kulaiskikh drevnostei v Omskom Priirtysh'e [The hillfort of Bolshoy Log and the History of Studies of the Kulai Antiquities in the Irtysh River basin near Omsk]. *Tret'i istoricheskie chteniia pamiati M.P. Griaznova*, ch. 1, Omsk, pp. 49–52.

Konikov B.A., 1999. *Gorodishche Bol'shoi Log* [The Settlement of Bolshoy Log], Omsk: OOMII, 47 p.

Konikov B.A., 2016. *Illustrirovannaia entsiklopediia: Arkheologiiia Omska* [Illustrated Encyclopedia: Archaeology of the Omsk], Omsk, 408 p.

Lebedinskaia G.V., 1973. Sootnoshenie mezhdru verkhnim otdelom litsa i litsevoogo cherepa [Ratio between the upper face and facial skull]. *Antropologicheskaiia rekonstruktsiia i problemy paleoetnografii*, Moscow: Nauka, pp. 38–56.

Lebedinskaia G.V., 1998. *Rekonstruktsiia litsa po cherepu* [Facial reconstruction on the skull], Moscow: Nauka, 124 p.

Lisowski F.P., 1976. Prehistoric and Early Historic Trepanation. *Diseases in Antiquity. A survey of the diseases, Injuries and surgery of early populations*, C.C. Tomas, Illinois, pp. 651–672.

Lovejoy C.O., 1985. Dental wear in the Libben Population: Its Functional Pattern and Role in the Determination of Adult Skeletal Age at Death. *Amer. Journal of Physical Anthropology*, no. 68, pp. 47–56.

Краниологическая находка на святилище кулайского городища Большой Лог в Омске

Mednikova M.B., 2001. *Trepanatsii u drevnikh narodov Evrazii* [Trepanation among the ancient peoples of Eurasia], Moscow: Nauch. mir, 304 p.

Meindl R.S., Lovejoy C.O., 1985. Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures. *Amer. Journal of Physical Anthropology*, no. 68, pp. 57–66.

Moshinskaia V.I., 1965. *Arkheologicheskie pamiatniki severa Zapadnoi Sibiri* [Archaeological monuments of the North of Western Siberia], Moscow: Nauka, 88 p.

Nikitin S.A., 2009. Plasticheskaia rekonstruktsiia portreta po cherepu [Plastic reconstruction of the portrait on the skull]. *Nekropol' russkikh velikikh kniagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo kremlia*, vol. 1, Moscow: Izd-vo muzeev Moskovskogo kremlia, pp. 137–167.

Poshekhonova O.E., 2006. K probleme proiskhozhdeniia srednevekovogo naseleniia Surgutskogo Priob'ia (po kраниологическим materialam mogil'nika Ust'-Balyk) [On the problem of origin of the medieval population of the Surgut Ob River region (according to craniological materials of the burial ground of Ust'-Balyk)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 7, pp. 131–142.

Poshekhonova O.E., 2010. Kраниологические osobennosti srednevekovykh populiatsii Surgutskogo Priob'ia (po materialam mogil'nikov s Barsvoi Gory) [Craniological features of medieval populations of the Surgut Ob River region (based on burial grounds of Barsova Gora)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 2 (13), pp. 111–121.

Poshekhonova O.E., 2011. Antropologicheskaia kharakteristika naseleniia iuzhno-taezhnogo Priirtysh'ia (po materialam mogil'nikov ust'-ishimskoi arkheologicheskoi kul'tury rubezha I i II tys. n.e.) [Anthropological characteristics of the population of the Southern taiga in the Irtysh River basin (based on materials of the burial grounds of the Ust-Ishim archaeological culture at the turn of the 1st and 2nd millennia AD)]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, no. 4 (48), pp. 142–155.

Razhev D.I., 2009. *Bioantropologiya sargatskoi obshchnosti* [Bioanthropology of the Sargatian community], Ekaterinburg: UrO RAN, 492 p.

Stephan C.N., 2002. Facial Approximation: Globe Projection Guideline Falsified by Exophthalmometry Literature. *Journal of Forensic Sciences*, vol. 47, 4, pp. 1341–1346.

Stephan C.N., 2003. Facial Approximation: An Evaluation of Mouth-Width Determination. *Amer. Journal of Physical Anthropology*, no. 121, pp. 48–57.

Stephan C.N., Davidson P.L., 2008. The Placement of the Human Eyeball and Canthi in Craniofacial Identification. *Journal of Forensic Sciences*, vol. 53, 3, pp. 612–619.

Stephan C.N., Henneberg M., Sampson W., 2003. Predicting nose projection and pronasale position in facial approximation: A test of published methods and proposal of new guidelines. *Amer. Journal of Phys. Anthropology*, no. 122, pp. 240–250.

Troitskaia T.N., 1979. *Kulaiskaia kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [The Kulay culture in the Ob River basin in Novosibirsk region], Novosibirsk: Nauka, 125 p.

Troitskaia T.N., 1981. *Lesostepnoe Priob'e v rannem zheleznom veke* [The forest-steppe Ob River region in the Early Iron Age]. Avtoreferat dissertatsii doctora istoricheskikh nauk. Novosibirsk, 38 p.

Zubov A.A., 1968. *Odontologiya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Odontology: Methodology of anthropological research], Moscow: Nauka, 200 p.

Zubov A.A., 2006. *Metodicheskoe posobie po antropologicheskomu analizu odontologicheskikh materialov* [A study guide on anthropological analysis of odontological materials], Moscow: Etno-Onlain, 72 p.

Zubova A.V., 2009. Odontologicheskie osobennosti naseleniia Zapadnoi Sibiri epokhi rannego zheleznoogo veka: (Sargatskaia i kulaiskaia kul'tury) [Odontological features of the population of Western Siberia in the Early Iron Age: (Sargatian and Kulai cultures)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Istoriia*, no. 1, pp. 79–85.

Zubova A.V., 2013. Predvaritel'nye rezul'taty izucheniia arkhainoi sostavliaiushchei odontologicheskikh kompleksov naseleniia Evrazii epokhi neolita [Preliminary results of studying the archaic component of odontological complexes of the population of Eurasia in the Neolithic period]. *Vestnik antropologii*, 4 (26), pp. 107–127.

А.Ю. Худавердян*, **Б.З. Гаспарян****, **Р. Пинхаси*****, **А.С. Канаян******,
Н.А. Ованесян*****

*Институт археологии и этнографии НАН РА
ул. Чаренца, 15, Ереван, 0025, Республика Армения

E-mail: ankhudaverdyan@gmail.com

**Институт археологии и этнографии НАН РА
ул. Чаренца, 15, Ереван, 0025, Республика Армения

Ереванский государственный университет

ул. Алек Манукяна, 1, Ереван, 0025, Республика Армения

E-mail: borisg@virtualarmenia.am

***Университетский колледж Дублина

Дублин, 4, Ирландия

E-mail: ron.pinhasi@ucd.ie

****Ереванский государственный медицинский университет им. Мхитара Гераци

ул. Корюна, 2, Ереван, 0025, Республика Армения

*****Ереванский государственный университет

ул. Алек Манукяна, 1, Ереван, 0025, Республика Армения

E-mail: Nelli.hovhannisyan@ysu.am

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ПОЗДНЕГО ЭНЕОЛИТА ИЗ ПЕЩЕРЫ АРЕНИ 1

*Полученные в результате недавних раскопок материалы из пещеры Арени 1 впервые позволили охарактеризовать антропологические особенности позднеэнеолитических обитателей территории Армении. На основании антропологических и палеопатологических данных проанализированы физические особенности и болезни погребенных. Наиболее близкими по морфологии к серии Арени 1 оказались группы Тепе Гиссар II, Гинчи, Чатал Хуюк, Алишар Хуюк и носители Куро-Аракса из Южного Кавказа. Выявлены также выраженные тяготения их к морфологическим вариантам, характерным для носителей майкопской, хвалынской, ямной и катакомбной культур. В расово-генетическом отношении позднеэнеолитические обитатели пещеры Арени 1, вероятнее всего, связаны с населением Ближнего Востока. Наблюдается специфическое обращение с костями умерших (полировка). На исследованных черепаха зафиксированы последствия нарушений целостности костей из-за травм. У погребенных в пещере Арени 1 отмечен маркер стрессов детского возраста — эмалевая гипоплазия и *cribra orbitalia*. Переохлаждение организма при наличии хронических очагов стафилококковой и стрептококковой природы могло спровоцировать воспаление среднего уха. Выявлены факты присутствия экзостозов в ушных каналах. Обнаружены случаи непреднамеренной деформации головы (теменной и затылочн-теменной), связанной с социально-бытовыми условиями.*

Ключевые слова: Армения, Арени 1, поздний энеолит, краниология, одонтология, болезни, ритуал, непреднамеренная деформация.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-072-093

*Светлой памяти известного анатома-гистолога
Александра Суреновича Канаяна*

Введение

Карстовая трехгалерейная пещера Арени 1 находится в провинции Вайоц дзор на юго-востоке Армении (рис. 1). Расположена на высоте около 1080 м над уровнем моря в известковых образованиях левого берега р. Арпа (приток р. Аракс). Раскопки в пещере начаты в 2007 г. под руководством Б.З. Гаспаряна. Во время этих работ в задней части первой галереи был открыт целый ряд глинобитных структур и сосудов, вкопанных в отложения пещеры. В трех из них были зафиксированы черепа индивидов (вторичные погребения), которые на основе результатов радиоуглеродного анализа датируются в хронологических рамках последней четверти V тыс. до н.э. (4300–4000 BC, калиброванные — ранний — поздний энеолит) и принадлежат к третьему энеолитическому горизонту [Wilkinson et al., 2012].

Комплексное исследование антропологических материалов позднего энеолита из пещеры Арени 1

На территории Республики Армения палеоантропологический материал эпохи энеолита практически отсутствует. Находки из Арени 1 в этом аспекте крайне важны, особенно если исследовать их в мультидисциплинарном русле.

Цель работы — введение в научный оборот нового антропологического материала с описанием посредством таблиц, иллюстраций и сравнительной характеристикой. Сравнительный фон, выбранный для статистического анализа, в географическом аспекте охватывает территории Ближнего Востока и Юго-Восточной Европы.

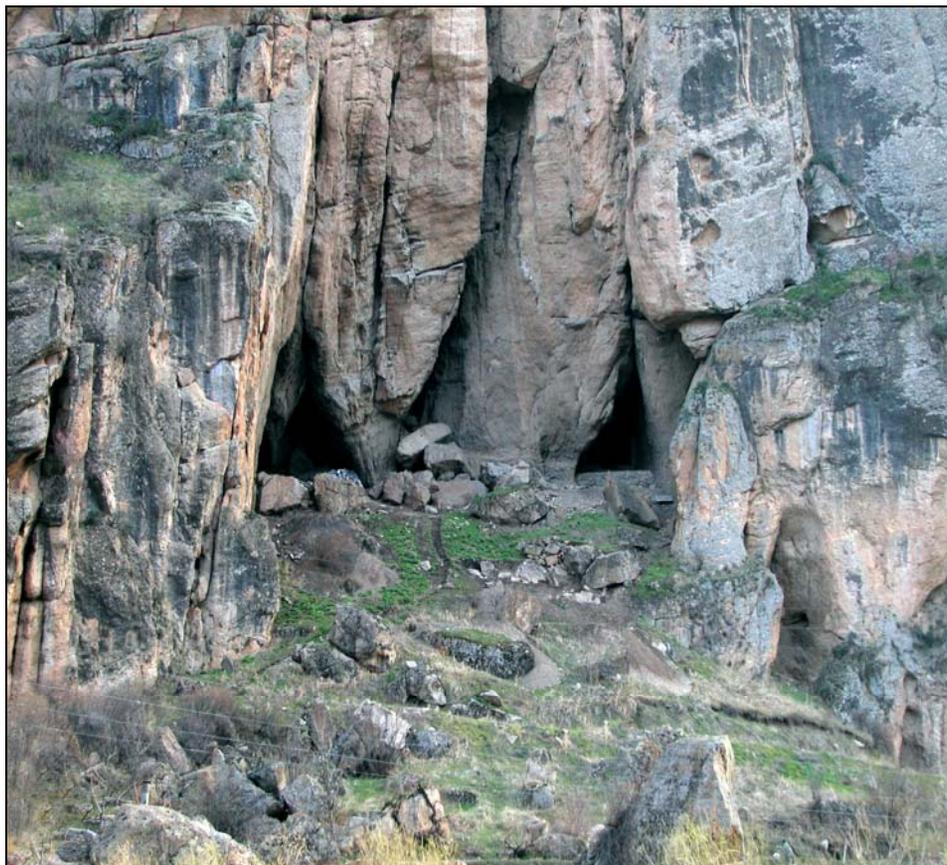

Рис. 1. Пещера Арени 1. Общий вид.

Материал и методы

Череп молодого индивида и двух детей были обнаружены во время раскопок 2007 г., при этом череп детей были помещены в двух отдельных сосудах (погр. № 1 и 2; рис. 2, 3), а череп молодого индивида находился в отверстии скальной ниши прямо перед входом, ведущим к одной из «тайных комнат» (погр. № 3; рис. 11). В погр. № 2 наряду с детским черепом был обнаружен фрагмент левой бедренной кости взрослого индивида. Наблюдается специфическое обращение с костями погребенных. Определение состава веществ, использованных для обработки (полировки) черепов и бедренной кости, пока не производилось. Следы полировок на костях, вероятнее всего, связаны с их использованием в ритуальных целях. Нижние челюсти были отделены от черепов и в погребениях отсутствовали.

При изучении материала использовались общепринятые антропологические методики [Алексеев, Дебец, 1964; Зубов, 1968; Мовсесян и др., 1975; Buikstra, Ubelaker, 1994; Goodman et al., 1984]. Все расчеты проводились в стандартных программах Microsoft Excel 2010 и А.Г. Козинцева и Б.А. Козинцева (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, Санкт-Петербург).

Материалы хранятся в кабинете антропологии Института археологии и этнографии НАН РА.

Поскольку двое из трех индивидов (рис. 2, 3) детского возраста, перед нами встала задача определения таксономического статуса подобных находок. Привлечение детских костяков для

морфологических описаний в палеоантропологии крайне редко и нетрадиционно. Между тем хорошо известно, что детские черепа являются вполне определенными носителями конкретных расовых черт, иногда даже в пределах расовых комплексов второго порядка [Хохлов, 2010].

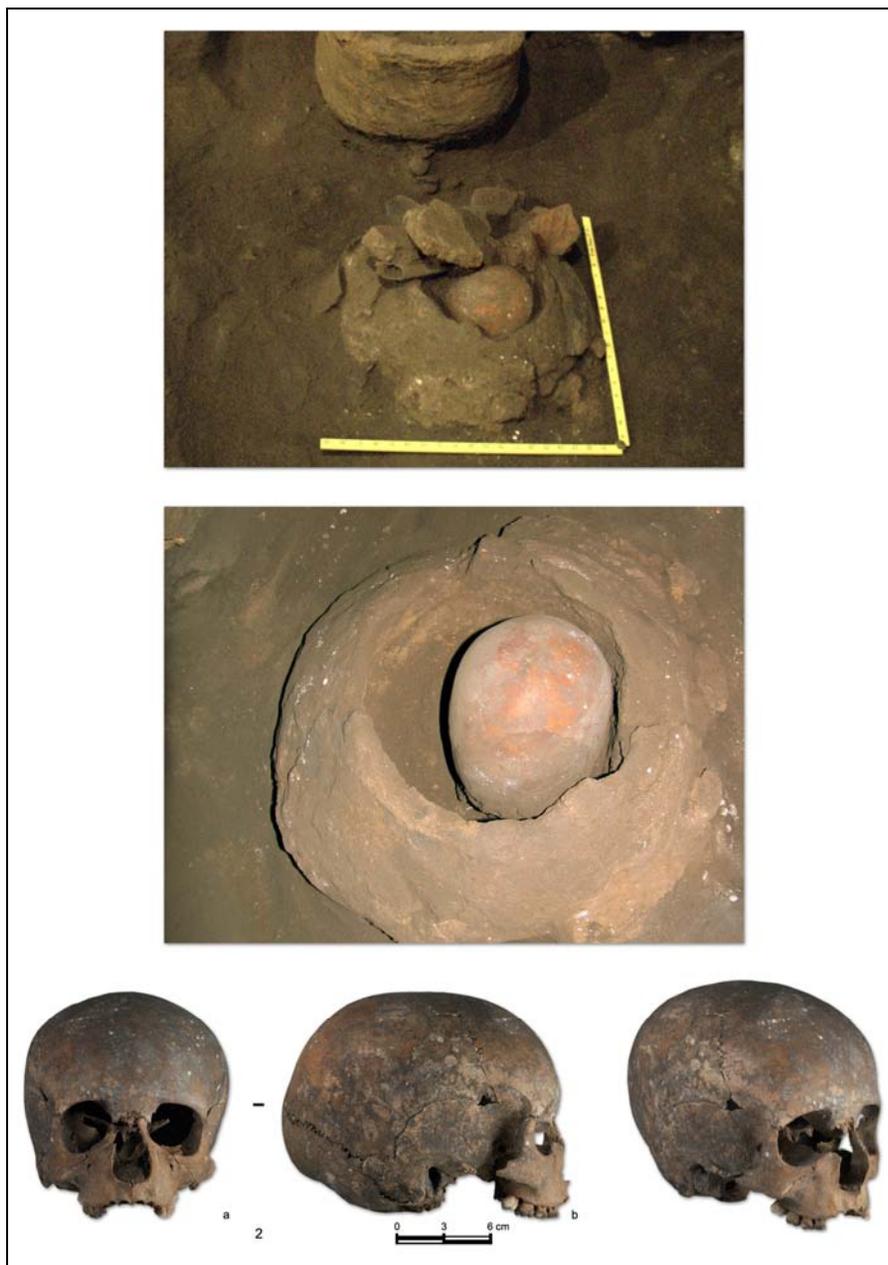

Рис. 2. Погребение № 1. Общий вид погребения до и после расчистки. Детский череп № 1 (6 (±2) лет) позднего энеолита из пещеры Арени 1.

При анализе краниологических признаков детей мы воспользовались приемом пересчета размеров детских черепов на дефинитивные размеры, т.е. такие, которые они должны были бы приобрести по окончании роста [Алексеев, 1978; Хохлов, 2010]. Пересчету «детских» размеров на окончательные «взрослые» предшествовало определение возраста находок. Возраст детей

Комплексное исследование антропологических материалов позднего энеолита из пещеры Арени 1

был установлен по состоянию зубной системы: погр. № 1 — 6 (± 2) лет, погр. № 2 — 9 ($\pm 2,5$) лет. Младший из них (погр. № 1) имел правый верхний M^1 (остальные — глубоко в ячейках), сохранились также молочные моляры. Набор зубов у черепа № 2 также неполон, причем третьи моляры отсутствовали вовсе, оба вторых верхних моляра не достигли своего окончательного положения в ряду других зубов. Можно предположить, что указанные выше зубы находились в процессе «гингивального» прорезывания (т.е. выхода коронки из мякоти десен). Из премоляров относительно доступен для наблюдения лишь P^1 на левой стороне (глубоко в ячейке), сохранились молочные моляры, первый — сильно стертый. Возраст молодого индивида (погр. № 3) был определен как 18 (± 3) лет. Третьи моляры отсутствовали, наблюдались разломы альвеолярного края с внешней поверхности в области M^1 , M^2 , полное срастание боковых частей затылочной кости с телом, частичное закрытие затылочно-основного синостоза.

Рис. 3. Погребение № 2. Общий вид погребения до и после расчистки. Детский череп № 2 (9 ($\pm 2,5$) лет) позднего энеолита из пещеры Арени 1.

Палеогенетика

С целью уточнения половой принадлежности и степени родства трех индивидов был проведен анализ высоковариабельных STR-локусов и гена амелогенина. ДНК была выделена из каменной части височной кости в лабораториях древней ДНК Ереванского государственного университета и Школы археологии университетского колледжа Дублина. Выделение, анализ аутентичности и сохранности ДНК были проведены методами, описанными И. Лазаридис с соавт. [Lazaridis et al., 2016], с использованием систем Illumina MiSeq и NextSeq 500. Учитывая степень сохранности ДНК, получение профилей STR-локусов и установление половой принадлежности проводились с использованием коммерческого набора AmpFISTR MiniFiler PCR Amplification Kit (Life technologies, США), содержащего восемь аутосомных STR-локусов (D13S317, D7S820, D2S1338, D21S11, D16S539, D18S51, CSF1PO and FGA) и маркер амелогенина. В результате анализа профилей аутосомных STR-локусов установлено, что черепа из погребений № 2 и 3 — мужские, а № 1 — женский. Между изученными индивидами не обнаружено прямого родства.

Патология

Вдоль верхнего края теменных костей, в области за брегмой, у девочки (погр. № 1; рис. 2) наблюдаются локальные понижения — поперечные канавки (длина 75 мм, ширина 20 мм). Считается, что поперечные канавки на черепе (tumpline deformation) — результат ношения повязки, концы которой закреплялись поперечными ремнями, удерживающими груз на спине [Худавердян, 2016]. Ношение корзины с грузом приводит к поперечному понижению костей черепа. Также была зафиксирована непреднамеренная затылочно-теменная деформация колыбельного типа (погр. № 1–3). Затылочно-теменная деформация (cradle deformation) находится в прямой зависимости от особенностей устройства колыбели (рис. 2, 3, 11). Уплотненность формируется на первом году жизни под воздействием колыбельной стенки, соприкасающейся с теменем и затылком.

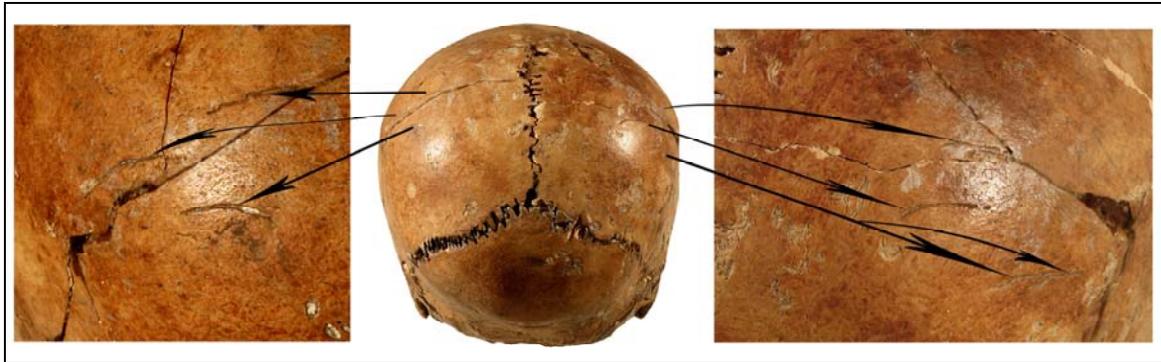

Рис. 4. Символическая трепанация. Несквозные (поверхностные) манипуляции на теменных костях (погр. № 2).

У исследованных индивидов на лобной (№ 1) и теменных (№ 2, рис. 4; № 3) костях фиксируются симметричные зажившие порезы острым предметом. Одни порезы глубокие, другие слегка нарушают поверхность черепа. Размеры повреждений от 5 до 15 мм. В традиционной интерпретации эти повреждения связывались с травмами. Однако с учетом того, что множественные линейные надрезы на теменных костях локализованы на одном горизонтальном уровне с двух сторон, их можно отнести к разряду символической трепанации. Трепанация не только затрагивала кожные покровы, но и распространялась в периостальный слой верхней компакты.

У молодого индивида (№ 3) на основании корня правого скулового отростка височной кости имеется поверхностное нарушение внешней компакты, похожее на «выскабливание» (7×7,5 мм) (рис. 5). Глубина ямки около 4 мм. Внутри дефекта наблюдаются элементы склеротизирования, что свидетельствует о его прижизненном характере. Данное повреждение следует определить как незавершенную трепанацию. Аналогичное повреждение на височной кости было зафиксировано у индивида из могильника Кармир [Худавердян, 2015, рис. 9].

У мальчика (№ 2) наблюдаются прижизненные травмы черепа. На лобной кости справа (ближе к центру), в 37 мм от коронального шва, наблюдается травма, нанесенная тупым пред-

Комплексное исследование антропологических материалов позднего энеолита из пещеры Арени 1

метом (диаметр 14,5×8 мм) (рис. 6). На левой теменной кости, в 17,5 мм от коронального шва, обнаружена травма, нанесенная острым предметом (диаметр 2×2 мм). Прижизненные травмы обнаружены и у мужчины (№ 3) на левой теменной кости в 9 мм от коронального шва (рис. 7). Удар был нанесен острым предметом. Размеры повреждения 2,5×2 мм. На левой теменной кости, в 37 мм от первой травмы, обнаружено повреждение, нанесенное тупым предметом (диаметр 5×4,5 мм). Внутри повреждений наблюдаются элементы склеротизирования.

Рис. 5. Поверхностное нарушение внешней компакты височной кости (Арени 1, № 3).

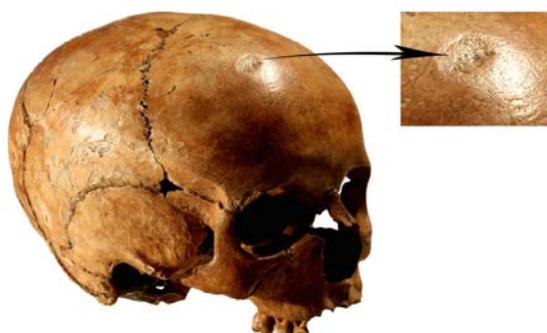

Рис. 6. Прижизненная травма на лобной кости (Арени 1, № 2).

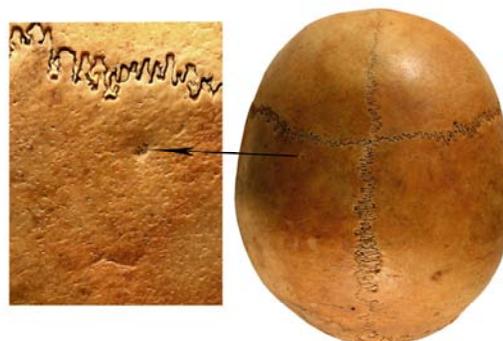

Рис. 7. Прижизненная травма на левой теменной кости (Арени 1, № 3).

Профессором А.С. Канаяном был проведен гистологический анализ кусочка биологического материала (опухоли, напоминающей головной мозг), извлеченного из черепной коробки девочки (№ 1). Извлеченный комочек был размерами 7×5×4 мм, темно-бурого цвета, структура кусочка пористая (рис. 8). С данного материала были произведены срезы толщиной 5 мм, на которых можно различить структуру, подобную вене малого калибра, а также структуры, напоминающие артерии малого калибра, микрососуды, капиллярную сеть (рис. 9).

У всех индивидов фиксируются специфические изменения на верхней внутренней поверхности глазниц (*cribra orbitalia*) (рис. 10), васкулярные реакции костной ткани над орбитальной частью, поражение (типа *cribra*) в области наружных слуховых проходов, оссеофитные образования в ушных каналах и острое гнойное воспаление сосцевидных отростков височной кости (мастоидит).

Cribra orbitalia формируется в детском возрасте и чаще всего ассоциируется с железодефицитной анемией, которая развивается при хроническом течении инфекционных и паразитарных заболеваний. Васкулярные реакции костной ткани — последствия криогенного стресса — связаны с регулярным пребыванием индивидов на открытом воздухе в прохладную ветреную или холодную погоду с повышенной влажностью. Поражение (типа *cribra*) области наружных слуховых проходов представляет собой результат адаптации организма к ветреным условиям.

Появление экзостозов связывается с напряжением надкостницы и воздействием холодной воды, способствующей сужению кровеносных сосудов в ушном канале. При мастоидите бактерии проникают из среднего уха в ячейки сосцевидного отростка, где воспаление приводит к разрушению костных структур.

Рис. 8. Кусочек биологического материала, извлеченного из черепа № 1.

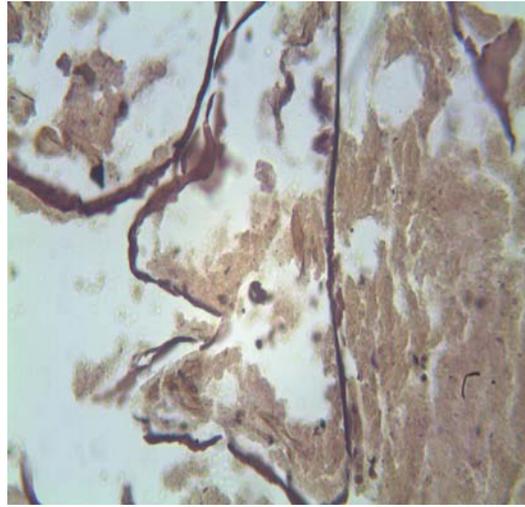

Рис. 9. Окраска гематоксилин и эозин (увел. 200). Структуры, напоминающие капиллярную сеть.

У мальчика (№ 2) обнаружены слабо выраженные линии эмалевой гипоплазии на левой Р¹, зубной камень на М¹ и на II малом коренном (прав.). Зубной камень (I¹, I²) фиксируется и у мужчины (№ 3). Зубной камень регистрировался на буккальной и лингвальной поверхности каждого зуба. У всех индивидов слабо выражены лингвальные экзостозы верхней челюсти (балл 1). Гипоплазия возникает в результате прерывания ростовых процессов, травм, маркер также связан с комплексом причин генетического характера. Наиболее распространенные из них — болезни и недоедание. Одна из вероятных причин минерализованных отложений светло-желтого цвета на зубах у погребенных — употребление пищи, приготовленной из цельных зерен или злаков. Как известно, при использовании зернотерок в пищу попадает большое количество мельчайших абразивных веществ, которые обеспечивают естественное очищение зубов от бактериального налета. Появление своеобразных экзостозов на верхней челюсти — результат функциональных нагрузок на зубочелюстной аппарат.

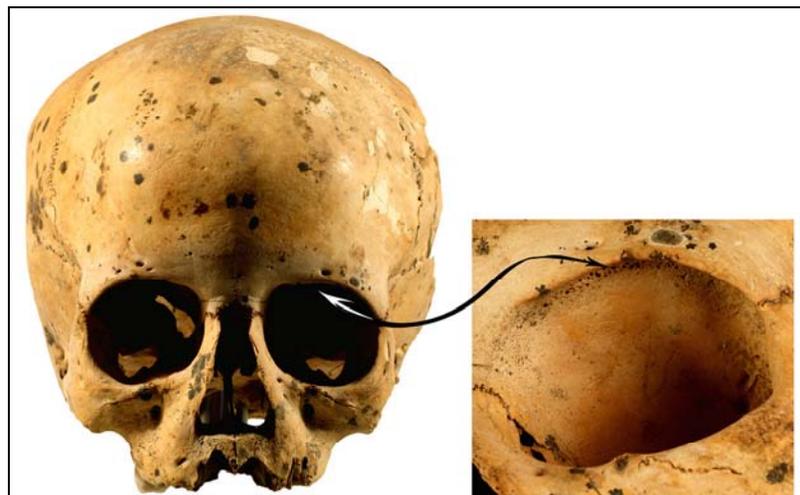

Рис. 10. Специфические изменения на верхней внутренней поверхности глазниц (cribra orbitalia) (Арени 1, № 1).

Комплексное исследование антропологических материалов позднего энеолита из пещеры Арени 1

На фрагменте бедренной кости сильно развита *linea aspera*, структура, образовавшаяся под влиянием многолетней верховой езды [Carasso et al., 1999].

Одонтология

Результаты измерений постоянных зубов приведены в табл. 1. Прежде всего следует обратить внимание на сравнительную характеристику первого моляра двух рассмотренных детских черепов. По мезиодистальному диаметру и высоте коронки череп № 1 превосходит № 2. По вестибулолингвальному диаметру эти различия не столь отчетливы. Первые верхние моляры имеют крупный, развитый гипоконус. На обоих первых верхних молярах имеется зачаточная форма бугорка Карабелли (баллы 1–2). На обоих правых верхних молярах можно видеть хорошо оформленный косой гребень. Лопатообразные формы верхних медиальных и латеральных резцов фиксируются на мужском черепе (№ 3).

Таблица 1

Размеры постоянных зубов индивидов из Арени 1

	MD _{cor}	VL _{cor}	H _{cor}	l _{cor}	m _{cor}
№ 1					
M ¹ прав.	10	11	7	110	10,5
№ 2					
M ¹ прав.	9	11,2	6	124,45	10,1
№ 3					
I ¹ прав.	8	7	10,5	87,5	7,5
I ² прав.	6	5	9	83,34	5,5

Краниоскопия

На данном этапе исследования можно лишь регистрировать дискретно-варьирующие краниоскопические признаки на костях черепа (табл. 2). Теменные, скулолицевые, сосцевидные отверстия венозных пропускников отмечены у всех индивидов, надглазничные и лобные — только у одного (№ 2). Из группы дополнительных отверстий у всех индивидов фиксируются небные, а подглазничные отмечены только у ребенка № 2. Характерной особенностью строения затылочной кости исследованных нами двух черепов (№ 2, 3) является сохранение двустороннего мендозного шва тех или иных размеров. Сплошного мендозного шва (от одного астиериона до другого) обнаружено не было. Явно выраженную предрасположенность к неполному зарастанию мендозного шва В.В. Бунак [1927] относил к особенностям признака переднеазиатского типа. Такой же особенностью, по мнению исследователя, является метопический шов. Сохранение лобного шва (метопизм) фиксируется на черепе мужчины (№ 3). Разделенная швом скуловая кость *os japonicum* многими исследователями рассматривается в качестве восточного признака. Признак встречается только у одного индивида (№ 2).

Таблица 2

Дискретно-варьирующие краниоскопические признаки у индивидов из Арени 1

	№ 1		№ 2		№ 3	
	Лев.	Прав.	Лев.	Прав.	Лев.	Прав.
Sutura frontalis	-		-		+	
Foramina supraorbitalia	-	+	-	-	-	-
Foramina frontalia	+	+	-	-	-	-
Spina trochlearis	-	-		+	-	+
Foramina infraorbitalia	-	-	+	+	-	-
Foramina zygomaticofacialia	+	+	+	+	+	+
Os zygomaticum bipartitum tripartitum		+	-	-	-	-
Stenocrotaphia	X-обр.		X-обр.		X-обр.	
Processus frontalis squamae temporalis	-	-	+	+	+	+
Processus temporalis ossis frontalis	+	+	-	-	-	-
Os epiptericum	-	+	-	-	-	-
Os Wormii suturae squamosum		+	+	+	+	+
Os postsquamosum		-	-	-	+	+
Foramina parietalia	+	-	+	-	+	-
Os apicis lambdae	+		-		-	
Os Wormii suturae lambdoidea	+	+	-	-	+	+
Os Wormii sut. occipitomastoideum	-	-	-	-	-	+

	№ 1		№ 2		№ 3	
	Лев.	Прав.	Лев.	Прав.	Лев.	Прав.
Foramina mastoidea: на шве вне шва	+	+	-	-	+	+
Sutura palatina transversa	+	+	-	+	-	-
Sutura incisiva	+	+	+	+	+	+
Foramen pterygospinosum	-	-			+	-
Foramina spinosum	+	-	+		-	-
Condylus occipitalis bipartitum	+	+	+	+	+	+
Processus paramastoideus	-	+	+	+	+	-
Tuberculum praecondylare		-		-		+
Canalis condyloideus	-	+	+	-	+	+
Foramina mentalia	+	+	+	+	+	+
Sutura mendoza	-	-	+	+	+	+

Краниология

Индивидуальные краниологические данные серии Арени 1 представлены в табл. 3 и 4. Погребение № 3 (♂, 15–21 год). Рельеф на черепе выражен слабо (рис. 11). Отмечены нестандартные комплексы, в частности малый продольный, большой поперечный диаметры, брахи-кранная мозговая коробка. Следует иметь в виду, что в краниологических выборках эпох бронзы и железа из Армении до сих пор не встречалось ни одного случая брахикрании.

Таблица 3

Индивидуальные размеры и указатели энеолитических черепов из Арени 1

№ по Мар-тину и др.	Признак	№ 1	№ 2	№ 3
1	Продольный диаметр	167	180	177,5
8	Поперечный диаметр	130?	135,5	145
8:1	Черепной указатель	77,85	75,28	81,691
17	Высотный диаметр от <i>ba</i>	114	126	136,5
17:1	Высотно-продольный указатель	68,27	70,0	75,78
17:8	Высотно-поперечный указатель	87,693	92,99	92,76
20	Высотный диаметр от <i>po</i>	103?	109?	128±3
20:1	Высотно-продольный указатель	61,67	68,89	73,24
20:8	Высотно-поперечный указатель	79,24	91,52	89,66
5	Длина основания черепа	87	91,5	92
9	Наименьшая ширина лба	88	95,5	95
9:8	Лобно-поперечный указатель	67,693	70,48	65,52
10	Наибольшая ширина лба	109,5	123,5	129
11	Ширина основания черепа	105	112	114
11:8	Аурикулярно-поперечный указатель	80,77	82,66	78,63
12	Ширина затылка	108,5	107,5	108,5
29	Лобная хорда	96	107	108
30	Теменная хорда	106	117	115
31	Затылочная хорда	107,5	—	99
23а	Горизонтальная окружность черепа	255	295	305
24	Поперечная дуга (<i>po-br-po</i>)	—	306	318
25	Сагиттальная дуга	280	325	333
26	Лобная дуга	113	120	130
27	Теменная дуга	120	130	127
28	Затылочная дуга	103	—	115
7	Длина затылочного отверстия	35	—	37
16	Ширина затылочного отверстия	31	31	30
32	Угол профиля лба от <i>n</i>	96	90±2	94
	Угол профиля лба от <i>g</i>	94	85±2	92
40	Длина основания лица	85,5	83,5	82
40:5	Указатель выступания лица	98,28	91,26	89,14
45	Скуловой диаметр	104?	111,5?	113
48	Верхняя высота лица	49?	55	65
45:8	Поперечный фациоцеребральный указатель	80,0	82,29	77,94
9:45	Лобно-скуловой указатель	84,62	85,66	84,08

№ по Мартину и др.	Признак	№ 1	№ 2	№ 3
48:17	Вертикальный фациоцеребральный указатель	42,99	43,66	48,33
48:45	Верхний лицевой указатель	47,12	49,33	57,53
43	Верхняя ширина лица	90	95	96
9:43	Лобно-верхнелицевой указатель (широтный)	97,78	100,53	98,96
46	Средняя ширина лица	82,8	82,5	83
60	Длина альвеолярной дуги	43	44	49
61	Ширина альвеолярной дуги	59	59	54
62	Длина неба	33	33,5	40
63	Ширина неба	28?	27,5	22,2
63:62	Небный указатель	84,85	82,09	55,5
55	Высота носа	39	44	47
54	Ширина носа	20,5	24	20
54:55	Носовой указатель	52,57	54,55	42,56
51	Ширина орбиты от mf	36	40	38
51a	Ширина орбиты от d	34	—	35
52	Высота орбиты	29	30	31,5
52:51	Орбитный указатель (mf)	80,56	75,0	82,895
52:51a	Орбитный указатель (d)	85,295	—	90,0
MC	Максиллофронтальная ширина	—	—	19,9
MS	Максиллофронтальная высота	—	—	6
MS:MC	Максиллофронтальный указатель	—	—	30,16
DC	Дакриальная ширина	—	—	23
DS	Дакриальная высота	—	—	9,5
DS:DC	Дакриальный указатель	—	—	41,31
SC	Симотическая ширина	—	8,2	5,5
SS	Симотическая высота	—	3	2
SS:SC	Симотический указатель	—	36,59	36,37
72	Общий лицевой угол	82	91	85
73	Средний лицевой угол	82	90	86
74	Угол альвеолярной части	85	96	86
75(1)	Угол выступа носа	—	21	—
77	Назомаллярный угол	151	140	141
<zm	Зигмаксиллярный угол	135	131	135
	Форма черепной коробки	Овоидная	Пентагоноидная	Сфеноидная
	Надпереносье (1–6)	1	1	1
	Надбровные дуги (1–3)	1	1	1
	Наружный затылочный бугор (0–5)	0	0	0
	Затылочные валики TOT (0–4)	0	0	0
	Позадисосцевидный отросток PR (0–4)	0	1	1
	Сосцевидный отросток (1–3)	1	1	2
	Нижний край грушевидного отверстия	Инфантильная	Антропийная	Инфантильная
	Передненосовая ость (1–5)	2	3	3
	Деформация (тип)	Непреднамеренная теменная, затылочная	Непреднамеренная затылочная	Непреднамеренная затылочная

Эта комбинация в совокупности с характерными признаками свойственна населению Ближнего Востока (см.: Сиалк В). Между тем доминирующей морфологической характеристикой на черепах вышеуказанных эпох с территории Республики Армения являются долихокrania, высоколицесть, лепториния (узконосость) и клиногнатность. У индивида № 3 высота черепа, наименьшая ширина лобной кости попадают в категорию средних величин. Лицо — очень узкое, средневысокое, ортогнатное. Все основные параметры лицевого скелета характеризуются малыми и очень малыми величинами.

На фоне мужского черепа «взрослые» детские черепа демонстрируют альтернативные формы, в частности по черепному указателю (рис. 2, 3). «Женский» череп (№ 1) имеет большой продольный, средний поперечный и малый высотный диаметры, долихокранную мозговую коробку. Лицо прогнатное, среднеширокое и средневысокое. Нос широкий и средневысокий, орбиты широкие и невысокие. «Мужской» череп (№ 2) имеет очень большой продольный, средний

поперечный и малый высотный диаметры, долихокранную мозговую коробку. Лицо ортогнатное, узкое и средневысокое. Нос очень широкий и высокий, орбиты широкие и невысокие.

Таблица 4

Трансформированные во «взрослые» детские черепа из пещеры Арени 1

№ по Мартину и др.	Признак	№ 1, ♀	№ 2, ♂
1	Продольный диаметр	180,87	192,06
8	Поперечный диаметр	135,33	140,79
8:1	Черепной указатель	74,83	73,31
17	Высотный диаметр от <i>ba</i>	122,892	130,92
17:1	Высотно-продольный указатель	67,95	68,17
17:8	Высотно-поперечный указатель	90,81	92,99
20	Высотный диаметр от <i>po</i>	114,66	120,78
20:1	Высотно-продольный указатель	63,394	62,89
20:8	Высотно-поперечный указатель	84,73	85,79
5	Длина основания черепа	101,88	102,39
9	Наименьшая ширина лба	98,21	99,23
9:8	Лобно-поперечный указатель	72,58	70,48
10	Наибольшая ширина лба	115,53	127,95
11	Ширина основания черепа	121,28	121,75
11:8	Аурикулярно-поперечный указатель	89,62	86,48
12	Ширина затылка	114,793	113,74
29	Лобная хорда	103,97	112,14
30	Теменная хорда	110,46	121,095
31	Затылочная хорда	109,22	—
32	Угол профиля лба от <i>g</i>	79,06	73,95
40	Длина основания лица	107,05	94,86
40:5	Указатель выступания лица	105,08	92,65
45	Скуловой диаметр	125,53	129,68
48	Верхняя высота лица	65,37	70,02
45:8	Поперечный фациоцеребральный указатель	92,76	92,11
9:45	Лобно-скуловой указатель	78,24	76,52
48:17	Вертикальный фациоцеребральный указатель	53,194	53,49
48:45	Верхний лицевой указатель	52,08	53,995
43	Верхняя ширина лица	105,12	104,22
9:43	Лобно-верхнелицевой указатель (широтный)	93,43	95,22
46	Средняя ширина лица	104,33	94,63
62	Длина неба	44,6	40,17
63	Ширина неба	35,73	31,96
63:62	Небный указатель	81,094	79,57
55	Высота носа	50,82	52,85
54	Ширина носа	26,726	28,47
54:55	Носовой указатель	52,58	53,87
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	41,51	43,65
52	Высота орбиты	30,34	31,38
52:51	Орбитный указатель (<i>mf</i>)	73,091	71,891
SC	Симотическая ширина	—	8,8
SS	Симотическая высота	—	5,25
SS:SC	Симотический указатель	—	59,66
72	Общий лицевой угол	77,41	87,18
75(1)	Угол выступания носа	—	28,82
77	Назомаллярный угол	152,21	140

Несомненно, к полученным результатам можно отнестись критически. Крайне малочисленна выборка, небесспорны реконструктивные возможности в плане «выращивания» детских черепов, экстраполяция наблюдений по более поздним выборкам на древние серии. Однако, для того чтобы значимость рассматриваемых находок была ясна, подчеркнем, что они — единственный источник, позволяющий составить представление о физическом облике энеолитического населения Армении.

С целью предварительной оценки краниометрических особенностей выборки из Арени 1 в масштабе иных популяций был проведен межгрупповой канонический анализ. Межгрупповое сопоставление 52 мужских краниологических серий (табл. 5) осуществлялось в два этапа.

Рис. 11. Погребение № 3. Общий вид погребения до и после расчистки. Мужской череп № 3 (18 (±3) лет) позднего энеолита из пещеры Арени 1.

Таблица 5

Список серий, привлеченных к сравнительному анализу

	Регион, местность, серия	Датировка	Публикация
1	Армения: Арени 1	Последняя четверть V тыс. до н.э.	Настоящая статья
2	Армения, Ширак: сборная серия	IV–III тыс. до н.э.	Худавердян, 2016
3	Армения: Шенгавит	III тыс. до н.э.	Алексеев, 1974
4	Армения: Джарат	III тыс. до н.э.	Алексеев, 1974
5	Армения: Мейданнер	III тыс. до н.э.	Алексеев, Мкртчян, 1989
6	Грузия: Чиатура	V–IV тыс. до н.э.	Абдушлишвили, 1982
7	Грузия: сборная серия	IV–III тыс. до н.э.	Абдушлишвили, 1982; Худавердян, 2011
8	Анатолия: Чатал Хуюк	VI–V тыс. до н.э.	Schwidetzky, Rösing, 1990

	Регион, местность, серия	Датировка	Публикация
9	Месопотамия: Эль-Убейда	IV тыс. до н.э.	Keith, 1927
10	Иран: Караташ	IV–III тыс. до н.э.	Angel, 1970, 1976
11	Иран: Алишар Хуюк	III–I тыс. до н.э.	Schwidetzky, Rösing, 1990
12	Иран: Изыктепе	III–II тыс. до н.э.	Schwidetzky, Rösing, 1990
13	Иран: Тепе Гиссар II	III тыс. до н.э.	Krogman, 1940
14	Иерихона: Деричо	3300–3100 BC	Schwidetzky, Rösing, 1990
15	Индия: Хараппа, R-37	IV–III тыс. до н.э.	Gupta et al., 1962
16	Индия: Мохенджо-Даро	IV–III тыс. до н.э.	Sewell, Guha, 1931
17	Египет: Бадари	IV–III тыс. до н.э.	Schwidetzky, Rösing, 1990
18	Египет: Нагада	IV–III тыс. до н.э.	Schwidetzky, Rösing, 1990
19	Египет: Акмант	IV–III тыс. до н.э.	Schwidetzky, Rösing, 1990
20	Дагестан: Гинчи	V–IV тыс. до н.э.	Гаджиев, 1962, 1965
21	Предкавказья: сборная серия	Майкопская культура	Казарницкий, 2012
22	Предкавказья: чограйские м-ки	Ямная культура	»
23	Канал Волго-Чохрай	»	»
24	Предкавказья: разрозненные м-ки	»	»
25	Калмыкия: сборная серия	»	Казарницкий, 2012; Шевченко, 1986
26	Предкавказья: сборная серия	Раннекатакомбная культура	Казарницкий, 2012
27	Калмыкия: сборная серия	Ямно-катакомбная культура	»
28	Северная Калмыкия: сборная серия	Катакомбная культура	»
29	Южная Калмыкия: сборная серия	Восточноманьчжурская катакомбная культура	»
30	Поволжье: Меллятамак	V — начало IV тыс. до н.э.	Рудь, Яблонский, 1991
31	Астраханская область: Кривая Лука	Ямная культура	Казарницкий, 2012
32	»	Ямно-катакомбная культура	Шевченко, 1986
33	»	Катакомбная культура	»
34	Подонье: Дрониха	IV–III тыс. до н.э.	Алексеев, 1983
35	Нижний Дон: левый берег	Катакомбная культура	Казарницкий, 2012
36	Нижний Дон: Новочеркасский	»	»
37	Нижний Дон: Ростовский	»	»
38	Волго-Уралье: сборная серия	Хвалынская культура	Хохлов, 2013
39	»	Ямная культура	»
40	»	Ямно-полтавкинское время	»
41	»	Потаповский тип	»
42	Украина: сборная серия	Ямная культура	Круц, 1972
43	»	Катакомбная культура	»
44	»	Трипольская культура	Кондукторова, 1973
45	»	Культура шаровидных амфор	Кондукторова, 1979
46	Поднепровье: Игреньский	Культура Средний Стог	Потехина, 1983
47	Поднепровье: Каменные Потоки	»	Зиневич, 1967
48	Поднепровье: Ворошиловград	»	Потехина, 1976
49	Поднепровье: Александрия	»	Сурнина, 1963
50	Поднепровье: Сарковка I	Мариупольская культура	Круц и др., 2003
51	Поднепровье: Выхватинцы	Трипольская культура	Великанова, 1975
52	Поднепровье: сборная серия	»	»

Этап 1. Сравнение проводилось по 14 основным признакам (1, 8, 17, 9, 45, 48, 55, 54, 51, 52, 77, zm, SS:SC, 75(1)) (табл. 6) для 19 мужских групп. В результате в первом каноническом векторе (KB I, отражает 31,611 % общей изменчивости) наибольшие нагрузки пришлись на поперечный диаметр черепной коробки и скуловую ширину. Положение анализируемых групп в пространстве KB I показывает, что высокие положительные величины выявлены у племен Предкавказья (22–25, 26, 30, 36) и Поволжья (31), которые характеризуются наибольшей в сериях шириной мозговой коробки и лицевого отдела, к тому же указанные черепа с ослабленной горизонтальной профилировкой. На противоположном отрицательном полюсе сгруппировались серии Чиатура (6), Тепе Гиссар II (13), Гинчи (20), Арени 1 (1), а также носители куро-аракской (2, 3, 7), майкопской (21), хвалынской (38), среднестоговской (46, 47) и трипольской (51) культур. Для KB II (14,648 % общей изменчивости) определяющими стали ширина орбиты от mf , высота орбиты и верхняя высота лица. На плоскости II вектора-дискриминатора высокие отрицательные значения обнаружены у черепов из могильников Мейданнер (5), Меллятамак (30), Каменные Потоки (47), Дрониха (34), трипольской (52) и хвалынской культуры (38). В положительном

Комплексное исследование антропологических материалов позднего энеолита из пещеры Арени 1

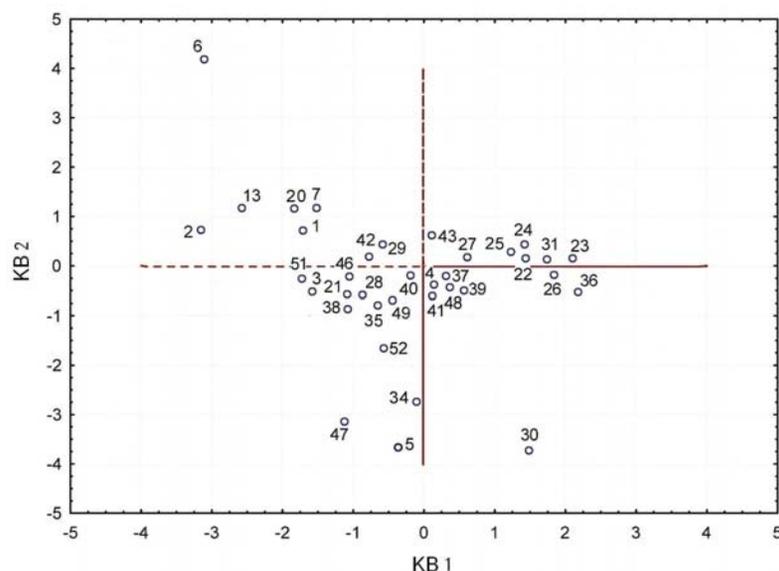
поле сконцентрированы серии Чиатура (6), Тепе Гиссар II (13), Гинчи (20) и черепа куро-аракской культуры из Грузии (7), характеризующиеся более узким, резче профилированным в горизонтальной плоскости лицом. Для КВ III (12,911 % общей изменчивости) наибольшие нагрузки пришлись на угловые размеры лица (зигомаксиллярный и выступания носа). Полярные варианты распределения участвовавших в сравнительном анализе групп выглядят следующим образом: с одной стороны — краниологические серии Мейданнер (5), Гинчи (20), с другой — Меллятамак (30), Тепе Гиссар II (13), Каменные Потоки (47), племена трипольской (51, 52) и майкопской (21) культур.

Таблица 6

Элементы первых трех канонических векторов (КВ). Мужчины

№ по Мартину и др.	Признак	КВ I	КВ II	КВ III
1	Продольный диаметр	-0,480	-0,240	0,156
8	Поперечный диаметр	<u>0,731</u>	0,103	0,115
17	Высотный диаметр	-0,149	-0,076	0,147
9	Наименьшая ширина лба	-0,156	0,141	-0,330
45	Скуловая ширина	<u>0,550</u>	0,081	-0,420
48	Верхняя высота лица	-0,014	<u>0,524</u>	0,137
55	Высота носа	0,112	0,437	0,368
54	Ширина носа	-0,183	-0,599	0,180
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	0,157	<u>-0,818</u>	0,410
52	Высота орбиты	-0,229	<u>0,577</u>	-0,236
77	Назомаллярный угол	0,005	-0,420	-0,321
zm	Зигомаксиллярный угол	-0,135	0,285	<u>0,685</u>
SS:SC	Симотический указатель	0,105	0,236	-0,381
75(1)	Угол выступания носа	0,136	0,053	<u>0,578</u>
Доля в общей дисперсии (%)		31,611	14,648	12,911

На рис. 12 демонстрируется расположение групп в координатах I и II КВ. Выборки из Арени 1 (1), Гинчи (20) и Тепе Гиссар II (13) расположились среди носителей куро-аракской культуры с территории Грузии (7) и сконцентрированы в левой верхней части графика. К ним примыкают носители культур Куро-Аракса из Ширакской котловины (2), ямной культуры из Украины (42) и восточноманычской катакомбной культуры из Южной Калмыкии (29). Здесь расположены серии, общими особенностями которых является более лептоморфное строение мозгового и лицевого отделов черепа.

Рис. 12. Положение мужских серий в пространстве первого и второго канонического векторов. Нумерация серий соответствует использованной в табл. 5.

Не ставя целью разбор всех межгрупповых связей, которые выявляются в ходе проводимого для Арени 1 анализа, скажем, что носители куро-аракской культуры из Армении (3, 4) весьма близки с племенами майкопской (21), трипольской (51), хвалынской (38), среднестоговской (46, 48, 49) и катакомбной (28, 37) культур. Нами уже были зафиксированы морфологические аналогии черепам Куро-Аракса из Южного Кавказа в носителях майкопской и катакомбной культур из Предкавказья [Худавердян, 2017]. Выявлено также сходство черепов куро-аракской культуры (4) с мезокранными широколицыми племенами потаповского типа (41) из Волго-Уралья.

Заметное единство продемонстрировали ямные серии Предкавказья и Поволжья (22–25, 31). Сходство наблюдается также между низколицыми и широкоголовыми черепами с Нижнего Дона (36) и из Предкавказья (26). Самостоятельное положение заняли серии энеолитических археологических культур Грузии (6) и Поволжья (30). Отдельная позиция у групп из Армении (5), Подонья (34) и Поднепровья (47).

Этап 2. Для того чтобы учесть древние ближневосточные серии, дополнительно проведен анализ с уменьшенным набором из 10 признаков (1, 8, 17, 9, 45, 48, 55, 54, 51, 52) (табл. 7). В результате первые два наиболее информативных КВ отразили в совокупности 62,509 % изменчивости. Наибольшие нагрузки по КВ I выпали в основном на широтные размеры черепной коробки и лицевого скелета (скуловая ширина, поперечный диаметр). На разных полюсах межгрупповой изменчивости признаков, которую описывает первый дискриминатор, оказались: с одной стороны — группы Чиатура (6), Мохенджо-Даро (16), Бадари (17), Тепе Гиссар II (13), Нагада (18), Харappa, R-37 (15), Эль-Убейда (9), Акмант (19), Деричо (14), Арени 1 (1), куро-аракса с территории Ширака (2) (отрицательные); с другой — краниосерии Меллятамак (30), Дрониха (34), Новочеркасский (36), Мейданнер (5), Сарковка I (50), Каменные Потоки (47), Ворошиловград (48), Александрия (49), а также носители культур ямной (22–25, 31, 39), ямно-катакомбной (27, 32), раннекатакомбной (26), катакомбной (37), потаповского типа (41) (положительные). По КВ II наибольшие нагрузки также пришлось на широтные размеры (ширина орбиты, наименьшая ширина лба). Подчеркнем, что нагрузки на ширину орбиты и лобной кости получили здесь противоположные знаки, что указывает на одно из основных направлений изменчивости. Высокие положительные значения отмечены в группах Меллятамак (30), Каменные Потоки (47), Нагада (18), Сарковка I (50), Новочеркасский (36), Выхватинцы (51) и у носителей куро-аракской (2, 5, 3), майкопской (21) и катакомбной (28) культур. Высокие отрицательные значения фиксируются в краниосериях из могильников Изыктепе (12), Мохенджо-Даро (16), Чиатура (6) и Гинчи (20). По КВ III (12,784 % изменчивости) наиболее ценными признаками оказались поперечные, продольные диаметры, высотные размеры носа и лица. Полярные варианты распределения участвовавших в сравнительном анализе групп выглядят следующим образом: с одной стороны — краниологические серии Дрониха (34), Каменные Потоки (47), Деричо (14), Меллятамак (30), Александрия (49), носители майкопской (21), куро-аракской (5, 2), катакомбной (28), трипольской (52), хвалынской (38) культур; с другой — черепа из могильников Чиатура (6), Сарковка I (50), Новочеркасский (36), а также носителей культур шаровидных амфор (45) и ямной (22, 23).

Таблица 7

Элементы первых трех канонических векторов (КВ). Мужчины

№ по Мартину и др.	Признак	КВ I	КВ II	КВ III
1	Продольный диаметр	-0,225	0,091	<u>0,586</u>
8	Поперечный диаметр	0,471	0,017	<u>-0,681</u>
17	Высотный диаметр	0,106	-0,172	0,332
9	Наименьшая ширина лба	-0,040	<u>-0,600</u>	0,326
45	Скуловая ширина	<u>0,598</u>	-0,272	-0,038
48	Верхняя высота лица	-0,419	-0,066	<u>-0,530</u>
55	Высота носа	0,375	-0,024	<u>0,679</u>
54	Ширина носа	-0,214	-0,028	-0,422
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	0,341	<u>1,067</u>	0,095
52	Высота орбиты	-0,402	-0,098	-0,249
Доля в общей дисперсии (%)		43,594	18,915	12,784

Анализ выраженности разных краниотипов дал интересные результаты. В координатном пространстве двух КВ (рис. 13) энеолитическая серия из Арени 1 (1) демонстрирует наибольшее сходство с выборками из Чатал Хуюка (8) и Алишар Хуюка (11). Это позволяет допустить вероятность участия населения Ближнего Востока в формировании антропологического состава

Комплексное исследование антропологических материалов позднего энеолита из пещеры Арени 1

ва носителей энеолитической культуры Армении. К ним примыкают с одной стороны носители культур шаровидных амфор (45) и трипольской (44), с другой — куро-аракская выборка из Грузии (7). Соседство серий из Украины (45, 44) с южно-европеидными группами с Ближнего Востока и Южного Кавказа уместно трактовать как свидетельство общего популяционного пласта, на основе которого сформировались носители этих культур. Краниологическая серия трипольской культуры из Преднепровья (51) оказалась между двумя куро-аракскими сериями из Армении (2, 3). На аналогии черепам носителей трипольской культуры в черепах из могильников куро-аракской культуры указывают Т.И. Алексеева, С.И. Круц [1999] и А.Ю. Худавердян [2011; Khudaverdyan, 2011]. Кроме того, нужно отметить, что куро-аракская серия из Мейданнер (5) демонстрирует морфологическое сходство с носителями среднестоговской (47) и мариупольской (50) культур.

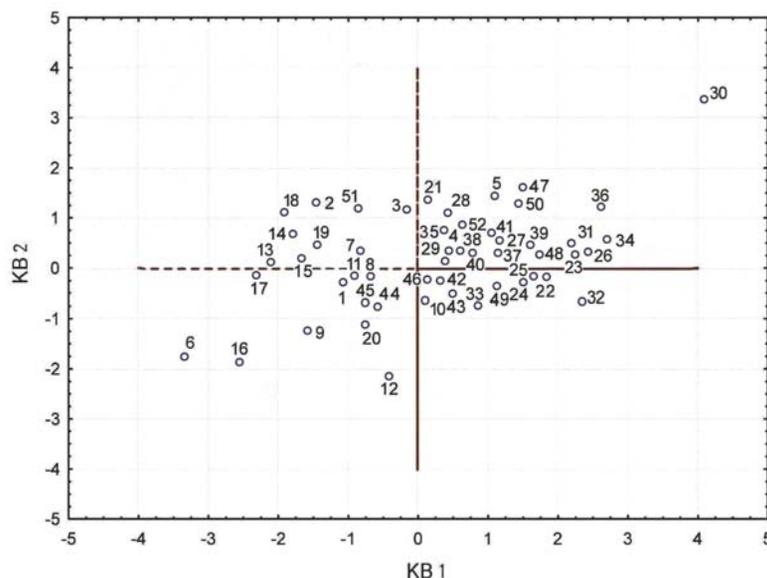

Рис. 13. Положение мужских серий в пространстве первого и второго канонического векторов.

Характерно, что включенная в анализ как явно контрастная серия из могильника Меллятам (30) заняла окраинное положение (самая большая ширина лица и орбиты среди сравниваемых групп). Здесь же следует указать на тяготение носителей хвалынской энеолитической культуры из Волго-Уралья (38) к куро-аракской серии из Армении (4). Это не противоречит данным А.А. Хохлова [2010], который в составе носителей хвалынской культуры зафиксировал южно-европеидный и древнеуральский антропологические компоненты.

Энеолитическая выборка из Грузии (6) несколько отдалена, выделяется среди остальных южно-европеидных серий в первую очередь более узким черепом и максимально высоким лицом. К ней ближе всех раннебронзовая серия из могильника Мохенджо-Даро (16).

Таблица 8

Элементы первых трех канонических векторов (КВ). Женщины

№ по Мартину и др.	Признак	КВ I	КВ II	КВ III
1	Продольный диаметр	-0,709	0,238	0,117
8	Поперечный диаметр	0,601	-0,129	-0,097
17	Высотный диаметр	0,195	0,288	0,607
9	Наименьшая ширина лба	-0,186	-0,554	0,354
45	Скуловая ширина	0,445	-0,251	-0,468
48	Верхняя высота лица	-0,074	-0,587	-0,281
55	Высота носа	0,011	0,781	-0,052
54	Ширина носа	-0,024	-0,062	-0,076
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	0,400	0,811	0,207
52	Высота орбиты	-0,240	-0,422	0,530
77	Назomalярный угол	0,034	0,031	0,536
Доля в общей дисперсии (%)		52,088	13,653	9,780

Для дальнейшего сравнительного межгруппового статистического анализа нами были выбраны 23 женские краниологические серии. Сравнение проводилось по 11 признакам (1, 8, 17, 9, 45, 48, 55, 54, 51, 52, 77). Нагрузки признаков в канонических переменных приведены в табл. 8. Наибольший вклад в дискриминацию этих групп вносят ширина орбиты, высота носа, продольный, поперечный и высотный диаметры черепной коробки. По КВ I (52,088 % изменчивости) наблюдается высокая корреляция длины (отрицательная) и ширины черепной коробки (положительная). В плоскости первого вектора-дискриминатора высокие отрицательные значения выявлены у носителей куро-аракской культуры с территории Армении (4, 2) и Грузии (7). В отрицательном поле с высокими значениями также оказалась серия из Ирана (13). Высокие положительные величины выявлены у черепов ямной, раннекатакомбной культур с территории Калмыкии (22, 25–27) и Астраханской области (32). В КВ II (13,653 % изменчивости) отражена максимальная корреляция ширины орбиты, высоты носа (положительная) с верхней высотой лица и наименьшей шириной лба (отрицательная). Положение анализируемых групп в пространстве второго вектора-дискриминатора показывает, что высокие положительные величины выявлены у групп Мейданнер (5) и Выхватинцы (51), отрицательные — у черепов куро-аракской культуры с территории Грузии (7), энеолитической из Дагестана (20) и катакомбной из Украины (43). Третий КВ (более 9 % изменчивости) определяет комплекс из таких признаков, как высотный диаметр, назомаллярный угол, а также высота орбиты (положительная) (табл. 8). Оказалось, что здесь в положительном поле группируются носители куро-аракской культуры с территории Южного Кавказа (2, 7), энеолитическая серия из Дагестана (20) и катакомбники Калмыкии (28, 29).

На рис. 14 иллюстрируется расположение групп в координатах I и II КВ. Следует обратить внимание на ту особенность, что женская «выборка» из Арени 1 демонстрирует иные морфологические предпочтения, чем мужская. Так, краниологический комплекс носителей майкопской культуры (21) имеет близкие аналогии с энеолитической группой Арени 1 (1). К ним тяготеют носители хвалынской (38) и ямной (42) культур, а также серия Тепе Гиссар II (13). Мужские выборки хвалынской и майкопской культур, напротив, сближаются с куро-аракским населением Южного Кавказа. Самостоятельное положение заняла серия из Мейданнер (5). Племена ямной, ямно-катакомбной и раннекатакомбной культур Предкавказья (32, 26, 25) локализируются компактно вокруг одного морфологического комплекса.

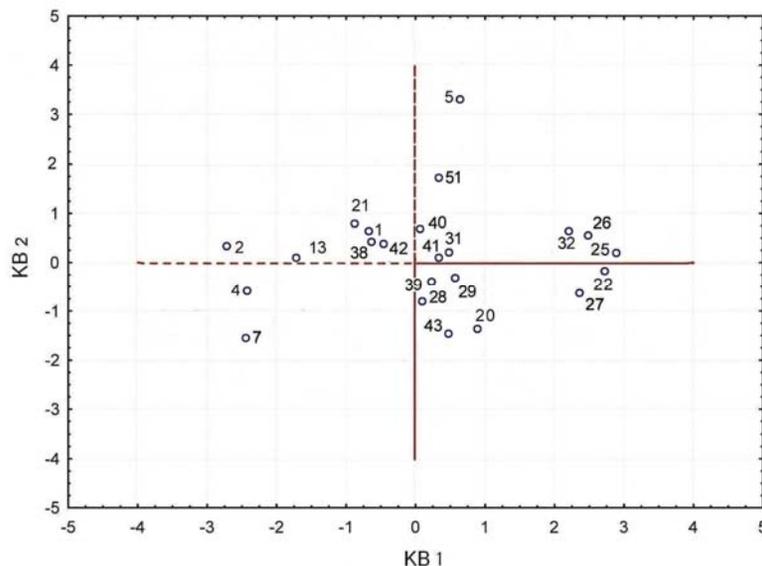

Рис. 14. Положение женских серий в пространстве первого и третьего канонических векторов.

Общие выводы

Таким образом, впервые вводимые в научный оборот позднеэнеолитические краниологические материалы из пещеры Арени 1, даже при их малочисленности, представляются ценным источником для изучения антропологических особенностей населения данного региона. Этот исторический период — один из важных этапов сложения населения региона и человеческой

цивилизации в целом. Выявленная многокомпонентность антропологического состава позднеэнеолитических жителей Арени 1 является не только свидетельством сложного пути его формирования, но и отражением его высокой коммуникабельности при уже сложившейся культуре. Анализ показывает, что антропологические параметры серии Арени 1, без всякого сомнения, попадают в пределы вариации популяций Южного Кавказа и Ближнего Востока. Наиболее близкими по морфологии к ней оказываются группы Тепе Гиссар II, Гинчи, Чатал Хуюк, Алишар Хуюк и, конечно, носители куро-аракской культуры. Носители энеолитической археологической культуры формировались при участии коллективов, происхождение которых было связано с территорией Ближнего Востока. В принципе, наши данные совместимы с недавними генетическими исследованиями по региону [Lazaridis et al., 2016]. В общем ракурсе исследования можно говорить, что прослеживается не только культурогенетическая связь между энеолитической и раннебронзовой (куро-аракской) культурами, но и антропологическая преемственность между их носителями. Женская серия из Арени 1 демонстрирует выраженное тяготение к морфологическим вариантам, характерным для племен майкопской, хвалынской и ямной культур.

На черепахах наблюдается непреднамеренная деформация (теменная и затылочн-теменная), связанная с социально-бытовыми условиями. У двух индивидов из пещеры Арени 1 травмы и их характер не позволяют утверждать, что они послужили причиной их смерти. Также выявлены поверхностные манипуляции на черепахах. При этом поверхностные разрезы у девочки зафиксированы на лобной кости, у индивидов мужского пола — на теменных костях. Вероятно, их выполняли при проведении специфических ритуалов в связи с определенным мировоззрением. А на черепе мужчины (№ 3) были обнаружены специфические изменения верхнего компактного слоя, похожие на «выскабливание». Дефект сопровождался патологическими изменениями костной ткани — имеется порозность в углублении.

Переохлаждение организма на фоне хронических очагов стафилококковой и стрептококковой природы могло провоцировать воспаление среднего уха. Наличие одного из индикаторов диеты (зубного камня) указывает на вязкую еду, возможно, белкового происхождения. Выявленные маркеры стресса следует расценивать как комплекс адаптивных реакций, способствующих повышению устойчивости организма к внешним воздействиям.

Энеолитические черепа и фрагмент бедренной кости были обработаны (полированы), вероятно, в определенном растворе. Следует учитывать возможность существования у древних коллективов нестандартных ритуалов, подобных тому, следы которого выявлены на палеоантропологическом материале из пещеры Арени 1. Фиксация таких феноменов значительно обогащает историю развития культуры, позволяет ближе подойти к объяснению тех или иных «загадочных» традиций в жизни древних обществ.

Благодарности

Первый сезон раскопок в 2007 г. в Арени 1 был произведен при финансовой поддержке фонда «Gfoeller Fund of America Corporation». Авторы выражают благодарность директору Института археологии и этнографии НАН РА П.С. Аветисяну за поддержку при реализации данной работы. Особая благодарность принимавшим участие в раскопках сотрудникам Института археологии и этнографии НАН РА, Департамента археологии Университета Винчестера (Великобритания), Института археологии им. Ллойда Котсена Калифорнийского университета, Университетского колледжа Корка (Ирландия), Университета штата Коннектикут (UConn, США), а также университетов Хайфы и Тель-Авива (Израиль). Особую благодарность хочется выразить также Т. Исаакяну (ИАЭ НАН РА) за реставрацию палеоантропологических материалов, сотруднику ЕГУ А. Есяяну, М. Даллакян и С. Есоян за обработку костного материала и работу с древней ДНК.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абдушлишвили М.Г.* Антропология населения Кавказа в бронзовом периоде. Тбилиси, 1982. 134 с.
Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М.: Наука, 1974. 317 с.
Алексеев В.П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас: Палеолит. М.: Наука, 1978. 284 с.
Алексеев В.П. Население эпохи бронзы на Среднем Дону: (Краниология) // А.Т. Синюк. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж, 1983. С. 183–191.
Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Алексеев В.П., Мкртчян Р.А. Палеоантропологический материал из погребений в Армении и вопросы генезиса населения куро-аракской культуры // СЭ. 1989. № 1. С. 127–134.

Алексеева Т.И., Круц С.И. Древнейшее население Восточной Европы // Восточные славяне: Антропология и этническая история. М.: Науч. мир, 1999. С. 254–279.

Бунак В.В. *Crania Armenica*: Исследование по антропологии Передней Азии. М., 1927. 264 с. (Труды Антропол. НИИ при МГУ).

Великанова М.С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.: Наука, 1975. 283 с.

Гаджиев А.Г. Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965. 232 с.

Зиневич Г.П. Очерки палеоантропологии Украины. Киев: Наук. думка, 1967. 223 с.

Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.

Казарницкий А.А. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы: (Антропологический очерк). СПб.: Наука, 2012. 264 с.

Кондукторова Т.С. Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.: Наука, 1973. 127 с.

Кондукторова Т.С. Антропологический тип людей культуры шаровидных амфор Украины // Вопросы антропологии. 1979. Вып. 60. С. 52–69.

Круц С.И. Население территории Украины эпохи меди-бронзы (по антропологическим данным). Киев, 1972. 191 с.

Круц С.И., Бужилова А.П., Варзарь А.М. Антропологические материалы из неолитического могильника Сакаровка I // РА. 2003. № 2. С. 104–118.

Мовсесян А.А., Мамонова Н.Н., Рычков Ю.Г. Программа и методика исследования аномалий черепа // Вопросы антропологии. 1975. Вып. 51. С. 127–150.

Потехина И.Д. Черепа из энеолитического могильника в г. Ворошиловграде // Энеолит и бронзовый век Украины: Исследования и материалы. Киев: Наук. думка, 1976. С. 29–36.

Потехина И.Д. О носителях культуры Средний Стог II по антропологическим данным // СА. 1983. № 1. С. 144–154.

Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Новые материалы к антропологии древнейшего населения Среднего Поволжья // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991. С. 206–220.

Сурнина Т.С. Палеоантропологические материалы из Александрийского энеолитического могильника // Труды ИЭ. 1963. Вып. IV. № 82. С. 144–153.

Хохлов А.А. О происхождении и дальнейшем развитии физического типа носителей синташтинско-потаповского круга культур // Аркаим-Синташта: Древнее наследие Южного Урала. Челябинск: ЧелГУ, 2010. Ч. 2. С. 112–132.

Хохлов А.А. Население хвалынской энеолитической культуры: По антропологическим материалам грунтовых могильников Хвалыnsk I, Хвалыnsk II, Хлопков Бугор // Хвалыnsкие энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Самара, 2010. С. 407–517.

Хохлов А.А. Палеоантропология Волго-Уралья эпох неолита — бронзы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013. 34 с.

Худавердян А.Ю. Древнейшие общности Кавказа — в диалоге миров: (Антропологический этюд). Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG Dudweiler Landstr., 2011. 299 с.

Худавердян А.Ю. Трепанированные черепа из погребений эпохи поздней бронзы и раннего железного века с территории Армении // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 115–127.

Худавердян А.Ю. Биоархеологические подходы к изучению следов искусственного воздействия на череп (на примере популяций эпохи бронзы и раннего железного века с территории Армении) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 103–114.

Худавердян А.Ю. Краниология населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация на юге Восточной Европы в эпоху поздней бронзы и железного века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 1 (36). С. 64–77.

Худавердян А.Ю., Петросян Л.А., Хачатрян А.А., Еганян Л.Г. Антропологические материалы из погребений куро-араксской культуры с территории Ширакской равнины // Центр арменоведческих исследований Ширака: Науч. труды. 2015. С. 5–22.

Шевченко А.В. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л.: Наука, 1986. С. 121–215.

Angel L. Early Bronze Karatas people and their cemeteries // Amer. journal of archaeology. 1976. N 80. P. 553–569.

Buikstra J.E., Ubelaker D.H. Standards of data collection from human skeletal remains. Arkansas Archaeol. Survey Research Series 44. Fayetteville, 1994. 218 p.

Capasso L., Kennedy K., Wilczak C. Atlas of occupational markers on human remains. Teramo: Edigrafital S.P.A., 1999. 183 p.

Goodman A.H., Martin D.L., Armelagos G.J., Qark G. Indications of stress from bones and teeth // Paleopathology at the origins of agriculture. N. Y., 1984. P. 13–49.

Комплексное исследование антропологических материалов позднего энеолита из пещеры Арени 1

Gupta P., Dutta P.C., Basu A. Human skeletal remains from Harappa. Anthropological Survey of India (Memoir N 9). Calcutta, 1962. 167 p.

Keith A. Report of the human remains // Ur excavations, Al-Ubaid, H. Hall, C. Wooley. Oxford, 1927. P. 214–240.

Khudaverdyan A.Yu. Migrations in the Eurasian steppes in the light of paleoanthropological data // The Mankind Quarterly. 2011 (summer). Vol. LI. № 4. P. 387–463.

Krogman W.M. Racial Types from Tene-Hissar, Iran: From the late fifth to the Early Second Millennium B.C. Amsterdam, 1940. 287 p.

Lazaridis I., Nadel D., Rollefson G., Merrett D.C., Rohland N., Mallick S., Fernandes D., Novak M., Gamarra B., Sirak K., Connell S., Stewardson K., Harney E., Fu Q., Gonzalez-Forbes G., Jones E.R., Roodenberg S.A., Lengyel G., Bocquentin F., Gasparian B., Monge J.M., Gregg M., Eshed V., Mizrahi A.-S., Meiklejohn Ch., Gerritsen F., Bejenaru L., Blüher M., Campbell A., Cavalleri G., Comas D., Froguel Ph., Gilbert E., M. Kerr Sh.M., Kovacs P., Krause J., Darren McGettigan D., Merrigan M., Merriwether D.A., O'Reilly S., Richards M.B., Semino O., Shamoon-Pour M., Stefanescu G., Stumvoll M., Tönjes A., Torroni A., Wilson J.F., Yengo L., Hovhannisyan N.A., Patterson N., Pinhasi R., Reich D. Genomic insights into the origin of farming in the ancient Near East // Nature. August 2016. Vol. 536, 25. P. 419–424.

Schwidetzky I., Rösing F. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie von Neolithikum und Bronzezeit // Homo. 1990. N 40. P. 4–45.

Sewell R.B.S., Guha B.S. Human Remains // Mohenjo-daro and the Indus Civilization. J. Marshall. L., 1931. P. 599–648.

Wilkinson K.N., Gasparian B., Pinhasi R., Avetisyan P., Hovsepyan R., Zardaryan D., Areshian G.E., Bar-Oz G., Smith A. Areni-1 Cave, Armenia: A Chalcolithic — Early Bronze Age settlement and ritual site in the southern Caucasus // Journal of Field Archaeology. 2012. Vol. 37. P. 20–33.

A.Yu. Khudaverdyan*, B.Z. Gasparyan, R. Pinhasi***,
A.S. Kanayan****, N.A. Hovanesyan*******

*Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences
of the Republic of Armenia
Charents st., 15, Yerevan, 0025, Republic of Armenia
E-mail: ankhudaverdyan@gmail.com

**Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia
Charents st., 15, Yerevan, 0025, Republic of Armenia
Yerevan State University
Alek Manoukian st., 1, Yerevan, 0025, Republic of Armenia
E-mail: borisg@virtualarmenia.am

***University College Dublin
Dublin, 4, Ireland
E-mail: ron.pinhasi@ucd.ie

****Yerevan State Medical University after Mkhitar Heratsy
Koryun st., 2, Yerevan, 0025, Republic of Armenia

*****Yerevan State University
Alek Manoukian st., 1, Yerevan, 0025, Republic of Armenia
E-mail: Nelli.hovhannisyan@ysu.am

A COMPREHENSIVE STUDY OF ANTHROPOLOGICAL MATERIALS OF THE LATE ENEOLITHIC FROM THE ARENI 1 CAVE

Newly excavated materials from Areni 1 cave allowed characterizing for the first time the anthropological composition of the Late Eneolithic inhabitants of Armenia. Based on anthropological and paleopathological data, physical features and disease pathology of the bones were analyzed. Results of the intergroup statistical analysis identified close morphological affinities between the Eneolithic skulls from Areni 1 with groups from Tepe Hissar II, Ginchi, Catal Huyuk, Alishar Huyuk and the bearers of the Kuro-Araxes from the Southern Caucasus. Their connection with bearers of the Maikop, Khvalynian, Pit-Grave and Catacomb cultures was also revealed. As for race and genetics, the Late Eneolithic inhabitants from Areni 1 cave, more probably, originate from the territory of the Middle East. Special treatment of the bones of the deceased is observed (polishing). Certain crania, mostly male, display traumatic lesions. Such markers of childhood stress as enamel hypoplasia and cribra orbitalia were found among individuals from Areni 1 cave. Exposure to cold coinciding with chronic staphylococcal and streptococcal foci was likely the major cause of otitis media. Auditory exostoses may indicate exposure to cold air

and/or cold water, too. Unintentional deformation of the head (parietal and occipital) is found on the skulls, which is associated with social-domestic conditions.

Key words: Armenia, Areni 1, the Late Eneolithic, craniology, odontology, disease pathology, ritual, unintentional deformation

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-072-093

REFERENCES

- Abdushelishvili M.G., 1982. *Antropologiya naseleniya Kavkaza v bronzovom periode* [Anthropology of the Caucasian population in the Bronze Age], Tbilisi, 134 p.
- Alekseev V.P., 1974. *Proiskhozhdenie narodov Kavkaza* [Origin of the Caucasian peoples], Moscow: Nauka, 317 p.
- Alekseev V.P., 1978. Paleoantropologiya zemnogo shara i formirovaniye chelovecheskikh ras: Paleolit [Global Paleoanthropology and Formation of Human Races: The Paleolithic], Moscow: Nauka, 284 p.
- Alekseev V.P., 1983. Naselenie epokhi bronzi na Srednem Donu: (Kraniologiya) [Population of the Bronze Age in the Middle Don: (Craniology)]. *Sinyuk A.T. Kurgani epokhi Srednego Dona*, Voronezh, pp. 183–191.
- Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. *Kraniometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Craniometry: Methods of anthropological investigations], Moscow: Nauka, 128 p.
- Alekseev V.P., Mkrtchan R.A., 1989. Paleoantropologicheskii material iz pogrebenii v Armenii i voprosy genezisa naseleniya kuro-arakskoi kul'tury [Paleoanthropological materials from burials in Armenia and issues of genesis of the population of the Kura-Araxes culture]. *Sovetskaya etnografiya*, no. 1, pp. 127–134.
- Alekseeva T.I., Kruc S.I., 1999. Drevneishee naselenie Vostochnoi Evrope [Ancient population of Eastern Europe]. *Vostochnye slavyane: Antropologiya i etnicheskaya istoriya*, Moscow: Nauchnii mir, pp. 254–279.
- Angel L., 1976. Early Bronze Karatas people and their cemeteries. *Amer. journal of archaeology*, no. 80, pp. 553–569.
- Buikstra J.E., Ubelaker D.H., 1994. Standards of data collection from human skeletal remains. *Arkansas Archaeol.*, Survey Research Series 44, Fayetteville, 218 p.
- Bunak V.V., 1927. *Crania Armenica: Issledovanie po antropologii Perednei Azii* [Armenian skulls: A Study in anthropology of Asia Minor], Moscow, 264 p.
- Capasso L., Kennedy K., Wilczak C., 1999. *Atlas of occupational markers on human remains*, Teramo: Edigrafital S.P.A., 183 p.
- Gadjiev A.G., 1965. *Proiskhozhdenie narodov Dagestana (po dannym antropologii)* [Origin of peoples of Dagestan (anthropological data)], Makhachkala, 232 p.
- Goodman A.H., Martin D.L., Armelagos G.J., Qark G., 1984. Indications of stress from bones and teeth. *Paleopathology at the origins of agriculture*, New York, pp. 13–49.
- Gupta P., Dutta P.C., Basu A., 1962. *Human skeletal remains from Harappa. Anthropological Survey of India (Memoir N 9)*, Calcutta. 167 p.
- Kazarnitskii A.A., 2012. Naselenie azovo-kaspiiskikh stepei v epokhu bronzy: (Antropologicheskii ocherk) [Population of the Azov-Caspian steppes in the Bronze Age: (An anthropological essay)], St. Petersburg: Nauka, 264 p.
- Keith A., 1927. Report of the human remains. *Ur excavations*, Al-Ubaid. H. Hall, C. Wooley, Oxford, pp. 214–240.
- Khokhlov A.A., 2010. O proiskhozhdenii i dal'neishem razvitii fizicheskogo tipa nositelei sintashtinsko-potapovskogo kruga kul'tur [On the origin and further development of the physical type of the Sintashta-Petrovka culture]. *Arkaim-Sintashta: Drevnee nasledie Yujnogo Urala*, ch. 2, Chelyabinsk: ChelGU, pp. 112–132.
- Khokhlov A.A., 2010. Naselenie khvalinskoi eneoliticheskoi kul'turi: Po antropologicheskim materialam gruntovykh mogil'nikov Khvalynsk I, Khvalynsk II, Khlopkov Bugor [Population of the Khvalynian Eneolithic culture: According to anthropological materials of the burial grounds of Khvalynsk I, Khvalynsk II, Khlopkov Bugor]. *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalinskaya eneoliticheskaya kul'tura*, Samara, pp. 407–517.
- Khokhlov A.A., 2013. Paleoantropologiya Volgo-Ural'ia, epokha neolita-bronzy [Paleoanthropology of the Volga-Ural region, Neolithic-Bronze Age]. *Avtoreferat dissertatsii doktora istoricheskikh nauk*. Moscow, 34 p.
- Khudaverdyan A.Yu., 2011. *Drevneishie obshchnosti Kavkaza — v dialoge mirov: (Antropologicheskii etiid)* [The most ancient communities in the Caucasus in a dialogue of the worlds: (An anthropological study)], Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG Dudweiler Landstr., 299 p.
- Khudaverdyan A.Yu., 2011. Migrations in the Eurasian steppes in the light of paleoanthropological data. *The Mankind Quarterly*, vol. LI, no. 4, pp. 387–463.
- Khudaverdyan A.Yu., 2016. Bioarkheologicheskie podkhody k izucheniiu sledov iskusstvennogo vozdeistviya na cherep (na primere populiatsii epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka s territorii Armenii) [Bioarchaeological approaches to studying traces of artificial impact on the skull (on the example of populations of the Bronze Age and Early Iron Age from Armenia)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 1 (32), pp. 103–114.
- Khudaverdyan A.Yu., 2017. Kraniologiya naseleniya Armyanskogo nagor'ia i etnogeneticheskaya situatsiya na yuge Vostochnoi Evrope v epokhu pozdnei bronzy i zheleznogo veka [Craniology of the Armenian Highlands and ethnogenetic situation in Southern Eastern Europe in the Late Bronze Age and Iron Age]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 1 (36), pp. 64–77.

Комплексное исследование антропологических материалов позднего энеолита из пещеры Арени 1

Khudaverdyan A.Yu., Petrosyan L.A., Khachatryan A.A., Yeganyan L.G., 2015. Antropologicheskie materialy iz pogrebenii kuro-araksskoi kul'tury s territorii Shirakskoi ravniny [Anthropological materials from burials of the Kura-Araxes culture on the territory of the Shirak plain]. *Armenian Center for Shirak Studies*, pp. 5–22.

Konduktorova T.S., 1973. *Antropologiya naselenia Ukrainy mezolita, neolita i epokhi bronzы* [Anthropology of the population of Ukraine of the Mesolithic, Neolithic and Bronze Ages], Moscow: Nauka, 127 p.

Konduktorova T.S., 1979. Antropologicheskii tip lyudei kul'tury sharovidnykh amfor Ukrainy [Anthropological type of the people of the Globular Amphora Culture in Ukraine]. *Voprosy antropologii*, 60, pp. 52–69.

Kruc S.I., 1972. *Naselenie territorii Ukrainy epokhi medi-bronzы* (po antropologicheskim dannym) [Population of Ukraine of the Copper-Bronze Age (based on anthropological data)], Kiev, 191 p.

Kruc S.I., Budzilova A.P., Varzar` A.M., 2003. Antropologicheskie materialy iz neoliticheskogo mogil'nika Sakarovka I [Anthropological materials from the Neolithic burial ground of Sakarovka I]. *Rossiiskaia arkheologiya*, no. 2, pp. 104–118.

Krogman W.M., 1940. *Racial Types from Tene-Hissar, Iran. From the late fifth to the Early Second Millenium B.C.*, Amsterdam, 287 p.

Lazaridis I., Nadel D., Rollefson G., Merrett D.C., Rohland N., Mallick S., Fernandes D., Novak M., Gamarra B., Sirak K., Connell S., Stewardson K., Harney E., Fu Q., Gonzalez-Fortes G., Jones E.R., Roodenberg S.A., Lengyel G., Bocquentin F., Gasparian B., Monge J.M., Gregg M., Eshed V., Mizrahi A.-S., Meiklejohn Ch., Gerritsen F., Bejenaru L., Blüher M., Campbell A., Cavalleri G., Comas D., Froguel Ph., Gilbert E., M. Kerr Sh.M., Kovacs P., Krause J., Darren McGettigan D., Merrigan M., Merriwether D.A., O'Reilly S., Richards M.B., Semino O., Shamoony-Pour M., Stefanescu G., Stumvoll M., Tönjes A., Torroni A., Wilson J.F., Yengo L., Hovhannisyanyan N.A., Patterson N., Pinhasi R., Reich D., 2016. Genomic insights into the origin of farming in the ancient Near East. *Nature*, vol. 536, 25, August 2016, pp. 419–424.

Movsesyan A.A., Mamonova N.N., Richkov Yu.G., 1975. Programma i metodika issledovaniia anomalii cherepa [A program and methodology of study of skull abnormalities]. *Voprosi antropologii*, 51, pp. 127–150.

Potekhina I.D., 1976. Cherepa iz eneoliticheskogo mogil'nika v g. Voroshilovgrade [Skulls from an Eneolithic burial ground in Voroshilovgrad]. *Eneolit I bronzovii vek Ukrainy: Issledovaniia i materialy*, Kiev: Nauk. Dumka, pp. 29–36.

Potekhina I.D., 1983. O nositelyakh kul'turi Srednii Stog II po antropologicheskim dannim [Anthropological characteristics of the Srednii Stog II population]. *Sovetskaia archeologiya*, no. 1, pp. 144–154.

Rud' N.M., Yablonskii L.T., 1991. Novye materialy k antropologii drevneishego naseleniia Srednego Povolzh'ia [New materials on the anthropology of ancient population of the Middle Volga]. *Drevnosti Vostochno-Evropeiskoi lesostepi*, Samara, pp. 206–220.

Schwidetzky I., Rösing F. 1990. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie von Neolithikum und Bronzezeit. *Homo*, no. 40, pp. 4–45.

Sewell R.B.S., Guha B.S., 1931. Human Remains. *Mohenjo-daro and the Indus Civilimtion*, J. Marshall, London, pp. 599–648.

Shevchenko A.V., 1986. Antropologiya naseleniia iuzhno-russkikh stepei v epokhu bronzы [Anthropology of the population of the South-Russian steppes in the Bronze Age]. *Antropologiya sovremennogo i drevnego naseleniia Evropeiskoi chasti SSSR*, Leningrad: Nauka, pp. 121–215.

Surnina T.S., 1963. Paleoantropologicheskie materialy iz Aleksandiiskogo eneoliticheskogo mogil'nika [Paleoanthropological materials from the Eneolithic burial ground of Alexandria]. *Trudy Instituta etnografii*, vol. IV, no. 82, pp. 144–153.

Velikanova M.S., 1975. *Paleoantropologiya Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurech'ia* [Paleoanthropology of the Prut-Dnestr interfluve], Moscow: Nauka, 283 p.

Wilkinson K.N., Gasparian B., Pinhasi R., Avetisyan P., Hovsepian R., Zardaryan D., Areshian G.E., Bar-Oz G., Smith A. 2012. Areni-1 Cave, Armenia: A Chalcolithic–Early Bronze Age settlement and ritual site in the southern Caucasus. *Journal of Field Archaeology*, vol. 37, pp. 20–33.

Zubov A.A., 1968. *Odontologiya: Metodika antropologicheskikh issledovaniia* [Odontology: Methods of anthropological research], Moscow: Nauka, 200 p.

ЭТНОЛОГИЯ

Р.И. Бравина

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027, РФ
E-mail: bravinari@bk.ru

НОВАЯ СТАРАЯ ГИПОТЕЗА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯКУТОВ (к 100-летию этнографа, фольклориста и краеведа А.А. Саввина)

А.А. Саввин (1896–1951) — один из первых якутских этнографов и фольклористов, оставил огромное научное наследие, из которого при жизни ученого была опубликована лишь небольшая статья. В рукописном отделе ИГиИПМНС СО РАН хранится его личный фонд, насчитывающий около 100 ед. хранения общим объемом более 500 п.л. Направляющей идеей его работ являлся вопрос о происхождении якутов. А.А. Саввин при жизни не успел оформить свои взгляды в стройную систему, тем не менее его заметки и соображения, основанные на широком использовании фольклорных, этнографических, лингвистических и археолого-исторических данных, выдержали проверку временем. Целью статьи является отбор, упорядочение, систематизация его разрозненных заметок и набросков и воссоздание тем самым его видения проблемы происхождения якутов. Многие положения и идеи А.А. Саввина находят ныне научное подтверждение, свидетельствуя о глубине его проникновения в исследуемую научную проблему. К таковым относятся трехэтапная периодизация этногенеза якутов, выделение пласта якутско-хуннских параллелей, персонификация древних и средневековых родов, составивших ядро народа саха, вопрос о раннем (дорусском) освоении скотоводами-кочевниками северо-восточных окраин и т.д. В этом контексте в статье рассматриваются современные концептуальные положения по проблеме этногенеза якутов, основанные на комплексном анализе новейших данных палеоэтнографии и артефактов из археологических открытий последних лет.

Ключевые слова: А.А. Саввин, гипотеза, этногенез, якуты, взаимовлияние, народы, культуры.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-094-105

Введение

В истории изучения вопроса о происхождении якутов первую половину XX в. можно обозначить как время революционных идей и прорывов. Речь идет об известных концептуальных положениях, выдвинутых Г.В. Ксенофонтовым [1937], С.А. Токаревым [1941] и А.П. Окладниковым [1949]. В рамках этих концепций начиная с 1970-х гг. появился ряд гипотез, существенно продвинувших и дополнивших изучение данной проблемы благодаря значительному расширению источниковедческой базы и применению новых междисциплинарных методов исследований [Константинов, 1975; Зыков, 1982; Гоголев, 1993; Алексеев, 1996, 2013; и др.].

К несомненным достоинствам науки относится то, что в ней, в отличие от других сфер человеческой деятельности, ничего не выбрасывается на «свалку истории». Новые идеи, согласно принципу «новое — это хорошо забытое старое», порой заключены в старых, давно забытых или же оставшихся незавершенными, так называемых рабочих, черновых гипотезах. Реконструкция и интерпретация их могут корректировать и дополнять существующие теории и содействовать их развитию.

В истории якутской этнографии имя Андрея Андреевича Саввина (1896–1951) занимает особое место. В рукописном отделе ИГиИПМНС СО РАН хранится его личный фонд, состоящий из 95 ед. хранения общим объемом более 500 п.л. [Романова, 2016, с. 32]. Среди этих материалов содержатся рукописи, касающиеся вопросов происхождения народа саха и его культуры: «Аналогии в культуре якутов и сойотов» (д. 1), «Южные элементы в орнаментике якутов» (д. 31), «Выписки и записи из разных источников по истории Якутии» (д. 73, 74), «Теории о происхождении якутов» (д. 75), «Параллели к якутскому эпосу из сказаний других народов» (д. 86) и др. Они представляют собой полевые материалы, собранные во время Вилуйской (1937 г.) и Северной

(1939 г.) экспедиций ИЯЛИ при СНК Якутской АССР, черновые наброски, разрозненные заметки и замечания, а также многочисленные выписки из трудов по истории, археологии и этнографии Южной Сибири, Центральной и Средней Азии. Эти выписки, сопровождаемые авторскими рассуждениями и комментариями с привлечением собственных полевых материалов, несомненно, также составляют часть научного наследия А.А. Саввина. В автобиографии он пишет: «Еще в 1928 г. решил посвятить себя изучению якутской этнографии, и стал выписывать из центра книги по теоретической этнографии... К изучению и сбору материалов по этнографии и фольклору своего народа приступил с 1934 г., с этой целью... забирался иногда в очень глухие районы... разъезжал на свои средства и по линии научных учреждений по наслегам и районам Якутии» [Саввин, 2016а, с. 116].

В изданном в наше время его монографическом исследовании «Пища якутов до развития земледелия» [2005], на основе историко-сравнительного изучения традиционной системы питания народа саха и особенно происхождения якутского земледелия, он изложил свое видение изначальных, главным образом древнетюркских, истоков якутской культуры. А.А. Саввин при жизни не успел оформить свои взгляды в стройную систему, тем не менее его заметки и соображения, основанные на широком использовании фольклорных, этнографических, лингвистических и археолого-исторических данных, содержат идеи и предположения, которые могут стать ориентиром для дальнейших исследований в этом направлении. Целью настоящей статьи является отбор, упорядочение и систематизация материалов и рукописей А.А. Саввина и воссоздание его видения проблемы происхождения якутов.

Теоретическое обоснование и периодизация истории формирования якутов

При разработке своих предположений А.А. Саввин исходил из теоретического осмысления проблемы формирования народов. Судя по наброскам, исследователь придерживался определения этногенеза «как элементов, из которых составила данная народность и ее культура, и тех исторических процессов, в результате которых складывался и развивался народ», принадлежащего С.А. Токареву [1949, с. 15]. При этом он считал необходимым проследить историю всех этнических предков в лице различных родов, вошедших в состав якутского народа.

В набросках, объединенных под названием «Заметки по этногенезу якутов», «притаившихся» среди выписок из разных источников, А.А. Саввин пишет, что вопрос формирования якутов должен рассматриваться на фоне крупных исторических процессов, протекавших с древнейших времен до позднего средневековья на территории Центральной и Северной Азии [д. 73, л. 94]. Придерживаясь этого методологического подхода, развивая существовавшие тогда теории, он делит формирование якутского народа на три исторических этапа.

Первый этап ученый относит к I–IV вв. н.э., когда на территории Центральной и Северо-Восточной Азии, к северу от границ Китая, существовал могущественный военный союз гуннских племен, сложившихся, согласно китайским источникам, в конце III в. до н.э. «Гунны были настоящими кочевниками, отличавшимися исключительной выносливостью. Их обычаи и занятия были во многом сходны с якутскими» [Там же]. В заметке «Ойууттар», датированной 1942 г., он пишет, что якутский белый шаман *айыы ойууна*, по сути, является родовым жрецом и связан с культом неба, характерным для древних кочевников Центральной и Восточной Азии, прежде всего хуннов [Саввин, д. 50, л. 4–5]. В середине I в. до н.э., в результате восстания подвластных им племен и поражения от китайцев, гунны распались на «северные» и «южные» племена. Автор допускает, что некоторые «осколки» этих племен могли уже тогда попасть в бассейн Средней Лены.

Второй этап А.А. Саввин приурочивает к эпохе господства в Центральной Азии и Южной Сибири в VI–VIII вв. н.э. тюрков-тюю, создавших империю тюркских каганов [д. 73, л. 94]. Вслед за Г.В. Ксенофоновым он считал, что после падения Уйгурского каганата в IX в. часть уйгурских родов, переселившись в Прибайкалье, появляется в Якутии [Саввин, д. 51, л. 13].

Третий этап, по гипотезе А.А. Саввина, относится к периоду возникновения, расцвета и упадка мировой империи монголов, распространивших свою власть в «Центральной и Северной Азии вплоть до берегов Ледовитого океана» [д. 73, л. 95].

Согласно своей периодизации, освоение древними предками саха Средней Лены А.А. Саввин рассматривает как длительный процесс, растянувшийся по меньшей мере на 1000 лет: «Как в эпоху господства гуннов, так и в период владычества древних тюрков и монголов, когда территория Центральной Азии и Южной Сибири становилась ареной кровавых битв, бассейн великой реки Лена очевидно служил местом, куда стекались разбитые остатки и осколки раз-

личных этнических образований. Несомненно и то, что р. Лена с ее пастбищами и богатыми охотничьими угодьями служила областью, где с древних времен в поисках добычи кочевали различные по своему происхождению племена. Некоторые из них осели и их можно назвать автохтонными» [Там же, л. 94]. Эти «осколки» древних племен, находясь на окраине степных империй, какое-то время продолжали поддерживать родственные, торговые, а возможно, и политические связи со своими центрами. Идея А.А. Саввина о ранних кочевниках отчасти подтверждается находкой в Якутии китайской монеты «у-шу», обнаруженной в культурном слое III многослойной стоянки Улахан-Сегеленнях на р. Токко и относящейся к последней серии выпуска этих монет VI в. А.Н. Алексеев связывает их с хунно-сяньбийским периодом — временем появления на территории Якутии первых кочевников-скотоводов [2013, с. 67, рис. 3].

Проникновение на территорию современной Якутии скотоводов-кочевников и «бродячих лесных племен», по мнению А.А. Саввина, осуществлялось разными путями — «через верховья рек Лена, Вилюй, Олекма и Алдан» [д. 73, л. 64]. При изложении своей гипотезы о происхождении земледелия у якутов он пишет, что якуты до сравнительно недавнего времени по ХКТ условно делились на *дойду дьоно* и *тыя дьоно*. К первым относились жители долин крупных рек, в особенности р. Лены, где доминировало скотоводство. К *тыя дьоно* принадлежали таежные и лесные жители, которые промышляли в тайге [Саввин, 2005, с. 195]. Исследователь предполагает, что в группу таежных жителей входили первые кочевники, не сумевшие адаптировать скот к суровым условиям севера и по этой причине вынужденные перейти к присваивающей форме хозяйства. В этой связи он напоминает, что мангазейские казаки на Вилюе встретились в начале XVII в. с родами «пеших» якутов, занимавшихся рыболовством и охотой, и «конных» якутов «тогус» [Саввин, д. 73, л. 36]. Некоторые исследователи видят в «пеших» якутах племя туматов — одну из пришлых этнических групп тюрко-монгольского пограничья, которая смешалась с местным прауральским населением Вилюя и позднее, отчасти в этом составе, растворилась среди тунгусов [Ушницкий, 2013, с. 72–74]. В этом контексте примечательно предание о племени «саха», «сахалар», «с продолговатыми головами, с узкими бедрами», проживавшего на Лене задолго до прибытия Омогоя и Элляя — легендарных прародителей якутов. Занимались они охотой на диких оленей, лосей и рыбной ловлей [Боло, 1994, с. 22]. Возможно, в предании речь идет о людях с преднамеренно деформированной головой. На территории Евразии обычай деформации головы был массовым, повсеместно распространенным явлением, но более широкое распространение получил во II–IV вв. под влиянием гуннов. Деформированные черепа встречаются в каждой без исключения серии гунно-сарматского времени [Попов и др., 1997, с. 79]. У якутов традиционного времени идеальной формой считалась круглая голова и с этой целью ежедневно в течение первых трех месяцев массировались головы новорожденных. Про длинноголовых людей говорили, что затылок у них как у желны (черного дятла) [Саввин, д. 35, л. 37; д. 50, л. 18–20]. К наиболее древним пришельцам, ставшим впоследствии «автохтонными предками» якутов, А.А. Саввин относит племена баятов, байджи, гаогюй (уйгуров), уранхайцев и бома — жителей бассейна р. Мома [д. 73, л. 64].

Заселение северных окраин Якутии — бассейнов рек Индигирки, Яны и Колымы, согласно его предположению, происходило значительно раньше русской колонизации. «Это было связано с прибытием новых пришельцев — канглов-хангланцев. Уцелевшие в противостоянии с ними остатки ранних кочевников... подались на север» [Там же, л. 63–64]. Поэтому в «акающих» кобьайских, намских, борогонских, дюпсинских, янских, индигирских и колымских якутах «мы должны видеть бывших автохтонов Средней Лены» [Там же]. Междоусобные войны, происходившие в исторический период, известный под названием «кыргыз уйэтэ (век битвы и резни)» (конец XVI — начало XVII в.), А.А. Саввин связывает с последней волной «южных» предков якутов, считавших себя потомками Элляя, — кангаласцев. «Межплеменная борьба якутов, проходившая до эпохи завоевания русских и продолжавшаяся вплоть до XVIII в. есть борьба автохтонов с новыми пришельцами, борьба разнородных по своему этническому происхождению племен за охотничьи, рыболовные, пастбищные и сенокосные угодья, сопровождаемая обычаем кровной мести. Противостояние таттинских якутов под предводительством Кэрэкэзна с байагантайцами можно рассматривать как борьбу новых пришельцев — таттинцев с автохтонами края — байагантайцами» [Там же, с. 62]. По преданиям, люди Кэрэкэзна первоначально проживали на хангаласских землях и входили в роды Баатылы, Бахсы и Багарах, пока, отделившись от них, не переселились на р. Татта [Боло, 1994, с. 268–270]. В байагантайцах современные исследователи склонны видеть прямых потомков телесского племени баегу (байырку), перешедших на мон-

гольский язык после X в., когда переселяющиеся из Маньчжурии монгольязычные племена заняли господствующее положение в Центральной Азии [Харинский, 2003, с. 97; Ушницкий, 2013, с. 40].

Таким образом, А.А. Саввин рассматривает якутский народ как конгломерат различных древних и средневековых племен, исторические судьбы которых сопровождались сложными этногенетическими процессами, вызванными разного рода «передвижениями и переселениями, в результате чего происходили их частичное поглощение или ассимиляция, дробления и распада, сокращения и перерождения» [д. 73, л. 96]. Взаимодействие в этногенезе различных этнических групп происходило не только разными темпами и с разной интенсивностью для каждой из них, но и нередко в различных направлениях: «изменялись или исчезали языки, обычаи, культуры, соматические (телесные, антропологические. — Р. Б.) особенности, этническое самоназвание» [Там же].

Начальные истоки этногенеза саха

Согласно гипотезе А.А. Саввина, определяющую роль на начальном этапе этногенеза якутов сыграли потомки древних уйгуро-тюркских племен Центральной Азии, связанные с историей хуннов. В одном из текстов олонхо, записанном на Вилюе, говорится о богатырском коне кроваво-красной масти, рожденном от жеребца заоблачной страны Тебет [Саввин, д. 29, л. 114]. Внизу приводится выписка из известного китайского источника хуннского времени: «Во владении Давань (Фергана) есть высокая гора. На горе живут лошади, которых невозможно достать, поэтому (население) берет пегих кобылиц и оставляет их у подошвы для случки. У рождающихся жеребят вместо пота выступает кровь, и их называют жеребятами от небесных коней» [Бичурин, 1950, с. 149]. Этих коней китайские военачальники жаждали получить для военных противостояний против кавалерии хуннов. В комментарии А.А. Саввин, ссылаясь на работу Н.А. Аристова [1897, с. 179], пишет, что якутские представления о небесных лошадях могли формироваться в тот период, когда их предки — древние индоиранские группы, носившие этноним «саки», проживали на Тянь-Шане с вершиной Хан Тенгри.

В материалах «Тотемизм. Кетер танаралар уонна кыыл танаралар» А.А. Саввин обращается к легендам об Огуз Хане, родоначальнике 24 колен огузов, вобравшим в себя не только исторические, но и мифологические и космогонические сюжеты. Отмечая, что от брака Огуз-хана с небесной девой рождаются три старших сына — Кун (солнце), Ай (луна) и Юлдуз (звезда), он приводит отрывок из якутского олонхо «Дьулуруйар Ньургун Ботур», где упоминаются Кун-тойон, Ый-тойон и Сулус-тойон, которые живут в верхнем мире и входят в небесное племя *айыы* [Саввин, д. 69, л. 104]. Ссылаясь на работу С.П. Толстова [1935, с. 7], А.А. Саввин сопоставляет якутское слово *айыы*, обозначающее высших белых божеств, со словом *ai*, которым называют медведя — тотемное животное туркменского племени нукурли. Согласно его записи «Охота на медведя», сделанной в Верхоянском районе, якуты, когда охотятся на медведя в берлоге, будят его словами: «Вставай, проснись, пришли воины племени *кун айыы*» [Саввин, д. 50, л. 1]. По мнению современных казахских исследователей, с образом мифического Гюнхана соотносится древнее туранское племя саков-хионов, в средневековье известное в том числе и как телеское (огузское) племя 'кун' [Муратов, Суюнов, 2015, с. 653].

В этих же материалах, делая выписки о происхождении тюрков-огузов от голубого волка (кокбори) и монголов (шино/чоно), исследователь подчеркивает, что у некоторых народов, например у киргизов и западных монголов, в роли прародителя выступает собака. В енисейских памятниках письменности упоминается внутренняя борьба кыргызов с племенем «семи волков», а также их подразделениями — синим волком и черным волком (см.: [Тюркские народы Сибири, с. 544]). В якутской этнографии Ф.Ф. Васильев поставил вопрос о возможной связи имени рода бере-бетун с самоназванием печенегов ит-беченг [Васильев, 1995, с. 23]. «Баджна» или «ит-беджене», т.е. печенеги, как отдельное племя, наряду с канглы, входили в состав кыпчаков и огузов. По этому поводу А.А. Саввин высказывает весьма интересную мысль относительно происхождения этнонима *саха*, связывая его с персидским *sak* — «собака» [д. 69, л. 102]. При этом ссылается на замечание С.П. Толстова о том, что хунны и предшествовавшие им племена кочевников северо-западных окраин Китая предстают в китайских источниках как «собачьи варвары» [Толстов, 1935, с. 12–13]. Автор фундаментальных работ по этногенезу якутов А.И. Гоголев не отрицает древнюю связь этнонима «саха» с тотемным самоназванием ираноязычных племен *сака*, правда в значении «олень» [1993, с. 41]. Интерпретация слова «сах» как «бог» в свое время была предложена основателем ИЯЛИ, ученым-лингвистом П.А. Ойунским

[1928]. Примечательно, что в якутском языке иногда *сах* приравнивается по смыслу к слову «ыт» (собака) — *Сах/ыт билэр* (бог его знает). Таким образом, А.А. Саввин первым в якутской этнографии высказал догадку, что истоки культуры якутов и близких к ним тюркоязычных народов Сибири уходят в древнеиранский мир.

А.А. Саввин понимал значение археологических материалов в изучении вопросов этногенеза, о чем свидетельствуют его выписки из статьи М.И. Артамонова «К вопросу об этногенезе в советской археологии» [1949]. В комментарии к конспекту работы С.В. Киселева «Древняя история Южной Сибири» [1949] он пишет, что якутское женское украшение *эттюк симэээ* в виде парных конских голов схоже с бронзовыми амулетами таштыкского времени, обнаруженными на территории Минусинской котловины. Он допускает распространение подобных подвесок у средневековых кыргызов, так как аналоги обнаруживаются в курганах Киргизии VII–VIII вв. [Саввин, д. 31, л. 5]. Его предположение в наши дни подтверждается материалами якутских погребений позднего средневековья. По мнению А.Н. Алексеева, костяные подвески из погребения Орджогон-2 на Вилюе могут иметь енисейские истоки [Алексеев, Крюбези, 2016, с. 99, рис. 1–3].

В папке «Стремена» из личного фонда А.А. Саввина содержатся зарисовки экспонатов Чурапчинского краеведческого музея и Якутского республиканского краеведческого музея им. Ем. Ярославского. Среди них интерес представляет рисунок бронзового стремени с головой оскалившегося дракона или грифона, что является одной из наиболее характерных черт культуры ранних кочевников евразийских степей от Северного Причерноморья до Северного Китая. Подобный стиль существовал у скифов, сарматов, саков, юэчжей, населения Южной Сибири, Забайкалья, Монголии, и в частности у хунну. Аналогичные стремена с пластинчатым ушком китайского происхождения были найдены на Уйбатском чаатасе. Данное стремя было обнаружено в 1948 г. сотрудником Якутской мерзлотной станции в окрестностях г. Якутска во время полевых работ. Наверху имеется 4-угольное отверстие, представляющее собой петлю. Сломанная подножка припаяна к дужке медью [Саввин, д. 32, л. 4, рис. 18, 19]. В комментариях к другим рисункам отмечается, что некоторые типы якутских стремей находят аналоги в археологических памятниках енисейских кыргызов (см.: [Евтюхова, 1948]). К наиболее древним видам он относит петельчатые восьмерковидные стремена с подножкой подпрямоугольной или овальной формы и стремена с трапециевидным ушком с прорезью [Саввин, д. 32, л. 3, 23].

Бесспорным свидетельством переселения части тюркоязычных групп в бассейн Лены А.А. Саввин считал рунические надписи и отдельные знаки орхоно-енисейского письма. В его материалах хранятся зарисовки рунических знаков, изученных им на Ленских скалах возле с. Петровское [Саввин, д. 36, л. 31–33]. По мнению Г.Г. Левина, рунические надписи и руноподобные знаки принадлежат тюркоязычным предкам якутов и могут быть предварительно датированы V–X вв. н.э. [2013, с. 38–39]. Об интересе А.А. Саввина к рунической письменности свидетельствует и серия его рисунков, объединенных под общим названием «Руны», в которой содержатся копии рунических знаков, нанесенных на металлические украшения, в том числе предметы конского снаряжения [Саввин, д. 10, л. 44–45].

Таким образом, А.А. Саввин в своих изысканиях придерживался мнения, что проблема происхождения якутов должна рассматриваться через призму взаимодействия и взаимовлияния древних и средневековых племен Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, через поиск присутствия в них общих этнокультурных элементов, ставших этносоставляющими для якутского народа.

Древние племена и роды, входившие в состав якутов

В полевых материалах А.А. Саввина содержится большое количество сведений о родоплеменных делениях и их названиях, являющихся ценным историко-этнографическим источником по рассматриваемой проблеме. Особый интерес представляют несколько вариантов составленного им в разные годы «Списка» якутских родов, которые по их происхождению он делит на три группы: тюркские, монгольские и маньчжурские [Саввин, д. 30, л. 1; д. 73, л. 61–62; д. 74, л. 90 и др.].

В одном из вариантов «Списка» отдельно выведены «древние роды», под которыми он подразумевает «автохтонов-скотоводов». Среди них значится локальная группа якутов под названием *бома* (мн. ч. *бомалар*) — жители бассейна р. Мома — правого притока Индигирки. «Мома» в фонетическом варианте северного говора якутского языка звучит как «Бома» [Саввин, д. 52, л. 13; д. 73, с. 62]. Ссылаясь на работу Г.Е. Грум-Гржимайло «Западная Монголия» [1926, с. 13], А.А. Саввин задается вопросом о роли пегих лошадей (ала ат) в культуре якутов. В последние годы

вопрос о связи якутов с племенем бома-алатов активно обсуждается исследователями. По мнению А.В. Харинского, именно с алатами-бома связан хуннский компонент в курумчинской культуре, этническими носителями которой являлись алаты, а не курыканы, как утверждал А.П. Окладников [Харинский, 2010, с. 238]. По мнению Л.П. Потапова и Д.Г. Савинова, многие детали в описании бома напоминают культуру якутов [Потапов, 1978, с. 86; Савинов, 1985, с. 36–37].

К якутским родам тюркского происхождения А.А. Саввиным отнесены: тогусы, ногайцы, хангаласцы, одеицы, оспехцы, чериктейцы, борогонцы, к монгольским — угулятцы, хоринцы, елюетцы, тямэтцы, сортолы, моорукцы, чакырцы, хатылинцы, хадаарцы, боотулинцы, сылбанцы, эмис, берте и др. [д. 30, л. 1; д. 73, л. 61–62; д. 74, л. 90 и др.]. В одном из вариантов «Списка» присутствуют два рода хоро. Первый из них, под названием «хоринцы», значится в группе родов монгольского происхождения, второй — «хорулинцы» включен в тюркскую группу [Саввин, д. 73, л. 62]. При внимательном прочтении текстов локальных преданий о якутских хоро создается впечатление, что иногда речь идет о разных по языку и культуре родах. По преданиям якутов, проживающих в бассейне р. Амга — притока р. Аддана, язык хоро имел два вида: хоро диких оленей и хоро соһо оленей. По словарю Э.К. Пекарского, *соһо* — «красящий (или красильный) камень красного цвета, род красной или цветной охры; краска» [Пекарский, 1959, стб. 2290]. Можно допустить, что данное название в мифологическом сознании амгинцев связывалось с писаницами на р. Амга, выполненными охрой. Язык хоро диких оленей со временем превратился в сакральный язык шаманов, а хоро соһо полностью исчез [Павлов, 2005, с. 5]. Этноним хоро является одним из самых древних в Сибири и Центральной Азии. Предположение о первоначальной тюркоязычности предков хоро, впоследствии целиком омонголившись, было высказано сначала Б.О. Долгих [1953] и затем поддержано С.А. Токаревым [1958]. Этой гипотезы придерживался и исследователь военного дела якутов Ф.Ф. Васильев [1995, с. 27–29].

Прекрасный знаток шаманских текстов, А.А. Саввин обратил внимание и на то, что в них довольно часто встречаются архаичные слова, созвучные этнонимам средневековых племен Центральной и Средней Азии и Южной Сибири. Например, в якутском языке существует фразеологизм *уйгур мэнэрик* (букв. уйгурская кликуша) [Саввин, д. 51, л. 19]. Уйгур — разнuzданный, сумасшедший, выходящий из нормы, предающийся разгулу [Пекарский, 1959, стб. 2981]. О том, что название шамана у якутов *ойуун* одинаково с названием камлания у уйгуров Восточного Туркестана *ойун*, *ойна* (игра, забава, танец) писал Л.П. Потапов [1978, с. 93]. Исследователи уйгурского шаманства одной из его особенностей называют обрядовый танец, посредством которого шаман и присутствующие обращали на себя внимание духов *пери*. По описанию С. Ольденбурга, шаманское камлание у уйгуров начиналось с танцев присутствующих старух (см.: [Басилов, 1992, с. 190]). Образ танцующих духов характерен для индоевропейских народов: например, космический танец Шивы (см.: [Там же]). Шаманы в уйгурском обществе, так же как и у якутов, занимали очень высокое положение. Они не только участвовали в решении всех главных дел племени, но и следовали за войсками во время боев, входили в военный совет и должны были вымалывать у неба победу для войска. Многие элементы шаманского обряда уйгуров и якутов, как и других народов Сибири, Средней Азии и Казахстана, совпадают: духа умилостивляли (ему давали жертву — животное или птицу); переводили болезнь в животных или предметы, у якутов даже на других людей; навредившего духа прогоняли прутьями тальника, древесными ветвями (як. *дьалбыыр*); в очистительных целях использовали огонь (у узбеков обряд очищения огнем назывался *алас*, у якутов — *алыас* [Пекарский, 1958, стб. 85]) и модель шаманского дерева «туг» (якут. *туру*), которое одновременно являлась мировым деревом и изображением шаманского пути на небо. Эти параллели, безусловно, свидетельствуют, что в течение длительного времени предки якутов жили в непосредственном контакте с уйгурами и, видимо, в это время у них образовался общий пласт шаманских представлений и обрядов. А.А. Саввин в своем «Списке» якутских родов в группу «древних» включает гаогуй — древних уйгуров [д. 74, л. 4]. Среди якутов и в настоящее время встречается фамилия Уйгуровы, возможно происходящая от древнего родового названия.

По замечкам А.А. Саввина, злой дух, увидев шамана, обычно задает вопросы: «Хайа дьютутунуй? (Кто из дьютуту явился?)», «Хайа тумат ураанхайгыный? (Из каких туматов уранхай?)», «Хайа борон ураанхайгыный (Кто из серых уранхайцев?)» или же «Хайа хаахайгыный? (Из какого рода хаахай?)» [д. 52, л. 6; 48, л. 27]. На что шаман отвечает «Саха байаан/байаат ойуунабын (Якутский байан/байат шаман)». Применительно к *дьютуту* автор, ссылаясь на работу Н.Ф. Катанова, отмечает, что карагасы зовут урянхайцев чота, чоты (чаду) [Катанов, 1891, с. 142]. От-

носителю туматов интерес представляет заметка «Тубэт омук (племя тубэт)», согласно которой данное этническое образование проживало возле р. Ботуобуйа, что между реками Нюя и Виллюй. «По внешнему виду они не отличались от якутов и говорили они по-якутски. Некоторые якуты их еще называли туматами. Их впоследствии истребили тунгусы» [Саввин, д. 33, с. 18]. Современные исследователи носителей этнонимов «туба», «тува», «тофалары», «туматы» называют группами тувинского этноса [Ушницкий, 2013, с. 69]. Словоупотребление «серые уранхайцы» из шаманского текста нам представляется весьма примечательным, ибо у многих кочевых тюркских племен разделение на черную и белую кости было обычным явлением. Часто употребляемое в олонхо и шаманских текстах слово «саха байаат» или «саха байаан» А.А. Саввин сравнивал с названием туркменского племени баят, которое входило в объединение Огузов. Этноним «хаахай» исследователь сопоставляет с китайским этнонимом «хягас», обозначающим древнее население Минусинской котловины [Саввин, д. 75, л. 24].

Среди полевых материалов, собранных А.А. Саввиным во время северной экспедиции (1939 г.), имеются отдельные заметки о происхождении северных родов якутов. Племя ногайцев (якут. ногай, мн. ч. — ногайдар) кочевало вдоль границы лесотундры между реками Яной и Индигиркой. В 1930-х гг. ногайцы входили в состав Усть-Янского улуса и жили выше местности Бурулгун. Занимались скотоводством, рыболовством и охотой, было их всего 90 чел. Их также называли Хоьолоох (хоьо — женские косы) Борогон. Они имели родовой совет сугулан, возглавлявшийся князем, поклонялись орлану. Самостоятельным родом ногайцев считались юедейцы численностью 100 чел., селившиеся на р. Аллаиха — левом притоке р. Индигирки в местностях Кириэстэх, Хомо и Берелех. Во главе их рода стоял князец, в качестве тотема почитался лебедь [Саввин, д. 44, л. 336, 341, 351; д. 73, л. 98–99].

В научной литературе возникновение этнонима «ногайцы» и формирование ядра ногайского народа традиционно связывают с именем золотоордынского правителя Ногая (XIII в.). А.А. Саввин, ссылаясь на Н.Я. Бичурина, полагает, что этноним «ногай» был известен тюркам еще в V в. Более широкое распространение этноним получает при Эдигее (конец XIV — начало XV в.) и его преемниках, когда создается Ногайская Орда как самостоятельное государство. Появление ногайцев на территории Якутии исследователь, основываясь на трудах известного историка Средней Азии П.П. Иванова [1935], связывает с их массовыми передвижениями, вызванными военным поражением в противостоянии с Тохтамышем в 1395 г.: «Едигей, желая предохранить силы своих сторонников от возможных посягательств со стороны Тимура, распорядился, чтобы все его приверженцы и сопутствующие племена спешно кочевали в глухие отдаленные места. Обращение Едигея относилось в первую очередь к племени, откуда происходил сам, именно к мангытам (ногаям)». А.А. Саввин считал, что часть ногайцев в те смутные времена ушла на север и память о легендарном Эдигее сохранилась у якутских ногаев в виде названия рода «юедегей» [Там же, л. 98–99]. Несмотря на недостаточную обоснованность и отсутствие аргументации (например, сопоставление названия рода «юедегей» с собственным именем «Едигей», построенное на простом созвучии), А.А. Саввин впервые поставил вопрос о генезисе якутских ногайцев, остающийся до сих пор вне поля зрения исследователей.

По мнению А.А. Саввина, у якутов, испытавших влияние культуры тюркского мира, организация и способы охоты, в отличие от коневодства и земледелия, имеют монгольские корни. Так, в именах якутских божеств охоты Байаная и Синкэн (Бинкэн) Эрилик он усматривал имена мифологизированных исторических лиц братьев Баян и Минган — главных начальников охоты при дворе великого Монгольского хана Хубилая. В ведении каждого из них находились 10 тыс. псарей [Шкловский, 1936, с. 161]. Облавную охоту на зайцев (куобах курэгэ) он рассматривает как отражение облавной охоты монголов [Саввин, д. 51, л. 54]. Среди полевых записей содержатся материалы об охоте гоном (преследовании зверей верхом на лошадях) с собаками, фиксированные им в районах Центральной Якутии [Саввин, д. 29, л. 12; д. 51, л. 47], хотя В.Л. Серошевский в свое время писал, что данный способ активной охоты сохранился только на севере, «где огромные озера, перемежающиеся с редкими лесами, образуют слабое подобие степи» [1993, с. 294].

В своих изысканиях по изучению родовых названий якутов А.А. Саввин, наряду с этнографическими и фольклорными материалами, часто обращается к этнонимам, зафиксированным в письменных памятниках, например в китайских летописях (огуз (гагауз), бома, уйгур (гаогуй), дубо, хягас и др.). Он одним из первых в якутской этнографии обратил внимание на происхождение и историю якутских родов всех трех этнолокальных групп (центральной, виллюйской и северной) и попытался провести персонификацию (термин А.Н. Алексеева) этнических субстратов

ных слоев в этногенезе саха. В наши дни данный вопрос активно разрабатывается в рамках исследований вопросов этнической и социальной истории народов Якутии [Борисов, 2010; Ушницкий, 2013, 2014; и др.].

Заключение

Всякая научная гипотеза должна предсказывать появление новых фактов (это называют также предсказательной силой гипотезы) и должна быть проверяемой хотя бы временем. Несмотря на некоторую схематичность, недостаточную обоснованность и дискуссионность, многие положения и идеи, высказанные А.А. Саввиным почти 70 лет назад, не теряют своей актуальности. Предложенная им периодизация формирования якутского народа, с некоторыми уточнениями и развернутой детализацией, в целом получила подтверждение в последующих гипотезах [Константинов, 1975; Зыков, 1982; Гоголев, 1993]. Его предположение о якутско-хуннских параллелях, свидетельствующих о раннем этапе формирования якутов, аргументировано новыми материалами палеоэтнографии и артефактами из археологических открытий последних лет [Савинов, 2010, 2013; Алексеев, 2013]. Несомненный интерес представляет его идея о ранних скотоводах-кочевниках, которые к появлению поздних пришельцев, проходя длительную адаптацию в первую очередь хозяйства и материальной культуры к географическим и климатическим условиям северного края, превратились в его «автохтонов». У «южных» предков якутов исторические судьбы сложились по-разному. Часть их сумела сохранить и развить скотоводческую в своей основе культуру. Наиболее слабые и малочисленные, потеряв свой скот, превратились в таежных «пеших» охотников и рыболовов. Представляет определенный интерес идея А.А. Саввина о том, что именно с ранними скотоводами-кочевниками — «осколками» степных империй, а не с тунгусами столкнулись представители последней волны переселенцев. Он, в отличие от авторов других гипотез, не рассматривал тунгусов в качестве аборигенов края. Правда, на примере мифологических *ньууччузуй суруксуттар*, записывающих судьбы людей на черных и белых небесных грамотах, предполагал, что предки якутов имели контакты со средневековыми тунгусо-маньчжурскими племенами, например нуйчжа (чжурчженями). В его материалах много заметок о непосредственных связях якутских родов с юкагирами и чукчами на северо-востоке [Саввин, д. 40, л. 28, 99; д. 44, 25, 63, 76; д. 46, л. 431 и др.], а на западе — с племенами «шитых рож», обитавшими от Хатанги до устья Вилюя [Саввин, д. 8, л. 3, 7]. Более того, исследователь отмечал присутствие параллелей в культуре якутов и северных американских индейцев. К таковым он относил жилища в виде полуземлянок [Саввин, 2016b, с. 62–63, 204, 205], военные обычаи, в том числе скальпирование поверженных врагов, элементы одежды — например, боа из беличьих хвостов, берестяные лодки, висячие гробы [Саввин, д. 10, л. 84; д. 74, л. 41]. Якуты и индейцы тлинкиты заготавливали одинаковым способом сушеную заболонь, угощали своих божеств и духов, бросая в огонь листья табака, употребляли в пищу водяную крысу (якут. *маттага*) [Саввин, 2005, с. 147–148, 186, 194, 198]. По мнению А.Н. Алексеева, в параллелях в культуре якутов и индейцев отражается, возможно, общий палеоазиатский пласт, исторически связанный с миграциями древнего населения Сибири в Новый Свет [Алексеев, 1996, с. 48].

Интересна трактовка А.А. Саввиным междусобной борьбы якутских родов в период «кыргыс уйэтэ», которую он расценивал как противостояние автохтонов, т.е. потомков ранних кочевников, и поздних пришельцев в лице потомков Элляя — хангаласцев. Иными словами, «век битвы и резни» ознаменовал собой завершающий этап сложения якутского народа. Это отчасти подтверждается материалами археологических раскопок раннеякутских погребений Атласовское I и Сергеляхское, датируемых XIV–XVI вв., представляющих собой захоронения убитых в сражении воинов-всадников [Багашев и др., 2016; Бравина и др., 2016]. Артефакты этих погребений обнаруживают сходство с археологическими материалами усть-талькинской культуры Предбайкалья, датируемой XII–XIV вв. [Николаев, 2004].

Таким образом, гипотеза А.А. Саввина дополняет теорию происхождения якутов огромным количеством фактических материалов по этнографии и фольклору, неожиданными догадками, дискуссионными суждениями, постановкой интересных, не потерявших актуальности вопросов. В ней присутствуют весьма ценные идеи, которые могут способствовать поиску путей решения проблемы. Статью хочется завершить словами А.А. Саввина о том, что каждый народ формируется, проходя через испытания временем и историей, чтобы потом «в лице своих далеких потомков продолжать жить и развиваться» [д. 73, л. 97].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев А.Н.* Древняя Якутия: Железный век и эпоха средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 95 с.
- Алексеев А.Н.* Ранние кочевники в Якутии // Вестник СВФУ им. М.К. Аммосова, 2013. Т. 10. № 5. С. 62–69.
- Алексеев А.Н., Крюбзи Э.* Сюжеты парных конских головок в культурах Якутии: Древность и современность // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 44 (2). С. 91–101.
- Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб.: Тип. С.Н. Худякова, 1897. 182 с.
- Артамонов М.И.* К вопросу об этногенезе в советской археологии // КСИИМК. 1949. Вып. XXIX. С. 3–16.
- Багашев А.Н., Ражев Д.И., Зубова А.В., Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л.* Антропологическое исследование раннеякутского Атласовского погребения XIV–XV вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 44 (2). С. 137–147.
- Басилов В.Н.* Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1992. 324 с.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. II. 334 с.
- Боло С.И.* Прошлое якутов до прихода русских на Лену: По преданиям якутов бывшего Якутского округа. Якутск: Бичик, 1994. 352 с.
- Борисов А.А.* Социальная история якутов в позднее Средневековье и Новое время: (Опыт комплексного исследования). Новосибирск: Наука, 2010. 272 с.
- Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Николаев Е.Н., Петров Д.М., Сыроватский В.В., Кузьмин Я.В., Багашев А.Н., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Ражев Д.И., Зубова А.В., Алексеева Е.А.* Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения середины XV — начала XVI в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 90–109.
- Васильев Ф.Ф.* Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 224 с.
- Гоголев А.И.* Якуты: Проблемы этногенеза и формирования культуры. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. 200 с.
- Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3. Вып. 1: Антропологический и этнографический очерк этих стран. Л.: Тип. Главного ботанического сада, 1926. 426 с.
- Долгих Б.О.* Некоторые вопросы древней истории западных бурят // КСИЭ. 1953. Вып. XVIII. С. 39–49.
- Евтюхова Л.А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1948. 110 с.
- Зыков И.Э.* Поэтапное расчленение этногенеза якутов (постановка вопроса) // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1982. С. 134–136.
- Иванов П.П.* Очерк истории каракалпаков // Труды Ин-та востоковедения АН СССР. М.; Л., 1935. Т. VII. 300 с.
- Катанов Н.Ф.* Поездка к карагасам в 1890 г. // ЗРГО. 1891. Т. XVII. Вып. 2. С. 133–230.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 362 с.
- Константинов И.В.* Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975. С. 106–173.
- Ксенофонтов Г.В.* Ураанхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. Иркутск: Вост.-Сиб. обл. изд-во, 1937. Т. 1. 572 с.
- Левин Г.Г.* Историческая связь якутского языка с древними тюркскими языками VII–IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками). Якутск: Издат. дом СВФУ, 2013. 439 с.
- Николаев В.С.* Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: Усть-Талькинская культура. Владивосток; Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2004. 306 с.
- Муратов Б.А., Суюнов Р.Р.* Огузские кланы: Этногенез и геногеография — 1 // БЭИП «Суюн». Т. 2, июль 2015. № 7 [1, 2]. С. 648–694.
- Окладников А.П.* Якутия до присоединения к Русскому государству. Якутск: Якутгосиздат, 1949. 440 с.
- Ойунский П.А.* О происхождении якутов // Чолбон. 1928. № 5. С. 30–44.
- Павлов П.М.* Сулгаччы туелбэтигэр. Якутск: Якутия, 2005. 204 с.
- Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. Изд. АН СССР. М., 1958, 1959. Т. I–III.
- Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г.* Бойсманская археологическая культура Южного Приморья (по материалам многослойного памятника Бойсмана-2). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 96 с.
- Потапов Л.П.* Исторические связи алтае-саянских народов с якутами (по этнографическим материалам) // СЭ. 1978. № 5. С. 85–95.
- Романова Е.Н.* Свет древних преданий // Саха терут санаатын чинчийээччи, учуонай Андрей Андреевич Саввин. Якутск: Алаас, 2016. С. 31–33.
- Саввин А.А.* Пища якутов до развития земледелия: (Опыт историко-этнографической монографии). Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2005. 375 с.

Новая старая гипотеза о происхождении якутов...

Саввин А.А. Моя автобиография // Саха терут санаатын чинчийээччи, учуонай Андрей Андреевич Саввин. Якутск: Алаас, 2016. С. 110–116.

Саввин А.А. Приложения. Этнографические заметки, рисунки // Саха терут санаатын чинчийээччи, учуонай Андрей Андреевич Саввин. Якутск: Алаас, 2016. С. 58–109, 204–205.

Савинов Д.Г. Основные этапы этнической истории алатов // Историческая этнография. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 30–39.

Савинов Д.Г. Дотюркский пласт в палеоэтнографии якутов // Сиб. сборник-2: К юбилею Е.А. Алексеенко. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 68–81.

Савинов Д.Г. Археологические материалы о южном компоненте в культурогенезе якутов // Сев.-Вост. гуманитар. вестник. 2013. № 2 (7). С. 59–72.

Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 1993. 736 с.

Токарев С.А. Происхождение якутской народности // КСИИМК. 1941. Вып. IX. С. 58–62.

Токарев С.А. К постановке проблем этногенеза // СЭ. 1949. № 3. С. 12–36.

Токарев С.А. О происхождении бурятского народа // СА. 1958. № 2. С. 38–43.

Толстов С.П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен // Проблемы истории докапиталистического общества. 1935. № 9–10. С. 5–41.

Тюркские народы Сибири / Отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. М.: Наука, 2006. 678 с.

Ушницкий В.В. Население Байкальского региона в эпоху средневековья: (К проблеме этногенеза саха). Якутск, 2013. 170 с.

Ушницкий В.В. Вопросы изучения ранней этнической истории и родового состава народов Якутии. Якутск: Изд-во ИГИИПМНС СО РАН, 2014. 144 с.

Харинский А.В. Предбайкалье накануне образования монгольского государства // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2003. С. 93–99.

Харинский А.В. Об этнической принадлежности курумчинской культуры // Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 229–238.

Шкловский В. Марко Поло. М.: Журнально-газетное объединение, 1936. 352 с.

Источники

Саввин А.А. Рукописный отдел ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 1, 8, 10, 29, 31, 32, 33, 35, 36, 40, 44, 46, 50, 51, 52, 69, 73, 74, 75, 86.

R.I. Bravina

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Petrovskogo st., 1, Yakutsk, 677027, Russian Federation
E-mail: bravinari@bk.ru

A NEW OLD HYPOTHESIS OF THE ORIGIN OF THE YAKUTS (ON THE OCCASION OF THE 100th ANNIVERSARY OF A.A. SAVVIN, A SPECIALIST IN FOLKLORE, ETHNOGRAPHER, AND LOCAL HISTORIAN)

A.A. Savvin (1896–1951) was one of the first Yakut ethnographers and folklore specialists who left huge scientific heritage of which only a small article was published during his lifetime. The Manuscript collection of IHRISN of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science keeps his personal collection consisting of about 100 items with a total amount of more than 500 printed pages. The guiding idea of his works was the question of the origin of the Yakuts. A.A. Savvin didn't have time to arrange his views into a well-knit system during his lifetime, but nevertheless, his notes and reflections based on a wide use of folklore, ethnographic, linguistic, archeological and historical sources have stood the test of time. The aim of this article is to select, order and systematize his random notes and essays and to reconstruct thereby the author's vision of the problem of the origin of the Yakuts. Many ideas stated by A.A. Savvin in his manuscripts find scientific support nowadays, confirming thereby his deep understanding of the scientific problem under consideration, for example, periodization of the ethnogenesis of the Yakuts in three main stages, distinguishing of the layer of Yakut-Hun parallels, personification of ancient and medieval clans which made up the central core of the Sakha people and their culture, early (prior to Russian) occupation of Northeast outlying areas by nomadic herders, etc. Hence, this article considers the modern conceptual ideas of the problem of the ethnogenesis of the Yakuts, basing on cross-disciplinary analysis of the latest paleoethnographic data and archaeological artifacts of the last several years.

Key words: A.A. Savvin, hypothesis, ethnogenesis, the Yakuts, interaction, nations, culture.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-094-105

REFERENCES

- Alekseev A.N., 1996. *Drevniaia lakutiia: Zheleznyi vek i epokha srednevekov'ia* [Ancient Yakutia: The Iron Age and the Medieval epoch], Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 95 p.
- Alekseev A.N., 2013. Rannie kochevniki v lakutii [First nomads in Yakutia]. *Vestnik Sev.-Vost. federal. universiteta im. M.K. Ammosova*, vol. 10, no. 5, pp. 62–69.
- Alekseev A.N., Crubezy E., 2016. Siuzhety parnykh konskikh golovok v kul'turakh lakutii: Drevnost' i sovremennost' [Representations of Paired Horse Heads in Yakut Art: Past and Present]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, vol. 44 (2), pp. 91–101.
- Alekseev M.V., 2001. Aattammat aian aartyga [Sacred road of the ancestors]. *Ilin*, no 2, pp. 23–25.
- Aristov N.A., 1897. *Zametki ob etnicheskom sostave tiurkskikh plemen i narodnostei i svedeniia ob ikh chislennosti* [Notes on the ethnic composition of the Turkic tribes and peoples and estimated population size], St. Petersburg: Tip. S.N. Khudiakova, 182 p.
- Artamonov M.I., 1949. K voprosu ob etnogeneze v sovetskoj arkheologii [Concerning the issue of ethnogenesis in Soviet archaeology]. *KSIIIMK*, XXIX, pp. 3–16.
- Bagashev A.N., Razhev D.I., Zubova A.V., Bravina R.I., D'iaonov V.M., Stepanov A.D., Kuz'min Ia.V., Khodzins G.V.L., 2016. Antropologicheskoe issledovanie rannei yakutskogo Atlasovskogo pogrebeniia XIV–XV vv. [A Medieval Yakut burial near the lake Atlasovskoye: an anthropological study]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, no. 44 (2), pp. 137–147.
- Basilov V.N., 1992. *Shamanstvo u narodov Srednei Azii i Kazakhstana* [Shamanism among the people of Central Asia and Kazakhstan], Moscow: Nauka, 324 p.
- Bichurin N.Ia., 1950. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena* [Collection of information about the peoples which lived in Central Asia in ancient times], vol. II, Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 334 p.
- Bolo S.I., 1994. *Proshloe yakutov do prikhoda russkikh na Lenu: Po predaniyam yakutov byvshego lakutskogo okruga* [The past of Yakuts before the arrival of Russians to the Lena river: According to the legends of Yakuts from the former Yakut District], Iakutsk: Bichik, 352 p.
- Borisov A.A., 2010. *Sotsial'naia istoriia yakutov v pozdnee Srednevekov'e i Novoe vremia: (Opyt kompleksnogo issledovaniia)* [History of Yakuts in the late Middle Ages and Modern times: (A comprehensive research)], Novosibirsk: Nauka, 272 p.
- Bravina R.I., D'iaonov V.M., Nikolaev E.N., Petrov D.M., Syrovatskii V.V., Kuz'min Ia.V., Bagashev A.N., Poshekhonova O.E., Slepchenko S.M., Razhev D.I., Zubova A.V., Alekseeva E.A., 2016. Kompleksnoe issledovanie rannei yakutskogo Sergeliakhskogo pogrebeniia serediny XV — nachala XVI v. [A comprehensive study of the early Yakut Sergelyakh burial of the XV — beginning of the XVI centuries]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (35), pp. 90–109.
- Dolgikh B.O., 1953. Nekotorye voprosy drevnei istorii zapadnykh buriat [Some issues of the ancient history of the Western Buryats]. *KSIE*, XVIII, pp. 39–49.
- Evtiukhova L.A., 1948. *Arkheologicheskie pamiatniki eniseiskikh kyrgyzov (khakasov)* [Archaeological sites of the Yenisei Kyrgyz (Khakassia)], Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo, 110 p.
- Funk D. A., Tomilov N.A., 2006, (ed.). *Tiurkskie narody Sibiri* [Turkic peoples of Siberia], Moscow: Nauka, 678 p.
- Gogolev A.I., 1993. *Iakuty: Problemy etnogeneza i formirovaniia kul'tury* [The Yakuts: (Problems of ethnogenesis and formation of the culture)], Iakutsk: Izd-vo Iakut. gos. un-ta, 200 p.
- Grumm-Grzhimailo G.E., 1926. *Zapadnaia Mongoliia i Uriankhaiskii krai Antropologicheskii i etnograficheskii ocherk etikh stran* [Western Mongolia and Uryankhai region. An anthropological and ethnographic study of these countries], vol. 3, 1, Leningrad: Tip. Glavnogo Botanicheskogo Sada, 426 p.
- Ivanov P.P., 1935. Ocherk istorii karakalpakov [An essay on the history of the Karakalpaks]. *Trudy Instituta vostokovedeniia AN SSSR*, vol. VII, Moscow; Leningrad, 300 p.
- Katanov N.F., 1891. Poezdka k karagasam v 1890 g. [A journey to the Karagas in 1890]. *ZRGOE*, vol. XVII, 2, pp. 133–230.
- Kharinskii A.V., 2003. Predbaikal'e nakanune obrazovaniia mongol'skogo gosudarstva [Cisbaikalia before the formation of the Mongolian State]. *Chingiskhan i sud'by narodov Evrazii*, Ulan-Ude: Izd-vo Buriat. gos. un-ta, pp. 93–99.
- Kharinskii A.V., 2010. Ob etnicheskoj prinadlezhnosti kurumchinskoi kul'tury [On ethnic identity of the Kurumchi culture]. *Etnogenez i kul'turogenез v Baikalskom regione (srednevekov'e)*, Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, pp. 229–238.
- Kiselev S.V., 1949. *Drevniaia istoriia luzhnoi Sibiri* [Ancient history of Southern Siberia], Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 362 p.
- Konstantinov I.V., 1975. Proiskhozhdenie iakutskogo naroda i ego kul'tury [The origin of the Yakut people and its culture]. *Iakutiia i ee sosedi v drevnosti*, Iakutsk, pp. 106–173.
- Ksenofontov G.V., 1937. *Uraankhai-sakhalar: Ocherki po drevnei istorii iakutov* [Uraanhay-sahalar: Essays on the ancient history of Yakuts], vol. 1, Irkutsk: Vost.-Sib. obl. izdatel'stvo, 572 p.

Новая старая гипотеза о происхождении якутов...

Levin G.G., 2013. *Istoricheskaia sviaz' iakutskogo iazyka s drevnimi tiurkskimi iazykami VII–IX vv. (v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte s vostochno-tiurkskimi i mongol'skimi iazykami)* [Historical connection between the Yakut and the Turkic languages in VII–IX (in comparison with with the East-Turkic and Mongol languages)], Iakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 439 p.

Muratov B.A., Suiunov R.R., 2015. Oguzske klany: Etnogenez i genogeografiia — 1 [Oghuz clans: Ethnogenesis and genogeography — 1]. *BEIP «Suiun»*, vol. 2, no. 7 [1, 2], pp. 648–694.

Nikolaev V.S., 2004. *Pogrebal'nye komplekсы kochevnikov iuga Srednei Sibiri v XII–XV vekakh: Ust'tal'kinkaia kul'tura* [Funerary complexes of the nomads in the South of Central Siberia in the 12th–14th centuries: The Ust-Talkinskaya culture], Vladivostok; Irkutsk: Izd-vo IG SO RAN, 306 p.

Oiunskii P.A., 1928. O proiskhozhdenii iakutov [On the origin of Yakuts]. *Cholbon*, no. 5, pp. 30–44.

Okladnikov A.P., 1949. *Iakutiia do prisoedineniia k Russkomu gosudarstvu* [Yakutia before joining the Russian state], Iakutsk: Iakutgosizdat, 440 p.

Pavlov P.M., 2005. *Sulgachchy tuelbetiger* [At Sulgachchy homestead], Iakutsk: Iakutiia, 204 p.

Pekarskii E.K., 1958. *Slovar' iakutskogo iazyka* [Dictionary of the Yakut language], vol. I–III, Moscow: Izd-vo AN SSSR.

Popov A.N., Chikisheva T.A., Shpakova E.G., 1997. *Boismanskaia arkhelogicheskaia kul'tura luzhnogo Primor'ia (po materialam mnogosloinogo pamiatnika Boimana-2)* [The Boisman archaeological culture of Southern Primorye (based on the materials of the multi-layer site of Boimana-2)], Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 96 p.

Potapov L.P., 1978. Istoricheskie svyazi altae-saianskikh narodov s iakutami (po etnograficheskim materialam) [Historical connections of the Sayano-Altai peoples with the Yakuts (based on ethnographic materials)]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 5, pp.85–95.

Romanova E.N., 2016. Svet drevnikh predanii [The light of ancient legends]. *Sakha terut sanaatyn chinchieechchi, uchuonai Andrei Andreevich Savvin*, Iakutsk: Alaas, pp. 31–33.

Savinov D.G., 1985. Osnovnye etapy etnicheskoi istorii alatov [The main stages of the ethnic history of the Alats]. *Istoricheskaia etnografiia*, Leningrad: Izd-vo LGU, pp. 30–39.

Savinov D.G., 2010. Dotiurkskii plast v paleoetnografii iakutov [A Pre-Turkic layer in paleoethnography of the Yakuts]. *Sibirskii sbornik-2: K iubileiu E.A. Alekseenko*, St. Petersburg: MAE RAN, pp. 68–81.

Savinov D.G., 2013. Arkheologicheskie materialy o iuzhnom komponente v kul'turogeneze iakutov [Archaeological materials about the Southern component in cultural genesis of the Yakut people]. *Sev.-Vost. gum. vestnik*, no. 2 (7), pp. 59–72.

Savvin A.A., 2005. *Pishcha iakutov do razvitiia zemledeliia: (Opyt istoriko-etnograficheskoi monografii)* [Food of the Yakuts before the development of agriculture: (A historical and ethnographic monograph)], Iakutsk: IGI AN RS (Ia), 375 p.

Savvin A.A., 2016a. Moia avtobiografiia [My autobiography]. *Sakha terut sanaatyn chinchieechchi, uchuonai Andrei Andreevich Savvin*, Iakutsk: Alaas, pp. 110–116.

Savvin A.A., 2016b. Prilozheniia. Etnograficheskie zametki, risunki [Appendices. Ethnographic notes, drawings]. *Sakha terut sanaatyn chinchieechchi, uchuonai Andrei Andreevich Savvin*, Iakutsk: Alaas, pp. 58–109, 204–205.

Seroshevskii V.L., 1993. *Iakuty: Opyt etnograficheskogo issledovaniia* [The Yakuts: An ethnographic research], 2-e izd., Moscow: ROSSPEN, 736 p.

Shklovskii V., 1936. *Marko Polo* [Marco Polo], Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie, 352 p.

Tokarev S.A., 1941. Proiskhozhdenie iakutskoi narodnosti [The origin of the Yakuts]. *KSIIIMK*, IX, pp. 58–62.

Tokarev S.A., 1949. K postanovke problem etnogeneza [Setting the problem of ethnogenesis]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 3, pp. 12–36.

Tokarev S.A., 1958. O proiskhozhdenii buriatskogo naroda [On the origin of the Buryat people]. *Sovetskaia arkhelogiia*, no. 2, pp. 38–43.

Tolstov S.P., 1935. Perezhitki totemizma i dual'noi organizatsii u turkmen [Vestiges of totemism and dual organization among the Turkmens]. *Problemy istorii dokapitalisticheskogo obschestva*, no. 9–10, pp. 5–41.

Ushnitskii V.V., 2013. *Naselenie Baikal'skogo regiona v erokhu srednevekov'ia: (K probleme etnogeneza Sakha)* [Population of the Baikal region in the Middle Ages: (Revisiting the problem of ethnogenesis of the Sakha)], Iakutsk, 170 p.

Ushnitskii V.V., 2014. *K voprosy izucheniia rannei etnicheskoi istorii i rodovogo sostava narodov Iakutiia* [Revisiting studies of the early ethnic history and tribal composition of the peoples of Yakutia], Iakutsk: Izd-vo IGIIPMNS SO RAN, 144 p.

Vasil'ev F.F., 1995. *Voennoe delo iakutov* [Art of war of the Yakuts], Iakutsk: Bichik, 224 p.

Zykov I.E., 1982. Poetapnoe raschlenenie etnogeneza iakutov: (Postanovka voprosa) [Phases of ethnogenesis of the Yakuts: (Raising a question)]. *Problemy arkhelologii i perspektivy izucheniia drevnikh kul'tur Sibiri i Dal'nego Vostoka*, Iakutsk, pp. 134–136.

А.А. Сурво

Тартуский университет
Юликооли, 18, Тарту, 50090, Эстония
E-mail: arno.survo@suomi24.fi

БЪЯРМИЙСКИЕ ТРОПЫ ПОЭТИКИ. МИФОЛОГЕМА ПЕРВОПРОХОДЦА ФИНСКОЙ МЕТАГЕОГРАФИИ¹

Рассматриваются истоки и интерпретации мифологемы первопроходца в финляндской культуре. Мифологема сформировалась на смысловом пересечении поэзии и традиционных архетипов. Литературные истоки мифологемы первопроходца обнаруживаются в творчестве Й.Л. Рунеберга и стихотворении О. Маннинена «Человек лесов» (1902). Человек лесов уходит от людей в безмолвную пущу и становится ее абсолютным владыкой. Но однажды река приносит стружку. Герой отправляется в далекий путь к верховьям течения, чтобы избавиться от чужого присутствия: встречает, пришибает насмерть. Индексальным лаконизмом тропов произведение родственно древним заклинательным формулам. В литературном финском языке информационное пространство структурировано согласно дефиниции *kirjoitustaito*, умение писать, и *lukutaito*, умение читать. Определения заимствованы из традиционной модели освоения символического пространства, в которой *lukea* означает читать заговор, а *kirjottaa* — орнаментировать. Культурной дихотомией обусловлено квазисословное деление на производителей и потребителей текстов. Ницшеанская идея стихотворения О. Маннинена апеллирует к традиционному архетипу, к неразделимости процесса создания знака и его интерпретации, «чтения» и «письма». Литературные перекодировки образа первопроходца сопутствовали осмыслению культурных и метагеографических границ Финляндии. Мифология человека лесов широко представлена трудами С. Паулахарью, в поэтической прозе которого переплетаются история и этнография. Квазисословная специфика информационного пространства нашла отражение в бьярмийских тропах «красного» и «белого» изводов Великой Финляндии.

Ключевые слова: мифологема человека лесов, традиционные архетипы, метагеография, Рунеберг, Маннинен, Великая Финляндия.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-106-117

Трилогия «Здесь под Полярной звездой» могла начинаться полной аллюзией на библейское первоначало: *Alussa oli suo, kuokka ja Jukka*. В начале было болото, мотыга и Юкка. Повествователь все же обособляет первопроходца, знаком тире противопоставляя его возможности освоения ландшафта: «В начале были болото, мотыга — и Юкка» [Linna, 1959–1962; Линна, 1963]. В финском *ajatusviiva*, тире, — мысленная черта, мыслечерта. В русском языке знак тире прежде именовался молчанкой, чертой, знаком мыслеоотделительным [Моисеев, 1989]. Нивелиром множественного числа задается дособытийность исходной ситуации повествования. Первопроходцу предстоит доказать, что он достоин сингулярности, деланием претворив мысль в слово, природный хаос — в освоенную реальность. Попытка иронизировать на библейский мотив от осознания бытийной обреченности искать свое местоположение в звездной карте Севера.

Рождение мифологемы

Истоки мифологии финляндского первопроходничества — в стихотворении Й.Л. Рунеберга «Пааво из Саариярви», поначалу опубликованного без названия в разделе «Идиллии и эпиграммы» первого сборника стихов [Runeberg, 1830, s. 120–122]. Чуть позднее поэт контекстуализирует строки в очерке «О природе финляндской, о нравах и образе жизни народа в приходе Саариярви»:

«Легко представить себе, какова там жизнь, когда по достоверным сведениям, недавно, в один очень холодный год, только на двух дворах в целом приходе был ржаной или ячменный хлеб. Слова: “он круглый год ест чистый хлеб”, и “он невероятно богат” значат там одно и то

¹ Работа выполнена в рамках проекта ERA.Net RUS Plus программы № 189 (CORUNO).

Бьярмийские тропы поэтики. Мифологема первопроходца финской метагеографии

же. (...) Раз я во время охоты зашел отдохнуть в избу. Она была наполнена детьми и взрослыми разных лет. Возле печки нанизано было на шестах множество темно-желтых кусков похожих на лоскутья желтой кожи. Не рассмотрев их вблизи, я спросил, что это такое и что с этим делают? Хозяин отвечал: «Добрый господин, из этого будет хлеб». Слов тут было не много; но в тоне их заключался раздирающий смысл: разве ты этого не знаешь?» [Рунеберг, 1832/2004b, с. 186].

Полноценная символическая перекодировка мифологеми произошла в стихотворении О. Маннинена «Metsien mies» («Человек лесов») [Manninen, 1902]. Человек лесов создан властителем вековой пуши. Он покидает людской мир, отправляется в дорогу, и только лес дремучий знает — куда. Сквозь безмолвные чащи лежит неизмеримый путь, по стремнине вод бурлящих мчит сосновая лодка. Все края света открыты могучему герою. Не блуждает он там, где даже лесные обитатели теряются. Не сворачивая, правит свой путь, гонимый человеческой волей. Никого другого не признает, не знает... Великая река приносит стружку, вторую — в сосновых хоромах чуждых сил движенье. Человек лесов идет многими утрами, вечерами; находит оквернителя подворья: встречает, пришибает насмерть.

В. Ивановым стихотворение было переведено для «Сборника финляндской литературы» [Маннинен, 1917]. Индивидуализм «Пустыннжителя лесов» не сравним с императивом оригинала, но интерес представляет сам факт появления сборника в пропагандистском издательстве «Парус».

Идея стихотворения возникла в разговоре О. Маннинена с Э. Лейно. Во время ресторанной беседы поэтам вспомнился рассказ об обитавшем в лесной глуши колонисте, который не признавал людского присутствия. Заметив однажды проплывавшую по реке стружку, он за много верст отправился к верховьям течения, нашел непрошенного соседа и зарубил его топором. Поэты решили написать каждый свой вариант текста для обсуждения впоследствии. Стихотворение О. Маннинена было готово уже на следующее утро, и Э. Лейно осталось лишь признать: «Ну что ж я буду писать второй стих, раз здесь уже все сказано» [Tarkiainen, 1948; Lyly, 1967].

Недавнее исследование генезиса текстов сборника «Искры», в который был включен «Metsien mies», к скупым сведениям о стихотворении добавляет лишь тот факт, что в рукописи указан вариант одного из глаголов [Manninen, 1905; Karhu, 2012, s. 95].

Современники оценили произведение. Среди рецензий на сборник выделяется шведоязычная, где был приведен полный текст стиха [О.Н., 1905], что необычно само по себе. Послание явно адресовалось оппонентам, называвшим финнов *воображаемой, несуществующей публикой (imaginär publik)*: «...утверждается, что “фенноманы” пишут исключительно [для] “fögen imaginär publik”, и тем самым выражается тоска по прежним временам, когда финская литература была настолько смиренна и невинна, что ее не следовало воспринимать всерьез» [К.В., 1870, s. 26]. Дискуссия 1870-х гг. продолжала сохранять перманентную актуальность по прошествии десятилетий.

В. Войгт отмечает, что становление и динамика развития семиотических школ во многом обусловлены определенными историко-культурными реалиями и этническими контекстами. В текстах просветителя М. Агриколы (ок. 1510–1557) присутствуют слово *merkki* ‘знак’ и множество производных от него, что говорит о распространенности данного понятия уже в тот исторический период. Этому заимствованию из шведского языка В. Войгт противопоставляет протолексему **jälke* (‘след (обычно животного)’) < финск. *jälki*; венг. *jel/jegy*), восходящую к охотничьей культуре и являющуюся, таким образом, «естественной» и более древней категорией, чем имеющие «искусственное» происхождение *séma* и *signum* [Voigt, 2010].

Литературный финский язык не знает слова *грамотность*. Информационное пространство функционирует на основе дефиниции *kirjoitustaito*, *умение писать*, и *lukutaito*, *умение читать*, чем обусловлено квазисловное деление на производителей и потребителей текстов. Определения заимствованы из традиционной модели освоения символического пространства, в которой *lukea* (совр. *читать*) означает *читать заговор*, а *kirjoittaa* (совр. *писать*) — *орнаментировать*, что в совокупности составляет *неразрывный процесс творения-интерпретации знака*. Динамика охотничьего быта не оставляет времени для излишнего овеществления знаков и не нуждается в таковом. О. Маннинен отправляет героя во вне сложившейся культурной дихотомии. В охотничьей контрсемиотике *следа* умение читать знаки неотделимо от необходимости означивать [Сурво, 2015, с. 131–133]. Ницшеанская новизна «Человека лесов» оставляла позади и прекрасную поэтику финноязычных романтиков, и служившие примером для подражания шведские образцы.

Metsien mies буквально означает *мужчину лесов*. В финском языке отсутствует грамматическая категория рода, что восполняется контекстуальной информацией (например, собеседник находится в поле зрения; в иных случаях характеристикой является голос, имя и т.д.). Буквальный перевод был бы неадекватным. Первопроходец — единственный человек в осваиваемом пространстве; на лесной тропе гендерная проблематика дособытийна. Формальная тавтология манниненского определения *metsien mies* обусловлена выбором лексем согласно аллитеративному принципу рун калевальской метрики.

В процессе семиозиса культуры первопроходническая мифологема является ключевой: юнгеровская стереоскопичность преодолевает разрыв между мифическим и рациональным мировосприятием ([Юнгер, 1938/2004]; см.: [Михайловский, 2010, с. 80]). Во вступительном очерке «Сборника финляндской литературы» В. Таркиайнен отмечает «совершенно особый путь», избранный О. Манниненом, «редкую красоту формы» его стихотворений: «Он выпустил в свет только два сборника “Искры” (1905 и 1910), но в них чувствуется подлинная поэзия. (...) Он не национальный поэт, не народный певец. Его язык доведен до возможного лаконизма. Маннинен не изображает, а только отмечает проходящие перед ним мгновения движения, краски и звуки и предоставляет читателю пополнить картину в своем воображении» [Таркиайнен, 1917, с. 84–85]. Смысловую энергетику стихотворения можно было бы сравнить с прочтением «Преступления и наказания» в предельно краткой стихотворной форме, когда исповедальная риторика и прочие сюжетные декорации излишни в постановке проблемы бытийного права. Идея стиха архетипична: «В примитивном естественном самоощущении я и другой слиты. Здесь еще нет ни эгоизма, ни альтруизма» [Бахтин, 1943/1997, с. 71]. Произведение родственно рунам в их исконной, заклинательной ипостаси. В заклинании не спрашивается, как силен противник, где он; все определяется способностью *читать-означивать*, ответом на вопрос, кто он. Пространственные тексты заговоров, известные по эпосу «Калевала», представляют собой вторичное народное творчество. Наиболее древними являются немногословные *dialogiloitsut*, *заклинания-диалоги* (вопрос — ответ — решение проблемы), которым своей намеренной немногословностью и многосмыслием родственна загадка: загадка может иметь несколько ответов или, напротив, ответ служит ключом для множества загадок; бывают загадки вообще без ответов (см.: [Kõiva, 1983; Цивьян, 1994, с. 178; Survo, 2001, s. 133–137]). Традиционный минимализм оперирует дознаковой индексальностью архетипов, не нуждаясь в словесном украшателстве. Стих О. Маннинена одномоментно раскрывается семиотической образностью различных и подчас противоречащих друг другу смысловых континуумов. Ограниченность рамками статьи позволяет рассмотреть лишь один из аспектов манифестации мифологемой этнических маргиналий, в которых двуликость культурного пространства обращена в прошлое и будущее.

Из истории колонизации истории

Под полноценной финляндской грамотностью подразумевается *valistuneisuus*, *просвещенность*. Однако просвещенность идеями, генерируемыми иными культурными пространствами, дает их носителям всего лишь право на статус *умеющих читать*, и переход в состояние *умеющих писать* требует конструирования внутрикультурной аудитории, по отношению к которой это умение обретает смысл. Но мода на идеи преходяща; элита в очередной раз оказывается в роли адресатов, что вызывает переформатирование аудитории согласно изменившимся цивилизационным требованиям.

Стихотворение О. Маннинена появилось на пике (э)миграционной динамики. Финляндия переживала беспрецедентный рост населения. При наследовании земельные наделы доставались одному собственнику, остальные члены многодетных семей были вынуждены иначе обустроить свою жизнь, в то время как промышленность не могла предоставить достаточного количества рабочих мест. В финляндской прессе конца XIX — начала XX в. активно обсуждалась возможность освоения лапландских болот. Романтизация первопроходничества была тщетной, заселения тундры не случилось. Массы простонародья покидали семиотические пределы национал-романтизма, необходимость в актуальной объединяющей идее породила «красно-белый» коллаборационизм. Маргиналы возглавили разрыв с национал-романтическим прошлым, мифологизировав его стереотипами о «тюрьме народов» и «угнетении». В современных интерпретациях не обнаруживается особого творческого новаторства. В единых списках фигурируют жертвы репрессий советского периода, жертвы жертв и т.д., и все они каким-то

Бьярмийские тропы поэтики. Мифологема *первопроходца* финской метагеографии

странным образом оказываются пострадавшими «за финскую национальность». Но такова плата за ангажированность в «умении писать».

Дореволюционная аграрная реальность представляла собой символическое средство производства потенциальной аудитории для тех или иных идей. За время автономии население Финляндии выросло в три раза, массовая эмиграция конца XIX — начала XX в. лишь отчасти разрешала демографическую проблему и социальные противоречия, в то время как социал-демократия выполняла риторические функции, а классовое сознание масс было малосущественным. Идеологическая неопределенность усиливалась внутриэлитной конкуренцией за квазисословную статусность, что нашло продолжение в великофинляндских вариациях. Мобилизирующую роль в процессе творения-интерпретации пределов жизненного пространства сыграли архетипы охотничьей контрсемиотики.

Девственные дебри этнографии

Классикой первопроходческого жанра стали сочинения этнографа С. Паулахарью. В поэтической прозе ученого неразрывно переплетаются история и этнография, синтезируясь в актуальную мифологию пространства. Лесные дебри хранили могилы отважных воинов Северной войны, воспетых поэзией Рунеберга. Они боролись с москвитами под предводительством смелого короля Карла. В глазах своих ратников тот тоже был настоящим человеком лесов. Не менее суровые реалии мирных времен требовали титанического труда, не оставлявшего лишнего времени даже мыслям о душе [Paulaharju, 1930, s. 43, 44, 109, 151]: «Редко древний человек лесов отправлялся к далекой кирхе, где и о его душе проявляли заботу. Лишь в великие праздники и святые дни далекий труженик добирался туда из своих пустынных краев и по возвращению рассказывал о божьем агнце, который платит за грехи мира» [ibid., s. 246–247]. У каждого человека лесов были свои охотничьи угодья, где только он мог расставлять ловушки. Чтобы охотиться за хитрой лисой или коварной росмахой, надо было избавляться от чело-вечьего духа, и он натирал одежду тлеющей еловой веткой. Лучшей музыкой для человека лесов были голоса лесных птиц и зверей, древняя чаща взирала на путника взглядом старого доброго друга. Он и лес составляли единое природное мироздание, находили общий язык, хотя и приносили друг другу немало горя. Но таков закон природы, сильный съедает слабого. Пощады не было, и ее не просили. Милостью для слабого было умение быстро бегать и укромно прятаться. Но с каким уважением человек лесов относился к лесным духам... Он никогда не останавливался на привал, не испросив у них разрешение. И какой неимоверный труд был вложен в расчищенные им каменистые поля — лишь топор, хилая лопата, мотыга и несгибаемая воля были помощниками, когда он вгрызался во мрак древней пуши [Paulaharju, 1937, s. 88, 89, 96, 128]. Ожидавший дома женский люд шил для охотника теплую одежду, меховые шапки и рукавицы, а если были босы ноги, то лесной обитатель набивал обувь мхом — и не страшен был мороз. Надо было зимой незаметно пройти по соседским владениям — хитрый охотник «шел медведем», на карачках. Сосед потом удивлялся, почему следы зверя неожиданно обрывались там, где начиналась голая земля. Могила у кирхи была неуютна для лесного героя. Последнее пристанище он находил в близне сугробов, под синевой небосвода, простиравшегося над родными урочищами [Paulaharju, 1939, s. 177, 195, 196, 245].

В описаниях этнографа С. Паулахарью *metsien mies* манифестирует исконность финской природы, самим своим присутствием на неосвоенных географических маргиналиях человек лесов собирает пространство воедино. Поэтому человек лесов — это и финский обитатель шведской Руйи, и лопарь, хотя и видны в его сейдах дряхлые следы поклонения «москвитским богам и святым Трифонам» [Paulaharju, 1928, s. 211, 460, 461, 503].

Лопари стали осваивать чудо цивилизации — страхование имущества. Поджег лопарь берестяное жилище и пришел в контору. Погорел, хочу получить деньги. Что у тебя сгорело? Чум, почти новые сани сгорели, веер из орлиных перьев для раздувания огня. Дали ему марку-другую. На следующий день появляется другое дитя природы. У тебя-то что сгорело? А я завтра подпалю. Уже редко встречаются в Лапландии колдуны, знающие шаманское слово на каждый недуг [Paulaharju, 1923, s. 36; 1922, s. 157], а без завораживающего набата бубнов наивные лопари достойны лишь второстепенных ролей. Полноценно образу героя соответствует познавший суть цивилизации первопроходец-финн. Эпическим равнодушием наполнено осознание им того, что *где-то там*, вниз по течению реки, в городах, суетятся богачи мира *сего/того*:

«Реки направляли первопроходца в девственные дебри, а также показывали ему путь к землям вниз по течению. По рекам происходило все летнее движение. “Дорога” связывала обитателя нетронутых лесов с внешним миром, зачастую была его единственным товарищем в одиночестве пуши. Из далекой глуши она приносила вести, постоянно пребывая в движении и направляя свой путь на далекий юг, где суетились мирские богачи. По ней и человек лесов время от времени доставлялся на своей лодке или плоту вниз по течению, подчас, на безумной скорости пролетая пенящиеся пороги. В нижнем ее течении радостно шмыгали в родной стихии водные обитатели, рожденные тихими прозрачными заводами тундры. Они вырастали в могучую силу, которая устремлялась к бесчисленным порогам и водопадам, где сердито плескалась и кряхтела. Порой доносился буйный рев впавшего в безумную ярость косолапого охотника, а весь вековой лес это слышал и дрожал» [Paulaharju, 1923, s. 7–8].

При переводе нагромождение сложносопоставленных конструкций пришлось разобрать на отдельные предложения. В последней части описания поэтическая проза С. Паулахарью, подобно речной стремнине, буквально бурлит завихрениями сложноуправляемого порядка слов и смыслов.

У.Т. Сирелиус обучал студентов азам полевой работы: «Чтобы сделать фотографии старых ловушек, отправил он одного старика в ближайший лес построить силки, описание которых только что было сделано. Дед пошел, и на следующий день я смог сопровождать своего руководителя на место съемки. У тропы вскоре нашлись указанные дедом [ловушки]. Но что же произошло?.. Профессор ткнул крюком своей палки в ловушку, развалив ее, и сказал сердито, что это сделано неправильно. “Так, понарошку же сделано”, объяснил дед. Однако Сирелиус построил новые ловушки — настоящие» [Vilkuna, 1925/1969, s. 91]. Для обитателя рунеберговских охотничьих угодий было странным симулирование знаковости. Актуализация мифологемы человека лесов должна была иметь более существенную причину, нежели научное любопытство. Примечательно время опубликования монографий С. Паулахарью для массового читателя. Героизация первопроходничества в общественно-политических контекстах 1920–1930-х гг. была сродни советскому дискурсу первых пятилеток, идеологической контртезисной ему. Человек лесов манниненского стихотворения ушел на Север. *Откуда-то оттуда*, с пределов Севера, начинается течение реки, лишь *там* возможна безусловная полнота контрсемиотического владычества над пространством. Но вдруг течение приносит *оттуда* весть, что чья-то воля пробилась путь еще дальше, а значит, и север не Север, и ведовские претензии первопроходца пусты. Переживаемое человеком лесов в откровении великофинляндца М. Кууси: «Сознательный уход Советской России от цивилизации Западной Европы стало деянием в масштабе мировой истории. Миллионы человеческих жертв не могут умалить ужасающе гениальное величие и целесообразность происходящего. “Завтрашнего дня” в Москве больше, чем, возможно, в каком бы то ни было другом современном центре Европы» [Kuusi, 1936/1989, s. 197]. Слова середины 30-х были воспроизведены в сборнике эссе, готовившемся во второй половине 80-х. Издание было прижизненным для академика, несущественное не могло в нем прозвучать.

Стадный дискурс квазисословности

Во время оккупации Петрозаводска белофинны, ознакомившись с архивными материалами, к своему удивлению обнаружили, насколько идейно близки им были «красные» соплеменники проводившейся в Советской Карелии 1920–1930 гг. политикой сегрегации по национальному признаку. Под влиянием «финнизации» карелы меняли традиционные русские фамилии на финские, молодежь отдельно от русских проводила комсомольские собрания и т.д. и т.п. (см.: [Renvall, 1944; Клементьев, 2003, с. 198–202]). Активисты проигравшей стороны конфликта 1918 г. бежали в Советскую Россию и возглавили Карелию, чтобы использовать ее в качестве плацдарма для создания Советской Республики Скандинавии (Skandinavian Neuvosto-Tasavalta). В меморандуме конца 1919 г. Э. Гюллинг излагал: «Красная Коммуна Карелии станет великозначимой в революционизировании Финляндии. (...) Географически Карелия является частью Скандинавии. В то же время, своими северными территориями она очень близка к Швеции, Норвегии и Финляндии. Это стратегический плацдарм в революционизировании Скандинавии. Оттуда можно напрямую заниматься революционной деятельностью против всех этих государств. Туда можно было бы собрать товарищей из этих стран с целью обучения для руководящих должностей или непосредственной военной деятельности» (цит. по: [Tigerstedt, 1943, s. 30]).

В одном из первых номеров журнала «Пчела» («Mehiläinen»), издававшегося Э. Леннротом, опубликована загадка: «Краснушка, красная корова, легкий рог, гибкая спина, бежала сквозь

Бьярмийские тропы поэтики. Мифологема первопроходца финской метагеографии

лесистые проливы, по урочищам металась». Э. Леннрот поясняет: «Punikki/Краснушка — это лыжа; красная — это смоленая; корова — это странствующая в глухом лесу; легкий рог — это остроконечная, гибкая спина — это (лыжа) с хорошим прогибом, дугообразная посередине; бежала — это бежала (лыжа)» [Lönnrot, 1836].

В войне 1918 г. «красные» и «белые» определили друг друга как *lahtarit*, мясники, и *punikit*, краснушки. *Punikki* — распространенная коровья кличка с собирательным смыслом; *буренка* по-русски. Участники противостояния в массе своей имели смутное представление о марксистской теории. *Työväki*, рабочий люд, имеет двойственный смысл. *Väki*, масса-население, люди, в ритуальной практике означает бесстатусную магическую силу, «людей», нуждающихся в постоянном целеполагании и предназначенных для медиативной роли «носителей информации» [Survo, 2001, s. 27]. Традиционная логика разрешения проблем социальной экологии нашла выражение в семиотической нетождественности элементов оппозиции *lahtari*, мясник/*punikki*, краснушка. Оппозиция содержит целый набор коннотаций, маркирующих границы культурно-идеологического пространства (*культура/природа*, *человек/природа*, *человеческое/нечеловеческое* и т.д.). Внешняя иерархичность противопоставления связана со спецификой семиотических режимов означивания. Мифологема *punikki-охотник* отсылает к доаграрной, охотничьей культуре [Сурво, 2015, с. 131–133].

Полный финноязычный перевод первого тома «Капитала» был издан только в 1918 г., а появившийся в 1905 г. журнальный перевод «Манифеста Коммунистической партии» отдельными брошюрами издавался как «Коммунистический манифест». Внутриэтническая борьба за место в квазисловной иерархии не нуждалась в чужеродной партийной дефиниции. Архаика поведенческих моделей охотника была близка и селянам, и их соседям, недавно пополнившим городской рабочий люд. Взаимное клеймение в стадном дискурсе конфликта коррелировало с первопроходческой амбициозностью «красного» и «белого» изводов Великой Финляндии. Встреча оппонентов в снежных лесах 39-го года была предопределена взаимными ожиданиями. Белофинны оказались поэтически мотивированнее.

Между здесь и там

В 1919 г. С. Паулахарью издал сборник этнографических эссе «Зарисовка оттуда, другая отсюда со всей Великой Финляндии». На обложке книги мальчик и девочка стоят на древней скале и замороженно всматриваются в бескрайние просторы великого будущего Финляндии. Переиздание сборника было связано с уходом ученого [Paulaharju, 1919, 1944]. Однако присутствовала и иная причина тому, что память исследователя было решено почтить именно этим трудом.

Слово *kuva* названия книги имеет множество значений: картин(к)а, фото, рисунок, изображение, иллюстрация, скульптура, изваяние, образ, фигура в карточной игре, представление и даже — манок, чучело. Этнографические наблюдения многогранны, коннотации слова *kuva* ситуативны. *Kautta Suur-Suomen* имеет неоднозначное звучание *через всю Великую Финляндию, по всей Великой Финляндии*, но поскольку речь идет о происхождении зарисовок, их объектах, то — *со всей Великой Финляндии*, что, впрочем, все равно не совсем точно. Вступительное слово М. Хаавио помогает лучше понять смысловые оттенки: «“Зарисовка оттуда, другая отсюда со всей Великой Финляндии” не является единой, строго продуманной книгой в сравнении с другими трудами Самули Паулахарью, структуре которых он уделял много внимания. Но можно признать, что многие зарисовки книги подобны небольшим, легким акварелям, на которых несколькими искусными движениями кисти заволашевающе явлено все то, что необходимо, чтобы иллюзия навсегда ушедшего прошлого была совершенной» [Haavio, 1944, s. 7].

М. Хаавио, известный исследователь народной поэзии, служил фронтовым корреспондентом в оккупированной части Советской Карелии. Работа политработника предполагала скрупулезное отношение к текстам, и не может быть случайностью, что при переиздании книги слово *tuolta* ‘оттуда (о видимом пространстве)’ в названии было заменено на *sieltä* ‘[откуда-то] оттуда (боле отстраненный смысл; о невидимом пространстве)’.

Согласно требованиям военной цензуры, в корреспонденции запрещалось указывать конкретные данные о местоположении частей. Сведения о локализации фронтовых адресантов ограничивались фразой *täältä jostakin, отсюда откуда-то*, но зато обеим сторонам переписки предоставлялась автокоммуникативная возможность ощутить символическое присутствие в далеких для них событиях, вопреки расстояниям происходивших *где-то здесь*. *Здесь* писалось письмо, дома написанное *где-то здесь* — читалось, *отсюда же* приходил ответ *куда-то сюда*.

Переиздание великофинляндских акварелей С. Паулахарью прозвучало реквиемом по несбывшимся экспансионистским ожиданиям. Война заканчивалась, местоположение *где-то здесь* неумолимо превращалось в *где-то там*, великофинляндское пространство сворачивалось, утрачивало видимые очертания, и о его зарисовках имело смысл говорить лишь отстраненно: *sieltä, откуда-то оттуда*.

Разворачивание мифа

Рунеберговский король Фьялар решает оставить ратный труд, чтобы строить идеальный мир без войн и насилия. Произносится клятва, и тут же является толкователь судьбы: претензия на право богов будет наказана позором кровосмешения. В попытке предотвратить предреченное, Фьялар повелевает бросить малолетнюю дочь в морскую пучину. Ойгонна все же спасается и воспитывается в королевстве Мораннала. Три его сына добиваются сердца девушки, но она отвергает их в ожидании достойного суженого. Первым сватается старший королевич:

«Kom Oihonna, mig följ i lifvet,
Jägarn älskar dig, rosiga sky!
Höga fjällarnas furste
Ber dig dela hans banors lust»
[Runeberg, 1844, s. 25].

«Ты мой рассветный луч, Ойгонна,
Охотник полюбил тебя!
Властитель гор высоких
просит стать ему невестой»
[Рунеберг, 1844/2004а, с. 132].

В итоге судьба сводит Ойгонну с ее собственным братом; суд богов свершается.

В первом финноязычном переводе поэмы старший королевич остался охотником, благородным властителем гор [Runeberg, 1876, s. 14]. Слово *metsämies*, *охотник*, буквально означает *лесного человека, лесочеловека*, но оно обычно для повседневной речи и в рассматриваемом контексте не содержит значимой метафоричности. Очередной перевод был исполнен Э. Лейно, в результате беседы с которым появилось стихотворение О. Маннинена. В поэме Э. Лейно поменял *охотника* на *metsien mies*, *человека лесов, а властителя гор* — на *ruhtinas tunturein*, *тундр властителя* [Runeberg, 1909, s. 216]:

«Seuraa kanssani, ruskopilvyt,
rakastaa sua metsien mies!
Sulle retkeinsä riemut
tarjoo ruhtinas tunturein».

«Следуй со мною, марево рассвета,
любит человек лесов тебя!
Тебе радость своих странствий
предлагает тундр властитель».

Изданием на финском многотомника «Труды» Й.Л. Рунеберга, новыми переводами, качественно иной и полномасштабной интерпретацией произведений финско-шведского классика делалась заявка на существование полноценной финской писательско-читательской аудитории, считавшейся критиками *imaginär publik*. В наделении старшего королевича качествами человека лесов к тому же присутствует намек на неактуальность для финляндской культуры истоков и параллелей рунеберговского оригинала (см.: [Дорофеева, 2006]).

Первое письменное упоминание финнов, *Phinni*, относится к XII в. В адресованных Папе Римскому посланиях о распространении христианского учения о Финляндии, *Findia*, говорилось, что она расположена на самом краю света у Рифейских гор (см.: [Rantanen, 1997, s. 23]). Финское название легендарных *Ripeät vuoret* буквально означает *Ретивые, Быстрые, Живые, Проворные горы*. В смысловом пространстве манниненского стихотворения пафос «Короля Фьялара» оказывается избыточным и утрачивает смысл: мотив возможного брака старшего королевича с безродной девицей более чем достаточен для сюжетной коллизии. (Мета)география оригинала также неактуальна. Финны не скандинавы, их мифология в лесах, в крайних же пределах доаграрного мифосозерцания — просторы тундры. Контурсы Фенно-Скандии легитимизировали производство стереотипов об исключительной принадлежности Финляндии к «западной» цивилизации и в то же время позволяли конструировать великое прошлое, используя наследие «соплеменников». Перекодировка поэмы сопутствовала динамике освоения метагеографического пограничья, целеполагание *человека лесов* в итоге ознаменовалось великофинляндскими эпopeями. Эндогамный мотив поэмы трансформировался в культурно-идеологические доминанты финно-угорского родства в племенной идее *heimoaate* и троцкистского революционирования Скандинавии. В новом переводе рунеберговского текста властитель гор стал властителем тундры, которого ждали тропы воинственных бьярмийцев, удостоившихся в поэме лишь второстепенного упоминания.

Бьярмийские тропы поэтики. Мифологема первопроходца финской метагеографии

Скандинавские скалы слишком мелки и знакомы, чтобы будоражить воображение динамичной неведомой пограничьи. Метагеографическим контрапунктом вековечных лесов, расположенных по сю сторону ледяной тундры, могли быть только настоящие горы, Уральские. Императив постижения метагеографии Севера был сформулирован в известном стихотворении М. Кууси «Призыв Урала», название которого цензура поменяла на более нейтральное «Призыв гор» [Kuusi, 1935, s. 90–93]:

«Врата Атиллы вновь раствори, выкуй путь чингизханов,
высвободи проклятья заходящей Европы, триумф угорских снов воплоти!
Проказу покорности смой с души, батрачества разрушь следы,
призывы из бездны здравую сталь, варваров мощную кровь!
И когда Север слово свое скажет однажды, когда пеплом станут Запады страны,
волки Суоми пусть правят снегами или князя Ледовитого океана!»

Мифологема умолчаний

М. Кууси рассматривает фольклорные параллели манниненского стихотворения и в итоге приходит к осмыслению исторических событий: «“Человек лесов” — это стихотворение о каждом, о тебе и обо мне, о ком угодно. Это стихотворение о чем-то, что продолжает свое подпольное существование в нас, любующихся картинками “дикого запада”, читающих романы о дальних путешествиях, страстно наблюдающих за боксерскими поединками. “Человек лесов” не какой-то лагерквистовский Варавва. Он варвар по своей сути — не притворно колеблющийся между добром и злом современный человек, но первобытное существо по ту сторону добра и зла: наполовину мечта, наполовину лесное божество войны. Стихотворение Отто Маннинена учит многому того, кто не поленился заглянуть под оболочку шероховатого стиля текста. Оно дает знание о человеке и осознание самого себя, говоря не только о прошлом Древней Суоми, но и об истории XX столетия. Оно не советует, как приручить убийцу, но оно показывает нам его лицо: что-то от нашего собственного лика» ([Kuusi, 1954]; см.: [Lagerqvist, 1950; Лагерквист, 1981]).

М. Кууси дает лишь обобщенную ретроспективу. Плоды прикладного ницшеанства представлены «Чудовищными злодеяниями финско-фашистских захватчиков», искажениями исторических документов и причудливыми мартирологами, в алфавитной наивности которых соседствуют квазисловесные амбиции и их жертвы [Чудовищные злодеяния..., 1945; Книга памяти..., 2010; Сурво, 2011].

Эталон поэтической контрсемиотики окружен молчанием ни о чем. Мифологема служит мыслеотделительным знаком пределов метагеографии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бахтин М.М.* Человек у зеркала [1943] // М.М. Бахтин. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. 733 с. С. 71.
- Дорофеева Е.А.* Поэма Й.Л. Рунеберга «Король Фьялар» и скандинавская романтическая традиция // Скандинавские чтения 2004 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты / Сост. Т.А. Шрадер, И.Б. Губанов; Отв. ред. В.Е. Возгрин, Т.А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 300–309.
- Клементьев Е.И.* Языковые процессы в XIX–XX вв. // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 197–207.
- Книга памяти финнов, репрессированных за национальную принадлежность в СССР* / Сост. Л.А. Гильди, М.М. Браудзе. СПб.: Гйоль, 2010. Т. 1. 656 с.
- Лагерквист П.* Варавва [1950] / Пер. со швед. Е. Суриц // Пер. Лагерквист. Карлик: Роман; Повести; Рассказы / Сост. Т. Величкова, В. Мамонова; Ред. С. Белоκριцкая, Н. Федорова; Пер. с швед. В. Мамонтовой и др.; Предисл. В. Неустроева. М.: Прогресс, 1981. 444 с. (Мастера современной прозы. Швеция).
- Линна В.* Здесь под северной звездой: Роман [1959] / Пер. с фин. В. Богачева; Послесл. И. Марциной. М.: Изд-во иностр. литературы, 1963. 487 с.
- Маннинен О.* Пустынножитель лъсовъ / Пер. В. Ивановъ // Сборник финляндской литературы / Под редакцией В. Брюсова, М. Горького. Петроградъ: Парусъ, 1917. С. 468. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://vyach.ivanov.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10653>.
- Михайловский А.В.* Миф, история, техника: Размышления Эрнста Юнгера у «стены времени» // История философии. 2010. № 15. С. 57–81. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://iphras.ru/page21483596.htm>.
- Моисеев А.И.* Из истории пунктуации: Молчанка-черта-черточка-тире // Рус. речь. 1989. № 1. С. 54–58.
- Рунеберг Й.Л.* Король Фьялар / Пер. В. Дорофеева // Й.Л. Рунеберг. Избранное: Лирика (с параллельным шведским текстом). «Сказания Фенрика Столя» (отдельные баллады). «Король Фьялар». Критические

А.А. Сурво

статьи. Письма / Пер. со швед. В. Дорофеева, Е. Дорофеевой; Сост., вступ. ст. и коммент. Е. Дорофеевой. СПб.: Коло, 2004а. С. 119–176.

Рунеберг Й.Л. О природе финляндской, о нравах и образе жизни народа во внутренности края [1832] / Пер. Я. Грота // Там же. 2004б. С. 179–193.

Сурво А. Периферийные тексты культуры как актуальные исторические источники // Историческое произведение как феномен культуры. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2011. Вып. 6. С. 115–122.

Сурво А. Семиотические режимы финляндских дискурсивных практик: О национальном романтизме без романтики // Ежегодник финно-угорских исследований = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2015. Вып. № 4. С. 124–138. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://finno-ugry.ru/files/1303170455.pdf>.

Таркйайнен В. Очеркъ истории финляндской литературы XIX и XX вв. // Сборник финляндской литературы. Петроградъ: Парусъ, 1917. С. 32–90.

Цивьян Т.В. Отгадка в загадке: Разгадка загадки? // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1. М.: Индрик, 1994. С. 178–194.

Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР: Сб. документов и материалов / Сост. С. Сулимин, И. Трускинов, Н. Шитов. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1945. 304 с.

Юнгер Э. Сердце искателя приключений. Вторая редакция: Фигуры и каприччо [1938] / Пер. с нем. А. Михайловского. М.: Ad Marginem, 2004. (Серия «Спутник»). 288 с.

Naavio M. Alkusanat [Вступительное слово] // S. Paulaharju. Kuva sieltä, toinen täältä kautta Suur-Suomen. Toinen painos. Porvoossa: Werner Söderström Osakeyhtiön kirjapainossa, 1944. S. 5–7.

Karhu H. Säkeiden synty. Geneettinen tutkimus Otto Mannisen runokäsikirjoituksista [Исследование генезиса поэзии Отто Маннинена на основе его рукописей]. Helsinki: Yliopistopaino, 2012. 324 s.

K.V. Neljä vuotta Suomen kirjallishistoriasta. I [Четыре года из истории литературы Финляндии. I] // Kirjallinen Kuukauslehti. Helmikuu, 1870. № 2. S. 25–29.

Kuusi M. Runon ja raudan kirja [Книга руны и железа]. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1935. 93 s.

Kuusi M. Otto Mannisen «Metsien mies» // Kalevalaseuran vuosikirja. 34. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1954. S. 109–115.

Kuusi M. Möykkyjä ja neulasia. Helsinki: Art House OY, 1989. 205 s.

Kõiva M. Virolaiset dialogiloitsut [Эстонские заклинания-диалоги] // Kansa parantaa. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1983. (Kalevalaseuran vuosikirja 63). S. 217–224.

Lagerqvist P. Barabbas. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 1950. 205 p.

Linna V. Täällä Pohjantähden alla. 1–3 [Здесь под Полярной звездой]. Porvoo: WSOY, 1959–1962. 459 s.; 525 s.; 543 s.

Lyly P. Otto Manninen // Suomen kirjallisuus VI: Otto Mannisesta Pentti Saarikoskeen [Литература Финляндии. VI: От Отто Маннинена до Пентти Саарикоски]. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1967. S. 20–47.

[Lönnrot E.] Suomen kansan Arwutuksia [Загадки народа Суоми] // Mehiläinen. Turusa: Präntätty Christian Ewert Barckin tykönä, V. 1836 Huhtikuulta. S. 14. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/500223?page=14&term=Punikki>.

Manninen O. Metsien mies // Valvoja. Kahdeskolmatta vuosikerta. XI vihko, marraskuu 1902. S. 680–681.

Manninen O. Säkeitä [Искры]. Porvoo: WSOY, 1905. 108 s.

O.H. Säkeitä. Dikter af O. Manninen // Euterpe. 1905. N 43–46. S. 457–460.

Paulaharju S. Kuva tuolta, toinen täältä kautta Suur-Suomen. Helsinki: Kirja, 1919. 365 s.

Paulaharju S. Lapin muisteluksia [Лапландские заметки]. Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Kirja, 1922. 271 s.

Paulaharju S. Wanhaa Lappia ja Peräpohjaa [О бытности Лапландии и Перяпхья]. Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Kirja, 1923. 316 s.

Paulaharju S. Ruijan Suomalaisia [Финны Руйи]. Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Kirja, 1928. 556 s.

Paulaharju S. Suomenselän wieriltä [С окраин Суоменселки]. Porvoossa: Werner Söderström Osakeyhtiön kirjapainossa, 1930. 259 s.

Paulaharju S. Kiveliöitten kansaa. Pohjois-Ruotsin suomalaisseuduilta [Народ нетронутых лесов. С финских краев северной Швеции]. Porvoo; Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1937. 385 s.

Paulaharju S. Sompio. Luiron korpien vanhaa elämää [Сомпио. Прежняя жизнь чашеб Луйро]. Porvoo; Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1939. 300 s.

Paulaharju S. Kuva sieltä, toinen täältä kautta Suur-Suomen. Toinen painos. Porvoossa: Werner Söderström Osakeyhtiön kirjapainossa, 1944. 219 s.

Rantanen P. Suolatut säkeet: Suomen ja suomalaisten diskursiivinen muotoutuminen 1600-luvulta Topeliukseen [Язвительные вирши. Дискурсивное формирование Финляндии и финляндцев с XVII века до Топелиуса]. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1997. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 690). 250 s.

Renvall P. Neuvosto-Karjalan suomalaisuuden kriisin alkuvaiheista [О начальном периоде кризиса фин(лянд)скости Советской Карелии] // Historiallinen Aikakauskirja. Neljäskymmenes vuosikerta. Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1944. S. 77–106.

Бьярмийские тропы поэтики. Мифологема первопроходца финской метагеографии

Runeberg J.L. Idyll och Epigram [Идиллии и эпиграммы] // Dikter af Johan Ludvig Runeberg [Стихи Й.Л. Рунеберга]. Helsingfors: Tryckta hos G.O. Wasemnius, 1830. S. 105–126.

[*Runeberg J.L.*] Fjalar Kuningas, Runoelma Viidessä laulussa, Johan Ludvig Runeberg'iltä / K. Kiljander'in suomentama. Kuopio: Suomentajan kustannuksella Paino-yhtiön kirjapainossa, 1876. 61 s.

Runeberg J.L. Kuningas Fjalar // Johan Ludvig Runebergin Teokset / Uusi suomennos, jonka ovat toimittaneet Juhani Aho, Paavo Cajander, Arvi Jännes, Eino Leino, O. Manninen ja Alpo Noponen. II nidos: Jouluilta. Nadeshda. Runoja III. Vanhan puutarhurin kirjeitä. Kuningas Fjalar. Värikki Stoolin tarinat. Porvoossa: Werner Söderström Osakeyhtiön kirjapainossa, 1909. S. 201–266.

[*Runeberg J.L.*] Kung Fjalar, en dikt i fem sången, af Joh. Ludv. Runeberg. Borgå: P. Widerholm, 1844. 95 s.

Survo A. Magian kieli: Neuvosto-Inkeri symbolisena periferiana [Язык магии. Советская Ингрия как символическая периферия]. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2001. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 820). 264 s.

Tarkiainen V. Pieniä muistoja Otto Mannisesta [Небольшие воспоминания об Отто Маннинене] // Mikkelin lyseo 1872–1947: Koulun 75-vuotisen toiminnan muistoksi / Julkaisseet entiset oppilaat. Helsinki: Karhu, 1948. S. 138–139.

Tigerstedt Ö. Vastavakoilu iskee. Suomen taistelu neuvostovakoilua vastaan 1919–1939 [Удар контрразведки. Борьба Финляндии против советского шпионажа в 1919–1939 годах]. Helsingissä: Kustannusosakeyhtiö Otava, 1943. 274 s.

Vilkuna K. Opettajani Uno Taavi Sirelius [Мой учитель Уно Таави Сирелиус] // Kalevalaseuran vuosikirja 49. Porvoo-Helsinki: WSOY, 1969. S. 85–101.

Voigt V. More on Finno-Ugric Semiotics // Congressus XI Internationalis Fenougristarum: 11th International Congress for Fenno-Ugric Studies. Piliscsaba, Hungary, 09–14.08.2010. Piliscsaba: Reguly Társaság, 2010. (Summaria acroasium in sectionibus). P. 270–273.

A.A. Survo

University of Tartu
Ülikooli, 18, Tartu, 50090, Estonia
E-mail: arno.survo@suomi24.fi

BJARMIAN TROPES OF POETRY PIONEER — A MYTHOLOGEME IN FINNISH METAGEOGRAPHY

The article analyzes origins and interpretations of a mythologeme *pioneer* in Finnish culture. Its literary origins are rooted in J.L. Runeberg's poems and O. Manninen's «The Woodsman» (1902). The hero leaves human society and enters a silent forest. He becomes the sole master of his domain. Suddenly, he sees wood chips carried along by the river. The woodsman travels far, to the upper reaches of the river, to get rid of the unwelcome neighbor: «he discover, strikes dead». This poem has indexical and laconic tropes as ancient incantatory formulas do. In the literary Finnish language, information space is structured according to the definition *kirjoitustaito*, an ability to write, and *lukutaito*, an ability to read. The definitions are taken from the traditional worldview in which *lukea* means to cast a spell, and *kirjoittaa* means to create an ornament. This cultural dichotomy determines quasi-social division between those who produce and consume texts. Nietzschean idea of Manninen's poem turns towards a traditional archetype, inseparability of the process of creation of a sign and its interpretation, «reading» and «writing». Literary code-switching of the image of a *pioneer* accompanied understanding of cultural and metageographical borders of Finland. Mythology of the woodsman is widely represented in the poetic prose of Samuli Paulaharju where history and ethnography are intertwined. The specificity of quasi-social division is reflected in the bjarmian tropes, discourses marking «red» and «white» Greater Finland.

Key words: mythologeme of the woodsman, traditional archetypes, metageography, Runeberg, Manninen, Greater Finland.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-106-117

REFERENCES

Bahtin M.M., 1997. Chelovek u zerkala [A man in front of the mirror]. *M.M. Bahtin. Sobranie sochineniy: V 7 t. T. 5* [M.M. Bahtin. Collected works: In 7 vol. Vol. 5], Moscow: Russkie slovari, p. 71.

Civ'jan T.V., 1994. Otgadka v zagadke: Razgadka zagadki? [The key inside the riddle: The answer to the riddle?]. *Issledovaniya v oblasti balto-slavjanskoj duhovnoj kultury: Zagadka kak tekst* [Studies in the field of the Balto-Slavic spiritual culture: A riddle as a text], vol. 1, M.: Indrik, pp. 178–194.

Dorofeeva E.A., 2006. Poema J.L. Runeberga «Korol' Fjalar» i skandinavskaya romanticheskaya tradiciya [J.L. Runeberg's poem «King Fjalar» and romantic tradition of Scandinavia]. *Skandinavskie chteniya 2004 goda: Etnograficheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty* [Scandinavian Readings — 2004: Ethnographic, cultural and historical aspects], St. Petersburg: MAE RAN, pp. 300–309.

Giljdi L.A., Braudze M.M., 2010, (ed.). *Kniga pamyati finnov, repressirovannyh za nacional'nuju pri-nadlezhnost' v SSSR* [Memory book of the Finns who were repressed for ethnical identity in the USSR], vol. 1, St. Petersburg: Gjol', 656 p.

Haavio M., 1944. Alkusanat [The opening words]. *S. Paulaharju. Kuva sieltä, toinen täältä kautta Suur-Suomen*. Toinen painos [A picture from there, another here through the Greater Finland. Second edition], Porvoossa: WSOY, pp. 5–7.

Junger E., 2004. *Serdce iskatelya prikljuchenij. Vtoraya redakciya: Figury i kaprichcho* [The Adventurous Heart. Second edition: Figures and Capriccios. Transl. by A. Mihailovskij], Moscow: Ad Marginem, 288 p.

Karhu H., 2012. *Säkeiden synty: Geneettinen tutkimus Otto Mannisen runokäsikirjoituksista* [Genesis of the Verses. Genetic research on the manuscripts of Otto Manninen], Helsinki: Yliopistopaino, 324 p.

K.B., 1870. Neljä vuotta Suomen kirjallishistoriasta. I [Four years of the Finnish Literature. I]. *Kirjallinen Kuukauslehti*, vol. 2, pp. 25–29.

Klementjev E.I., 2003. Jazykovye processy v XIX–XX vv. [Linguistic processes in the nineteenth and twentieth centuries]. *Pribaltijsko-finskie narody Rossii*, Moscow: Nauka, pp. 197–207.

Kuusi M., 1935. *Runon ja raudan kirja* [Book of verse and iron], Porvoo; Helsinki: WSOY, 93 p.

Kuusi M., 1954. Otto Mannisen «Metsien mies» [Otto Manninen's «The Woodsman»]. *Kalevalaseuran vuosikirja*, vol. 34, Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, pp. 109–115.

Kuusi M., 1989. *Möykkyjä ja neulasia* [The lumps and needles], Helsinki: Art House OY, 205 p.

Köiva M., 1983. Virolaiset dialogiloitsut [Estonians dialogical incantations]. *Kansa parantaa*, Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura (Kalevalaseuran vuosikirja), 63, pp. 217–224.

Lagerqvist P., 1950. *Barabbas*, Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 205 p.

Linna V., 1959–1962. *Täällä Pohjantähden alla* [Here, Beneath the North Star], vol. 1–3, Porvoo: WSOY, 459; 525; 543 p.

Lyly P., 1967. Otto Manninen. *Suomen kirjallisuus* [Finnish Literature], vol. VI, Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, pp. 20–47.

[Lönnrot E.], 1836. Suomen kansan Arwutuksia [Riddles of the Finns]. *Mehiläinen*, Turusa: Präntätty Christian Ewert Barckin tykönä, Huhtikuulta, p. 14.

Manninen O., 1902. Metsien mies [The Woodsman]. *Valvoja*, vol. XI, pp. 680–681.

Manninen O., 1905. *Säkeitä* [Sparks], Porvoo: WSOY, 108 p.

Manninen O., 1917. Pustynnozhitelj lesov [The Forest Hermit. Transl. by V. Ivanov]. *Sbornik finljandskoj literatury*, Petrograd: Parus, p. 468, available at: <http://vyach.ivanov.pushkinskijdom.ru>.

Mihajlovskij A.V., 2010. Mif, istoriya, tehnika: Razmyshleniya Ernsta Jungera u «steny vremeni» [Myth, history, technique: Ernst Junger's reflection near the «time wall»]. *Istorija filosofii*, vol. 15, pp. 57–81, available at: <http://iphras.ru/page21483596.htm>.

Moiseev A.I., 1989. Iz istorii punktuacii: Molchanka-cherta-chertochka-tire [From the history of punctuation: Break-line-hyphen-dash]. *Russkaja rechj*, vol. 1, pp. 54–58.

O.H., 1905. *Säkeitä*. Dikter af O. Manninen [Sparks. Poetry by O. Manninen]. *Euterpe*, vol. 43–46, pp. 457–460.

Paulaharju S., 1919. *Kuva tuolta, toinen täältä kautta Suur-Suomen* [Picture from that, another here through the Greater Finland], Helsinki: Kirja, 365 p.

Paulaharju S., 1922. *Lapin muisteluksia* [Essays about Lapland], Helsinki: Kirja, 271 p.

Paulaharju S., 1923. *Wanhaa Lappia ja Peräpohjaa* [Former Lapland and Peräpohja], Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Kirja, 316 p.

Paulaharju S., 1928. *Ruijan suomalaisia* [Ruija's Finns], Helsinki: Kirja, 556 p.

Paulaharju S., 1930. *Suomenselän wieriltä* [From the outskirts of Suomenselkä], Porvoossa: Werner Söderström Osakeyhtiön kirjapainossa, 259 p.

Paulaharju S., 1939. *Sompio. Luiron korpien vanhaa elämää* [Sompio. Old life of Luiron's unspoiled forests], Porvoo; Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 300 p.

Paulaharju S., 1944. *Kuva sieltä, toinen täältä kautta Suur-Suomen*. Toinen painos [Picture from there, another here through the Greater Finland. Second edition], Porvoossa: WSOY, 219 p.

Rantanen P., 1997. *Suolatut säkeet: Suomen ja suomalaisten diskursiivinen muotoutuminen 1600-luvulta Topeliukseen* [Vitriolic Verses: The discursive formation of Finland and the Finns from the seventeenth century to the end of the nineteenth century], Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 690), 250 p.

Renvall P., 1944. Neuvosto-Karjalan suomalaisuuden kriisin alkuvaiheista [Finnishness of Soviet Karelia: The early stages of the crisis]. *Historiallinen Aikakauskirja*, Neljäskymmenes vuosikerta, Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1944, pp. 77–106.

Runeberg J.L., 1830. Idyll och Epigram. *Dikter af Johan Ludvig Runeberg* [Lyrics by J.L. Runeberg], Helsingfors: Tryckta hos G.O. Wasemnius, pp. 105–126.

Runeberg J.L., 1844. *Kung Fjalar, en dikt i fem sången, af Joh. Ludv. Runeberg* [King Fjalar, a poem in five songs, by Joh. Ludv. Runeberg], Borgå: P. Widerholm, 95 p.

Runeberg J.L., 1876. *Fjalar Kuningas, Runoelma Viidessä laulussa, Johan Ludvig Runeberg'iltä* [King Fjalar], K. Kiljander'in suomentama, Kuopio: Suomentajan kustannuksella Paino-yhtiön kirjapainossa, 61 p.

Бьярмийские тропы поэтики. Мифологема первопроходца финской метагеографии

Runeberg J.L., 1909. Kuningas Fjalar. Suom. Eino Leino [King Fjalar]. *Johan Ludvig Runebergin Teokset*, vol. II, Porvoossa: Werner Söderström Osakeyhtiön kirjapainossa, pp. 201–266.

Runeberg J.L., 2004a. Korol' Fjalar [King Fjalar]. *J.L. Runeberg. Izbrannoe* [Favorites. Transl. by V. Dorofeev, E. Dorofeeva], St. Petersburg: Kolo, pp. 119–176.

Runeberg J.L., 2004b. O prirode finljandskoj, o nrvah i obraze zhizni naroda vo vnutrennosti kraja [On the nature of Finland, on the customs and lifestyle of the people in Saarijärvi parish]. *J.L. Runeberg. Izbrannoe* [Favorites. Transl. by V. Dorofeev, E. Dorofeeva], St. Petersburg: Kolo, pp. 179–193.

Sulimin S., Truskinov I., Shitov N., 1945, (ed.). *Chudovishhnye zlodeyaniya finsko-fashistskih zahvatchikov na territorii Karelo-Finskoj SSR: Sb. dokumentov i materialov* [Atrocities of the Finnish-Fascist invaders in Karelian-Finnish SSR: Collection of documents and materials], Petrozavodsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karelo-Finskoi SSR, 304 p.

Survo A., 2001. *Magian kieli: Neuvosto-Inkeri symbolisena periferiana* [Magical Language: Soviet Ingria as a Symbolic Periphery], Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 820), 264 p.

Survo A., 2011. Periferijnye teksty kul'tury kak aktual'nye istoricheskie istochniki [Peripheral texts of culture as relevant historical sources]. *Istoricheskoe proizvedenie kak fenomen kul'tury*, 6, Syktyvkar: Izd-vo SyktGU, pp. 115–122.

Survo A., 2015. Semioticheskie rezhimy finljandskih diskursivnyh praktik: O nacional'nom romantizme bez romantiki [Semiotic Modes of Finnish Discourse Practices: About National Romanticism without Romanticism]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, vol. 4, pp. 124–138, available at: <http://finno-ugry.ru/files/1303170455.pdf>.

Tarkiainen V., 1917. Oчерк istorii finljandskoj literatury XIX i XX vv. [Essay about the history of the Finnish literature of the nineteenth and twentieth centuries]. *Sbornik finljandskoj literatury*, Petrograd: Parus, pp. 32–90.

Tarkiainen V., 1948. Pieniä muistoja Otto Mannisesta [Small memories of Otto Manninen]. *Mikkelin lyseo 1872–1947: Koulun 75-vuotisen toiminnan muistoksi*, Helsinki: Karhu, pp. 138–139.

Tigerstedt Ö., 1943. *Vastavakoilu iskee. Suomen taistelu neuvostovakoilua vastaan 1919–1939* [Counter-espionage strikes. Finland's Fight Against Soviet Espionage 1919–1939], Helsingissä: Kustannusosakeyhtiö Otava, 274 p.

Vilkuna K., 1969. Opettajani Uuno Taavi Sirelius [My Teacher Uuno Taavi Sirelius]. *Kalevalaseuran vuosikirja*, vol. 49, Porvoo-Helsinki: WSOY, pp. 85–101.

Voigt V., 2010. More on Finno-Ugric Semiotics. *Congressus XI Internationalis Fennougristarum: 11th International Congress for Fenno-Ugric Studies. Piliscsaba, Hungary, 09–14.08.2010*, Piliscsaba: Reguly Társaság, pp. 270–273.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И ХОЗЯЙСТВА НАСЕЛЕНИЯ РУССКИХ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ В XVIII–XX вв. НА ПРИМЕРЕ ДЕРЕВНИ АНАНЬИНО

Статья посвящена характеристике возможностей изучения истории и вопросов формирования и развития хозяйственных комплексов старожильческих населенных пунктов в Омском Прииртышье в XVIII–XX вв. по объединенным информационным данным письменных, картографических и этнографических источников. Основным объектом исследования выбрана несуществующая ныне деревня Ананьино, изучение которой дало возможность преодолеть проблему фрагментарности коллективной памяти в случаях исчезновения единого сообщества. В работе приводится характеристика места обитания представителей данного сообщества и его границ. Относительно четкая локализация позволяет уточнить характер связей между населением д. Ананьино и близлежащих населенных пунктов. Сопоставление письменных и этнографических материалов дает возможность выявить степень влияния внешних факторов на развитие основных отраслей хозяйства у старожильческого населения исследуемого района, а также определить место и роль земледелия, животноводства и промысловой составляющей в структуре хозяйства. Параллельно описывается процесс поиска и анализа источниковой базы в рамках локальных междисциплинарных исследований. Материалы показывают важную роль государственной фискальной политики в развитии всех сфер хозяйственного комплекса в XVIII–XX вв.: под ее воздействием оформились состав промыслового инвентаря, представленный в источниках, социально-экономическая стратификация населения, большую часть которого в XVIII–XIX в. составляли категории служилого населения. Кроме того, источники свидетельствуют, что несмотря на обилие ярмарок и активный товарооборот, осуществляемый населением Тары, жители Ананьино активного участия в торговле не принимали. Материалы показывают также возникновение специализации отдельных хозяйств в XVIII — первой половине XIX в., что повлияло на миграционные процессы в ходе расселения жителей Ананьино после исчезновения деревни.

Ключевые слова: хозяйство русского населения Западной Сибири, Омское Прииртышье, русские старожилы, локальные исследования.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-118-126

История хозяйственного освоения и развития Западной Сибири уже много лет является актуальной темой в гуманитарных исследованиях. Однако исследователям нередко приходится работать с отрывочными сведениями, особенно при изучении истории населенных пунктов, прекративших свое существование. Один из таких объектов — русская старожильческая деревня Ананьино, расположенная на территории современного Тарского района Омской области. Начиная с 2005 г. здесь под руководством Л.В. Татауровой ведутся археологические работы. Интерес к данному населенному пункту связан с близостью его к г. Таре, а также с пересечением сфер исследований С.Ф. и Л.В. Татауровых. С.Ф. Татауров в 2004 г. проводил разведывательные работы по правому берегу р. Иртыша в рамках изучения населенных пунктов русских и татар, описанных Г.Ф. Миллером при его путешествии по Иртышу 1734 г., в результате которых и было обнаружено местоположение деревни. Л.В. Татауровой к этому времени был накоплен огромный опыт археологических изысканий русских старожильческих поселений (Бергамак-I и Изюк-I) [Крих, Чернова, 2015]. Наличие архивных и опубликованных материалов по данному и схожим памятникам позволяло осуществить сравнительный анализ. Чуть позже, при интерпретации полученных данных, возникла идея комплексного изучения деревни.

Одно из наиболее ранних упоминаний о деревне содержится в дозорной книге Тарского уезда 1623/1624 гг. На протяжении XVII–XIX вв. ее история тесно связана с представителями семей старожилов, происходивших от тарских стрельцов Поповых, Неупокоевых, Мосеевых и Скуратовых, которые в процессе установления хозяйственных и семейных связей определяли

О возможностях изучения истории и хозяйства населения русских старожильческих поселений...

вектор развития населенного пункта [Крих, 2014b, с. 87]. Последнее упоминание о деревне относится к 1896 г. В «Списке селений, входящих в состав Логиновской волости» относительно данной деревни обозначено, что «жители все выселились в д. Заливину и по другим местам» [Крих, 2016, с. 81]. Переселение жителей Ананьино, завершившееся в основном к концу 80-х гг. XVIII в., осуществлялось семейными кланами: первыми к концу 1780-х гг. уезжают Поповы, в середине XVIII в. в д. Евгашину и Шуеву перебираются Мосеевы, между 1763 и 1782 гг. из Ананьино уезжают Неупокоевы, в числе последних деревню покидают Скуратовы [Крих, 2014b].

Причины переселений в источниках не нашли отражения, однако можно предположить, что здесь важную роль сыграли хозяйственная деятельность и наметившаяся специализация, обусловленная в том числе сословным положением жителей Ананьино, близость тракта в сочетании с большей доступностью города на новых местах жительства и сложившиеся семейно-брачные связи.

В изучении д. Ананьино на начальном этапе важную роль играл анализ археологических материалов и архивных данных, позволяющих раскрыть сюжеты этносоциальной и семейной истории. Среди источников XVII–XIX вв. преобладают данные учета населения (дозорные, таможенные и метрические книги, ревизские сказки), а также делопроизводственная документация, которые выступают в качестве генеалогических источников и одновременно служат источниками для реконструкции бытовых и экономических условий жизни населения.

В рамках реконструкции на начальном этапе важным вопросом становится определение «локуса» — места обитания представителей данного сообщества и установление его границ. Четкая локализация необходима прежде всего для уточнения связей, сложившихся между населением исследуемой деревни и близлежащих населенных пунктов. С этой целью были осуществлены поиск и отбор карт, имеющих отношение к северной части Омского Прииртышья XVIII–XIX вв., в результате была обнаружена карта Тарского уезда 1825 г., позволяющая визуализировать местонахождение указанного населенного пункта [Крих, Чернова, 2015, с. 231]. Карта четко демонстрирует местонахождение д. Ананьино, позволяет выяснить природно-географические условия (близость водоемов, частично — наличие болот, особенности рельефа и т.п.), расстояние до соседних населенных пунктов и уездного центра, наличие и структуру земельных угодий (на ней обозначены границы земельных владений инородцев), охарактеризовать этнический состав населения близлежащих населенных пунктов.

Как видно из документа, в этот период д. Ананьино находилась в окружении татарских юрт Рухлар (Верхние юрты), Речап, Алтиш и Атак. На противоположном берегу Иртыша она соседствовала с русскими деревнями Заливиной, Красноперовой, Черняевой, Кореновой и Бородиной, куда чуть позже частично переехали и жители Ананьино. Также в непосредственной близости от нее располагались Екатерининский винокурный завод и кожевенный завод К. Нерпина [РГИА, ф. 380, оп. 33, д. 149]. Подтверждение приведенных сведений обнаруживается в письменных источниках. В фонде Второго Сибирского комитета сохранилось упоминание, относящееся к 1851 г., о том, что в 6 верстах от д. Ананьино находился Екатерининский казенный винокурный завод [РГИА, ф. 1265, оп. 1, д. 63]. Здесь же, в связи с обозначением границ казенной дачи завода, указан социальный состав населения прилегающих населенных пунктов: «к даче прилегают следующие смежные землевладения: бухарцев и ясашных татар <...> Аялынской волости, государственных крестьян д. Ананиной Логиновской волости, <...> жителей города Тары и земля свободная, принадлежащая казне» [Там же, л. 36].

Описывая основные проблемы, связанные с соседством лесной дачи и сельских поселений, чиновники сетуют на то, что «крестьяне, начиная опаливать свои поля по принятому здесь обыкновению для урожая хлеба и трав, нисколько не стараются окапывать их со всех сторон...» [Там же, л. 36 об.]. Этот сюжет, помимо важности земледелия в структуре хозяйственного комплекса населения д. Ананьино, свидетельствует о сохранении элементов залежной и залежно-паровой систем земледелия, обозначенных в более ранних источниках.

Для характеристики более ранних этапов существования деревни были привлечены дозорные книги Тарского уезда 1623/24 г. и 1701 г. [Крих, 2014b, с. 87–88]. Более детальные сведения, позволяющие реконструировать хозяйственный комплекс жителей деревни, содержатся в Дозорной книге 1701 г. [РГАДА, ф. 214, кн. 1182].

В д. Ананьино, по материалам Дозорной книги 1701 г., почти все жители занимались хлебопашеством. Наиболее обширные пашенные угодья населения деревни располагались «в дуброве» вверх по речке Ньюхоловке [Там же, л. 185–186]. Пашнями здесь владели «стрелец Иваш-

ко Мосеев, стрелец Федька Герасимов сын Неупокоев, литовской сотни казак Сенька Иванов сын Неупокоев» [Там же]. Вдвое меньше была запашка у *Стеньки Мосеева* и *Бориски Скуратова*. Оба они приходились племянниками *Микитке Мосееву*, владеющему пашней аналогичного размера [Там же, л. 187–187 об.]. Правом собственности на близлежащие земли обладали жители татарских юрт, что обусловило отдаленность пашни от населенного пункта. Востребованность же земледелия объясняется прежде всего общей экономической ситуацией в Тарском округе на протяжении XVII–XVIII вв. и нестабильностью в обеспечении хлебом служилого населения [Буцинский, 1999, с. 149–156].

Представленные фрагменты подтверждают наличие сложившегося крестьянского земледельческого опыта и указывают на то, что местное население располагало землями, позволяющими вести комплексное хозяйство. Здесь в начале XVII в., помимо земледелия, важную роль играло скотоводство. Жители деревни, как отмечается в источнике, разводили лишь три вида животных — лошадей, коров и овец. Аналогичный состав разводимых животных фиксируется и у городского населения Тары [Крих, 2014а, с. 94–98]. По археологическим данным отмечается, что в структуре домашнего скота преобладали крупный рогатый скот и свиньи, однако в архивных материалах свиньи не упоминаются, что может свидетельствовать о появлении их в хозяйстве в более поздний период [Tataurova, Krikh, 2015, с. 484]. Кроме того, по археологическим данным не фиксируется наличие лошадей, тогда как, по материалам Дозорной книги, в девяти хозяйствах было 14 лошадей, которые распределялись по дворам относительно равномерно. Около 2/3 хозяйств жителей Ананьино имели по две лошади, в 22 % хозяйств содержалось по одной лошади. Животноводческий комплекс жителей д. Ананьино дополнялся содержанием овец, однако их количество было весьма невелико [РГАДА, ф. 214, кн. 1182, л. 185–187 об.]. Здесь отсутствовали крупные хозяйства, занимающиеся животноводством, аналогичные хозяйствам тарских жителей Власа Черкашенина, Тихона Шмакова или Алексея Солдатова, структура которых была проанализирована А.А. Крих [2014а, с. 94–98].

Самое крупное хозяйство принадлежало «литовской сотни казаку Сеньке Иванову сын Неупокоеву» [РГАДА, ф. 214, кн. 1182, л. 185]. На размеры хозяйства, помимо сословной принадлежности владельца, влияли такие факторы, как давность проживания и состав семьи [Крих, 2014b, с. 86–90]. Влияние социального положения на хозяйственную деятельность связано с тем, что у служилого населения размер жалования зависел от статуса. Так, будучи конным казаком, *Сенька Неупокоев*, в отличие от большей части своих однодеревенцев, получал жалование «денег семь рублей с четвертью», тогда как основная масса населения Ананьино относилась к другим категориям — стрельцам, пешим казакам и т.п., жалование которых составляло обычно «денег четыре рубля с четвертью» [РГАДА, ф. 214, кн. 1182, л. 185 об.–187 об.].

Помимо пашенных угодий и скота Неупокоевы владели обширными покосами, состоящими из двух частей: «Сенных у него покосов под деревней в лугу на сто копен да возле Ибейки речки — на сорок копен», при этом граница покосов, так же как в случае с пашенными угодьями, соприкасалась с землями татар. Единственный из упомянутых в Ананьино «скотских выпусков» также принадлежал Неупокоевым. Его размер составлял четыре десятины.

Однако часть покосов и покотины была приобретена С. Неупокоевым, судя по тексту Дозорной книги 1701 г., не совсем законным путем: «Взял он, Сенька, по челобитью своему на Таре из приказа на отцовскую старинную на горную распашную землю данную выпись своим одним именем. И в ту же выпись приписал общую их землю под горную покотинное место и сенные покосы, на которые им землю дана выпись 1691 года апреля 4 общей с ним, Сенькой, Неупокоевым». И в 1701 г. его племянники — «Федька да Савка Герасимовы, Алешка Тимофеев, Ивашка да Гришка Федоровы дети Неупокоевы», а также другие родственники — «Ивашко Попов с братом, Микитка Мосеев с братом же и с племянником» потребовали пересмотреть границы покосов и выпасов. Итогом разбирательств по данному вопросу стало решение «владеть им порозвытошно всем поровну, кому по сколько копен достанется» [Там же, л. 185 об.]. Из всех участников конфликта сопоставимые по сенажу покосы отмечаются лишь у И. Попова, при этом, по всей видимости, речь идет именно о спорных землях. Покосами, позволяющими заготавливать аналогичное количество сена, обладал и Б. Скуратов, при этом скота у него было как минимум в два раза меньше. Оставшиеся жители деревни имели покосы по 40–50 копен, большая часть из которых являлась личной либо семейной собственностью. Исключение составлял стрелец *Федька Неупокоев*, покосы которого располагались на общественном «стрелецком лугу» [Там же, л. 185 об.–187 об.].

О возможностях изучения истории и хозяйства населения русских старожильческих поселений...

Как видно из сравнения приведенных данных с материалами Дозорной книги 1623 г., к началу XVIII в. у населения Ананьино площади покосов сократились почти вдвое. Подобное сокращение могло быть вызвано семейными разделами, природно-климатическими изменениями, а также модификациями территории сенокосных угодий. Отметим также, что население Ананьино, как видно по границам сенокосных владений, владело наиболее удобными землями: в дубравах, луговых местах и приречных низменностях, где произрастали «мягкие и сочные травы, годные для корма скота» [РГИА, ф. 1265, оп. 1, д. 63, л. 41]. До середины XIX в. документы фиксируют важную роль сельского хозяйства у населения Ананьино и близлежащих населенных пунктов.

Структура хозяйства дополнялась также промыслами, чему благоприятствовали и природно-географические условия. Тарский округ на протяжении XVIII–XIX вв., как отмечается в литературе, являлся вторым по значению центром рыболовства в Тобольской губернии, именно поэтому в числе промысловых занятий рыболовство занимало доминирующие позиции [Разгон, 1998, с. 383]. Состояние рыболовства у населения Ананьино в момент существования деревни можно проиллюстрировать, опираясь на «Описные книги» *рыбных ловель* 1704–1705 гг. Данный источник ценен тем, что здесь указаны не только используемые снасти, но также социальная принадлежность, имя и фамилия хозяина рыболовных угодий, описаны сезон, способ вылова и разновидность рыбы (преимущественно «белая» рыба и карась) [Крих, 2014а, с. 96–97]. Анализ таможенных книг г. Тары за 1674–1675 и 1702–1703 гг. показывает товарный характер рыболовного промысла в семье Мосеевых. В 1703 г. встречается запись о том, что «казачий сын Степан Мосеев продал рыбы своей ловли <...> на 20 алтын» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1339, л. 508]. Однако этот промысел в исследуемом районе не имел товарного характера, удовлетворяя в основном нужды местных жителей. Небольшие объемы рыбного промысла и торговли рыбой в Туринске, Таре, Ишиме отмечает в своей работе и В.Н. Разгон [1998, с. 371–372].

Согласно данным «Описной книги» *рыбных ловель* 1704–1705 гг. в Ананьино рыболовные снасти фиксируются в каждой семье, в основном преобладают *сети* и *кривды*. Всего переписчик зарегистрировал 13 снастей: чуть больше 50 % из них составляли сети, 38 % — «кривды», тогда как «уды», используемые для зимнего лова, имелись лишь в одном хозяйстве [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1403, л. 622–622 об.]. В семьях Мосеевых и Поповых отмечено наличие сразу двух видов снастей в каждом из хозяйств, это свидетельствует о том, что рыбная ловля являлась для них важным подспорьем. Археологические находки позволяют говорить о более широком ассортименте рыболовных орудий: на памятнике были обнаружены свинцовая блесна и множество железных крючков разного размера; самоловы с крючками больших размеров, которые, судя по краеведческой литературе, могли использоваться для зимней ловли, и мордушки, изготовленные из прутьев и лучин [Tataurova, Krikh, 2015, с. 484–485].

Для выяснения специфики в использовании рыболовных снастей жителями деревни и их потомками на фоне старожильского населения и обозначения степени влияния разных факторов на развитие рыболовного промысла были привлечены материалы по другим населенным пунктам. Они представлены в основном работами краеведов, которые содержат детальные описания рыболовных снастей и способов охоты. Эти работы ценны наличием локальной терминологии. В «Воспоминаниях о рыбной ловле и охоте» А.В. Горобцова приведены описания летних и зимних снастей, а также такого универсального орудия рыбной ловли, как «вентерь»/«вентель»/«фитиль». Упоминаются и снасти, обозначенные в ранних источниках, например «уды» — удочки для подледного лова и самоловы [Архивный отдел Администрации Большереченского района Омской области, ф. 104, оп. 1, д. 15, л. 5].

Помимо рыбной ловли водные ресурсы позволяли местному населению заниматься мукомольным производством. В Ананьино, по данным Дозорной книги 1701 г., С. Неупокоев владел «мельницей мутовчатой на речке Пятове» [РГАДА, ф. 214, кн. 1182, л. 188]. Мутовчатые мельницы строились на мелких водостоках, не требуя устройства плотины. Они имели небольшую производительность, обеспечивали потребности двух-трех дворов [Булыгин, 1997, с. 74–76]. При необходимости в более производительных сооружениях ставили колесчатые мельницы, которые могли размалывать за сезон до 1500–2000 пудов зерна. Но для их установки нужно было устраивать плотину. Такая возможность была, например, у жителей г. Тары [РГАДА, ф. 214, кн. 1182, л. 135–135 об.]. Мельница подобного типа располагалась и в небольшом отдалении от Ананьино (в данном случае речь идет о мукомольной мельнице Екатерининского винокуренного завода) [РГИА, ф. 1265, оп. 1, д. 63, л. 38 об.–39]. Также в источниках есть упоминание о трех муко-

мельных мельницах, находившихся на участках аялыньских татар д. Усть-Тарской на р. Зимовной. Принадлежали они крестьянину Кайсарову [ГУТО ГАТ, ф. И152, оп. 42, д. 159, 6 л.]. Однако сведения о них относятся к 1877 г., т.е. к тому времени, когда жители деревни уже практически разъехались.

Характеристика хозяйства была бы неполной без рассмотрения вопроса об участии населения Ананьино в торговле. Для выявления степени активности обменных операций в районе были привлечены архивные материалы, касающиеся ярмарок и торжков. Анализ документов и литературы показал, что в XVIII в. в Таре действовали три ярмарки. Основными участниками обменных операций были казаки и бухарцы, как местные, так и пришлые [ГУТО ГАТ, ф. И329, оп. 13, д. 363, л. 24–24 об.]. Несмотря на близость ярмарок, как видно из анализа таможенных книг г. Тары за 1674–1675 и 1702–1703 гг., до начала XVIII в. жители д. Ананьино в торговых операциях участия не принимали. Это, с одной стороны, могло быть связано с их постоянной занятостью по службе, а с другой — с тем, что основным местом торгового обмена для тарских служилых людей в начале XVIII в. стала Ямышевская ярмарка. Из числа жителей Тары, связанных с населением Ананьино, в документах упоминаются лишь Михаил и Иван Скуратовы, основным товаром у которых были предметы промысла — горностаи, а также такие традиционные для тарских служилых людей меновые товары, как сукно и кожи. В обмен они привозили в Тару сукно, обувь, мыло и пряники [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1339, л. 321–526 об.]. Как отмечает А.А. Крих, «Михаил был единственным из Скуратовых, кто в начале XVIII в. совмещал служебные поездки в Тобольск и соляные экспедиции к Ямышевскому озеру с торговыми операциями, вкладывая в торговлю дополнительные средства, получаемые от промысла горностаи своего неперестававшего на службу сына Ивана» [2016, с. 75]. Судя по всему, именно благодаря обменным операциям жители деревни могли обладать такими предметами, как обнаруженные в результате археологических работ: шелковыми тканями и бусами, хотя нельзя исключать и случайного попадания их на памятник [Крих, Чернова, 2015].

Кроме того, в источниках есть косвенные указания на то, что население д. Ананьино с начала до середины XIX в. поставляло хлеб «рожью или мукою» на Екатеринбургский винокурный завод. Поставки эти были добровольными или подрядными. В одном из описаний отражены средние цены за пуд муки с солодом в период 1805–1809 гг. В сравнении с другими заводами — Петровским, Успенским, Боровлянским, в Екатеринбургском они были самыми высокими [ГУТО ГАТ, ф. И329, оп. 13, д. 4, л. 15 об., 45].

Имевший место взаимообмен затрагивал и сферу животноводства. Так, в середине XIX в. Екатеринбургский завод принимал от населения соседствующих деревень скот на «прокорм бардою» зимою, «когда производится винокурение». «За эту барду платят контрагенту значительные деньги — за бочку до 10 копеек серебром» [РГИА, ф. 1265, оп. 1, д. 63, л. 45].

Во второй половине XIX в. население Ананьино начинает разъезжаться, при этом выбор нового места проживания во многом зависел от особенностей хозяйства. Семьи, занимающиеся преимущественно сельским хозяйством, уехали в другие старожильческие деревни вблизи Тары (Заливино, Черняево и др.), занимающиеся же главным образом рыболовным промыслом и охотой отправились дальше на север (например, в Сышиково). Сближению населения Ананьино и Сышиково мог поспособствовать и конфессиональный фактор: принадлежность к одному приходу — церкви во имя святых Петра и Павла, располагавшейся в с. Усть-Тара, а также установление брачных отношений между Скуратовыми и старообрядцами, проживающими в д. Сышиковой [Крих, 2016, с. 81]. Кроме того, выбор нового места жительства мог быть обусловлен и стремлением быть ближе к городу и транспортной инфраструктуре, которые стали играть более ощутимую роль к XIX в. для жителей, тесно связанных с промыслами и сельским хозяйством.

Реконструкцию хозяйства можно было бы завершить на этапе исчезновения деревни, однако для комплексной характеристики устойчивости сообщества и определения состава потомков жителей Ананьино были привлечены материалы статистического учета населения. Сопоставив их с более ранними источниками, А.А. Крих составила генеалогические схемы, позволяющие четко обозначить пофамильный состав потомков жителей Ананьино в конце XIX — XX в. [2016]. Состояние их хозяйств можно частично восстановить по материалам Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., а также по данным похозяйственных книг [ГУТО ГАТ, ф. И417, оп. 2, д. 2400; ТФ ИсаОО, ф. 137, оп. 1, д. 1; оп. 3, д. 2, 12, 17; ф. 369, оп. 1, д. 20].

Так, к примеру, у Скуратовых, оказавшихся в Сышиково, по данным первичных материалов переписи 1897 г., основным занятием стала охота, у 7 из 14 глав семей в качестве побочного

О возможностях изучения истории и хозяйства населения русских старожильческих поселений...

занятия обозначено «охотник/охотник за зверем», еще у одного «промысел за зверем» является основным занятием. В числе побочных занятий также фиксируются «кузнец», «колесник», «овчинник» [ГУТО ГАТ, ф. И417, оп. 2, д. 2400, л. 15–15 об., 17–17 об., 26–26 об., 30–30 об., 48–48 об., 52–53 об., 56–56 об., 57–57 об., 59–62 об., 65–65 об.]. Проведенная чуть раньше подворная перепись, результаты которой по д. Сыщиковой были опубликованы в 1890 г., показала сохранение комплексности хозяйства с преобладанием лесного промысла, которым занимались хозяева 30 дворов, что составляет около 60 % по отношению к общему числу дворов. Развивалось здесь и сельское хозяйство. Статистические материалы свидетельствуют о сохранении его традиционной структуры с преобладанием животноводства [Соколов, 1890, с. 2, 11, 12, 96].

В д. Заливиной, где к середине XIX в. около 44 % населения составляли крестьяне, переселившиеся из д. Ананьино [Крих, 2016, с. 81], в 1897 г. проживало 5 семей Скуратовых и 11 семей Неупокоевых [ГУТО ГАТ, ф. И417, оп. 2, д. 2294, л. 14–14 об., 22–22 об., 33–33 об., 39–39 об., 50–51 об., 70–74 об., 78–78 об., 90–90 об., 95–95 об., 99–99 об., 105–105 об., 120–120 об.]. В структуре их хозяйственных занятий, помимо земледелия, у мужчин широко представлен бондарный промысел, а у женщин — «плетение/изделие сит». На этом фоне выделяются семьи Ивана Неупокоева, у которого в качестве основного занятия обозначена торговля деревянной посудой, и Семена Неупокоева, находящегося на золотых промыслах [Там же, л. 22–22 об., 78–78 об.]. Подобная специализация, как отмечает Н.Л. Скалозубов, в 1894 г. была характерна для Логиновской волости, где «многие жители <...> занимаются бондарным ремеслом, сбывая свои изделия в с. Вознесенском Каинского уезда» [1895, с. 78]. По сведениям Н.Л. Скалозубова, «работают больше на заказчиков из местных же крестьян; незначительная часть посуды сбывается непосредственно кустарями в Омске, Вознесенском, Спасском Тюкалинского уезда; за сотню посуды крупной — 160 рублей (бочки), 100 рублей (чаны, полубочья), 60–75 рублей (кадки)» [Там же, с. 60]. Отмечает автор и производство ободков для сит и отдельно — решетный промысел, указывая, что средняя производительность одного человека составляет около 300 ободков в год, цена же их — от 3,5 до 4,5 руб. за сотню, цена же решета доходит до 10 руб. за сотню [Там же, с. 60, 69]. Широкое распространение промыслов в этих деревнях, по мнению Н.Л. Скалозубова, связано с невысоким качеством здешних почв.

Вспомогательное значение в этот период имеет собирательство, развитию которого способствует близость винокуренного завода. Главным образом жители близлежащих по отношению к заводу деревень «со всей тщательностью» собирают дикий хмель «для продажи и домашнего употребления на пивоварение» [РГИА, ф. 1265, оп. 1, д. 63, л. 42 об.—43].

Более поздние материалы, освещающие традиционную культуру населения, носят фрагментарный характер. В основном привлекались данные полевых этнографических исследований, в рамках которых опрашивались как прямые потомки жителей д. Ананьино, так и жители тех населенных пунктов, куда разъехалось население исследуемой деревни. Использовались вопросники по истории населенного пункта, хозяйству, семейной обрядности, дополненные блоками вопросов о семейной истории, истории переселений, взаимоотношениях с принимающим сообществом. Указанные методики, апробированные в рамках этнографических и устно-исторических исследований [Щеглова, 2011], позволили частично восстановить некоторые элементы культуры жизнеобеспечения. Среди факторов, повлиявших на формирование материальной культуры данного сообщества, стоит отметить прежде всего семейные традиции и связи. Как следует из полевых этнографических данных, подкрепленных генеалогическими и архивными изысканиями, широко распространенными в данном сообществе были многопоколенные и многодетные семьи. До первой половины XX в. этот фактор способствовал сохранению домов-связей, близких по типу к жилищам, обнаруженным на памятнике Ананьино-I [Tataurova, Krikh, 2015, с. 483], а также архаичного обычая «помочей», использовавшегося в случаях строительства дома и при сооружении глинобитных печей. В нем принимали участие только родственники. Начиная с 1946 г. на фоне активизации процессов разделения семей начинают изменения в традициях домостроительства — широкое распространение получают пятистенки.

Современные визуальные и полевые материалы позволяют выделить в планировке подворья черты, большинство из которых часто встречается у старожильческого населения: наличие палисадников, в ряде случаев — крытого двора, большие огороды. На подворье располагались баня и амбар. У жителей д. Сыщиково, в том числе у Скуратовых, на протяжении длительного времени сохраняются заплоты. Для их сооружения обычно использовали осину или сосну. При строительстве домов предпочтение все же отдавали хвойным породам древесины, старались

выбирать деревья большого диаметра. К сожалению, информанты не располагают данными о способах отбора древесины для строительства.

Дискуссионным является вопрос использования дерна при сооружении хозяйственных построек. Несмотря на то, что указанная технология прослеживается в источниках 1950–1970-х гг., более ранние материалы, переписи 1897 г., свидетельствуют об исключительном применении древесины: в д. Сыщиково у всех Скуратовых дома деревянные, крытые деревом или тесом, крыша из земли встречается лишь в хозяйстве незаконнорожденного Софрона Скуратова, проживающего с матерью и сестрой в д. Заливино [ГУТО ГАТ, ф. И417, оп. 2, д. 2294, л. 105–105 об.].

Этнографические данные демонстрируют формирование и закрепление специфических наименований, обусловленных процессом расселения жителей д. Ананьино в близлежащие населенные пункты. В д. Нагорное Тарского района Омской области к их числу относится Скуратов мост [МЭЭ ОмГУ 2015, п.о. 5, л. 2 об.].

В целом, завершая характеристику истории и хозяйства жителей Ананьино и их потомков, отметим, что освещение этих вопросов требует привлечения широкого круга источников. При их изучении в случае исчезнувших населенных пунктов необходим подготовительный этап, основное содержание которого будет составлять географическая и социальная локализация сообщества. Здесь неоценимую помощь исследователю могут оказать картографические материалы, а также данные фискального учета населения. Следующим шагом является составление программы изучения материальной культуры и представлений об этносоциальной истории [Щеглова, 2011]. Ее важными параметрами будут выявление условий формирования населения и влияние социальных особенностей на хозяйственную сферу, изучение связей населения и структурные характеристики хозяйства.

Наличие информации о деревне Ананьино в обнаруженных источниках обусловлено несколькими факторами, в числе которых большое значение имеют ее близость к городу и развитая система государственного фискального учета. Благодаря этому наиболее точные описания хозяйственного комплекса присутствуют в источниках, относящихся к периоду существования деревни. Более поздние материалы в силу фрагментарности сведений требуют включения в широкий историко-социальный контекст. Источники фиксируют влияние природно-географических и социальных факторов на хозяйственную сферу, а также позволяют проследить изменения усадебного комплекса, его стремление к унификации, обусловленные в основном социально-культурной трансформацией исследуемого сообщества. Что касается промысловой сферы, отметим, что под влиянием государственной политики в 1930–1940-е гг. охота и рыбалка в личном подсобном хозяйстве уступают место животноводству и огородничеству, охота же приобретает коллективно-организованный характер. Начиная со второй половины XX в. в широкий обиход входят огнестрельное оружие и покупные рыболовные снасти, которые приобретали в основном в г. Омске. К концу XX в. ряд орудий рыбной ловли и способов охоты переходят в разряд браконьерских, что затрудняет их использование, изменяется состав объектов охоты и рыбной ловли.

Мы видим, что хозяйственная специализация и установление разветвленных семейных связей как внутри деревни, так и за ее пределами повлияли на процесс расселения жителей Ананьино. Сословное положение обусловило специфику хозяйственной и бытовой жизни обитателей деревни: с принадлежностью к служилому сословию связаны частые отлучки, а с недостаточно высоким положением — невозможность использования наемного труда и необходимость заниматься сельским хозяйством и промыслами, являвшимися основными способами обеспечить средства к существованию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Архивный отдел Администрации Большереченского района Омской области. Ф. 104. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.
ГУТО ГАТ. Ф. И152. Оп. 42. Д. 159.
ГУТО ГАТ. Ф. И329. Оп. 13. Д. 363.
ГУТО ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 2294, 2400.
Материалы этнографической экспедиции ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2015. П.о. 5. Л. 2 об.
РГАДА. Ф. 214. Кн. 1182.
РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1339, 1403.
РГИА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 906.

О возможностях изучения истории и хозяйства населения русских старожильческих поселений...

РГИА. Ф. 380. Оп. 33. Д. 149.
РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 63.
ТФ ИсаОО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1.
ТФ ИсаОО. Ф. 137. Оп. 3. Д. 2, 12, 17.
ТФ ИсаОО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 20.

Литература

- Булыгин Ю.С.* Приписная деревня Алтая в XVII в.: В 2 ч. Ч. 2. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1997. 154 с.
- Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 328 с.
- Крих А.А.* Возможности письменных источников XVIII века для реконструкции культуры жизнеобеспечения русских сибиряков (на примере Тарского Прииртышья) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014а. С. 94–98.
- Крих А.А.* Этносоциальная история русского населения д. Ананьино в XVII–XIX вв. // Вестник ОмГУ. Сер. Ист. науки. 2014б. № 4. С. 86–90.
- Крих А.А.* Русское население Тарского Прииртышья: Историко-генеалогические очерки (XVII — начало XX века). Омск: Наука, 2016. 263 с.
- Крих А.А., Чернова И.В.* Десять лет исследования старожильской деревни Ананьино // Вестник ОмГУ. Сер. Историч. науки. 2015. № 4. С. 230–234.
- Разгон В.Н.* Сибирское купечество в XVIII — первой половине XIX в.: Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. 660 с.
- Скалозубов Н.Л.* Опыт обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии. Тобольск: Тип. Епарх. братства, 1895. 110 с.
- Соколов П.И.* Экономический быт государственных крестьян Тарского округа Тобольской губернии. Ч. 1 // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1890. Вып. 7. 139 с.
- Щеглова Т.К.* Устная история. Барнаул: АлтГПА, 2011. 364 с.
- Tataurova L.V., Krikh A.A.* The life support system of the Siberian village Anan'ino in XVII–XIII centuries: (Archaeological and written sources) // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 37. Iss. 3. P. 479–490.

I.V. Chernova

Omsk, Dostoevsky Omsk State University
Mira Avenue, 55, Omsk, 644077, Russian Federation
E-mail: ChernovaIV@omsu.ru

ON POSSIBILITIES OF STUDYING HISTORY AND HOUSEHOLD OF RUSSIAN SETTLEMENTS OF LONG-TERM RESIDENTS IN THE IRTYSH RIVER REGION NEAR OMSK IN THE XVIII–XX CENTURIES ON THE EXAMPLE OF THE VILLAGE OF ANANYINO

The article is aimed to analyze possibilities of combining written, cartographic and ethnographic sources for studying history and problems of formation and development of household complexes of long-term resident settlements in the Irtysh River region near Omsk in the XVIII–XX centuries. The main object of the study is the village of Ananyino, which does not exist nowadays. Its study helped to overcome the problem of fragmentation of collective memory in case a unified community disappears. The paper describes the living place of the members of the community and its borders. Relatively precise localization allows us to specify the nature of established links between the population of Ananyino and nearby settlements. A comparison of written and ethnographic materials makes it possible to identify a degree of influence of external factors on the development of key sectors of the household of the long-term residents in the area under consideration, as well as to specify the role of agriculture, animal husbandry and fishing in the structure of the household. At the same time, the article describes the process of searching for and analysis of the source base within the local interdisciplinary studies. The materials demonstrate an important role of the state fiscal policy in the development of all spheres of the economic complex in the XVIII–XX centuries: fishing equipment presented in the sources, social and economic stratification of the population, which consisted mostly of service-men in the XVIII–XIX centuries, were formed under its influence. In addition, the sources indicate that in spite of the abundance of fairs and active exchange of goods carried out by the population of Tara, the residents of Ananyino didn't participate in it. Available materials also reveal the presence of specialization of individual farms, which began to take shape in the XVIII — first half of the XIX century and affected migrational processes in the course of further settlement of Ananyino residents after the village disappeared.

Key words: economy of the Russian population of Western Siberia, Irtysh River region near Omsk, Russian long-term residents, local studies

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-118-126

REFERENCES

- Bulygin Iu.S., 1997. *Pripisnaia derevnia Altaia v XVII veke* [Assigned village in Altai region in the XVII century], vol. 2, Barnaul: Izd-vo AltGU, 154 p.
- Butsinskii P.N., 1999. *Zaselenie Sibiri i byt pervykh ee naseľnikov* [Colonization of Siberia and everyday life of its first population], Tiumen': Izd-vo Iu. Mandriki, 328 p.
- Krikh A.A., 2014a. *Vozmozhnosti pis'mennykh istochnikov XVIII veka dlia rekonstruktsii kul'tury zhizneobespecheniia russkikh sibiřakov (na primere Tarskogo Priirtysh'ia)* [Capabilities of written sources of the XVIII century for reconstruction of life support culture of Russian Siberians (the Irtysh River area near Tara)]. *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniiakh*, Omsk; Tiumen'; Ekaterinburg: Magellan, pp. 94–98.
- Krikh A.A., 2014b. *Etnosotsial'naia istoriia russkogo naseleniia d. Anan'ino v XVII–XIX vekakh* [Ethno-social history of the Russian population of the village of Ananyino in the XVII–XIX centuries]. *Vestnik OmGU, Seriiia Istoricheskie nauki*, no. 4, pp. 86–90.
- Krikh A.A., 2016. *Russkoe naselenie Tarskogo Priirtysh'ia: Istoriko-genealogicheskie ocherki (XVII — nachalo XX veka)* [The Russian population of the Irtysh River area near Tara: Historical and genealogical essays (XVII — beginning of the XX century)], Omsk: Nauka, 263 p.
- Razgon V.N., 1998. *Sibirskoe kupechestvo v XVIII — pervoi polovine XIX v.: Regional'nyi aspekt predprinimatel'stva traditsionnogo tipa* [Siberian merchantry in the XVIII — first half of the XIX century: Regional dimension of a traditional type of business], Barnaul: Izd-vo AltGU, 660 p.
- Skalozubov N.L., 1895. *Opyt obzora krest'ianskikh promyslov Tobol'skoi gubernii* [A review of peasant industries in Tobolsk Province], Tobol'sk: Tipografiia Eparkhial'nogo bratstva, 110 p.
- Sokolov P.I., 1890. *Ekonomicheskii byt gosudarstvennykh krest'ian Tarskogo okruga Tobol'skoi gubernii. Ch. 1* [Economic life of state peasants in Tara district of Tobolsk Province]. *Materialy dlia izucheniia ekonomicheskogo byta gosudarstvennykh krest'ian i inorodtsev Zapadnoi Sibiri*, 7, St. Petersburg: Tipografiia V. Bezobrazova, 139 p.
- Shcheglova T.K., 2011. *Ustnaia istoriia* [Oral history], Barnaul: Altaiskaia gosudarstvennaia academia, 364 p.
- Tataurova L.V., Krikh A.A., 2015. *The life support system of the Siberian village Anan'ino in XVII–XIII centuries: (Archaeological and written sources)*. *Bylye Gody*, vol. 37, iss. 3, pp. 479–490.

З.Ф. Хасанова

Институт этнологических исследований
им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН
ул. К. Маркса, 6, Уфа, 450077, РФ
E-mail: Zifa.83@mail.ru

ВРЕМЕННЫЕ ЛЕТНИЕ ЖИЛИЩА БАШКИР ИНЗЕРСКОГО БАССЕЙНА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XXI в.

Рассматриваются временные летние жилища башкир инзерского бассейна конца XIX — начала XXI в. с использованием данных из Государственного архива Оренбургской области (г. Оренбург) и Научного архива УНЦ РАН (г. Уфа), а также сведений, собранных автором в ходе экспедиционных выездов в 2010–2011, 2016 гг. в деревнях Габдюково, Зуяково, Ассы, Новохасаново, Усмангали, Инзер, Азикеево, Азналкино, Хусаиново, Серменево, Уткалево, Узьянбаш, Шигаево Белорецкого района Республики Башкортостан. У башкирского населения, ведущего на протяжении долгого времени кочевой и полукочевой образ жизни, существовали временные и постоянные поселения: к первым относились весенние (язғы йорт), летние (йәйге йорт) и осенние (көзгә йорт) стоянки, ко вторым — зимовки (кышлау), на базе которых появились аулы (деревни). Башкиры инзерского бассейна на рубеже XIX–XX вв. продолжали вести полукочевое скотоводческое хозяйство, разводя в большом количестве лошадей, овец, коров и небольшое поголовье коз. На летних кочевках занимались сенокосением и лесными промыслами: рубкой и вывозкой леса, заготовкой дров для заводов, производством мочала, сидкой дегтя и т.д. В горной местности массовые выезды на летовку прекратились до Гражданской войны и неурожая 1921–1922 гг., однако отдельные семьи продолжали совершать летние переезды вплоть до коллективизации начала 30-х гг. В конце XIX в. на летние пастбища выезжали прежде всего состоятельные семьи, а вместе с ними некоторые башкиры, взявшие на выпас скот или нанявшиеся на работу. Места сезонных стоянок и жилища на них долгое время оставались традиционными. В конце XIX в. на данной территории получили распространение три вида временных летних жилищ — изба (бурама), шалаши (кыуыш и аласык), которые отличаются между собой формой, материалом, размерами. Избу (бурама) сооружали из бревен, шалаши (кыуыш и аласык) делали из коры деревьев (липы), драницы, веток. На сегодняшний день на изучаемой территории сохранились шалаши — кыуыш и аласык, которые устанавливают во время проведения сенокоса в качестве ночлега и для хранения продуктов питания и одежды. Бурама как временное жилище во время сенокоса практически не используется.

Ключевые слова: башкиры, инзерский бассейн, Белорецкий район Республики Башкортостан, скотоводство, летние жилища, кочевка, бурама, шалаши.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-127-136

Введение

Башкиры были известны как кочевники-скотоводы уже с древнейших времен [Путешествие Ибн-Фадлана..., 1939, с. 66]. В исторической эволюции традиционного хозяйства башкир Р.Г. Кузеев выделяет несколько этапов: 1) XI–XVI вв. — время постепенного перехода к полукочевому скотоводству; 2) XVII — первая половина XIX в. — почти полный переход к оседлости и земледелию (за исключением некоторых групп восточных, юго-восточных и южных башкир, а также башкир инзерского бассейна); 3) середина XIX — начало XX в. — распространение полной оседлости и земледелия среди всех групп башкир [2010, с. 320].

Башкиры инзерского бассейна, будучи полукочевыми скотоводами [Кузеев, 2010, с. 276; Янгужин, 1998, с. 114], вплоть до XVIII столетия в больших количествах разводили лошадей, овец, коров, немного коз. В источниках этого периода говорится, что «...скотоводство башкир заключается почти исключительно в содержании овец и табунов лошадей» [ГА ОО, ф. 6, оп. 6, л. 10].

Скотоводческое хозяйство башкиры вели традиционными, в течение веков выработанными способами, адаптированными к различным природным условиям, непременно предполагавшими перекочевки с одного места на другое с практически круглогодичным пастбищным содержанием домашнего скота. С наступлением весны башкиры со своими стадами покидали деревни

до глубокой осени. Во время таких сезонных кочевков они жили в переносных жилищах, различавшихся по способу и материалам изготовления [Янгузин, 1998, с. 51].

Летние жилища у разных локальных групп башкир существовали на протяжении неодинакового времени. На территориях, где получило развитие земледелие (земледельческие районы), не было необходимости выхода на летовки, и они исчезли там раньше, чем на других территориях. В районах с развитым скотоводством выходы на летовки продолжалась до начала XX в. В данной работе мы рассмотрим локальные особенности летних жилищ, а также раскроем причину их сохранения на изучаемой территории.

Территориальные рамки исследования ограничиваются бассейном рек Малый и Большой Инзер и их притоков, расположенных в пределах современного Белорецкого района Республики Башкортостан (далее — РБ). Эта территория находится в северной, наиболее приподнятой части Южного Урала в пределах Республики Башкортостан. Охватывает хребты Зильмердак, Белягуш, Салдыс, Юша, Уварся, Нары, Машак, абсолютная высота которых колеблется в пределах 500–1638 м [Физико-географическое районирование..., 1964, с. 116–118]. Этническое ядро башкир инзерского бассейна составило одно из крупнейших северо-восточных племен *катай* (*катай*), включающее шесть родов: инзер-, кузгун-, идель-катай (западные, или горно-лесные, катаяцы), улу-, бала- и ялан-катай (восточные, или зауральские, катаяцы) [Хасанова, 2014, с. 19].

История изучения башкирских жилищных комплексов насчитывает более двух столетий и берет начало с академических экспедиций, в которых принимали участие П.С. Паллас [1786], И.И. Лепехин [1802], И.Г. Георги [1799]. В своих работах они упоминали о кочевках башкир и местах их расположения. В конце XIX — начале XX в. появились труды С. Соммье [2010], П.И. Небольсина [1852, 1854], П.С. Назарова [1890], В.М. Черемшанского [1859], Л. Берхгольца [1893], Д.П. Никольского [1895] и др., в которых также были затронуты вопросы кочевки и дана характеристика временных жилищ у башкир. Неоценимым источником являются работы двух последних авторов, где подробно описаны временные и постоянные жилища, их расположение, а также выход на кочевки башкир-катаяцев инзерского бассейна.

Огромный вклад в изучение башкирского жилища, скотоводства и всего жизненного уклада башкир в начале XX в. внес С.И. Руденко. Автором даны описание, характеристика, а также сделаны фотоснимки временных и постоянных жилищ. С.И. Руденко выделяет территориальные и локальные особенности жилища башкир, в том числе инзер-катаяцев [2006, с. 172–210].

Во второй половине 1950-х гг. с целью изучения башкир в различные районы края были организованы многочисленные этнографические экспедиции, в которых участвовали Р.Г. Кузеев, Н.В. Бикбулатов, С.Н. Шитова, Р.М. Султанов, Б.Г. Калимуллин, М.Г. Муллагулов и др. В полевых дневниках, отчетах есть описание временных жилищ башкир на изучаемой территории [НА УНЦ РАН, ф. 3, оп. 2, д. 790; ф. 113, оп. 1, д. 18; ф. 113, оп. 1, д. 38; ф. 113, оп. 1, д. 18; ф. 3, оп. 2, д. 790; и др.]. По материалам экспедиций разных лет подготовлены и изданы монографические исследования Б.Г. Калимуллина [1959], Н.В. Бикбулатова [1969]. С.Н. Шитова выделила локальные особенности временных летних жилищ башкир [1984]. В 1990-е г. выходит труд А.З. Асфандиярова «История сел и деревень Башкортостана» (5 частей) [2009]. Работа выполнена на основе анализа архивного материала, дается краткая история деревень и характеризуются основные занятия населения.

Несмотря на то, что история изучения сезонных поселений башкир началась со второй половины XVIII в., до настоящего времени есть не изученные в полной мере территории проживания башкир, к одной из которых относится инзерский бассейн. Для заполнения этих лакун автором статьи в 2010–2011, 2016 гг. были проведены этнографические экспедиционные исследования. Изучение велось в населенных пунктах Белорецкого района РБ: Габдюково, Зуяково, Ассы, Новохасаново, Усмангали, Инзер, Азикеево, Азналкино, Хусаиново, Серменево, Уткалево, Узьянбаш, Шигаево. Сбор полевого материала производился методами глубинного интервью с информаторами (обычно представителями старшей возрастной группы), наблюдения, фотофиксации.

Кочевые традиции и природно-климатические, географические условия определяли типы башкирских поселений и жилищ на всем этапе развития. Традиционные поселения XIX в. подразделялись на две основные группы — временные и постоянные: к первым относились летовки, весенние и осенние стоянки, ко вторым — аулы (деревни). В данной статье рассмотрим летовки у башкир инзерского бассейна и выясним причины их сохранения до наших дней.

Временные летние жилища

У башкир инзерского бассейна до конца XX в. (в некоторых местах до начала XXI в.) сохранились летние жилища, которые использовались во время сенокоса,— шалаши (*кыуыш*). Возведение таких шалашей было тесно связано с кочевничьими традициями, и изначально их использовали во время летних кочевков. Башкиры инзерского бассейна на рубеже XIX–XX вв. продолжали вести полукочевое скотоводческое хозяйство. В горной местности массовые выезды на летовку прекратились еще до Гражданской войны и неурожая 1921–1922 гг., хотя отдельные семьи продолжали совершать летние переезды вплоть до коллективизации. Жители д. Азналкино Белорецкого района выходили на летовки до 1930 г. [НА УНЦ РАН, ф. 113, оп. 1, д. 18, л. 14 об.], а жители д. Кузгун-Ахмерово того же района — до 1932 г. [Хамзин Г.Х., 1920 г.р.]. На кочевку выезжали только те, у кого имелся скот. В начале XX в. до 30–40 % хозяйств на лето оставались в деревнях, а более половины населения лето проводило на кочевках [Зарипов, 2001, с. 50]. Длительное сохранение кочевничьих традиций у башкир инзерского бассейна объясняется, во-первых, хозяйственной заинтересованностью (земледелие не получило должного развития в связи с низкой плодородностью земли в данном регионе, что вызвало появление с середины XIX в. лесных промыслов — углежжения, гонки смолы, дегтя и т.д.); во-вторых, наличием готовых поселений: однажды выстроенные бревенчатые домики ожидали своих хозяев, не требуя особых затрат в течение 10–15 сезонов; в-третьих, отдаленностью данной территории от крупных городов и консервацией этнических традиций; в-четвертых, стремлением к «свободе» и потребностью остаться наедине с природой (психологический фактор) [Рахматуллина, 2007].

По данным источников XIX в., кочевание башкир инзерского бассейна начиналось с середины мая и продолжалось до первого снега [Янгузин, 1998, с. 51]. Жители башкирских деревень (Азикеево, Азналкино, Кудашманово, Кузгун-Ахмерово, Серменево, Улу-Елга и др.), расположенных в междуречье Белой и Большого Инзера, к западу от Белорецкого завода, кочевали со скотом в пределах этой территории, покидая аулы после 10 мая и возвращаясь к 1 октября.

Кочевые группы состояли из 5–6 родственных семей. Они совершали 2–3 кочевки (*йәйләу*), их количество зависело от климатических особенностей года [НА УНЦ РАН, ф. 3, оп. 2, д. 790, л. 4]. Если год был неурожайный, приходилось перекечевывать 5–6 раз. Каждая кочевая группа имела готовые поселения на весенних (*язғы йорт*), летних (*йәйге йорт*) и осенних (*көзгө йорт*) стоянках, которые имели свое название [Там же, д. 418, л. 185].

Временные поселения на летовках башкир инзерского бассейна XVIII — начала XIX в. отличались от таковых конца XIX — начала XX в., хотя и сохраняли многие характерные черты. Раньше в летнем поселении объединялись члены родового подразделения (*ара, аймак*). В конце XIX в. на летние пастбища выезжали прежде всего состоятельные семьи, а вместе с ними башкиры горно-лесной зоны, взявшие на выпас скот или нанявшиеся на работу. Новая социально-экономическая природа кочевых групп в конце XIX — начале XX в. изменила облик летних поселений, что отразилось не только на численности, но и на внешнем виде жилищ. Неоднородность жилищ была связана не только с особенностью лесостепи, но и с разной обеспеченностью составивших кочевье хозяйств [Шитова, 1980, с. 25]. Подобная картина прослеживалась и на данной территории. Богатые жили в избах, остальные — в шалашах.

В деревнях, объединявших разные родовые подразделения, проживало несколько кочевых групп. «Обычно весь род кочевал в одном месте, разбитый, в свою очередь, внутри на малые кочевые группы из 5–6 родственных семей»,— вспоминают информаторы Белорецкого района РБ [Баязитов С.Х., 1926 г.р.].

Места стойбищ в течение ряда лет оставались традиционными. Одним из важных условий при выборе места для стойбища было наличие воды: речки, родника. Башкиры инзерского бассейна свободно размещались на летних поселениях. При обилии в горах ключей и родников летние поселения располагались здесь равномерно, на значительном расстоянии одно от другого [Шитова, 1980, с. 29]. В башкирских деревнях оставались лишь некоторые старики, присматривающие за бортями и домашней птицей. Они располагались со своими ульями в 1–1,5 км от деревни [НА УНЦ РАН, ф. 3, оп. 2, д. 790, л. 5].

Сезонными жилищами на изучаемой территории служили бревенчатые дома (*бурама*), которые оставались неизменными вплоть до начала XX в. Даже после коллективизации на летовках продолжали строить избы наподобие тех, которые были раньше (рис. 1), что показывает традиционность данного вида жилищ. Подобные постройки существовали в XIX в. в Восточной

Европе у финнов, славян и тюрков Поволжья, в Азии у угров, селькупов и почти у всех народов Южной Сибири) [Попов, 1961, с. 160].

Рис. 1. Бурама у башкир во время летовок в колхозе. Республика Башкортостан, Белорецкий район, с. Кузгун-Ахмерово, 1976 г. Фото из архива ИЯИЛ УНЦ РАН.

Сруб делали небольшой: 4х5 м или 5х5 м. Некоторые бурама были утепленные. Пол в избах был земляной (*ер баз*), сооружались они без потолка, с общим покрытием — крыша на самцах покрывалась дранкой или лубом. Вот как об этом пишет Д.П. Никольский, который побывал у инзерских башкир в 90-е гг. XIX в.: «Низкая избушка покрытая драньем или лубом, с низкими дверями, всегда почти без окон. Почти около каждой кочевки находится дворик, обнесенный изгородью, куда на ночь загоняется скот. Пола и потолка нет, на землю иные кладут доски или расстилают кошмы. Чаще всего помещение разделяется на две половины: первая, так сказать прихожая, служит для приготовления кушанья, здесь же устраивается очаг, склады незатейливой провизии и других мелочей, вторая, отделенная стеной или занавеской, служит спальней, где находится низкая нара со всем домашним скарбом, охотничьими принадлежностями, конскою сбруею и т.д.» [1895, с. 56]. Внутри избы находились нары (*урындык*) и чучалы (*сыуал*) [НА УНЦ РАН, ф. 113, оп. 1, д. 38, л. 40]. Чучал располагался в одном из углов помещения у входа (чаще справа) и представлял собой полый цилиндр с расширенной нижней частью, в котором имелось полуовальное вытянутое отверстие топки; длинные поленья устанавливали в очаге вертикально. Остов печки состоял из переплетенных лозой и обмазанных глиной жердей. Такие печи на летовках башкир встречались в конце XIX и даже в начале XX в. У сибирских народов в прошлом чучал имел широкое распространение (у манси, хантов, кетов, селькупов, шорцев, северных алтайцев, хакасов (сагайцев, кызылцев), западно-сибирских татар) [Шитова, 1976, с. 67].

Обычно на летовках имелось три и более изб (*бурама*). На летовке жителей д. Шигаево Белорецкого района *Кағы йорт* было всего две бурама. Башкиры, которые не имели бурама, ставили обыкновенный шалаш (*кыуыш*). Покрывали его корой, драницами и ветками. Прежде он служил жилищем на летовках, с 30–40-х гг. XX в. такие шалаши стали строить во время сенокоса (рис. 2). Информаторы описывают их следующим образом.

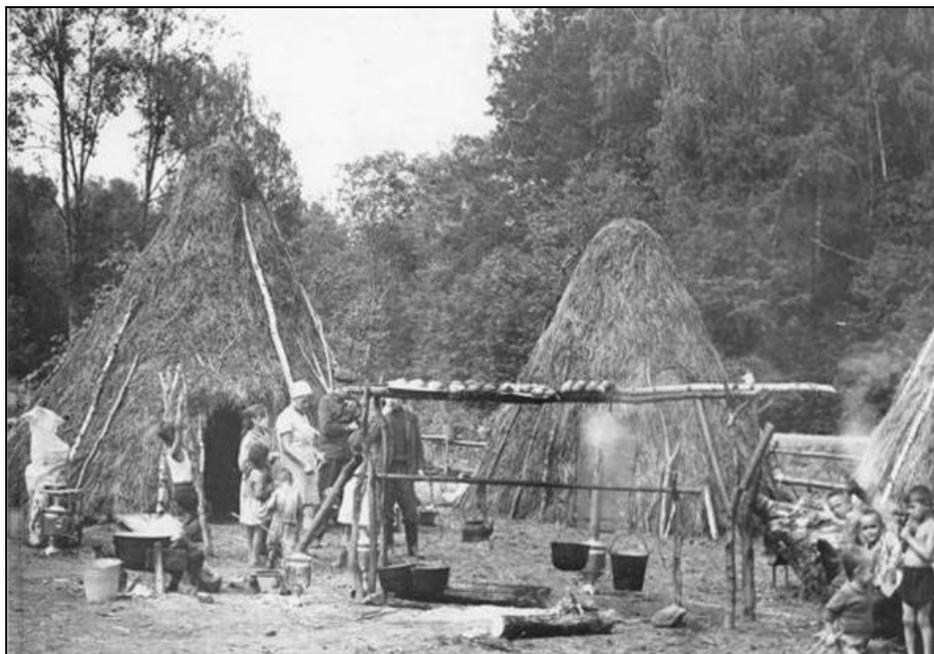

Рис. 2. Поселение на сенокосе у башкир. Республика Башкортостан, Белорецкий район, д. Нижнее Серменево, 1971 г. Фото из архива ИЭИ УНЦ РАН.

Шалаш имел форму конуса, диаметр примерно 3–3,5 м, его высота достигала 4 м. Чем больше членов семьи, тем выше и шире шалаш; для юношей строили отдельно, рядом с родительским шалашом. При сооружении остова шалаша устанавливали две прочные жерди, вставляя одну из них в развилку на конце другой, и к ним прикладывали еще одну или две жерди. Конструкция из трех жердей получила название *ес таған*. Конструкция-основа шалаша скреплялась черемуховым обручем; к нему приставляли до двух десятков жердей, оставляя проем для двери, которую изготавливали из дранки.

После этого верх шалаша покрывали свежей травой, толщина покрытия доходила до 20 см: чем толще травяной покров, тем в шалаше было теплее, вода не проникала даже во время затяжных дождей. Внутри шалаша делали нары из обтесанных топором жердей, которые клали вплотную друг к другу. Высота нары была около 30–40 см, ширина — 170–180 см. Сверху нары также застилали травой для «мягкости». Когда шалаш был готов, для избавления от насекомых внутри разжигали небольшой костер [Мустафина Ш.М., 1963 г.р.]. До настоящего времени на отдаленных сенокосах (15–20 км от деревни) жители Белорецкого и Бурзянского районов РБ ставят подобные шалашы и используют для ночлега и хранения продуктов питания (рис. 3).

Там, где росли липы, делали шалашы из липовой коры (*аласык*). Остов *аласык* состоял из вбитых в землю четырех угловых кольев (*бағана*), двух или трех промежуточных по продольным стенкам и двух по поперечным. Колья поперечных стенок заканчивались наверху развилками, в которые клались продольные жердочки (*урза*), поддерживающие крышу (*ябыу*). Обычные размеры *аласык* — 3,5×4 м, высота кольев стенок около 2 м; колья, поддерживающие крышу, были несколько выше. Снаружи *аласык* обшивался большими полосами луба, ими же покрывалась и крыша. На одной из поперечных сторон *аласык* (*арт эргә*), между кольями, поддерживающими крышу, устраивалась укрепленная на деревянной раме дверь из луба или коры, иногда вместо рамы прилаживался тонкий ствол дерева с двумя-тремя отходящими в одну сторону ветками, к которым и прикреплялся кусок луба, служивший дверью [Руденко, 2006, с. 179]. Такой шалаш *аласык* был распространен на летовках по р. Инзер. Подобные шалашы (прямоугольные каркасные жилища, покрытые корой, лубом или берестой) встречались на территории Западной, Южной Сибири и в Приамурье [Шитова, 1976, с. 64; Соколова, 1998, с. 32] (рис. 4). До настоящего времени на сенокосах жители деревень Зуяково, Габдюково, Ассы, Новохасаново, Усмангали, Бердегулово Белорецкого района РБ ставят временные жилища таких типов (рис. 5).

3.Ф. Хасанова

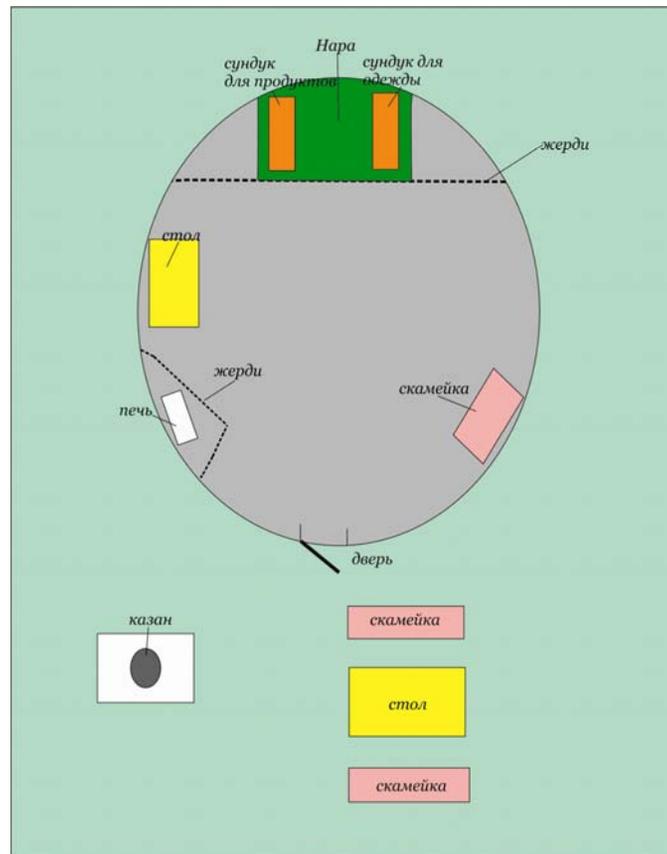

Рис. 3. Схема размещения предметов внутри и снаружи шалаша (кыуыш) во время сенокоса.

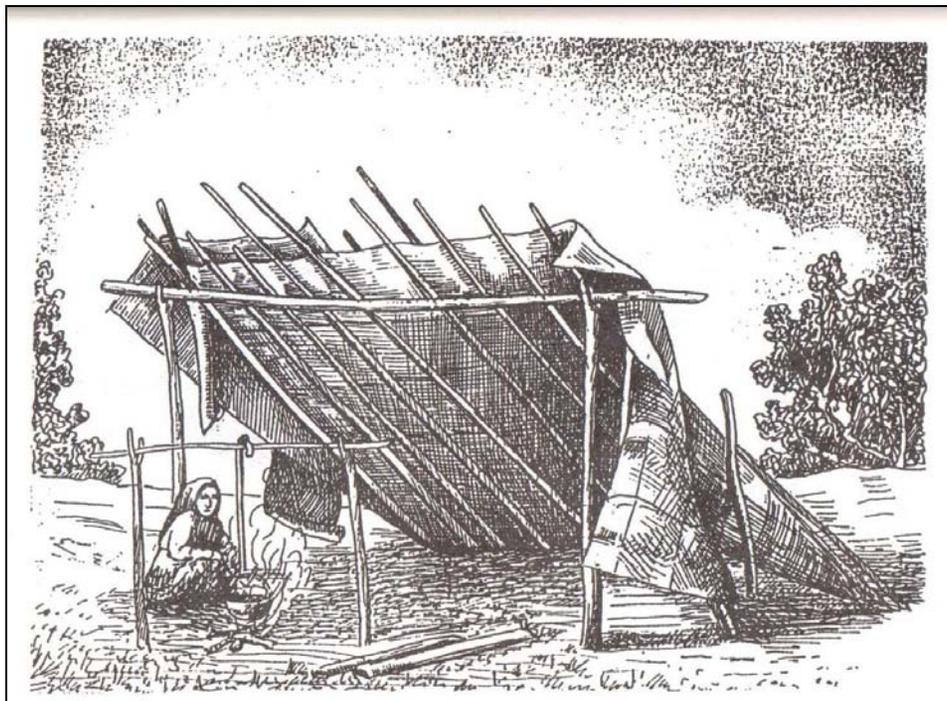

Рис. 4. Односкатная каркасная постройка, ханты (по: [Соколова, 1998, с. 32]).

Рис. 5. Аласык у башкир инзерского бассейна. Республика Башкортостан, Белорецкий район, с. Зуяково. 2010 г. Фото автора.

Напротив шалаша в центре площадки сосредоточивались очаги с котлами; над ними сооружался помост, на котором складывались подойники, вялилось мясо, сушились сырки [Шитова, 1980, с. 29]. Место будущего очага очищали от дерна и обкладывали камнем или кирпичом. На берегу рек для выпечки хлеба делали на всю летовку одну печь из камня или привезенного из деревни кирпича. Рядом с очагом устанавливали стол для приема пищи, изготовленный из обтесанных жердей. Высота стола составляла 70–100 см, ширина — 100–120 см. Рядом ставили скамьи из того же материала, вбитые в землю. Стойбище огораживали редкой изгородью. Для домашних животных делали загон, а для телят — навесы из жердей, которые располагались недалеко от летника [Хасанов Ф.Г., 1950 г.р.].

На стоянку в первый день выезжали мужчины для постройки шалаша и ремонта ограды. Делали навесы для телят, чистили родник, готовили место для очага, устанавливали на берегу из привезенных кирпичей печи для выпечки хлеба, готовили запас дров из сухостоя. С собой везли также инструменты для заготовки сена (косы, деревянные вилы и грабли) [Абсалямова Ф.А., 1928 г.р.].

На второй день на стойбище переезжали остальные члены семьи, скот гнали верхом на лошадях или пешком. С собой привозили продукты, постельные принадлежности, посуду. Этот день уходил на обустройство быта. Нары покрывали самодельным покрывалом, на краю нар ставили сундук с одеждой, поверх которого стелили кошмы, одеяла, укладывали подушки. На полу рядом с дверью ставили большой сундук с продуктами и посудой. Если в семье были грудные дети, то справа от двери устанавливали колыбель. Для инструментов делали специальный навес, вилы и грабли располагались вместе, а косы — отдельно, в недоступном для детей месте. В день приезда резали барана, проводили обряд жертвоприношения, читали молитву и угощали всех соседей летника. Для хранения молочных продуктов — масла, сметаны, молока, а также мясных продуктов делали маленький пруд. Мясо солили или коптили, а перед применением отмачивали и лишь затем варили.

На летних кочевках занимались сенокосением и лесными промыслами: рубкой и вывозкой леса, заготовкой дров для заводов, производством мочала, сидкой дегтя и т.д. В работах участвовали все: и мужчины, и женщины, и подростки. По воспоминаниям Ф.А. Абсалямовой, она с 15 лет занималась заготовкой дегтя и мочала (для домашних нужд и для продажи) [Абсалямова Ф.А., 1928 г.р.].

Таким образом, в конце XIX — начале XXI в. происходят огромные изменения в хозяйственной деятельности башкир, разрушается традиционное хозяйство — прекращается выход на летовки, уменьшается количество скота, совершается постепенный переход к земледелию и

З.Ф. Хасанова

лесным промыслом. С установлением советской власти и коллективизацией выходы на кочевья у башкир инзерского бассейна прекратились окончательно, последняя кочевка была в 1932 г. в д. Кузгун-Ахмерово. Однако башкиры инзерского бассейна до сих пор во время сенокоса используют временные летние жилища — *аласык, кыуыш*. Сохранились их исходный материал, вид, форма, размеры. *Бурама* как временное жилище во время сенокоса сегодня практически не встречается.

Список информаторов:

- Абсалямова Ф.А. 1928 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, с. Шигаево. 2009 г.
Баязитов С.Х. 1926 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, д. Габдюково. 2010 г.
Мустафина Ш.М. 1963 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, с. Шигаево. 2009 г.
Хамзин Г.Х. 1920 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, д. Кузгун-Ахмерово. 2010 г.
Хасанов Ф.Г. 1950 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, с. Шигаево. 2009 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- ГА ОО. Ф. 6. Оп. 6. Л. 10.
НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 418, 790
НА УНЦ РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 18, 38.

Литература

- Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. 744 с.
- Берггольц Л.* Горные башкиры — катайцы // ЭО. 1893. № 3. С. 74–84.
- Бикбулатов Н.В.* Башкирский аул. Уфа: Башкнигоиздат, 1969. 215 с.
- Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вере, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб., 1799. Ч. 4. 388 с.
- Зарипов А.Б.* Юго-восточный Башкортостан 1917–1922 гг. Уфа: БашГУ, 2001. 213 с.
- Калимуллин Б.Г.* Планировка и застройка башкирских деревень. Уфа: Баш. кн. изд-во, 1959. 108 с.
- Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. 2-е изд., доп. Уфа: ДизайнПолиграф-Сервис, 2010. 560 с.
- Лелехин И.И.* Продолжение дневных записок путешествия академика медицины доктора Ивана Лелехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб.: Император. Академия наук, 1802. 338 с.
- Назаров П.С.* Предварительный отчет о поездке в Башкирию // Изв. ОЛЕАиЭ. 1890. Т. 68. Вып. 1–2. С. 27–37.
- Небольсин П.* Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестник императорского Русского Географического общества. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1852. Ч. 4. Кн. 4. С. 1–34.
- Небольсин П.* Рассказы проезжего. СПб.: Тип. Штаба воен.-учеб. заведений, 1854. 343 с.
- Никольский Д.П.* Из поездки к лесным башкирам // Землеведение. М., 1895. Т. 2. Кн. 4. С. 47–66.
- Паллас П.С.* Путешествие по разным местам Российского государства. СПб.: Император. Академия наук, 1786. Ч. 2. Кн. 1, 2. 476 с.; 571 с.
- Попов А.А.* Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 131–226.
- Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского.* Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 193 с.
- Рахматуллина З.Н.* Менталитет башкир: Сущность, характеристики. Уфа: БашГУ, 2007. 126 с.
- Руденко С.И.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
- Соколова З.П.* Жилище народов Сибири: (Опыт типологии). М.: ТриЛ, 1998. 288 с.
- Сомье С.* О башкирах / Пер. О.Н. Олениной; Под ред. и с примеч. Д.П. Никольского. Репринт. изд. 1891 г. СПб.: Альфарет, 2010. 26 с.
- Физико-географическое районирование Башкирской АССР // Ученые записки.* Т. 16. Сер. геогр. Уфа: БашГУ, 1964. № 1. С. 116–118.
- Хасанова З.Ф.* Традиционные хозяйственные занятия башкир инзерского бассейна (середина XIX — начало XXI в.). СПб.: Свое издательство, 2014. 188 с.
- Шитова С.Н.* Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография Башкирии. Уфа, 1976. С. 67. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 49–96.
- Шитова С.Н.* Временные поселения башкир // Обычаи и культурно-бытовые традиции башкир. Уфа: БФАН СССР, 1980. С. 24–41.
- Шитова С.Н.* Традиционные поселения и жилища башкир. М.: Наука, 1984. 250 с.
- Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом и промышленном отношении. Уфа: Тип. Оренб. губернского правления, 1859. 472 с.
- Янгузин Р.З.* Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII–XIX вв. Уфа: Китап, 1998. 240 с.

Z.F. Khasanova

R.G. Kuzeev Institute of Ethnological studies,
Ufa Scientific Centre, Russian Academy of Sciences
K. Marks st., 6, Ufa, 450077, Russian Federation
E-mail: Zifa.83@mail.ru

TEMPORARY SUMMER DWELLINGS OF THE BASHKIRS OF THE INZER RIVER BASIN IN THE LATE 19th — EARLY 21st CENTURY

Temporary summer dwellings of the Bashkirs of the Inzer River basin in the late XIX — early XXI century are analyzed. Data from the State Archive of Orenburg region (Orenburg) and the Scientific Archive of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa) are used, as well as information gathered by the author during expedition trips in 2010–2011, 2016 to the villages of Gabdiukovo, Zuiakovo, Assi, Novokhasanovo, Us-mangali, Inzer, Azikeyevo, Aznalkino, Khusainovo, Sermenovo, Utkalevo, Uziannbash, Shigaev of Beloretsky District, Republic of Bashkortostan. The Bashkir population, which for a long time had led a nomadic and semi-nomadic way of life, had temporary and permanent settlements: the first ones included spring, summer and autumn sites, the second ones are represented by winter camps, on the basis of which auls (villages) appeared. On the cusp of the XIX–XX centuries, the Bashkirs of the Inzer River basin kept on following a semi-nomadic cattle breeding way of life, raising large numbers of horses, sheep, cows and a small number of goats. They made hay and did forestry (wood logging and transportation, they prepared firewood for factories, produced bast and tar, etc.). Mass departures to summer camps in mountainous areas stopped before the Civil War and the crop failure of 1921–1922, but some families continued to migrate in summer until the collectivization of the early 1930s. At the end of the XIX century, mainly wealthy families went to the summer pastures, and some Bashkirs, who tended cattle or were hired for work, went with them. The places of seasonal camps and dwellings in them remained traditional for a long time. Three types of temporary summer dwellings got widespread at the end of the XIX century: a hut (burama) and two kinds of cottages, which differ in form, material, and size. A hut was made of logs, cottages were made of bark, (linden bark), laths, branches. Up to date, cottages are preserved in the area under consideration, they are mounted during haymaking as an overnight stops and for storing food and clothes. Burama as a temporary dwelling during haymaking is scarcely used today.

Key words: the Bashkirs, Inzer River basin, Beloretsk district of the Republic of Bashkortostan, cattle breeding, summer dwellings, nomadic camps, burama, huts.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-127-136

REFERENCES

- Asfandiarov A.Z., 2009. *Istoriia sel i dereven' Bashkortostana i sopredel'nykh territorii* [History of villages of Bashkortostan and adjacent areas], Ufa: Kitap, 744 p.
- Bergkholt's L., 1893. *Gornye bashkiry — kataitsy* [The Kataits, Mountain Bashkirs — kataytsy]. *Et-nograficheskie obozrenie*, no. 3, pp. 74–84.
- Bikbulatov N.V., 1969. *Bashkirskii aul* [Bashkir aul], Ufa: Bashknigoizdat, 215 p.
- Georgi I.G., 1799. *Opisanie vsekh v Rossiiskom gosudarstve obitaiushchikh narodov, tak zhe ikh zhiteiskikh obriadov, vere, obyknovenii, zhilishch, odezhd i prochikh dostopamiatnostei* [Description of the people living in the Russian state, of their everyday rituals, beliefs, customs, shelter, clothes and other objects of interest], ch. 4, St. Petersburg, 388 p.
- Zaripov A.B., 2001. *Jugo-vostochnyj Bashkortostan 1917–1922 gg.* [Southeastern Bashkortostan, 1917–1922], Ufa: BashGU, 213 p.
- Kalimullin B.G., 1959. *Planirovka i zaostroika bashkirskikh dereven* [Planning and construction of the Bashkir villages], Ufa: Bashk. kn. izd-vo, 108 p.
- Kuzeev R.G., 2010. *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda: Etnicheskii sostav, istoriia rasseleniia* [The origin of the Bashkir people: Ethnic composition, history of settlement], 2-e izd., dop., Ufa: DizainPoligraf-Servis, 560 p.
- Lepekhin I.I., 1802. *Prodolzhenie dnevnykh zapisok puteshestviia akademika meditsiny doctora Ivana Lepekhina po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva v 1770 godu* [Continuation of daily travel notes of medicine Academician doctor Ivan Lepekhin about various provinces of the Russian state in 1770], St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia Nauk, 338 p.
- Nazarov P.S., 1890. *Predvaritel'nyi otchet o poezdke v Bashkiriuu* [A preliminary report on the visit to Bashkiriia]. *Izv. OLEA i E*, vol. 68, 1–2, pp. 27–37.
- Nebol'sin P., 1852. *Otchet o puteshestvii v Orenburgskii i Astrakhanskii krai* [A report about the journey to Orenburg and Astrakhan regions]. *Vestnik imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva*, ch. 4, kn. 4, St. Petersburg: V Tip. Eduarda Pratsa, pp. 1–34.
- Nebol'sin P., 1854. *Rasskazy proezhhego* [Stories of a traveler], St. Petersburg: Tip. Shtaba voen.-ucheb. zavedenii, 343 p.

3.Ф. Хасанова

- Nikol'skij D.P., 1895. Iz poezdki k lesnym bashkiram [From a trip to the Forest Bashkirs]. *Zemlevedenie*, vol. 2, kn. 4, Moscow, pp. 47–66.
- Pallas P.S., 1786. *Puteshestvie po raznym mestam Rossiiskogo gosudarstva* [Journeys to different places of the Russian state], ch. 2, kn. 1, St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia Nauk, 476 p.
- Pallas P.S., 1786. *Puteshestvie po raznym mestam Rossiiskogo gosudarstva* [Journeys to different places of the Russian state], ch. 2, kn. 2, St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia Nauk, 571 p.
- Popov A.A., 1961. Zhilishhe [Dwelling]. *Istoriko-yetnograficheskii atlas Sibiri*, Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 131–226.
- Rakhmatullina Z.N., 2007. *Mentalitet bashkir: Sushchnost', kharakteristiki* [Mindset of the Bashkirs: Essence, characteristics], Ufa: BashGU, 126 p.
- Rudenko S.I., 2006. *Bashkiry: Istoriko-jetnograficheskie ocherki* [The Bashkirs: Historical and ethnographic essays], Ufa: Kitap, 376 p.
- Sokolova Z.P., 1998. *Zhilishhe narodov Sibiri: (Opyt tipologii)* [Dwelling of the peoples of Siberia: (An effort of typology)], Moscow: TriL, 288 p.
- Somm'e S., 2010. *O bashkirakh* [About the Bashkirs]. Reprintnoe izdanie 1891 g., St. Petersburg: Al'faret, 26 p.
- Khasanova Z.F., 2014. *Traditsionnye khoziaistvennye zaniatiia bashkir inzerskogo basseina (seredina XIX — nachalo XXI v.)* [Traditional economic activities of the Bashkirs of the Inzer River basin (middle XIX — beginning of the XXI century)], St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo, 188 p.
- Shitova S.N., 1976. Sibirskie taezhnye cherty v material'noj kul'ture i hozjajstve bashkir [Siberian taiga traits in the material culture and economy of the Bashkirs]. *Jetnografija Bashkirii*, Ufa: BFAN SSSR, pp. 49–96.
- Shitova S.N., 1980. Vremennye poselenija bashkir [Temporary settlements of the Bashkirs]. *Obychai i kul'turno-bytovyie tradicii Bashkir*, Ufa: BFAN SSSR, pp. 24–41.
- Shitova S.N., 1984. *Traditsionnye poseleniia i zhilishcha Bashkir* [Traditional settlements and dwellings of the Bashkirs], Moscow: Nauka, 250 p.
- Cheremshanskii V.M., 1859. *Opisanie Orenburgskoi gubernii v khoziaistvenno-statisticheskom i promyshlennom otnosheniakh* [An economical, statistical and industrial description of Orenburg province], Ufa: Tip. Orenburg. Gubernskogo Pravleniia, 472 p.
- Ianguzin R.Z., 1998. *Khoziaistvo i sotsial'naia struktura bashkirskogo naroda v XVIII–XIX vv.* [Economy and social structure of the Bashkir people in the XVIII–XIX centuries], Ufa: Kitap, 240 p.

Т.К. Щеглова

Алтайский государственный педагогический университет
ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031, РФ
E-mail: tk_altai@mail.ru

ПРИНИМАЮЩИЙ АЛТАЙСКИЙ СОЦИУМ И ДЕПОРТИРОВАННЫЕ АРМЯНЕ В КОНТЕКСТЕ ПЕРМАНЕНТНЫХ РЕПРЕССИЙ И ДЕПОРТАЦИЙ 1930–1940-х гг.: ОБРАЗЫ И КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ¹

Целью статьи является изучение на примере армянской депортации 1949 г. влияния этнических депортаций на сельское население Алтайского края с использованием устной истории как метода и источника этнографических исследований. Утверждается, что изучение народов и культур в контексте глобальных исторических процессов XX–XXI столетий требует новых подходов. Одним из способов изучения их антропологического содержания являются технологии устной истории по работе с исторической памятью. Основными источниками статьи являются материалы полевых исследований на территории Алтая. В центре изучения находится принимающее, преимущественно русское, население в контексте перманентных этнических депортаций 1940-х гг. Отмечается, что за короткое время население алтайской деревни стало полиэтническим, что было связано с расселением депортированных народов семьями и малыми группами по всей территории региона. Это привело к совместному проживанию и преодолению трудностей военных лет с опорой на культуру жизнеобеспечения. В статье сравнивается восприятие местными жителями этнических мигрантов разных волн (немцев, армян, молдован, поляков и др.), анализируются сформировавшиеся образы и межэтнические взаимоотношения. Выявляется стремление депортантов к консолидации с освоением окраин поселений и сохранением песенных, танцевальных, праздничных традиций. Делается вывод о влиянии депортантов на принимающий социум, описываются изменения, происходящие в культурно-бытовой и производственной сфере алтайской деревни. Отмечено, что культурный обмен в трудных условиях жизнедеятельности произошел в первую очередь в материальной сфере и был связан с такими базовыми компонентами культуры жизнеобеспечения, как жилище и пища. В результате этнокультурные навыки этнических депортантов способствовали становлению межэтнического согласия.

Ключевые слова: устная история, Алтай, депортированные народы, русское сельское население, межкультурное взаимодействие, этнокультурное влияние.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-137-145

Исторические события XX в. обусловили активное взаимодействие народов на всей территории России. Для Алтайского края одним из таких событий были этнические ссылки и депортации 1930–1940-х гг. Они привели к увеличению населения края за счет этнических ссыльных с 15 тыс. чел. в 1939 г. до 138,5 тыс. чел. в 1953 г. [Аблажей, 2011а, с. 48]. Только с 11 по 30 сентября 1941 г. на его территорию прибыло на 14 станций 34 эшелона с депортированными немцами в количестве 80 454 чел., которые были расселены по 47 районам. Общая численность депортированных в регион немцев составила от 100 303 [Ремпель, 1996, с. 74] до 115 000 чел. [Сыщенко, 2007, с. 6]. В 1943–1944 гг. на Алтае расселили 20 858 калмыков (из 91 919 чел.). В составе принудительных выселений как «потенциальные пособники фашизма» на Алтае оказались поволжские и ростовские немцы, крымские татары, чеченцы, калмыки и ингуши, карачаевцы; как «представители» государств, воевавших против СССР, — этнические болгары, венгры, румыны, финны и др.

Дисперсное расселение депортантов привело к тому, что за предельно короткий промежуток времени территория Алтая стала районом этнически пестрого заселения. Об этом свидетельствуют материалы устной истории: «Да, много было. Че тут только не было!? Тут полно было всяких наций. И калмыки, и немцы. Всякие нации были. А потом все по своим местам уехали, когда освободили их» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ, Кузовлева О.Е., 1919 г.р.]. Респонденты пытаются вспомнить всех, кого подселяли в село: «Здесь были и немцы. И до сих пор они есть. Прям уж и в нашей родне немцы появились. И татары, и вот даже кореец есть, и украин-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанных РГНФ научных проектов № 16-21-200001 и № 15-31-01019.

цы. Да кого только не было!? Ведь вот в сталинские времена... Чеченцы, они тоже выселялись здесь. Чечены, армяне, калмыки...» [Там же, Епихин И.П., 1927 г.р.].

Локализация проблемы депортаций и репрессий показала усложнение этнического, конфессионального, этнокультурного и социального (лишенцы, враги народа и т.д.) состава сельских сообществ [Щеглова, 2015, с. 46–50]. Но история насильственных переселений рассматривается изолированно от проблем их воздействия на принимающий социум. Исследования сосредоточены на вопросах условий доставки депортированных в места ссылки, попрания гражданских и политических прав [Бугай, 1996; Бруль, 1999; Полян, 2001].

Изменения в обществе алтайской деревни, ставшей местом встречи разных культур, мало подвергались научному анализу. Не рассматривались вопросы включения этнических мигрантов в жизнь деревенского социума, еще меньше — восприятие и поведение принимающего общества. Назрела необходимость исследовать адаптацию и тех, и других в период массовых этнических репрессий, этнокультурное взаимодействие и взаимовлияние.

Целью данного исследования являются этнокультурные аспекты депортации армян 1949 г. в сравнении с предыдущими волнами этнических депортаций и социокультурные изменения в алтайском, преимущественно русском старожильческом, обществе. Армянская депортация не может рассматриваться изолированно. К ее моменту был накоплен значительный опыт межэтнического взаимодействия. Восприятие депортантов в образе врагов под влиянием агрессивной государственной политики в начале войны осталось в прошлом. Кроме того, послевоенные репрессии охватили не только другие народы, которые были на оккупированной территории, но и русских, прошедших военный плен или оккупацию. Этот фактор менял отношение к депортациям. Положительную роль в отношении к армянам сыграли и непонятные для сельского населения Алтая аргументы их депортации — дашнаки, партийно-идеологическая борьба. Они не входили в группу значимых для сельского населения. Респонденты быстро находят объяснение причин появления на Алтае в начале войны немцев и совершенно теряются в объяснении депортации армян. «Ведь эти армяне, они не все занимались при оккупации. Ну всех их, подозрительных, выслали сюда. Они здесь лет пять-шесть пожили... Да, в нашем отделении семей, наверное, десять было армян, и только двое умерли своей смертью. А эти все уехали домой, все живы и здоровы» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ, Епихин И.П., 1927 г.р.].

Для анализа этнокультурных аспектов недостает источников о жизни депортированных в сельском русском сообществе, об их отношениях друг к другу. С такими проблемами часто сталкиваются исследователи и в отечественной, и зарубежной практике. Источниковый голод испытывается особенно по тем темам, которые в тоталитарных государствах находились в зоне умолчания. С целью его ликвидации родилась «устная история» в странах послевоенной Западной Европы, получив название «истории снизу», в отличие от «истории сверху» [Щеглова, 2014, с. 212–220]. Если в США устная история рождалась как отрасль архивного дела (элитарное направление), то в Западной Европе она изначально стала развиваться в русле послевоенных социальных движений для введения в историческое повествование «немолчаливых» участников драматических событий XX столетия. Лидерами демократического направления устной истории стали исследователи Великобритании (интерес к «лондонской бедноте», колониальная этнография и др.). Они сформировали принципы введения в историю этнических, социальных групп, локальных сообществ с позиции их культурного содержания.

В последнее время появились отечественные работы по использованию методов и источников устной истории в этнографических исследованиях. Исследователи стали чаще обращаться к индивидуальной и коллективной исторической памяти прямых очевидцев и участников событий XX столетия, вводятся понятия «нарративы», «эгоистория» и т.д. Об этом говорит и интерес к одноименной секции на конгрессах антропологов и этнографов России с 2001 г. [V конгресс..., 2003; VIII конгресс..., 2009; XI конгресс..., 2015]. Одной из главных обсуждаемых на ней проблем являются состояние и развитие традиционных культур и этнические процессы в контексте исторических событий XX в.

В данной публикации используется архив Центра устной истории и этнографии АлтГПУ. Одним из его проектов является программа «Депортации народов и репрессии на Алтае» [Щеглова, Демин, 1992, с. 119–120]. Устный архив формировался в историко-этнографических экспедициях с 1991 г. Он содержит материалы интервью по устной истории и этнографии народов Алтайского края более 600 сел.

Использование устной истории для изучения этнокультурных аспектов депортаций диктует тем, что депортации 1940-х гг. стали частью жизни сибирского сельского общества. В отличие от репрессий 1930-х гг. с их закрытой системой лагерей, депортантов расселяли в среде местного населения. Сформировавшаяся память об этих событиях хранится не только депортантами, в большинстве своем покинувшими Алтай, но дающими интервью и пишущими воспоминания, но и алтайским населением — участниками совместного проживания. В отличие от депортантов, это «немотствующее» сельское население в силу разных причин не оставляет свои воспоминания о том, как это было. Между тем депортации смоделировали взаимодействие народов в границах одного социума. Эти факторы создали благоприятную среду для изучения этничности, идентичности, характера этнических процессов через изучение исторической памяти, образы и представления, межкультурный обмен.

Корпус документированных интервью устного архива АлтГПУ по этой проблеме содержит оценки двух групп — этнических депортантов, размещавшихся на Алтае, и жителей алтайской деревни, принимавших депортантов. Их отличает восприятие происшедшего в ракурсе «свои» — «чужие», диалог при антитезе «мы» и «они». В этом отношении благодаря глубокому личному контексту устная история является альтернативой официальной истории. И эта другая, неофициальная история через призму семейной истории и жизненного опыта показывает, насколько сложно, а порой и драматично складывались отношения местных и пришлых, какую они прошли эволюцию и какие факторы влияли на них. Это демонстрирует разный опыт межэтнического диалога с армянами и немцами.

Депортация немцев проходила в контексте политики противопоставления народов, формирования образа врага и сложных эмоциональных чувств со стороны несправедливо обвиненных депортантов, с одной стороны, и раненных войной и похоронками местных жителей — с другой. Респонденты из депортированных немцев так оценивали это: «Они плохо относились к нам, они кричали: “Вы гитлеровцы”, “Вы тоже из немцев”. Старые люди говорили, что есть немцы в России, которые выросли здесь. Они не знали, что мы выросли в России» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ, Функлер А.А., 1916 г.р.]; местные старожилы считали: «Отношение местного населения к немцам недоверчивое, порой и ненависть» [Там же, Дробышев Я.В., 1922 г.р.].

Но к середине войны межэтническое напряжение и согласие уравнились, а формирование этнических стереотипов и мифологем у сельского населения Алтая перешло из области идеологизированного и политизированного агитпропа в область культурно-бытовых представлений [Щеглова, 2012]. Определенную роль в эволюции отношений депортированных немцев и русских старожилых сыграло сочувствие к положению выдворенных в короткий промежуток времени немцев. Старожилы говорили: «Мужиков забрали [в трудармию], а жен с ребятишками сюда... Матери пришли нагишом, разутые, раздетые с кучами детей» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ, Емельянова Н.Ф., 1927 г.р., Золотухина П.Д., 1919 г.р.]. Позже на первое место в отношениях вышел совместный труд, который перемолол все отрицательные чувства. Как говорили местные респонденты, «в войну к нам приезжали литовцы, немцы, поляки. Работали хорошо. Особенно немцы. Работали свинарками, скотниками» [Там же, Ануфриев И.С., 1923 г.р.]. Закрепился перелом в отношениях между «непрощенными гостями» и «вынужденными хозяевами» совместной повседневной борьбой с голодом и холодом на бытовом уровне. В ходе межличностного взаимодействия сельский локус обогащался новыми культурно-бытовыми преимуществами [Щеглова, 2015, с. 46–50]. Старожилы оценивали так: «Они работающие люди. Немцы научили шпакатурить [русская старожильческая культура не знала штукатурки]» [Там же, Привалова А.И., 1913 г.р.]. В условиях ухудшения жилищного обустройства русское население, в том числе под влиянием депортантов, повсеместно переходило на подручные строительные материалы (глина, солома, камыш, чаша) с традицией штукатурить («мазать») стены снаружи и изнутри. С этого времени штукатурка распространилась и на старожильческие срубные дома [Щеглова, 2016b].

Что касается армян, то их депортация в 1949 г. проходила «по типу тех, что были осуществлены в годы войны» [Аблажей, 2011b, с. 116], но в иной атмосфере. В принимающем алтайском социуме уже не было того отторжения и настороженности, какие присутствовали при размещении в 1941 г. депортированных немцев. Прибывшие в соответствии с постановлением Совета министров № 2214–356 сс в 1949 г. на Алтай 16 тыс. армян были рассредоточены по 37 районам края группами от 500 до 1300 чел., т.е. небольшими группами внутри принимающе-

го социума. Широкий охват сельских районов способствовал массовым этнокультурным контактам и сохранению исторической памяти о депортированных армянах.

Одновременно с армянами (постановление Совета министров СССР от 6 апреля 1949 г. № 1290-467 сс) в крае расселялся молдавский спецконтингент. Полевые исследования показывают: вопреки утверждению исследователей, что «спецпереселенцы из Молдавии практически не вселялись в районы расселения армян» [Аблажей, 2011b, с. 120], в устных свидетельствах встречаются воспоминания об армянах и молдаванах в одном селе. Лидерами по приему армян были западная переселенческая полиэтническая зона: Славгородский район — 1479 чел. (321 семья) и соседний Бурлинский район — 1313 чел. (30 семей), а также юго-западный переселенческий Угловский район — 1325 чел. (302 семьи). В статье рассматриваются межэтнические контакты при размещении армян в восточных районах Алтая с преобладанием старожильского русского населения. Лидером в этих районах являлось Причумышье — зона массовых лесозаготовок: Сорokinский район — 1470 армян, 305 семей; Залесовский — 493, 145. Бийское Приобье было районом развитого сельского хозяйства: Бийский и Зональный районы — 490 чел., 125 семей. Жители этих территорий хорошо помнят о ссыльных армянах. Их память об армянах отличается от памяти самих армян.

В устной истории депортации армян акцентируется, что виновными власть сделала семью («от мало до велика»). Действительно, «юридическое новаторство» советской власти состояло во внедрении принципа семейственности в репрессивную политику, от раскулачивания до депортаций. Поэтому для депортированных народов, в том числе армян, на первый план выходили проблемы выживания семьи и унижения, которым пришлось подвергнуться. Они рассказывают о депортации как об обособленном историческом событии. Рассказчики же из числа местных жителей вплетают историю депортированных армян в повседневную жизнь послевоенной алтайской деревни, акцентируя внимание на культурно-бытовых отличиях. Для них история депортаций является частью жизни села, и они обращают внимание на то новое, что появилось в их селе с депортированными. Такая особенность отражает законы развития памяти, ее избирательность в соответствии с внутренними ощущениями человека. Ощущения депортированных и местных не совпадали. Для депортированных переселение — это травма, обусловленная сменой привычной социокультурной среды и определенного уклада жизни. Вынужденная смена среды обитания влекла за собой и значительные изменения в мироощущении, традиционных формах поведения и общения, способствовала существенным структурным трансформациям в сознании. Для местных характерна более бытовая оценка.

Материалы интервью о «переселенцах с Кавказа» показывают, что отношения между местными и пришлыми определялись межличностными контактами в трудовой и бытовой сферах. Они способствовали и единению, и разобщению. Определенное значение в формировании этнокультурного образа поселенцев имели особенности обустройства спецпереселенцев и их включение в деревенскую трудовую повседневную жизнь. По ходу совместного проживания характер взаимоотношений менялся, отражая эволюцию настроений и социального поведения. Факторами сплочения этнически разнородной, политически дифференцированной человеческой массы алтайской деревни являлись такие универсальные ценности, как трудолюбие, добросовестность, отношение к труду. В интервью об армянах маркируются такие объединяющие социокультурные предпочтения, как «работящие», «работали хорошо», «плохого никому, ничего не делали», «честные, добросовестные». Значительным преимуществом вынужденных мигрантов в алтайской деревне являлось образование, в том числе профессиональное. В аграрном крае существовала огромная потребность в специалистах и образованных людях. Именно поэтому процедура постановки армян на учет в районных и поселковых спецкомендатурах предусматривала выявление не только национального или половозрастного состава, но и «специалистов» для последующего использования их в народном хозяйстве [Аблажей, 2011а, с. 50]. С этой целью комиссия под руководством начальника Алтайского УМВД Федорова и отдел спецпоселений УМВД края при решении вопросов размещения армян привлекали сотрудников здравоохранения и крайпотребсоюза [Аблажей, 2011b, с. 120].

При размещении армян в Бийской зоне главным аргументом стало выращивание сахарной свеклы. Еще в 1930-е гг. в СССР была поставлена задача обеспечить население страны сахаром собственного производства. Алтай вошел в группу регионов с благоприятными для свекловодства условиями. Перед войной для становления свекловодства были свезены со всей Сибири спецпоселенцы и раскулаченные из регионов свекловичного и сахарного производства,

преимущественно с Левобережной Украины и из Новороссии. Они были расселены в создаваемых новых населенных пунктах Бийской зоны. В них в 1949 г. подселили и армян (Восход, Луговское, Урожайный, Первомайский и др.) для обслуживания посадок свеклы, которую поставляли на два ближайших завода по производству сахара в Быстром Истоке и Бийске.

Первоначально на Алтае армяне оказались задействованы преимущественно в аграрном производстве, где катастрофически не хватало мужской рабочей силы. Н.П. Гурова (п. Восход) вспоминает, что с ними на полях «армяне работали» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ, Гурова Н.П., 1931 г.р.]. Армяне достаточно легко вливались в трудовые коллективы. Однако со временем, оценив традиционные строительные традиции армян, их стали использовать в строительстве производственных и жилых объектов. В массовой исторической памяти населения Алтая армяне остались прежде всего как хорошие строители.

Межэтническому сближению способствовало приселение армянских спецпереселенцев к русским. Официально обеспечение жильем и трудоустройство переселенцев определялось политикой местных властей. Рекомендовалось селить в здания учреждений, в пустые дома. Но на практике первоначально преобладали подселения. М.Д. Кожемякина рассказывала: «вместе жили. Армяне на квартирах у русских» [Там же, М.Д. Кожемякина, 1932 г.р.]. По свидетельствам информаторов из местных жителей, желания хозяев при подселении не спрашивали: «Я домой прихожу, а у нас семеро ребятишек, да их двое. У нас жили на квартире года два. Они в одной комнате, мы в другой. Их привезли, и все! Нас и дома никого не было. Сгрузили и сказали, пусть они здесь живут» [Там же, Новоскольцев И.Г., 1925 г.р.]. В послевоенное время это способствовало сближению русских с армянами (в отличие от депортаций начала 40-х гг., когда вселение немцев в крестьянские дома воспринималось по-разному [Щеглова, 2012, с. 155–159]). Так же как и смешанное с местными размещение депортированных в бараках, с которых начинала формироваться поселенческая инфраструктура новых советских поселков. В п. Восход Зонального района бараки находились в центре села. А.И. Горбатова рассказывала, что «там, где контора, барак был, где немцы жили, армяне,— длинный, сделанный» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ, Горбатова А.М., 1930 г.р.].

Со временем депортанты стали строиться на окраинах поселений, формируя в русских селах этнические края. В устных свидетельствах повсеместно подчеркивается, что землянки, саманки, бараки депортированных находились за определенной чертой оседлости русских старожилов. С одной стороны, это было объективно, поскольку строились на свободном месте, с другой — в этом проявлялась определенная тяга к консолидации в иноэтнической среде. Так, в Урожайном «армяне жили на той стороне лога. Пруд, по той стороне жили все. Армяне жили. Молдаване отдельно жили. Русские тоже жили. Вместе же не будем жить с ними. Каждая семья к своей кучке. Скажем, армяне там. Там, молдаване. Тама калмыки строились себе» [Там же, Кожемякин В.Г., 1931 г.р.; Чепурных Т.А., 1926 г.р.]. Закреплению консолидации в период расселения, как между поселениями, так и внутри сел, способствовала и устойчивость национальной бытовой и праздничной культуры. Об этом хорошо помнят старожилы: «армяне свои круга танцевали, молдаване свои, а калмыки ходили по защитке».

Самым распространенным способом сооружения жилья в то время, по рассказам очевидцев, стали землянки из дерна с углублением в землю, затем саманные, литые и каркасные дома с использованием соломы и глины. Армяне на Алтае, благодаря этническим традициям глинобитного строительства, массово приступили к возведению саманных домов. Т.А. Чепурных рассказывала об армянах: «их почему-то на ту сторону вывезли, они там строились. Они делали дома сами: ямы выкапывали: туда солому, глину топтали. Саманные дома» [Там же, Чепурных Т.А., 1926 г.р.]. М.Д. Кожемякин так и говорит: «Армяне это выдумали, такое строительство (саманное). Саман делали из соломы и глины. С обеих сторон обмажут, выбелят» [Там же, Кожемякин В.Г., 1931 г.р.]. Важным фактором консолидации принимающего алтайского социума и депортированных армян стал обмен трудовым опытом обустройства жилой среды.

Материалы интервью показывают, что в повседневных и бытовых взаимоотношениях местных и ссыльных этнокультурный фактор имел большое значение. И те, и другие респонденты отмечают сходство и различия, непривлекательные и положительные черты в поведении и бытовой культуре. В выстраивании отношений и этноконсолидации высланных и местных важны были знание русского языка и близость хозяйственно-культурных традиций. Язык явился и адаптационным фактором. Младшее и среднее поколения довольно быстро переходили на общение на русском языке, для старшего поколения это оказалось невозможным. В таком случае

национальный язык, как и некоторые другие этнические константы, становились этнодифференцирующим фактором. Незнание и непонимание поведения, семейных и бытовых традиций выступали непреодолимой преградой, способствовали формированию негативного образа или приводили к формированию искаженных стереотипов.

Так, представление о сравнительном достатке депортированных армян основывалось на незнании их традиций обустройства жилища. Например, информаторы Зонального района считали армян богатыми по сравнению с местными крестьянами, потому что они привезли с собой ковры и использовали их в жилищном обустройстве. В алтайской деревне ковры, незнакомые старожильческой крестьянской культуре, являлись роскошью, признаком материального достатка колхозного крестьянства в советское время. Согласно же национальной армянской традиции ковер — неотъемлемая часть жилищной культуры, символ, свидетельствующий о благополучии семьи. П.Н. Гурова рассуждала так: «Бедно немцы приехали — вот как мы тут были, так вот они в таком виде, никакого богатства. А вот у армян были ковры» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ, Гурова Н.П., 1931 г.р.].

В этом проявилась и разница в условиях ссылки. В отличие от немцев, армянам давалось время на то, чтобы собраться, устанавливалась более высокая норма вывозимых вещей. Поэтому армяне, так же как, например, латыши и поляки, имели возможность вывозить этнически окрашенные вещи, тем самым маркируя свои этнокультурные отличия. Это, с одной стороны, способствовало сохранности исторической памяти о них, с другой — формировало полосу отчуждения, например с поляками в Чарышском районе. Как говорят информаторы, «ну о поляках вообще особый разговор. Они были либо музыкантами, либо просто все такие музыкальные. У них в клубе оркестр был — скрипка и мандолина. Они держались обособленно. Женщины такие нарядные, красивые, ухоженные, мужчины очень чисто одевались, у них эти тройки были. С собой привезли все. Они держались особняком. Тут ни с кем не знакомились» [Там же, Хроменко Н.В., 1947 г.р.].

В целом акцентуация устной истории на процессах, происходящих в алтайской деревне, изменяет представления о значении депортации в развитии сибирских территорий. Исследование депортаций с позиции принимающей стороны позволяет говорить о положительных последствиях для крестьянского общества в повседневном обустройстве и бытовой культуре. В определенной степени это было связано не только с этнокультурными различиями, но и с иным уровнем материально-технического развития регионов выселения. Респондентами из принимающего социума эти преимущества воспринимались так: «культурнее нас были, что ли». На самом деле слово «культурнее» относилось в том числе к достижениям цивилизации. Одна из депортированных немок описывала разницу между алтайской деревней и своей: «Там [в Поволжье] было большое село, электричество было, люди там лучше жили, чем здесь, в Сибири. Мама стряпала хлеб для колхоза, а отец работал бригадиром на животноводстве. Приехали. Нас расселили по семьям, там темнота была. У нас-то уже электричество было. У них “коптюшечки” были. Мама сидит, плачет, бабушка плачет, нас стали угощать капустой, картошкой в мундире. У них мы жили лет пять» [Алтайская деревня..., 2012, с. 147–148]. Алтайские респонденты тоже говорят о разных возможностях: «Мы часто сидели вечерами, учили уроки у печи. Разжигали лучины и с таким огоньком готовились к урокам. Эрик [немец] это увидел и стал приходить к нам с керосиновой лампой» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ, с. 69].

Но, в отличие от достижений цивилизации, иноэтнические традиции, особенно связанные с культурой жизнеобеспечения, быстрее проникали в бытовую культуру русских старожил. Так, с немцами местные связывают традиции коптить и солить сало, распространение восьмигранных маслобоек, использование сепараторов, традиции штукатурить стены [Щеглова, 2016, с. 308–312], а с армянами — саманное и глинобитное строительство, нетрадиционное для русских старожил, а также распространение в бытовой культуре ковров.

Отмена режима ссылки в 1955–1956 гг. привела к массовому выезду армян на родину. По переписи 1959 г., на Алтае осталось всего 1,6 тыс. армян [Аблажей, 2011а, с. 53]. У местных респондентов отъезд этнических депортантов не вызвал вопросов. Они констатируют, связывая события с Хрущевым: «делал как свободу, вроде всем, своей властью, что все должны на своих местах быть, где они жили. Литовцы, поляки, тех как... [реабилитировали], все отсюда уехали. Все были, и евреи были. Калмык — это Сталин, ну репрессировали их. Там, эти, кто они? Молдаване. А потом им разрешили выйти на свободу. Когда им разрешили уехать, и все они на свое поселение уехали. Он как сказал: допустим, ты — армян должен свое государство иметь. Они обратно ушли» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ, Макрушин М.В., 1930 г.р.].

Принимающий алтайский социум и депортированные армяне...

Таким образом, в ходе повседневного и трудового взаимодействия прибывших спецпереселенцев и принимающего социума происходил обмен культурными навыками. Однако этот культурный взаимообмен в алтайской деревне еще остается без внимания исследователей. Рассмотрение этих аспектов депортаций возможно только с опорой на историческую память, которая высвечивает особенности развития локальных сообществ под влиянием «культурных новаций» депортантов. В большей степени оказались востребованы те элементы традиционных этнических культур, которые помогали пережить ухудшение условий жизнедеятельности сельской семьи в 1930–1950-е г., вызванное репрессиями, раскрестьяниванием, ликвидацией семейного хозяйства, войной. Среди них опыт строительства жилища из подручных средств взамен традиционного срубного строительства. Новации появились в системе питания, одежде, средствах внутреннего обустройства жилища, освещении, отоплении жилища и т.д. В отличие от них элементы духовной культуры были замечены, но не востребованы русскими старожилами. На совместных вечерах продолжали танцевать «каждый своими кругами». Однако дополнение досуга народными традициями песнопения, танцев, игр стало своеобразной формой адаптации к межэтническому разлому травмированных репрессиями и войной локальных социумов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ. Немецкий национальный район, с. Полевое. Функлер А.А., 1916 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 1993. Смоленский район, с. Линево. Дробышев Я.В., 1922 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 1993. Смоленский район, с. Верх-Обское. Ануфриев И.С., 1923 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 1993. Смоленский район, с. Точильное. Привалова А.И., 1913 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2002. Зональный район, п. Урожайный. Кожемякин В.Г., 1931 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2002. Зональный район, п. Урожайный. Кожемякина М.Д., 1932 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2002. Зональный район, п. Урожайный. Чепурных Т.А., 1926 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2002. Зональный район, п. Восход. Гурова Н.П., 1931 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2002. Зональный район, п. Восход. Горбатова А.М., 1930 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2002. Зональный район, с. Соколово. Макрушин М.В., 1930 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003. Бийский район, с. Первомайское. Епихин И.П., 1927 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003. Бийский район, с. Малоенисейское. Кузовлева О.Е., 1919 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003. Бийский район, с. Новиково. Емельянова Н.Ф., 1927 г.р.; Золотухина П.Д., 1919 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2003. Бийский район, с. Сростки. Новоскольцев И.Г., 1925 г.р.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2004. Чарышский район, с. Красный Партизан. Хромченко Н.В., 1947 г.р.

Литература

- V конгресс этнографов и антропологов России.* Омск. 9–12 июня 2003 г.: Тез. докл. М., 2003. 380 с.
- VIII Конгресс этнографов и антропологов России.* Оренбург, 1–5 июля 2009 г.: Тез. докл. Оренбург, 2009. 600 с.
- XI Конгресс антропологов и этнологов России.* Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.: Сб. материалов. М.: ИЭА РАН; Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2015. 504 с.
- Аблажей Н.Н.* Депортация армян в Алтайский край в 1949 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011а. № 1. С. 47–53.
- Аблажей Н.Н.* Репатриация и депортация армян во второй половине 1940-х годов // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2011б. Т. 10. Вып. 1. С. 116–121.

Алтайская деревня в рассказах ее жителей / Под науч. ред. Т.К. Щегловой, Л.М. Дмитриевой. Барнаул: Алтайский дом печати, 2012. 447 с.

Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.): Сравнительный анализ // *Наказанный народ: Репрессии против российских немцев*. М.: Звенья, 1999. С. 95–117.

Бугай Н.Ф. Депортация народов в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1996.

Полян П.М. Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001. 328 с

Ремпель П.Б. Депортация немцев из Европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941–1944 гг. // *Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения*. М., 1996. С. 69–97.

Сыщенко А.Г. Немцы в Сибири: По документам НКВД, МГБ, МВД СССР 1943–1956 гг. Барнаул: Алтайский дом печати, 2007. 623 с.

Щеглова Т.К. «Свой» и «чужой»: Взаимоотношения местного населения и российских немцев на Алтае в контексте государственной политики формирования и использования образа врага в период депортаций // *Российские немцы. От истоков к современности: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 250-летию Манифеста рос. императрицы Екатерины II и начала массового переселения немцев в Россию, 75-летию Алт. края, 70-летию со времени мобилизации советских немцев в трудармию*. Барнаул, 10–11 нояб. 2012 г. Барнаул: Алтайский краевой российско-немецкий дом, 2012. С. 155–165.

Щеглова Т.К. Становление устной истории за рубежом: К вопросу о новых возможностях региональных исследований, локальной истории и краеведческой работы // *Краеведческие чтения, посвященные 80-летию С.Е. Черных: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск: ВКПК Арго, 2014. С. 212–220.*

Щеглова Т.К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: Культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны: Научные и методические материалы. Барнаул: Азбука, 2015. 132 с.

Щеглова Т.К. Краеведение, музееведение и устная история — источники, методы и формы взаимодействия в отечественной практике в контексте государственной политики в XX — начале XXI века // *Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах — важнейшие факторы стабильного развития России*. Омск: Наука, 2016а. С. 308–312.

Щеглова Т.К. Традиции и новации в обустройстве жилой среды русского населения юга Западной Сибири в контексте исторического развития (1860–1980-е гг.) // *Традиционная культура*. 2016b. № 1. С. 164–174.

Щеглова Т.К., Демин М.А. Депортации народов и репрессии на Алтае // *Западная Сибирь: Проблемы региональной культурологии: Тез. докл. рабочего совещ. по межвуз. регион. науч.-практ. программе*. Томск, 1992. С. 119–120.

T.K. Shcheglova

Altai State Pedagogical University
Molodezhnaya st., 55, Barnaul, 656031, Russian Federation
E-mail: tk_altai@mail.ru

HOST ALTAI SOCIETY AND DEPORTED ARMENIANS IN THE CONTEXT OF PERMANENT REPRESSIONS AND DEPORTATIONS IN THE 1930–1940s: IMAGES AND CULTURAL INTERACTION

The aim of the article is to study the influence of ethnical deportations on the rural population of Altai Krai by using oral history as a method and source of ethnographic research on the example of the 1949 Armenian deportation campaign. It is asserted that the study of nations and cultures in the context of global historical processes of the XX–XXI centuries requires new approaches. The techniques of oral history which deal with historical memory are one of the ways of studying anthropological contents of historical processes. The main sources of the article are the materials of field research on the territory of Altai Krai. The research focuses on host, mainly Russian population in the context of permanent ethnical deportations of the 1940s. It is mentioned that the population of the Altai countryside became multiethnic in quite a short period of time which was related to resettlement of families and small groups of deported nations all over the territory of the region. It led to cooperative living and common experience in overcoming war period difficulties, basing on life support culture. The article compares attitudes of local population towards different waves of ethnical migrants (Germans, Armenians, Moldavians, Polish and the others), it analyses the images formed and interethnic interaction. The article identifies commitment of the deported population to consolidation with reclamation of the outskirts of the settlements and preservation of song, dance and holiday traditions. A conclusion is made about the influence of the deported population on the host society, the changes which took place in cultural, social and manufacturing spheres of the Altai countryside are described. It is pointed out that cultural exchange in difficult living conditions firstly took place in the material

sphere and was connected with such basic components of life support culture as dwelling and food. As a result, ethnocultural skills of the deported population encouraged interethnic consent.

Key words: Oral history, Altai, deported nations, Russian rural population, interethnic interaction, ethnocultural influence

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-137-145

REFERENCES

- Ablazhei N.N., 2011. Deportatsiia armian v Altaiskii krai v 1949 g. [Deportation of Armenians to Altai Krai in 1949]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 1, pp. 47–53.
- Ablazhei N.N., 2011. Repatriatsiia i deportatsiia armian vo vtoroi polovine 1940-kh godov [Repatriation and deportation of Armenians in the second half of the 1940s]. *Vestnik NGU, Seriya Istorii, filologiya*, vol. 10, 1, pp. 116–121.
- Brul' V., 1999. Deportirovannye narody v Sibiri (1935–1965 gg.): Sravnitel'nyi analiz. [Deported peoples in Siberia (1935–1965): A comparative analysis] *Nakazannyi narod: Repressii protiv rossiiskikh nemtsev*, Moscow: Zven'ia, pp. 95–117.
- Bugai N.F., 1996. *Deportatsiia narodov v Sovetskom Soiuze* [Deportation of peoples in the Soviet Union], New York.
- Polian P.M., 2001. «Ne po svoei vole...»: *Istorii i geografiia prinuditel'nykh migratsii v SSSR* [«Against their will»: History and geography of forced migrations in the USSR], Moscow: OGI-Memorial, 328 p.
- Rempel' P.B., 1996. Deportatsiia nemtsev iz Evropeiskoi chasti SSSR i trudarmii po «sovershenno sekretnym» dokumentam NKVD SSSR 1941–1944 gg. [Deportation of Germans from the European part of the USSR and the labor army basing on «top secret» documents of the NKVD of the USSR of 1941–1944]. *Rossiiskie nemtsy: Problemy istorii, iazyka i sovremennogo polozheniia*, Moscow, pp. 69–97.
- Shcheglova T.K., 2012. «Svoi» i «chuzhoi»: Vzaimootnosheniia mestnogo naseleniia i rossiiskikh nemtsev na Altae v kontekste gosudarstvennoi politiki formirovaniia i ispol'zovaniia obraza vraga v period deportatsii [«Friends» and «strangers»: Relationship between the local population and the Russian Germans in Altai region in the context of state policy of formation and use of the image of enemy during deportations]. *Rossiiskie nemtsy: Ot istokov k sovremennosti: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakt. konf., posviashchennoi 250-letiiu Manifesta ros. imperatritsy Ekateriny II i nachala massovogo pereseleniia nemtsev v Rossiiu, 75-letiiu Alt. kraia, 70-letiiu so vremeni mobilizatsii sovetskikh nemtsev v trudarmiiu, g. Barnaul, 10–11 noiabria 2012 g.*, Barnaul: Altaiskii kraevoi rossiisko-nemetskii dom, pp. 155–165.
- Shcheglova T.K., 2014. Stanovlenie ustnoi istorii za rubezhom: K voprosu o novykh vozmozhnostiakh regional'nykh issledovaniia, lokal'noi istorii i kraevedcheskoi raboty [Formation of Oral history abroad: Revisiting new possibilities of regional research and local history]. *Kraevedcheskie chteniia, posviashchennye 80-letiiu S.E. Chernykh: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ust'-Kamenogorsk: VKPK Argo*, pp. 212–220.
- Shcheglova T.K., 2012, (ed.). *Altaiskaia derevnia v rasskazakh ee zhitelei* [Altai village in the stories of its inhabitants], Barnaul: Altaiskii Dom pečati, 447 p.
- Shcheglova T.K., 2015. *Etnografiia russkogo krest'ianstva iuga Zapadnoi Sibiri v XX stoletii: Kul'tura zhizneobespecheniia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: Nauchnye i metodicheskie materialy* [Ethnography of the Russian peasantry in the South of Western Siberia in the XX century: Life support culture during the Great Patriotic War: Scientific and methodical materials], Barnaul: Azbuka, 132 p.
- Shcheglova T.K., 2016. Kraevedenie, muzevedenie i ustnaia istoriia — istochniki, metody i formy vzaimodeistviia v otechestvennoi praktike v kontekste gosudarstvennoi politiki v XX — nachale XXI veka [Local history, museology and oral history: sources, methods and forms of interaction in Russian practice in the context of the state policy in the XX — beginning of the XXI century]. *Kul'tura i vzaimodeistvie narodov v muzeinykh, nauchnykh i obrazovatel'nykh protsessakh — vazhneishie faktory stabil'nogo razvitiia Rossii*, Omsk: Nauka, pp. 308–312.
- Shcheglova T.K., 2016. Traditsii i novatsii v obustroistve zhiloi sredy russkogo naseleniia iuga Zapadnoi Sibiri v kontekste istoricheskogo razvitiia (1860–1980-egg.) [Traditions and innovations in arrangement of the living environment of the Russian population in the South of Western Siberia in the context of historical development (1860–1980s)]. *Traditsionnaia kul'tura*, no. 1, pp. 164–174.
- Shcheglova T.K., Demin M.A., 1992. Deportatsii narodov i repressii na Altae [Deportations of nations and repressions in Altai region]. *Zapadnaia Sibir': Problemy regional'noi kul'turologii: Tezisy dokladov rabochego soveshchaniia po mezhvuzovskoi regional'noi nauchno-prakticheskoi programme*, Tomsk, pp. 119–120.
- Syshchenko A.G., 2007. *Nemtsy v Sibiri: Po dokumentam NKVD, MGB, MVD SSSR 1943–1956 gg.* [Germans in Siberia: Basing on the 1943–1956 documents of the NKVD, the MGB, the Ministry of Interior of the USSR], Barnaul: Altaiskii Dom pečati, 623 p.
- Tishkov V.A., 2009, (ed.). *VIII Kongress etnografov i antropologov Rossii: Tezisy dokladov* [Abstracts of the VIII Congress of ethnographers and anthropologists of Russia: Abstracts], Orenburg, 1–5 iuliia 2009 g., Orenburg: Izdatel'skii tsentr OGAU, 600 p.
- Tishkov V.A., Golovnev A.V., 2015, (ed.). *XI Kongress antropologov i etnologov Rossii: Sb. materialov* [Abstracts of the XI Congress of ethnographers and anthropologists of Russia], Ekaterinburg, 2–5 iuliia 2015 g. Moscow: IEA RAN; Ekaterinburg: IIA UrO RAN, 504 p.

А.Л. Шишелякина*, И.В. Бобров**

*Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ
E-mail: shishelyakina@mail.ru

**ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ
E-mail: bobrov-tyumen@yandex.ru

«ЧУЖИЕ» СРЕДИ «СВОИХ»: О ПРАКТИКАХ НОШЕНИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО ПЛАТКА В НЕМУСУЛЬМАНСКОМ РОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ

С позиции гендерного подхода описаны взаимоисключающие нормы для женщин-мусульманок, использующих хиджаб в повседневной жизни в одном из немусульманских регионов России — Тюменской области. С одной стороны — со стороны светского общества на уровне формальных и неформальных правил возникают ограничения на ношение хиджабов, а с другой — мусульманки и само мусульманское сообщество, опираясь на религиозные предписания, настаивают, что женщина, находясь в публичном пространстве, должна быть «закрытой». Кроме того, внутри мусульманского сообщества ведутся дискуссии о том, каким должен быть хиджаб, и стороны, втянутые в эту дискуссию, оказываются стигматизируемыми друг другом. В этой связи хочется понять, что означает для молодых мусульманок ношение религиозного платка, каким образом ограничения на использование хиджабов сказываются на их повседневной жизни.

Ключевые слова: ислам, хиджаб, женщины, мусульманки, гендер, повседневность, Тюменская область.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-146-154

Процессы реинституционализации религии, происходившие в конце XX — начале XXI в., привели не только к тому, что заметная часть населения страны руководствуется в своей жизни религиозными ценностями, смыслами и символами. Это порождает и общественно заметный конфликт разнообразных религиозных ценностей, а также религиозных и светских принципов.

Одна из конфликтогенных проблем — общественная приемлемость предписаний ислама, регламентирующих внешний облик мусульманок. Появление женщин, закрывающих тела вплоть до лица, вызвало неоднозначное отношение в российском обществе. С одной стороны, оказалась непривычной столь радикальная публичная демонстрация религиозности, с другой — мусульманская одежда, почти полностью покрывающая женщину, расценивалась как посягательство на светские принципы женской эмансипации. Очень скоро женские исламские покрывала частью общества воспринимались уже как знак принадлежности к радикальным, а в российских условиях конца 1990-х — начала 2000-х гг. — к экстремистским течениям ислама. Укоренение в современном российском обществе различных версий исламского наследия привело к тому, что проблема ношения и паранджы (одежда, закрывающая все тело, включая лицо, кроме глаз), и хиджаба (одеяние, закрывающие все тело кроме овала лица) стала конфликтогенным фактором и внутри мусульманского населения страны. Все это придало практикам публичного ношения мусульманских женских одеяний характер «моральных паник».

Проблема особенно проявилась, когда мусульманские одежды стали надевать девочки из семей верующих при посещении ими общеобразовательных школ и тема о допустимости/недопустимости использования мусульманками религиозной одежды в школах была политизирована. В 2013 г. прокуратура Ставропольского края запретила, а Верховный суд РФ поддержал запрет ношения хиджабов в школах, утверждая, что посещение ученицами школы в хиджабах противоречит светскому характеру образования в стране. Самыми резонансными были меры по запрету мусульманских платков в Республике Мордовии в 2014–2015 гг. Правительством Мордовии было принято постановление «Об утверждении Основных требований к школьной одежде» со специальным пунктом: «обучающимся запрещается ношение в образовательных организациях: головных уборов в помещениях образовательных организаций». Школы прово-

дили массовое преследование девочек, которые приходили в платках. Под угрозой увольнения оказались и учительницы, преподававшие в головных уборах. В декабре 2016 г. им было предложено уволиться по собственному желанию, а в январе 2017 г. учительницам-мусульманкам были сделаны выговоры за ношение платков. Давление распространилось и на студенток Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева [Лункин, 2015]. Ситуация была осложнена и тем, что общественные силы использовали конфликт с целью заявить о своей роли в российском обществе. С одной стороны в дискуссии участвовали защитники светского характера образования, с другой — представители исламской общественности. Этот конфликт активно обсуждался и в женском/феминистском сообществе. Следует отметить, что разнообразные не-системные ограничения (не на законодательном, а на неформальном уровне) возникают и в других российских регионах. Например, в Тюменской области известны случаи запрета ношения хиджабов в учебных заведениях среднего профессионального и высшего образования [Архив авторов, беседа с М.У., 2016], мусульманки сталкиваются с проявлениями ксенофобии и в обычной повседневной жизни: поездках в общественном транспорте, походах в магазин, поиске работы и т.д. В этой связи важно осмыслить, что означает для молодых женщин носить мусульманский платок в немусульманских регионах, где мусульмане являются религиозным меньшинством. Каким образом ограничения на использование хиджабов сказываются на их повседневной жизни? Как мусульманки маневрируют между давлением светских и религиозных норм?

Наиболее подробно эти и связанные с данной проблемой вопросы изучались в контексте соотношения мультикультурализма и гендерных прав в первую очередь в странах Европы и США. Значительное внимание в этих исследованиях уделено особенностям так называемой гибридной идентичности — гендерной и мусульманской (особенно в американском контексте после событий/теракта 11 сентября 2001 г.) [Hoekstra, Verkuyten, 2015; Al Wazni, 2015; Mishra, Shirazi, 2010; Williams, Vashi, 2007], дискриминационным практикам в отношении мусульманок, носящих хиджабы [Ali et al., 2015], практикам двойного неравенства — как «женщин», и «как мусульманок» [Dustin, Phillips, 2008], а также эмоциональному аспекту — восприятию мусульманок немусульманским окружением [Castro, 2015; Ruby, 2006; McGinty, 2014]. Российская же историография по данному вопросу — недавняя, и исследователи сосредоточены на практиках использования головных уборов женщинами как проявлении реинституционализации ислама в регионах, где ислам опирается на историко-культурную традицию, — это республики Северного Кавказа [Доде, 2013; Евлоева, 2016; Позднякова, 2010], Татарстан [Гараев, 2008; Сайфутдинова, Вахиуллина, 2015] и Башкортостан [Юнусова, 2007]. Однако женская мусульманская повседневность в регионах с доминирующим русским населением подробно не исследована — лишь с точки зрения ограничения прав на свободу совести были описаны случаи запретов мусульманского платка в Ставропольском крае, Мордовии и других регионах [Канцер, 2014; Мартыненко, Надыкин, 2015; Губин, 2011; Поленина, 2013]. В этой связи исследование практик ношения мусульманского платка в немусульманском культурном контексте представляется актуальным.

Теоретическими основами исследования являются женские и гендерные исследования Л. Абу-Лугод. Она, наряду с другими представительницами «постколониального» феминизма (например, К. Висвесвэрэн и др.), обратила внимание на то, что принадлежность к расе, этничности, классу и гендеру переплетены в сложный клубок, где одна принадлежность изменяет и дополняет другие, что создает значительные различия [Пушкарева, 2007, с. 375]. Поэтому, отмечает Л. Абу-Лугод, «нам необходимо... формировать отношения к различиям среди женщин во всем мире как ценностям, возникшим в результате различного опыта, различных внешних обстоятельств и выражающих разные структуры желаний»¹ [Abu-Lughod, p. 787]. Таким образом, основной исследовательский фокус ее работ направлен на описание «множественности» различных опытов и женских практик в разнообразных культурных средах. Кроме того, значимой для исследования теоретической опорой являются идеи П. Бурдьё о превращении биологического тела в политическое, описанные в работе «Мужское господство» [2005].

Источниковой базой исследования являются в первую очередь полевые наблюдения, интервью, публикации СМИ и СМК, религиозная литература. Наблюдения проводились во время бесед и интервью, проповедей и молитв в мечети, религиозных праздников, встреч с мусульманскими лидерами и т.д. Пять нарративных интервью с молодыми мусульманками, записанные в 2010–2014 гг. в Тюмени, повествуют о сюжетах, связанных с хиджабом, религиозной оде-

¹ Перевод А.Л. Шишелякиной.

ждой и разнообразных сторонах жизни вообще. Материалы СМК, представленные тюменскими мусульманскими группами «ВКонтакте»², дополнили картину повседневной жизни женщин. Важным источником информации является мусульманская пресса, выпускаемая и распространяемая в Тюменской области с 2000-х гг. Это газеты «Мусульмане Сибири», «Истина», «Мус-лим-инфо», «Напоминание», «Хикмет». Для исследования взяты все материалы этих газет (около 50), посвященные хиджабам, религиозной одежде и внешности мусульманок. Для описания формальных и неформальных практик, связанных с политико-правовым режимом в отношении ислама в регионе, позиционирования органов власти по отношению к исламу использовался личный опыт одного из авторов статьи.

Ислам, как любая религиозная система, является совокупностью текстов, традиции их интерпретации и применения, различных исторически и культурно обусловленных практик исповедания религиозных догматов и обрядовых практик. Верующие и различные группы верующих³ придают первостепенное значение разным догматико-обрядовым традициям. В Российской Федерации исторически преобладали последователи ханафитской⁴ традиции восприятия исламского наследия (большая часть мусульман Кавказа, Поволжья, Сибири, выходцев из современных государств Центральной Азии). Однако часть мусульман придерживаются мистического течения ислама — суфизма или шафиитского мазхаба суннизма. Есть и последователи шиитской традиции.

Указанное многообразие восприятия ислама различается способами получения заключений о дозволенном и недозволенном, авторитетностью источников мусульманской традиции, артефактами историко-культурного характера, составляющими адатное наследие ислама. Данное многообразие восприятия и бытования ислама приводит к разнообразию его обликов, которые зачастую абсолютизируются их последователями.

Надо иметь в виду, что традиция ислама в России несет на себе отпечаток определенной прерывистости. В советский период ислам понес серьезный урон. С конца 1920-х гг. были закрыты все мусульманские учебные заведения, обучение исламу частным образом преследовалось. Были закрыты тысячи мечетей. Знатоки ислама (выбравшиеся общинами в качестве имамов/мулл, кадиев) фактически были ликвидированы как социальная группа. Была прервана традиция обучения не только Корану, шариату, но и арабскому языку. В Советской России фактически были считанные единицы сколько-нибудь образованных мусульман. Открытые после Второй мировой войны медресе Мир Араб (г. Бухара, Узбекистан) и Исламский институт (г. Ташкент, Узбекистан) не могли восполнить дефицит в мусульманах, получивших систематическое образование, тем более что обучение в указанных заведениях шло под жестким контролем органов государственной безопасности. В результате к концу XX в. ислам в СССР в целом сохранился в адатных территориально и культурно локальных версиях.

Рассматривая вопрос о соблюдении женщинами исламских норм в одежде, необходимо иметь в виду следующее. Во-первых, все вышеуказанные исламские традиции России имеют свои отличия и в отношении женской одежды, которая, по мысли их последователей, соответствует исламу. Во-вторых, в советское время в период 1920–1940-х гг. велась последовательная борьба с традициями покрытия женщин. Государство прямо поощряло отказ женщин от закрытия лица (паранджи), которое практиковало большинство мусульманок в Российской империи. В-третьих, борьба с религией, с отдельными обычаями, которые были объявлены реакционными пережитками, приток в мусульманские районы населения, чья повседневность базировалась на христианстве, российско-европейской культуре, смена поколений, светское всеобщее образование, урбанизация привели в 1950–1970-х гг. к отказу большинства жительниц страны, ассоциирующих себя с исламской традицией, от закрытия лица, переходу к национально окрашенным или модернистским нормам в одежде. Таким образом, к моменту реинституционализации ислама в 2000-е гг. шариатские нормы покрытия женщин фактически не практиковались, а их рудименты воспринимались и самими носительницами и окружением скорее как реликты этнической культуры — предписания, которым следуют в основном женщины старших возрастов и отдельные жительницы деревень (аулов).

² Российская социальная сеть.

³ Носители разнообразных адатных версий ислама, например, различным образом проводят молитвы. Сторонники местных адатных локализаций ислама в Сибири допускают религиозные обряды на могилах почитаемых людей (ас-тана), а последователи салафизма считают это отступлением от ислама. Сторонники различных адатных традиций придерживаются разного подхода к ношению женщинами покрывала и его фасона.

⁴ Один из четырех мазхабов суннитской версии ислама.

«Чужие» среди «своих»: о практиках ношения мусульманского платка...

Реинституционализация ислама, получение доступа к шариатским источникам, знакомство с арабской мусульманской литературой, личные наблюдения за жизнью мусульман в арабских и исламских странах сформировали запрос на исламскую одежду для женщин как залог их принадлежности к исламу и личного благочестия.

Поскольку мусульманское множество немусульманских регионов России формируется из носителей различных мусульманских традиций, то вопрос о том, как должна появляться на публичных сценах мусульманка, стал одним из обсуждаемых и дискутируемых. Позиции по данному вопросу в среде российских мусульман формируются на следующих основаниях. С одной стороны, мусульмане, подходящие к указанному вопросу с фундаменталистских или ригористических позиций, приводят следующие доводы. Во-первых, Коран предписывает женщинам регламентировать внешний облик: «О, Пророк! Скажи твоим женам, твоим дочерям и женщинам верующих мужчин, чтобы они туго затягивали свои покрывала. Так их будут лучше отличать [от других женщин] и не подвергнут оскорблениям. Аллах — прощающий, милосердный» [Коран, 2013, сура 33]. «Скажи верующим женщинам, чтобы они опускали долу глаза и оберегали свое целомудрие. Пусть не выставляют напоказ своих прикрас, за исключением тех, которые видны; пусть они прикрывают [головными] покрывалами вырез на груди и не показывают своей красоты [мужчинам]... пусть они не выставляют свои ноги, чтобы стали видны скрываемые красоты...» [Коран, 2013, сура 24]. Во-вторых, мусульманские СМИ⁵, религиозная литература, выпускаемая и распространяемая духовными управлениями в регионе [Зиннурова; Хиджаб; «Хукм»...; Хабиб], проповеди в регионе [Расскажи мне об Исламе, 2014, с. 145–147; Языджи, 2012, с. 112–115; Муфтий Удмуртии...] также акцентируют внимание на том, что женщины должны носить платок. Основные аргументы сводятся к экзистенциальным причинам: «хиджаб... является неотъемлемой частью искренней веры в Аллаха, в Судный день и наказание в Адском огне за послушание» [Кто призывает..., 2012, с. 3]. Утверждается, что хиджаб является способом репрезентации исламской идентичности: «женщина, носящая хиджаб — это мусульманка, гордящаяся своей принадлежностью к Исламу» [Хиджаб..., 2011, с. 12]. Обращается внимание на то, что религиозно-предписанная одежда оберегает целомудрие женщины: «налагаемые шариатом⁶ ограничения в отношении одежды женщины и ее украшений преследуют цель исключить любую возможность порока или безнравственности, к чему может привести выставление женской красоты напоказ. Законоположения Ислама в этом плане ни в коей мере не ограничивают свободу женщины, а предохраняют ее от падения в бездну унижения и болото пошлости» [Зачем нужно..., 1997, с. 3]. В то же время в среде мусульман, склоняющихся к необходимости «покрытия женщины», ведутся дискуссии относительно расцветок, ношения платка и других деталей следования исламской традиции.

С другой стороны, надо отметить, что встречаются и более радикальные умозаключения относительно женского одеяния. Так, в доступном на русском языке тексте «Стоп хиджаб», размещенном на казахстанском ресурсе, с помощью ссылок сравнительно-исторического и историко-лингвистического характера отрицается аутентичность кораническим источникам понимания хиджаба как закрытия всего тела женщины (надо прикрывать лишь грудь) [Стоп хиджаб]. Сторонники подобной точки зрения в России, в том числе в Тюменской области, как правило, ссылаются на отсутствие такой традиции у татарок. Однако в качестве аргументов приводится либо советская повседневность, либо фотоматериалы конца XIX — начала XX в., запечатлевшие модернизированные семьи. В данном случае игнорируются фотосвидетельства, на которых изображены татарки с покрытием всего тела, включая голову, кроме овала лица. Другое дело, что запечатленное покрытие — это не современные хиджабы, а многосоставная одежда. В то же время игнорируются и исторические свидетельства, в том числе из российской историографии, говорящие о бытовании у татарок XIX в. и паранджи, которые, кстати, приводят современные сторонники ношения хиджаба [Хабиб].

В связи с тем что хиджаб является значимым символом «моральных паник» относительно инаковости, непонятности мусульман, «исламизации России», его аутентичность ставится под сомнение и частью немусульманского населения, включая политический истеблишмент. «В на-

⁵ С 2000-х гг. более или менее регулярно выходят газеты «Мусульмане Сибири» и «Истина» (учредитель — Духовное управление мусульман Азиатской части России), «Муслим-инфо» (учредитель — Департамент информационной политики Тюменской области), «Напоминание» (существует на пожертвование верующих) и газета «Хикмет» (учредитель — Духовное управление мусульман Тюменской области) тиражом от 1 до 2 тыс. экз.

⁶ Шариат — комплекс правил, основанных на Коране и Сунне.

шей стране и в мусульманских регионах никогда такой традиции не было...», прямо заявлял президент России В.В. Путин, отрицающий право девочек-мусульманок ходить в школу в хиджабах [Путин не считает...]. По мнению А. Журавлева, депутата Госдумы, председателя партии «Родина» и Конгресса русских общин, считающего хиджаб национальной традицией, любое демонстративное ношение специфической национальной одежды типа хиджаба воспринимается в обществе «далеко не толерантно», и мусульманскому духовенству придется много поработать для формирования позитивного имиджа своей паствы и адаптации ее к жизни в немусульманских регионах России [Там же].

Что касается Тюменской области, то политико-правовой режим в отношении ислама и женской религиозной одежды можно оценить как благоприятный в целом. Комитет по делам национальностей Тюменской области проводит взвешенную политику. Однако и здесь проблемы с хиджабами периодически возникают у учащихся общеобразовательных школ и средних специальных профессиональных заведений, так как региональный департамент образования и науки продублировал распоряжение федерального министерства, выводящее хиджаб из допустимой в школе одежды [Клюева, Шестаков]. Как отмечают сами мусульманки, трудности в случае появления в религиозной одежде возникают и при трудоустройстве, и на улицах города и в транспорте: «впервые я надела платок, когда поехала в мечеть. Это было тяжело, правда, очень тяжело. Нас с девочками в маршрутке (когда ехали в мечеть) засудили, мы старались просто разговаривать и не обращать внимания, потому что там все люди в маршрутке... абсолютно смотрели вот так (видимо, осуждающе. — *Прим. авт.*), кто-то показывал пальцем, кто-то удивленно, кто-то смеялся и были те, кто открыто в глаза смеялись. Кто-то говорил из бабушек: (я помню, когда я родила уже и с подружкой гуляла) бабушка шла и сказала: “какой кошмар!”. Страшно. Неудобно» [Архив авторов, интервью с И., 2013].

А в исключительных случаях принятие ислама и ношение хиджаба осложнило отношения девушек и женщин с родителями: «есть часть родственников, которым хиджаб не нравится с точки зрения того, что слишком “не такая” одежда, которую носят все люди, и нормальные люди так не одеваются» [Архив авторов, интервью с К.Р., 2014].

Для самих мусульманок следование религиозным нормам в части хиджабов является значимым предписанием: «если я мусульманка, если я верю, то я должна носить хиджаб — это единственный аргумент, потому что так сказано в Коране» — ответила одна из мусульманок на вопрос, почему она носит хиджаб [Архив авторов, интервью с И., 2013]. Вместе с религиозными объяснениями девушки приводят нерелигиозные, однако они отражают глубинную интериоризацию патриархальных установок: «если я буду замужем, то у меня будет муж, который меня будет видеть, а для остальных мужчин я должна быть закрыта... Это настолько индивидуальное и интимное. Я помню, как-то ехала в маршрутке, было лето, июнь. Я сидела рядом с девушкой, и у нее была очень короткая юбка, и я увидела у нее на ноге родинку. И я в этот момент думаю, это твоя родинка, она находится на таком месте, где ее никто не должен видеть, почему ты ее выставляешь напоказ, и вообще тело... Это, знаете, все равно что стоишь в ванне и себя сама видишь, только и вот это же видят все остальные» [Там же].

О поощрении или давлении со стороны мусульманского сообщества, связанном с необходимостью носить платок, свидетельствуют сами девушки: «...для меня это была большая тема... когда надеваешь платок и понимаешь, что не хочешь этого делать, это очень тяжело, невыносимо тяжело. Я очень долго к этому шла. Но я вышла замуж... и скорее всего, надела я платок (это потом и сейчас я ношу платок, потому что я хочу), а тогда меня заставлял мой муж» [Там же].

Или другой пример: «Меня в моем желании поддерживал мой брат. Он поддерживал меня изначально в моем желании идти обучаться (исламу), потом каждый раз, когда я покрывала голову, он выходил и говорил: “как красиво!”. И мнение брата как молодого мужчины было той точкой... это было решающим фактором» [Архив авторов, интервью с Н., 2014].

Кроме того, давление чувствовалось и исследовательницей во время полевых исследований. Так, не единожды мусульманские лидеры-мужчины делали замечания исследовательнице по поводу отсутствия платка и указывали на ненормативность одежды, расценивая это как неуважение к ним [Полевой дневник № 1]. На женской половине мечети женщины (особенно пожилые) также объясняли, указывали, как правильно надевать и носить платок [Там же]. Невозможно не упомянуть об опыте девушек, попытавшихся снять хиджаб. У тех, с кем проводились интервью, опыт снятия хиджабов был неудачным, поскольку спустя время они снова возвраща-

«Чужие» среди «своих»: о практиках ношения мусульманского платка...

лись к «закрытию», потому что «когда я вышла без платка, мне казалось, что я голая» [Архив авторов, интервью с И., 2013]. В связи с этим можно утверждать, что хиджаб оказывается для мусульманок проявлением натурализации гендерных отношений.

Таким образом, женщины-мусульманки, использующие в своей повседневной жизни хиджаб, оказываются в условиях взаимоисключающих норм. С одной стороны, светские формальные и неформальные правила в некотором смысле ограничивают ношение хиджабов, а с другой — нормы ислама, наоборот, предписывают их ношение. Как упоминалось ранее, внутри мусульманской уммы ведется полемика о том, каким должен быть хиджаб (или платок), и оппонентами приводятся различные аргументы и интерпретации. Основная граница пролегает между последователями так называемого адатного варианта ислама и так называемого салафитского. Если первые настаивают на покрытии головы, использовании платка, в том числе цветного, то вторые утверждают, что платок должен быть непременно черным. Это, крайне условное, деление вместе с исламофобией и растиражированным в СМИ образом ислама, ассоциированного с терроризмом, влияет и на самих женщин.

«У меня было это один раз, когда я надела черное. Только когда я начала ходить, и сразу же возникли у начальства вопросы, и просто посторонние люди просто начинали высказываться. И когда у нас с мамой шли разговоры, и мама просила надевать светлое. К сожалению, экстремистские направления связаны с черным... Через черное они хотят показать, что они более богобоязненны... Если честно, нам самим страшно, и мы сами боимся женщин в черном. И мы понимаем, почему они носят черное» [Архив авторов, интервью с И., 2013].

В заключение следует отметить, что тематика, связанная с исламским религиозным платком, в российском немусульманском культурном контексте является политизированной. Ношение хиджабов — публичный акт, который в современных российских условиях принимает характер политического действия. Женщины, надевающие хиджаб, публично позиционируют себя, во-первых, как представители религиозного меньшинства, ценности и интересы которого либо неизвестны, либо необычны, либо неприемлемы, либо безразличны по отношению к остальным группам российского общества. Во-вторых, мусульманки в хиджабах ставят под сомнение соответствие нормам ислама этос мусульманок, не носящих хиджаб, в глазах заметной части мусульманского сообщества. В-третьих, ношение хиджаба и отношение к этой норме является линией разделения на «правильных» и «неправильных» мусульманок и мусульман внутри исламского сообщества России.

В результате интериоризации социальных и гендерных отношений ношение мусульманского хиджаба не только становится религиозным символом (выражением экзистенциального) и частью мусульманской идентичности, маркируя принадлежность к исламу, а также проявлением женской идентичности и телесным опытом, но и наполнено политическим содержанием. Хиджаб политизирует всю публичную часть повседневной жизни его носительниц, что и делает их «чужими» среди «своих».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники и материалы

- Архив авторов. Интервью с И., Тюмень, 2013.
Архив авторов. Интервью с К.Р., Тюмень, 2014.
Архив авторов. Интервью с Н., Тюмень, 2014.
Архив авторов. Беседа с М.У., Тюмень, 2016.
Зачем нужно покрывало?: Пер. с араб.; Гл. редакция исламской лит.; Изд-во «БАДР», 1997. 24 с.
Зиннурова Э. Обязанность соблюдать хиджаб: Как ее понимать? [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://vhijabe.ru/hijab/obyazannost-soblyudat-hidzhab-kak-ee-ponimat>.
Коран: Перевод смыслов и комментарии В. Прохоровой. 12-е изд. М.: Рипол-классик, 2013. 800 с.
Кто призывает опростоволоситься? // Истина. 2012, октябрь. С. 3.
Муфтий Удмуртии Фаиз-хазрат. Пятничная хутба: Носить хиджаб — это требование Всевышнего // Муслим [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.muslimpress.ru/pyatnichnaya-propoved/pyatnichnaya-xutba-nosit-xidzhab-%E2%80%93-eto-trebovanie-vsevysnogo.htm>.
Полевой дневник № 1. Шишелякина А.Л., Тюмень, 2014.
Путин не считает ношение хиджабов в школах национальной традицией [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.business-gazeta.ru/text/79246>; <http://smartnews.ru/politics/russia/1116.html>; <http://www.rodina.ru/novosti/Putin-ne-schitaet-noshenie-xidzhabov-v-shkolax-nacionalnoj-tradiciej>.
Расскажи мне об Исламе: Краткая энциклопедия для начинающих. М., 2014. 164 с.

- Стоп хиджаб [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://yvision.kz/post/344662>, <https://vk.com/stophijabinkz>.
Хабиб Ф. История хиджаба у татар [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.info-islam.ru/publ/religija/istorija_islama/istorija_khidzhaba_u_tatar/10-1-0-22702.
Хиджаб [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.islam.ru.
Хиджаб: Одежда и стиль жизни // Хикмет. 2011, декабрь. С. 12.
«Хукм» сокрытие лица и кистей рук в шафиитском мазхабе [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://asharit.livejournal.com/89494.html>.
Языджи С. Основы исламских знаний. Вероучение, Поклонение, Нравственность. М.: Сад: ИХЛАС, 2007. 348 с.

Литература

- Бурдые П. Мужское господство / Пер. с фр. Ю.В. Марковой. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://bourdieu.name/files/domination.pdf>.
Гараев Д. Хиджаб в Казани: Исламские ценности в мусульманской молодежной субкультуре // Россия и мусульманский мир. 2008. № 9. С. 42–49.
Губин М.Ю. Мусульманский религиозный платок в России: Конституционно-правовой взгляд // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 11. С. 29–34.
Доде З.В. Платок и хиджаб. Папаха и чалма: О национальных и конфессиональных традициях в костюме народов Северного Кавказа // ЭО. 2013. № 4. С. 129–154.
Евлоева Л.М. Современная религиозная ситуация в Ингушетии // Вестник Майкоп. гос. технол. ун-та. 2016. № 3. С. 135–141.
Канцер Ю.А. Хиджаб в учебных заведениях: Запретить нельзя разрешить // Советник юриста. 2014. № 7. С. 96–101.
Лункин Р. Дело о хиджабах в Мордовии // Информационно-аналитический центр «Сова» [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.sova-center.ru/religion/publications/2015/03/d31436>.
Мартыненко А.В., Надькин Т.Д. Запрет хиджабов в школах Мордовии: Анализ конфликтной ситуации // Духовная жизнь российских региональных сообществ: История, традиции, современность. Казань: Казан. гос. архитектур.-строит. ун-т, 2015. С. 142–146.
Позднякова Т.С. Мода в полиэтничном обществе: Этнорелигиозное влияние // Вестник Адыг. гос. ун-та. Сер. 1, Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 2. С. 117–122.
Поленина С.В. Права девочек в контексте норм Конституции РФ // Гос-во и право. 2013. № 8. С. 27–34.
Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя: АНО «Женский проект Спб», 2007. 496 с.
Сайфутдинова Г.Б., Вахиуллина Л.Р. Хиджаб как этноконфессиональный индикатор в полиэтничном пространстве // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 11-2. С. 106–108.
Клюева В.П., Шестаков Е.Н. Конфессиональная ситуация в Тюменской области в 2015 году // Информационно-аналитический центр «Сова» [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.sova-center.ru/religion/publications/2016/04/d34225/?print=1>.
Юнусова А.Б. Ислам и мусульмане в общественном и бытовом пространстве Башкортостана // Россия и мусульманский мир. 2007. № 11. С. 3253.
Abu-Lughod L. Do Muslim Women Really Need Saving? Anthropological Reflections on Cultural Relativism and Its Others // Amer. Anthropologist. Sept. 2002. Vol. 104. № 3. P. 783–790.
Al Wazni A.B. Muslim Women in America and Hijab: A Study of Empowerment, Feminist Identity, and Body Image // Social work. Oct. 2015. Vol. 60. № 4. P. 325–333.
Ali S.R., Yamada T., Mahmood A. Relationships of the Practice of Hijab, Workplace Discrimination, Social Class, Job Stress, and Job Satisfaction Among Muslim American Women // Journal of employment counseling. Dec. 2015. Vol. 52. № 4. P. 146–157.
Castro C.M. To wear or not to wear the hijab in Brazil? An analysis of Islamic religiosity in a minority context // Religiao & Sociedade. Dec. 2015. Vol. 35. № 2. P. 363–383.
Dustin M., Phillips A. Whose agenda is it? Abuses of women and abuses of «culture» in Britain // Ethnicities. Sept. 2008. Vol. 8. № 3. P. 405–424.
Hoekstra M., Verkuyten M. To be a true Muslim: Online discussions on the headscarf among Moroccan-Dutch women // Gender place and culture. Oct. 2015. Vol. 22. № 9. P. 1236–1251.
McGinty A.M. Emotional geographies of veiling: the meanings of the hijab for five Palestinian American Muslim women // Gender place and culture. 2014. Vol. 21. № 6. P. 683–700.
Mishra S., Shirazi F. Hybrid identities: American Muslim women speak // Gender place and culture. 2010. Vol. 17. № 2. P. 191–209.
Ruby T.F. Listening to the voices of hijab // Womens studies international forum. Jan.-Febr. 2006. Vol. 29. № 1. P. 54–66.
Williams R.H., Vashi G. Hijab and American Muslim women: Creating the space for autonomous selves // Sociology of religion. Febr. 2007. Vol. 68. № 3. P. 269–287.

A.L. Shisheliakina*, I.V. Bobrov**

*Institute of Problems of Development of the North,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: shishelyakina@mail.ru

**Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: bobrov-tyumen@yandex.ru

FOREIGN NATIVES: ON PRACTICES OF WEARING OF A MUSLIM HEADSCARF IN A NON-MUSLIM REGION OF RUSSIA

Using gender approach, the article describes mutually excluding standards for Muslim women who wear hijab in everyday life in one of the non-Muslim regions of Russia — Tyumen region. On the one hand, secular society imposes restrictions on wearing hijabs. On the other hand, Muslim women and Muslim community basing on religious norms insist that a woman must be «covered» when being in public. Besides, within the Muslim community it is discussed how a hijab should look, and the parties involved in this discussion stigmatize each other. In this regard, the issue of interest is to clarify what wearing a religious headscarf means for young Muslim women. What impact do hijab restrictions have on their daily lives?

Key words: Islam, a Muslim headscarf, hijab, woman, Muslim, gender, everyday practices, Tyumen region.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-146-154

REFERENCES

- Abu-Lughod L., 2002. Do Muslim Women Really Need Saving? Anthropological Reflections on Cultural Relativism and Its Others. *American Anthropologist*, Sept., vol. 104, no. 3, pp. 783–790.
- Al Wazni A.B., 2015. Muslim Women in America and Hijab: A Study of Empowerment, Feminist Identity, and Body Image. *Social work*, Oct., vol. 60, no. 4, p. 325–333.
- Ali S.R., Yamada T., Mahmood A., 2015. Relationships of the Practice of Hijab, Workplace Discrimination, Social Class, Job Stress, and Job Satisfaction Among Muslim American Women. *Journal of employment counseling*, Dec., vol. 52, no. 4, pp. 146–157.
- Bourdieu P., 2005. *Muzhskoe gospodstvo* [Masculine Domination], perevod Markovoi Iu.V., Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; St. Petersburg: Aleteia, available at: <http://bourdieu.name/files/domination.pdf>.
- Castro C.M., 2015. To wear or not to wear the hijab in Brazil? An analysis of Islamic religiosity in a minority context. *Religio & Sociedade*, Dec., vol. 35, no. 2, pp. 363–383.
- Dode Z.V., 2013. Platok i khidzhab. Papakha i chalma: O natsional'nykh i konfessional'nykh traditsiiakh v kostiume narodov Severnogo Kavkaza [A headscarf and a hijab. A papakha and a turban: On national and religious traditions in clothes among the peoples of the North Caucasus]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 129–154.
- Dustin M., Phillips A., 2008. Whose agenda is it? Abuses of women and abuses of «culture» in Britain. *Ethnicities*, Sept., vol. 8, no. 3, pp. 405–424.
- Evloeva L.M., 2016. Sovremennaiia religioznaia situatsiia v Ingushetii [Contemporary religious situation in Ingushetia]. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, no. 3, pp. 135–141.
- Garaev D., 2008. Khidzhab v Kazani: Islamskie tsennosti v musul'manskoi molodezhnoi subkul'ture [Hijab in Kazan: Islamic values in the Muslim youth subculture]. *Rossia i musul'manskii mir*, no. 9, pp. 42–49.
- Gubin M.Iu., 2011. Musul'manskii religiozni platok v Rossii: Konstitutsionno-pravovoi vzgliad [A Muslim religious headscarf in Russia: A constitutional and legal review]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 11, pp. 29–34.
- Hoekstra M., Verkuyten M., 2015. To be a true Muslim: Online discussions on the headscarf among Moroccan-Dutch women. *Gender place and culture*, Oct., vol. 22, no. 9, pp. 1236–1251.
- Iunusova A.B., 2007. Islam i musul'mane v obshchestvennom i bytovom prostranstve Bashkortostana [Islam and Muslims in the public and private space of Bashkortostan]. *Rossia i musul'manskii mir*, no. 11, pp. 32–53.
- Kantser Iu.A. 2014. Khidzhab v uchebnykh zavedeniakh: Zapretit' nel'zia razreshit' [Hijab in schools: Ban impossible to resolve]. *Sovetnik iurista*, no. 7, pp. 96–101.
- Kliueva V.P., Shestakov E.N. Konfessional'naia situatsiia v Tiimenskoi oblasti v 2015 godu [Religious situation in Tyumen region in 2015]. *Informatsionno-analiticheskii tsentr «Sova»*, available at: <http://www.sova-center.ru/religion/publications/2016/04/d34225/?print=1>.
- Lunkin R. Delo o khidzhabakh v Mordovii [The case over hijabs in Mordovia]. *Informatsionno-analiticheskii tsentr «Sova»*, available at: <http://www.sova-center.ru/religion/publications/2015/03/d31436>.
- Martynenko A.V., Nadykin T.D., 2015. Zapret khidzhabov v shkolakh Mordovii: Analiz konfliktnoi situatsii [The ban of headscarves in schools of Mordovia: Analysis of the conflict]. *Dukhovnaia zhizn' rossiiskikh regio-*

nal'nykh soobshchestv: Istorii, traditsii, sovremennost', Kazan: Kazanskii gosudarstvennyi arkhitekturno-stroitelnyi universitet, pp. 142–146.

McGinty A.M., 2014. Emotional geographies of veiling: the meanings of the hijab for five Palestinian American Muslim women. *Gender place and culture*, vol. 21, no. 6, pp. 683–700.

Mishra S., Shirazi F., 2010. Hybrid identities: American Muslim women speak. *Gender place and culture*, vol. 17, no. 2, pp. 191–209.

Polenina S.V., 2013. Prava devochek v kontekste norm Konstitutsii RF [Girls' rights within the framework of the norms of the Russian Constitution]. *Gosudarstvo i pravo*, no. 8, pp. 27–34.

Pozdnyakova T.S., 2010. Moda v polietnichnom obshchestve: Etnoreligioznoe vliianie [Fashion in a multiethnic society: Ethnic and religious influence]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo unversiteta*, vol. 1: Regionovedenie: Filosofiia, istoriia, sotsiologiiia, iurisprudentsiia, politologiiia, kul'turologiia, no. 2, pp. 117–122.

Pushkareva N.L., 2007. *Gendernaia teoriia i istoricheskoe znanie* [Gender theory and historical knowledge], St. Petersburg: Aleteiia; ANO «Zhenskii proekt Stb», 496 p.

Ruby T.F., 2006. Listening to the voices of hijab. *Womens studies international forum*, Jan.-Febr., vol. 29, no. 1, pp. 54–66.

Saifutdinova G.B., Vakhiullina L.R., 2015. Khidzhab kak etnokonfessional'nyi indikator v polietnichnom prostranstve [Hijab as an ethno-religious indicator in multiethnic space]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 11-2, pp. 106–108.

Williams R.H., Vashi G., 2007. Hijab and American Muslim women: Creating the space for autonomous selves. *Sociology of religion*, Febr., vol. 68, no. 3, pp. 269–287.

И.В. Бобров*, М.С. Черепанов**

*ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ

E-mail: bobrov-tyumen@yandex.ru

**Институт проблем освоения Севера СО РАН

ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ

E-mail: maximcherepanov@yandex.ru

ФРАГМЕНТАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ВЛАСТИ В ИСЛАМЕ (тюменский случай на рубеже XX–XXI вв.)

С конца 1980-х гг. в социальных науках наблюдается неуклонный рост интереса к исламу. Становится все более ясно, что на практике исламское вероучение реализуется в различных, зачастую конфликтующих между собой, вариациях. Что влияет на процесс формирования настолько отличающихся версий ислама? Одним из путей поиска ответа на этот вопрос является исследование религиозной власти и авторитета. В данной статье на эмпирическом материале Тюменской области в период с начала 1990-х гг. и до 2016 г. анализируется одно из проявлений фрагментации власти в исламе — умножение позиций религиозного авторитета. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. основными позициями исламского авторитета на территории региона были муллы, абыстай, хранители астана и организаторы религиозных обрядов из числа жителей той или иной местности. В результате их деятельности складывались различные локализации адатного ислама, включавшие в том числе суфийские практики. В начале 1990-х гг. при наличии прежних позиций исламского авторитета стали формироваться новые: улемы и имамы. Их попытки централизации религиозной власти с целью обеспечения единообразия исламских смыслов и практик привели к еще большей ее фрагментации, увеличив догматико-обрядовые локализации ислама. К уже существовавшим локализациям адатного ислама стали прибавляться все более оформляющиеся локализации различных школ суфизма, а также версии салафизма, отвергавшие все практики и смыслы, не обоснованные Кораном, Сунной и фетвами авторитетных, в основном зарубежных, богословов. Кроме того, сегодня в регионе локализована и шиитская интерпретация исламского вероучения. Наряду с этим с конца 1990-х гг. формируется еще одна, новая для религиозного поля региона, позиция — исламские политические активисты. Их усилиями локализация ислама стала происходить в виде религиозно-политических концепций: от признания возможности жить по законам светского государства до джихадизма. В результате исследования материалов Тюменской области в период с начала 1990-х гг. и до настоящего времени установлено увеличение позиций религиозного авторитета в исламе, повлекшее рост интерпретаций исламского вероучения.

Ключевые слова: ислам, религиозная власть, религиозный авторитет, интерпретации ислама, фрагментация власти.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-155-162

В последние десятилетия в социальных науках наблюдается рост интереса к исламу. Становится все более ясно, что на практике исламское вероучение реализуется в различных, зачастую конфликтующих между собой, вариациях. Что влияет на процесс формирования настолько отличающихся версий ислама? Одним из путей поиска ответа на этот вопрос является исследование религиозной власти и авторитета [DeWeese, 2010; Robinson, 2009, p. 339, 354; Speaking for Islam..., 2006, p. 1–14]. Но что понимать под «религиозной властью» и «религиозным авторитетом»?

Понятие «власть» является одним из базовых для значительной части гуманитарных и социологических концепций. Наиболее известными исследователями, пытавшимися сформулировать свое видение «власти» и инструментализировать его, были Томас Гоббс, Макс Вебер, Гарольд Лассуэлл, Роберт Даль, Талкотт Парсонс, Ханна Арендт, Стивен Льюкс, Мишель Фуко, Энтони Гидденс, Юрген Хабермас, Пьер Бурдьё и др. Несмотря на рациональную обоснованность и логичность, предлагаемые ими определения «власти» чаще всего находятся в противоречии друг с другом по ряду концептуальных вопросов. Эти вопросы определены В.Г. Ледяевым, давшим, на наш взгляд, наиболее обстоятельные обзоры подходов к «власти» и противоречий между ними.

1. Что есть власть: потенциал, действие или и то и другое?
2. Власть сделать что-то или власть над кем-то?
3. Может ли власть осуществляться не намеренно?
4. Кто является субъектом власти: индивиды, группы, организации или же социальные структуры и системы?
5. Означает ли власть, по определению, конфликт, оппозицию, сопротивление, асимметрию?
6. Что является объектом воздействия власти: интересы, предпочтения, поведение, сознание, выбор деятельности? [Ледяев, 1996, 2000а, 2011].

Последовательно отвечая на эти вопросы, В.Г. Ледяев предлагает собственную концептуализацию «власти». *Власть* — способность субъекта обеспечить подчинение объекта в соответствии со своими намерениями [Ледяев, 2000а, с. 105]. *Авторитет* при этом определяется как форма власти, при которой подчинение объекта субъекту осуществляется в силу наличия у последнего неких свойств или статуса [Ледяев, 2000б, с. 7].

Исходя из данных определений «власти» и «авторитета», с одной стороны, и учитывая специфику структуры религиозных отношений как пространства, где власть осуществляется,— с другой¹, мы концептуализировали понятия «религиозная власть», «религиозный авторитет» и «позиция религиозного авторитета» следующим образом:

Религиозная власть — способность субъекта менять представления объекта относительно сверхчувственного мира.

Религиозный авторитет — форма религиозной власти, при которой способность субъекта менять представления объекта относительно сверхчувственного мира обеспечивается наличием у первого неких свойств или статуса.

Позиция религиозного авторитета — совокупность свойств субъекта, обеспечивающая способность менять представления объекта относительно сверхчувственного мира.

Опираясь на данные определения, формулируем следующую *гипотезу*: умножение позиций религиозного авторитета выступает одним из проявлений фрагментации религиозной власти, ведущим к росту интерпретаций религиозного вероучения.

Для эмпирической апробации данного утверждения применительно к российским регионам нами привлечены данные по изменению ландшафта позиций исламского авторитета в Тюменской области в период с начала 1990-х гг. и до настоящего времени. Источниками данных являются материалы государственного архива Тюменской области, интервью с представителями мусульманских общин Тюменской области, мусульманские средства массовой информации, научно-аналитические (исторические и социологические) работы.

К моменту распада коммунистической системы в конце 1980-х — начале 1990-х гг. основными позициями исламского авторитета на территории региона были *мулла*, *абыстай*, *хранитель/смотритель астана* и *организатор религиозных обрядов из числа жителей той или иной местности*.

*Мулла*² — позиция исламского авторитета, занимавшаяся только мужчинами, осуществлявшими религиозные обряды и выносившими суждения о соответствии/несоответствии поведения исламскому вероучению [ГБУТО ГАТО, ф. 5, оп. 1, д. 1580, л. 20]. Муллы не имели специального религиозного образования, были самодеятельны, содержались за счет пожертвований (продукты питания, одежда, деньги) населения, в среде которого осуществлялась деятельность. Занимавшие данную позицию персоны, как правило, называли себя потомственными религиозными специалистами, имевшими опыт соприкосновения со сверхчувственным миром посредством знамений (в основном снов). Вместе с тем в Тюменской области были «нередки факты, когда отец учительницы, секретаря парторганизации являлся “нелегальным” муллой» [Клюева, 2009, с. 121].

Мусульмане, родившиеся на территории региона, при ответе на вопрос, каким образом ислам присутствовал в их повседневной жизни, достаточно часто вспоминают о встречах с муллами в детстве. «У нас в деревне, по деревне в четверг-пятницу, по деревне ходил местный, ну,

¹ В качестве ориентира по вопросу специфики структуры религиозных отношений для нас выступала работа П. Бурдые [2007].

² В среде мусульман Тюменской области понятия «мулла» и «имам» зачастую употребляются в качестве синонимов. В данной статье авторы различают эти понятия по критериям отсутствия/наличия религиозного образования, самодеятельности/включенности в исламские институции.

скажем, мулла он, ходил по домам и читал, по моим понятиям, как сейчас рассуждаю, раз не было муллы как такового, все было под запретом, он ходил по домам и читал в четверг-пятницу, ну, вот эти аяты, суры из Корана. Заходил в дом, садился. Если родители... на работе были, как обычно... они наказывали нам, детям: вот придет такой-то бабай, вот, например, яичко, вот мука, вот молоко — то, что в доме было. С деньгами туго было, поэтому продуктами с ним рассчитывались. Он ходил с котомкой, ему там нагружали, вот так деревню обходил» [Интервью с М.А., 2011]. «Еще были старики, я такого одного помню, которые приходили к нам домой в пятницу или четверг и читали молитву. Некоторые его угощали чаем... То есть были такие странствующие старики. Этот старик приезжал из Сингулей (д. Сингуль, Ялуторовский район, Тюменская область. — *Прим. авт.*). Какое-то время его могло не быть, потом он опять приходил. Может, он и в других деревнях так ходил. Так я сталкивался с исламом» [Интервью с М.Р., 2011].

Наряду с этим к концу 1980-х гг. существовала и такая позиция исламского авторитета, как *абыстай*. Ее занимали женщины, которые в отсутствие мулл информировали население о правилах проведения обрядов и выносили суждения о соответствии/несоответствии поведения исламскому вероучению. Абыстай также не имели специального религиозного образования, были самодельными, получали продукты питания, одежду, деньги от населения, в среде которого осуществлялась деятельность [Кабдулвахитов, 2005, с. 155; Ключева, 2009, с.119]. Анализ тюменской прессы позволил сотрудникам ИПОС СО РАН обнаружить интересные сюжеты о данной позиции исламского авторитета. Так, по данным статьи «Тюменской правды» 1964 г., «...жена коммуниста, председателя группы содействия партгосконтролю Файзуллина Зайнап стала абыстаем (начитанной женщиной) в деревне, исполняет роль муллы» (цит. по: [Ключева, 2009, с. 120]).

Хранитель/смотритель астана (мавзолеи почитаемых личностей/святых подвижников) — позиция исламского авторитета, занимавшаяся как мужчинами, так и женщинами, ответственными за сохранность мавзолея и организацию (в случае с мужчинами) или информирование о правилах осуществления (в случае с женщинами) религиозных обрядов на месте его нахождения [История и культура..., 2015, с. 512–513; Культ святых..., 2009, с. 145]. Хранители астана не имели специального религиозного образования, были самодельными, содержались за счет денежных пожертвований посетителей астана. Право занимать данную позицию определялось принадлежностью человека к роду святого подвижника, удостоверяемой родословной грамотой (*сэцэра*), и передавалось по наследству [Культ святых..., 2009, с. 131]. Однако исследователи выделяют и случаи, когда данная позиция занималась не потомками хранителей астана. «Весьма распространенным был случай, когда сам святой подвижник являлся смотрителю во сне и указывал, кто должен стать следующим смотрителем. Кроме того, смотритель мог избираться на сходе общины верующих, и им мог стать мулла» [Селезнев и др., 2009, с. 131].

Организаторы обрядов из числа местных жителей. В условиях отсутствия религиозных специалистов обязанности по организации и проведению религиозных обрядов брали на себя местные жители, в ходе семейной жизни усвоившие порядок их проведения. Это были люди без специального религиозного образования, не связанные с какими-либо исламскими институтами, основную часть своего времени посвящавшие нерелигиозной деятельности [Ключева, 2009, с. 119, 121].

Общим для описанных позиций исламского авторитета было то, что они существовали вне связей с религиозными институтами, персоны, их занимавшие, не получили специального исламского образования, содержались за счет населения, в среде которого осуществлялась деятельность. Они воспроизводили как общие, так и специфические для каждой местности региона смыслы и практики, ассоциированные с исламом. В результате складывались различные локализации (практики воспроизводства) адатного ислама, включавшие в том числе суфийские практики.

После смены политико-правового режима свободы совести в начале 1990-х гг. представители местного населения стали все чаще выезжать в страны СНГ и арабского Востока для обучения исламу, открылся доступ к источникам исламского вероучения мировых просветительских центров. В то же время имели место внутренняя и внешняя миграции населения на территорию региона из Средней Азии, с Северного и Южного Кавказа, в результате которых население городов становилось все более поликультурным. Эти процессы формировали спрос на религиозных специалистов, обладавших набором компетенций, выходящим за рамки социального опыта прежних авторитетов. Таким образом, при наличии прежних авторитетных исламских позиций стали формироваться новые: *улем* и *имам*.

Улем — позиция исламского авторитета, занимаемая только мужчинами, получившими специальное религиозное образование и имевшими связи с местными и/или зарубежными ре-

лигиозными институциями. В Тюменской области именно они стали создателями религиозной инфраструктуры и системы исламского просвещения. Они привлекали финансовые средства на строительство мечетей, приглашали улемов из стран СНГ и арабского Востока, налаживали связи для отправки желающих получать образование за рубеж, создавали на местах советы улемов или индивидуально выносили шариатские заключения. Их усилиями к концу 2000-х гг. была сформирована и позиция имамов.

Многие сюжеты, раскрывающие свойства и деятельность улемов, содержат интервью с бывшими и настоящими руководителями мусульманских организаций региона. «...Я, будучи в тридцатилетнем возрасте, сменив светскую профессию, уехал на учебу в медресе «Мир-Араб» в Бухару... Проучился я в медресе с 1981 по 1986 г. ... Вернувшись после окончания учебы... я приступил к обязанностям мухтасиба Тюменской и Курганской областей. Тогда в Тюменской области не было ни одной действующей мечети, а лишь по одному молитвенному дому в Тюмени и Тобольске... В настоящее время под юрисдикцией нашего Духовного управления официально зарегистрировано 49 мечетей, более 10 мечетей — на стадии завершения документации для регистрации [Добрые дела..., 2012, с. 3]; «...у нас в Узбекистане во все времена велось обучение исламскому шариату. И в советское время, наряду с обучением в светских школах, желающие могли получить и духовное образование... Мой отец в свое время получил и светское, и духовное образование, и я вместе со своими сверстниками, не раздумывая, пошел к остазу — наставнику, получил у него начальное духовное образование... После школы поработал, потом отслужил в армии, женился. И уже после всего этого осознанно выбрал свой путь — путь духовного наставника (имеется в виду поступление в медресе. — Прим. авт.)... Что потянуло вас именно сюда, в Сибирь? ...Галимзян-хазрат Бикмуллин, окончивший в 1986 году медресе в Бухаре, открыл в п. Парфеново г. Тюмени молельный дом и начал обучать прихожан азам нашей религии. В первое время положение было плачевное, умеющих читать Коран было так мало, что старики сетовали на то, что, когда умрут, некому будет читать над ними дженаза. Тогда Галимзян-хазрат, собрав группу из желающих обучиться духовной грамоте, повез в города Андижан, Ош и устроил их на учебу в медресе. Он обратился также к достопочтимым имамам республик Средней Азии с просьбой направить в Тюмень квалифицированных священнослужителей для обучения сибиряков основам Ислама. И вот в 1993–1994 годах мы, молодые муллы, по направлению Духовного управления республики Узбекистан поехали с семьями в этот край, где люди ждали нашей помощи» [Представители..., 2012, с. 6].

Имам — позиция исламского авторитета, занимаемая только мужчинами, ответственными за организацию и проведение мечетных собраний, исламское просвещение местного населения. До середины 1990-х гг. функции имамов мечетей выполняли, как правило, муллы, абыстай, хранители астана и организаторы религиозных обрядов из деревень региона. Однако с появлением улемов и началом исламского просвещения их все чаще стали вытеснять ставленники улемов либо избираемые локально-территориальными общинами персоны из числа местных жителей, имевших полное или незаконченное религиозное образование.

За иллюстрациями свойств и деятельности, характеризующих данную позицию исламского авторитета, стоит также обратиться к интервью с бывшими и настоящими руководителями мусульманских организаций. «Я по рождению мусульманин, нас так воспитывали, обучали молитвам с раннего детства, я всегда чувствовал, что Аллах есть, уповал на Аллаха, боялся Его и просил... Я родился и вырос в Тюмени, учился в школе-гимназии № 1, окончил юридический факультет Современной гуманитарной академии г. Москва и сразу поступил в ТюмГУ, закончил экономический факультет. Одновременно ходил на исламские курсы при мечети. После этого поступил в Исламский университет имени имама Мухаммада ибн Сауда в столице Саудовской Аравии г. Ар-Рияд... закончил почти на отлично два курса... пришлось прервать учебу по семейным обстоятельствам, но я сразу поступил в Альметьевское медресе, и слава Аллаху, успешно закончил его, получил диплом. В первые годы работал юристом, следователем, теперь веду проповеди в качестве имама-хатыйба в мечети «Хадиджа» в поселке Казарово (находится на территории г. Тюмени. — Прим. авт.)... Некоторые пытаются национализировать Ислам, выделяя татарский Ислам, чеченский ислам, арабский Ислам и так далее. А религия Ислам она одна, и такая, какой ее ниспослал для нас Всевышний. И все догматы одинаковы для всех, независимо от национальной принадлежности. Есть адаты — обычаи разных народов, которые не противоречат шариату. Ислам приветствует их и подтверждает. Если противоречит Исламу, то мы эти обычаи принять не можем» [Абдулла-хазрат..., 2012, с. 3]; «Мне 42 года, родился в сен-

Фрагментация религиозной власти в исламе (тюменский случай на рубеже XX–XXI вв.)

тябре 1970 года в селе Карачино Тобольского района. Родители мои из древней татарской деревни Тоболтура этого же района... к вере я пришел поздновато в 30 лет в связи со знаменательной датой — священным месяцем Рамадан... Брал уроки у Касима-хазрата, он обучал меня арабскому языку, я научился читать Коран... в 2000 году решил поехать в Бугурусланское медресе на курсы... Вернулся я домой в январе 2001 года... и деда — аксакалы, бабайлар, избрали меня имамом мечети поселка Борковский (Тюменский район Тюменской области. — *Прим. авт.*). Затем Галимзян-хазрат — председатель Духовного управления мусульман Тюменской области, под чьей юрисдикцией находится наша мечеть, назначил меня мухтасибом по Тюменскому району... в этом году закончил (респондент говорит о себе. — *Прим. авт.*) Альметьевское исламское медресе, учился заочно... Ислам объединяет мусульман разных национальностей, поэтому на первое место надо ставить вероучение, уже потом национальные особенности, и ни в коем случае не смешивать религиозные обряды с национальными традициями, присущими какому-то народу. А это кое-где произошло и породило некий “традиционный Ислам”. Ведь национальные традиции у разных национальностей разные: у татар — одни, у ингушей — другие, у башкир — третьи и так далее. Что получится, если смешать их все вместе с религиозными обрядами? Что тогда останется от Ислама? Неправильно все это — деление Ислама на традиционный, нетрадиционный, татарский или казахский» [Абдулкаюм-хазрат..., 2012, с. 2].

Общим для этих позиций религиозного авторитета было то, что персоны, их занимавшие, имели специальное религиозное образование, создавали либо включались в уже действующие региональные, российские, международные исламские институты. Их попытки централизации религиозной власти с целью обеспечения единообразия исламских смыслов и практик привели к еще большей ее фрагментации, увеличив догматико-обрядовые локализации ислама. К уже существовавшим локализациям адатного ислама стали прибавляться все более оформляющиеся локализации различных школ суфизма, а также версии салафизма, отвергавшие все практики и смыслы, не обоснованные Кораном, Сунной и фетвами авторитетных, в основном зарубежных, богословов. Кроме того, в настоящее время в регионе локализована и шиитская интерпретация исламского вероучения [Балдин, 2011, с. 7, 13; Бекдаир, 2010; Галимзян-хазрат..., 2012, с. 2–3; Кадршаев, 2015; Как Галимжана-хазрата выбирали пожизненным муфтием..., 2011, с. 4; Молитвенный дом..., 2015; Тюмень..., 2015].

В период с конца 1990-х гг. формируется еще одна, новая для религиозного поля Тюменской области, позиция — *исламские политические активисты*. В отличие от улемов и имамов персоны, занимающие данную позицию, не имеют религиозного образования, однако в ходе самообразования и постоянного общения в мусульманской среде получают дискурсивное знание о значимых темах и спектре существующих мнений. Исламские политические активисты, как правило, независимы от улемов и имамов, имеют собственные связи с местными и/или зарубежными исламскими институтами [Клюева и др., 2008, с. 9]. Их усилиями локализация ислама происходит в виде религиозно-политических концепций: от признания возможности жить по законам светского государства до джихадизма [В Тюмени приговорили..., 2015; Укротят ли имамы..., 2010, с. 5].

В своем интервью один из тюменских имамов, анализируя опыт взаимодействия с персонами, занимающими позиции исламских политических активистов, смог выделить важные социальные и культурные характеристики тех, кто воспринимал и реализовал джихадистские религиозно-политические концепции. «Я сам анализировал: почему кто-то из ребят уехал? (имеется в виду уехал на территорию Сирии для присоединения к военным действиям на стороне джихадистского движения «Исламское государство» (запрещено в Российской Федерации). — *Прим. авт.*). Уезжали в основном «новые мусульмане», которые не так давно в религии. У них нет базы или основы понимания религии. Те ребята, которые по 5–10 лет ходят в мечети, посещают проповеди и уроки, у них есть база, понимание правильное религии... А новые мусульмане подобны спичке: быстро загораются и быстро потухли. Пришли в религию и начинают отовсюду информацию брать... у нас взяли молодых ребят: в 90-е годы мало кого воспитывали, это делала улица. И они с этим воспитанием приходят в мечеть. Что-то берут в голову, и с этим уличным воспитанием у них в комплексе трансформация происходит. Это часто выливается в горячность. И нет воспитания, нет привычки слушать старших, советоваться со старшими и учеными. У них нет авторитетов. Они и со своими родителями не советуются. Принимают быстро решения: кто-то сказал, и все. Что надо посоветоваться? Нет, им не надо. “Абдулла-хазрат

(имам мечети п. Казарово г. Тюмени. — *Прим. авт.*), Алишер-хазрат (имам Соборной мечети г. Тюмени до 2015 г. — *Прим. авт.*) они кто? Авторитеты, что ли? Они разве что-то знают? Сидят тут муфтиятские (как нас иногда называют), — думают многие из молодежи. Так понимаю, и убежден, что у этих людей убеждений нет. Понахватались всего...» [Интервью с А.Р., 2014].

Таким образом, в результате анализа данных по изменению ландшафта позиций исламского авторитета в Тюменской области в период с начала 1990-х гг. выявлено увеличение его (авторитета) позиций, повлекшее рост интерпретаций исламского вероучения. Следовательно, можно говорить о справедливости утверждения о фрагментации религиозной власти в исламе и для тюменского случая. Основные следствия этого явления в настоящее время следующие. Во-первых, для мусульман и сторонних наблюдателей расширен выбор того, что предлагается считать исламом: от сосредоточенности на локальных практиках до восприятия политических концепций. Во-вторых, в ходе религиозной и религиозно-политической конкуренции стали вестись споры о критериях авторитетности, в результате которых в публичный оборот вошли понятия «традиционный ислам» и «салафизм». При этом сегодня в публичном пространстве позиции мулл, абыстай, хранителей астана, организаторов религиозных обрядов из числа жителей деревень, части имамов и исламских политических активистов ассоциированы с «традиционным исламом», в то время как позиции улемов, части имамов и исламских политических активистов ассоциированы с «салафизмом».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Абдулкаюм-хазрат Исхаков: «Аллах не оставил меня» // Областная духовная культурно-просветительская газета «Хикмет». 2012. № 4 (16). С. 2–3.

Абдулла-хазрат: «Основная цель Ислама — духовно-нравственное совершенствование людей» // Областная духовная культурно-просветительская газета «Хикмет». 2012. № 3 (15). С. 3.

Балдин А. Бидга, что же это такое? // Тюменская мусульманская информационная газета «Муслим-инфо». 2011. № 1 (30). С. 7, 13.

Бекдаур И. Тюменские мюриды два дня чествовали Пророка // Информационно-аналитический портал «IslamRF». Режим доступа: <http://www.islamrf.ru/news/umma/reportages/11955>.

В Тюмени приговорили русского игильовца // Информационное агентство «Islam News» [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.islamnews.ru/news-476167.html>.

Галимзян-хазрат Бикмулин: «Съезд помог утвердиться в верности избранного пути» // Областная духовная культурно-просветительская газета «Хикмет». 2012. № 7 (19). С. 2–3.

ГБУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1580. Л. 20.

Добрые дела он делает без шума // Областная духовная культурно-просветительская газета «Хикмет». 2012. № 8 (20). С. 3.

Интервью с А.Р., муж., татарин, родился и в наст. время проживает в г. Тюмени, Тюмень, 15.07.2014 // Архив авторов.

Интервью с М.А., муж., татарин, 1951 г.р., родился в д. Нижний Ингал Заводоуковского района, в наст. время проживает в г. Ялуторовск. г. Ялуторовск, 16.07.2011 // Архив авторов.

Интервью с М.Р., муж. татарин, 1979 г.р., родился в д. Новоатъялово Ялуторовского района, в наст. время проживает в г. Ялуторовск. г. Ялуторовск, 15.07.2011 // Архив авторов.

Кадршаев М.Г. Мой ответ о причине приостановления мною пятничной проповеди: Листовка. Тюмень. 11.03.2015 // Архив авторов.

Как Галимжана-хазрата выбрали пожизненным муфтием ДУМ ТО // Тюменская мусульманская информационная газета «Муслим-инфо». 2011. № 1 (30). С. 4.

Молитвенный дом «Ахли Бейт» заработал в Тюмени // Информационный портал «Ислам в Тюменской области». Режим доступа: <http://umma72.ru/?p=261>.

Представители далекой и близкой Средней Азии — на Тюменской земле // Областная духовная культурно-просветительская газета «Хикмет». 2012. № 2 (14). С. 6.

Тюмень, молитвенный дом ингушской диаспоры // Видеохостинг «You Tube». 2 ноябр. 2015 г. Режим доступа: <https://youtu.be/zMh1vvJ2q8>.

Укротят ли имамы хизбов? // Тюменская мусульманская информационная газета «Муслим-инфо». 2010. № 4 (29). С. 5.

Литература

Бурдые П. Генезис и структура поля религии // Социальное пространство поля и практики. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 7–75.

История и культура татар Западной Сибири / З.А. Тычинских, Г.Ф. Габдрахманова. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 728 с.

Фрагментация религиозной власти в исламе (тюменский случай на рубеже XX–XXI вв.)

Кабдулвахитов К. По следам тюменских шейхов: Историческое расследование. Тюмень: Печатник, 2005. 238 с.

Клюева В., Бобров И., Черепанов М. Радикальный исламизм в Тюменской области // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2008. С. 9. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://eawarn.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=22&Itemid=33.

Клюева В.П. Жизнь в атеистическом государстве: мусульманские общины Тюменской области (1940–1960-е гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10. С. 117–121.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: Специфика универсального. М.: Марджани, 2009. 216 с.

Ледяев В.Г. Современные концепции власти: аналитический обзор // Социол. журнал. 1996. № 3–4. С. 109–126.

Ледяев В.Г. Власть: Концептуальный анализ // Полис. Политические исследования. 2000а. № 1. С. 97–107.

Ледяев В.Г. Формы власти: Типологический анализ // Полис. Политические исследования. 2000б. № 2. С. 6–18.

Ледяев В.Г. Концептуальные основания эмпирического исследования власти // Политическая концептология: Журнал междисциплинарных исследований. 2011. № 4. С. 50–65.

DeWeese D. Authority // Key Terms for the Study of Islam. Oxford: Oneworld, 2010. P. 26–52.

Robinson F. Crisis of Authority: Crisis of Islam? // Journal of the Royal Asiatic Society. 2009. Third Ser. Vol. 19. № 3. P. 339–354.

Speaking for Islam: Religious Authorities in Muslim Societies / G. Kramer, S. Shmidtke. Leiden: Brill, 2006. 310 p.

I.V. Bobrov*, M.S. Cherepanov**

*Malygina st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: bobrov-tyumen@yandex.ru

**Institute of the Problems of Northern development,
Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences

Malygina st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: maximcherepanov@yandex.ru

FRAGMENTATION OF RELIGIOUS AUTHORITY IN ISLAM (TYUMEN CASE AT THE TURN OF THE XXI CENTURY)

The social sciences have been demonstrating a steady growth of interest in Islam in recent decades. It is becoming more obvious that the Islamic faith has different, often conflicting, variations in practice. What influences the process of formation of such different versions of Islam? One way to answer this question is to study religious authority. This article is based on the empirical material gathered in Tyumen region since the beginning of the 1990s and analyzes multiplication of positions of religious authority, which is one of the manifestations of fragmentation of authority in Islam. In the late 1980s — early 1990s, basic positions of Islamic authority in the region were mullahs, abystai, astana keepers, and organizers of religious rites among the residents of a particular place. Their activities resulted in the appearance of different interpretations of Adat Islam, which included, among others, Sufi practices. In the early 1990s, new positions began to form alongside with the previously mentioned authoritative Islamic positions: the Ulema and imams. Their attempts to centralize religious authority in order to ensure uniformity of Islamic meanings and practices led to even bigger fragmentation of that authority and increased the number of dogmatic and ritual interpretations of Islam. The already existing interpretations of Adat Islam were supplemented by interpretations of different schools of Sufism, which were more and more taking shape, as well as versions of Salafism, which rejects all practices and meanings not justified by the Koran, the Sunna and fatwas of authoritative, mostly foreign, theologians. Moreover, up to date, the region has a localized Shiite interpretation of Islam too. In addition, Islamic political activists, another position, new for the regional religious field, has been formed since the late 1990s. Due to their efforts, Islam began to be interpreted as a range of religious and political concepts: from recognition of the possibility of living according to the secular laws to jihadism. Thus, the study of the materials of Tyumen region dated starting from the 1990s up to the present day identified a growth in positions of religious authority in Islam, resulting in multiplication of interpretations of Islamic teachings.

Key words: Islam, religious authority, interpretations of Islam, fragmentation of authority.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-155-162

REFERENCES

- Bourdieu P., 2007. *Genezis i struktura polia religii* [Genesis and structure of the religious field]. *Sotsial'noe prostranstvo polia i praktiki*, Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; St. Petersburg: Aleteiia, pp. 7–75.
- DeWeese D., 2010. *Authority. Key Terms for the Study of Islam*, Oxford: Oneworld, pp. 26–52.
- Kabdulvakhitov K., 2005. *Po sledam tiumenskikh sheikhov: Istoricheskoe rassledovanie* [In the footsteps of Tyumen sheiks: A historical investigation], Tyumen: Tipografiia Pechatnik, 238 p.
- Kliueva V., Bobrov I., Cherepanov M., 2008. Radikal'nyi islamizm v Tiumenskoj oblasti [Radical Islamism in Tyumen region]. *Biulleten' Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniia konfliktov*, p. 9, available at: http://eawarn.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=22&Itemid=33.
- Kliueva V.P., 2009. Zhizn' v ateisticheskom gosudarstve: Musul'manskije obshchiny Tiumenskoj oblasti (1940–1960-e gg.) [Living in an atheistic state: Muslim communities of Tyumen region (1940–1960s)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 10, pp. 117–121.
- Kramer G., Schmidtke S., 2006, (ed.). *Speaking for Islam: Religious Authorities in Muslim Societies*, Leiden: Brill, 310 p.
- Seleznev A.G., Selezneva I.A., Belich I.V., 2009. *Kul't sviatykh v sibirskom islame: Spetsifika universal'nogo* [The cult of saints in Siberian Islam: A specificity of the universal], Moscow: Mardzhani, 216 p.
- Lediaev V.G., 1996. Sovremennye kontseptsii vlasti: Analiticheskii obzor [Modern concepts of power: An analytical review]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3–4, pp. 109–126.
- Lediaev V.G., 2000a. Vlast': Kontseptual'nyi analiz [Power: A conceptual analysis]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 97–107.
- Lediaev V.G., 2000b. Formy vlasti: Tipologicheskii analiz [Forms of power: A typological analysis]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 6–18.
- Lediaev V.G., 2011. Kontseptual'nye osnovaniia empiricheskogo issledovaniia vlasti [Conceptual bases for the empirical research of power]. *Politicheskaja kontseptologija: Zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniij*, no. 4, pp. 50–65.
- Robinson F., 2009. Crisis of Authority: Crisis of Islam? *Journal of the Royal Asiatic Society*, no. 3, vol. 19, pp. 339–354.
- Tychinskikh Z.A., Gabdrakhmanova G.F., 2015, (ed.). *Istoriia i kul'tura tatar Zapadnoi Sibiri* [History and Culture of the West Siberian Tatars], Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 728 p.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

А.Ю. Рассадников

Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990, РФ
E-mail: iia-history@mail.ru

ОСТЕОФАГИЯ ДОМАШНИХ КОПЫТНЫХ НА ПОСЕЛЕНИЯХ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ (по археозоологическим и этнозоологическим материалам)¹

Представлено подробное описание костей, которые подверглись воздействию зубов (погрызу) крупного и мелкого рогатого скота, а также желудочных ферментов коров. Поедание костей копытными называется остеофагией. Кости с такими видами трансформации были обнаружены в археозоологических коллекциях двух укрепленных поселений бронзового века Южного Зауралья — Каменный Амбар и Коноплянка. При обработке коллекций и осмотре современных загонов удалось обнаружить все формы и стадии погрыза костей крупным и мелким рогатым скотом.

Ключевые слова: остеофагия, Южное Зауралье, бронзовый век, археозоология, этнозоология, погрыз костей копытными, крупный рогатый скот (*Bos taurus*), мелкий рогатый скот (*Ovis et aries*), воздействие желудочных ферментов копытных.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-163-168

Остеофагия, или поедание костей,— хорошо известное и описанное явление среди диких и домашних копытных всех размерных классов [Wyatt, 1971; Sutcliffe, 1973; Brothwell, 1976; Sekulig, 1977; Langman, 1978; Barrette, 1985; Keating, 1990; Juctus, 1990; Kierdorf, 1993, 1994; Bredin et al., 2008; Caceres et al., 2011, 2013; Hutson et al., 2013]. В российской литературе присутствуют описания костей только со следами повреждений от зубов (погрыза) и воздействия желудочных ферментов крупного рогатого скота из укрепленного поселения Каменный Амбар [Рассадников, 2012; Rassadnikov et al., 2013]. Упоминание костей со следами воздействия желудочных ферментов крупного рогатого скота и других видов копытных в зарубежной литературе найти не удалось.

Обнаружение следов остеофагии при обработке костного материала из поселенческих памятников обуславливает важность фиксации разновидностей воздействия на кости со стороны домашних копытных. Правильная интерпретация этих видов трансформаций позволит избежать ошибок в реконструкции хозяйственной, и в частности животноводческой, деятельности на древних поселениях.

Главной целью работы является введение в научный оборот и создание визуального образа основных и наиболее типичных признаков повреждения костей зубочелюстным аппаратом крупных и мелких домашних копытных, а также желудочно-кишечным трактом коров. Это должно помочь в последующем распознавании таких костей и их интерпретации археологами.

Археологический контекст

Укрепленное поселение Каменный Амбар (Ольгино) находится в Карталинском районе Челябинской области на левом берегу р. Карагайлы-Аят [Когутакова et al., 2013, р. 1]. Археологические слои поселения Каменный Амбар содержат материалы двух основных периодов функционирования: синташтинско-петровского — 2045–1980 (2100–1050) BC и срубно-алакульского — 1835–1760 (1890–1650) BC [Еримакхов et al., 2013, р. 139]. Укрепленное поселение Коноплянка расположено в Карталинском районе Челябинской области в верховьях р. Карагайлы-Аят, приблизительно в 2 км к СЗ от деревни, по наименованию которой получило название [Шарапова, 2014, с. 102]. Это однослойный памятник, содержащий материалы преимущественно синташтинско-петровского времени и предварительно датированный 1920–1745 гг. до н.э. [Шарапова, 2014, с. 108].

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ «Образ жизни населения Южного Зауралья в диахронной перспективе: от оседлых форм к подвижности (по материалам бассейна р. Карагайлы-Аят)» (проект № 16-18-10332).

Этнографический контекст

Было осмотрено в общей сложности 20 коровьих, лошадиных и овечьих загонов в долине р. Карагайлы-Аят (сельские поселения Варшавка, Коноплянка и Елизаветпольское). Большая часть осматриваемых загонов коровьи. Непосредственно вблизи раскопок поселения Каменный Амбар находится три действующих коровьих загона (2–4 км от места раскопок).

Материал и методика

Каменный Амбар. Всего выявлено 176 костей со следами погрыза крупным рогатым скотом (0,9 % всех костей). Следы воздействия желудочно-кишечного тракта коров обнаружены на 70 костных фрагментах (0,3 % всех костей). Зафиксировано также 20 костей со следами погрыза овцами и козами (0,1 % всех костей). Чуть больше половины всех таких костей относится к синташтинско-петровской фазе функционирования поселения, остальная часть — к срубно-алакульской фазе.

Коноплянка. Зафиксированы три костных фрагмента со следами погрыза крупным рогатым скотом и два фрагмента со следами погрыза мелким рогатым скотом. Костей с признаками воздействия желудочно-кишечного тракта коровы не выявлено. Все кости относятся к синташтинско-петровской фазе функционирования поселения.

При осмотре современных коровьих и овечьих загонов в долине р. Карагайлы-Аят собрано больше сотни костей с различной степенью погрыза крупным и мелким рогатым скотом. Найдено также около десятка костных фрагментов со следами воздействия желудочными ферментами крупного рогатого скота. Некоторые кости обнаружены в свежем коровьем навозе на площади загонов. Костей со следами прохождения через желудочно-кишечный тракт овец и коз найти не удалось. Не обнаружено и неопровержимых доказательств остеофагии у лошадей, хотя в некоторых работах упоминается о такой возможности на основании нетипичного износа моляров лошадей [Caceres et al., 2013, p. 3114].

В современных загонах найдены современные аналоги всем костям, обнаруженным на поселениях Каменный Амбар и Коноплянка, подвергнутым воздействию со стороны домашних копытных.

Результаты

Погрыз крупным рогатым скотом. Выделяется три основных стадии такого воздействия по трубчатым костям. Трубчатые кости являются самым многочисленным типом костей, которые подвергаются погрызу со стороны крупного и мелкого рогатого скота. По следам на найденных в коллекциях поселений и загонах коровьих метаподий удалось восстановить всю цепочку процесса изменения, от первоначального состояния кости до окончательной стадии деформации зубочелюстной системой крупного рогатого скота. Выявленные данные полностью совпадают с уже опубликованными данными по механизму погрыза трубчатых костей копытными [Caceres et al., 2011, p. 2769].

Стадия 1. Первые признаки погрыза на концах трубчатых костей крупным рогатым скотом выглядит как маленькие участки, на которых сточено компактное костное вещество и проглядывает губчатое костное вещество. Такие участки находятся по центру эпифиза и в 3–4 см от края кости. Вокруг участка с содранной компактой наблюдаются зашлифованность или зигзагообразные слабовыраженные бороздки (рис. 1).

Стадия 2. Наблюдается существенное оголение губчатого костного вещества на концах. По центру эпифиза может присутствовать значительная выемка. Переход от компактного к губчатому костному веществу очень плавный и зашлифован. На поверхности вокруг выемки могут отмечаться прямые или зигзагообразные бороздки, зашлифованность или волнистость поверхности. Бороздки, как правило, располагаются перпендикулярно оси кости (рис. 1).

Стадия 3. Эпифиз трубчатой кости полностью сточен. Конец кости представляет собой вилку — по центру погрыза наблюдается существенная выемка. Данная стадия, или «вилочный эффект» (forked bone), описана в нескольких работах, посвященных остеофагии копытных [Sutcliffe, 1973; Juctus, 1990; Kierdorf, 1993, 1994; Caceres et al., 2011, 2013; Hutson et al., 2013]. Вокруг места погрыза поверхность кости зашлифована, могут отмечаться прямые или зигзагообразные бороздки и волнистость (рис. 1).

Следы погрыза крупным рогатым скотом выявлены и на других костях скелета: нижних челюстях, позвонках, ребрах, черепах, таранных, пяточных костях и первых фалангах. Например, у пяточных костей крупного рогатого скота зубочелюстным аппаратом коров сточены боковые

Остеофагия домашних копытных на поселениях бронзового века Южного Зауралья...

поверхности пяточного бугра; у коровьих таранных костей — медиальные бугры либо один из блоков. Около них наблюдаются характерные при погрызах коров волнистая поверхность и залощенность. У первых фаланг крупного рогатого скота частично сточены дистальные суставные поверхности. Фрагменты ребер со следами погрыза имеют вилочный конец, залощенность и многочисленные продолговатые бороздки от зубов.

Рис. 1. Коровьи метаподии со следами погрыза крупным рогатым скотом из современных загонов и поселения Каменный Амбар: 1–3 — первая — третья стадии соответственно.

Кости со следами воздействия желудочных ферментов крупного рогатого скота. Данную категорию костей наиболее легко определить, и она имеет минимум разновидностей. Эта группа трансформированных желудочными ферментами костей в подавляющем большинстве случаев представлена фрагментами диафизов трубчатых костей шириной 2–4 см и длиной 5–15 см. Отличительной чертой таких фрагментов является сильная оплавленность сколов, краев, поверхности. Следы от зубов копытных также оплавлены (рис. 2). Такие кости похожи на окатанные осколки стекла или обмылки.

Рис. 2. Фрагменты диафизов трубчатых костей крупного копытного из современных загонов и поселения Каменный Амбар со следами воздействия желудочных ферментов крупного рогатого скота (кислотная коррозия).

Погрызы мелким рогатым скотом. Этот тип костей в целом аналогичен всем разновидностям костей со следами погрыза крупным рогатым скотом. Выделяются такие же стадии воздействия, как и в случае с крупными копытными. Единственное отличие в том, что погрызу овцами и козами подвержены только кости мелкого рогатого скота (т.е. такого размера, чтобы их могли поднять с земли овцы или козы). Это плечевые, лучевые, берцовые кости, метаподии и

фрагменты ребер мелкого рогатого скота. Характерные признаки — содрванная компакта на концах трубчатых костей, «вилочный» эффект и зигзагообразные следы вокруг погрыза, зашлифованные края погрыза и многочисленные бороздки от моляров и премоляров. Различные формы погрыза костей мелким рогатым скотом являются уменьшенной копией тех же форм погрызов крупным рогатым скотом (рис. 3).

Рис. 3. Трубчатые кости мелкого рогатого скота со следами погрыза козами и овцами из современных загонов и поселения Каменный Амбар: 1–3 — первая — третья стадии соответственно.

Отличия погрызов костей домашними копытными от погрызов хищников. Поверхность кости, которая подверглась погрызу копытными, не имеет рваного края, многочисленных ямок и проколов, остающихся от зубов хищников. В случае с погрызами копытных край кости как будто оплавлен или зашлифован, поверхность вокруг места погрыза имеет не ямки, а многочисленные неглубокие и прямые бороздки, также могут наблюдаться зигзагообразные следы (рис. 4).

Рис. 4. Верхние и нижние концы плюсневых костей крупного рогатого скота из современного загона и поселения Коноплянка: 1 — со следами погрыза крупным рогатым скотом; 2 — со следами погрыза собакой.

Заключение

Остеофагия, или поедание костей крупным и мелким рогатым скотом, является одной из характерных поведенческих особенностей диких и домашних копытных. Поэтому при обработке археозоологических коллекций из поселений скотоводов следует учитывать вероятное присутствие подобного рода категорий трансформированных костей, которые по ошибке можно связать с человеческой деятельностью или иными факторами.

Остеофагия домашних копытных на поселениях бронзового века Южного Зауралья...

Погрыз костей крупным и мелким рогатым скотом имеет множество разновидностей, определение которых доступно лишь археозоологам. Однако идентификация основных признаков погрызов домашними копытными может быть осуществлена непосредственно археологами при раскопках, что позволит избежать ошибок в интерпретации повреждений костей. К основным и наиболее явным признакам погрыза костей крупным и мелким рогатым скотом относятся сильная зашлифованность или оплавленность края скола и поверхности вокруг сработанности, волнистая поверхность, зигзагообразные бороздки и прежде всего вилочный эффект у трубчатых костей (выемка по центру конца кости).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Rassadnikov A.Yu.* Модификационные изменения костей животных из укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Урал. ист. вестник. Екатеринбург: ИИА УрО РАН. № 4 (37). 2012. С. 85–91.
- Шарапова С.В., Краузе Р., Молчанов И.В., Штоббе А., Солдаткин Н.В.* Междисциплинарные исследования поселения Коноплянка в Южном Зауралье: Предварительные результаты // Вестник НГУ. Сер. История, филология. Новосибирск. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. 2014. С. 101–109.
- Barette C.* Antler eating and antler growth in wild axis deer // *Mammalia*. № 4. 1985. P. 491–501.
- Bredin I.P., Skinner J.D., Mitchell G.* Can osteophagia provide giraffes with phosphorus and calcium? // *Onderstepoort Journal of Veterinary Research*. 2008. № 75. P. 1–9.
- Brothwell D.* Further evidence of bone chewing by ungulates: the sheep of North Ronaldsay, Orkney // *Journal of Archaeol. Science*. 1978. № 3. P. 179–182.
- Caceres I., Esteban-Nadal M., Bennasar M., Monfort D., Pesquero M.D., Fernandez-Jalvo Y.* Osteophagia and dental wear in herbivores: actualistic data and archaeological evidence // *Journal of Archaeol. Science*. 2013. Vol. 40. P. 3105–3116.
- Caceres I., Esteban-Nadal M., Bennasar M., Fernandez-Jalvo Y.* Was it the deer or the fox? // *Journal of Archaeol. Science*. 2011. Vol. 38. P. 2767–2774.
- Epimakhov A., Krause R.* Relative and absolute chronology of the settlement Kamennyi Ambar // *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. Bonn, 2013. P. 129–147.
- Hutson M.J., Burke C.C., Haynes G.* Osteophagia and bone modifications by giraffe and other large ungulates // *Journal of Archaeol. Science*. 2013. Vol. 40. P. 4139–4149.
- Juctus A., Turner E.* A forked bone from Middle Palaeolithic levels in the Wannan Volcano (Rhineland-Palatinate) // *Cranium*. 1990. № 7. P. 58–62.
- Keating K.A.* Bone chewing by Rocky Mountain bighorn sheep // *Great Basin Naturalist*. 1990. № 50. P. 89.
- Kierdorf U.* Fork formation and other signs of osteophagia on a long bone swallowed by a red deer stag (*Cervus elaphus*) // *Journal of Osteoarchaeology*. 1993. № 3. P. 37–40.
- Kierdorf U.* A further example of long-bone damage due to chewing by deer // *International Journal of Osteoarchaeology*. 1994. № 4. P. 209–213.
- Koryakova L., Krause R.* General remarks of multidisciplinary research in the Kamennyi Ambar microregion on the first phase of the project // *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. Bonn, 2013. P. 1–21.
- Langman V.A.* Giraffe pica behaviour and pathology as indicators of nutritional stress // *The Journal of Wildlife Management*. 1978. № 42. P. 141–147.
- Rassadnikov A., Kosintsev P., Koryakova L.* The osteological collection from the Kamennyi Ambar settlement // *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH. Bonn, 2013. P. 239–285.
- Sekulig R., Estes R.D.* A note on bone chewing in the sable antelope in Kenya // *Mammalia*. 1977. № 41. P. 537–539.
- Sutcliffe A.J.* Similarity of bones and antlers gnawed by deer to human artefacts // *Nature*. 1973. № 246. P. 428–430.
- Wyatt J.R.* Osteophagia in Masai giraffe // *African Journal of Ecology*. 1971. Vol. 9. P. 157.

A.Yu. Rassadnikov

Institute of History And Archaeology, Ural Branch, Russian Academy of Sciences
Kovalevskoy st., 16, Ekaterinburg, 620990, Russian Federation
E-mail: ralu87@mail.ru

OSTEOPHAGIA IN DOMESTIC UNGULATES IN THE BRONZE AGE SETTLEMENTS OF THE TRANS-URALS (ACCORDING TO ARCHAEOZOOLOGICAL AND ETHNOZOOLOGICAL MATERIALS)

The paper provides a detailed description of the bones, which were subject to chewing and exposed to digestive enzymes of cattle and small cattle. Eating bones is called osteophagia. The bones with such changes

were found in the archaeozoological collections of two fortified settlements of the Bronze Age in the Trans-Urals. They are Kamennyi Ambar and Konoplyanka. While processing the collection and inspecting modern cattle paddocks, all forms and stages of chewing bones among cattle and small cattle were detected.

Key words: osteophagia, Southern Trans-Urals, the Bronze Age, Archaeozoology, Ethnozoology, bone chewing by ungulates, cattle (*Bos Taurus*), small cattle (*Ovis et Capra*), ungulates digestive corrosion.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-37-2-163-168

REFERENCES

- Barette C., 1985. Antler eating and antler growth in wild axis deer. *Mammalia*, 4, pp. 491–501.
- Bredin I.P., Skinner J.D., Mitchell G., 2008. Can osteophagia provide giraffes with phosphorus and calcium? *Onderstepoort Journal of Veterinary Research*, 75, pp. 1–9.
- Brothwell D., 1976. Further evidence of bone chewing by ungulates: The sheep of North Ronaldsay, Orkney. *Journal of Archaeol. Science*, 3, pp. 179–182.
- Caceres I., Esteban-Nadal M., Bennisar M., Fernandez-Jalvo Y., 2011. Was it the deer or the fox? *Journal of Archaeol. Science*, vol. 38, pp. 2767–2774.
- Caceres I., Esteban-Nadal M., Bennisar M., Monfort D., Pesquero M.D., Fernandez-Jalvo Y., 2013. Osteophagia and dental wear in herbivores: Actualistic data and archaeological evidence. *Journal of Archaeol. Science*, vol. 40, pp. 3105–3116.
- Epimakhov A., Krause R., 2013. Relative and absolute chronology of the settlement Kamennyi Ambar. *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, Bonn, pp. 129–147.
- Hutson M.J., Burke C.C., Haynes G., 2013. Osteophagia and bone modifications by giraffe and other large ungulates. *Journal of Archaeol. Science*, vol. 40, pp. 4139–4149.
- Juctus A., Turner E., 1990. A forked bone from Middle Palaeolithic levels in the Wannan Volcano (Rhine-land-Palatinate). *Cranium*, 7, pp. 58–62.
- Keating K.A., 1990. Bone chewing by Rocky Mountain bighorn sheep. *Great Basin Naturalist*, 50, p. 89.
- Kierdorf U., 1993. Fork formation and other signs of osteophagia on a long bone swallowed by a red deer stag (*Cervus elaphus*). *Journal of Osteoarchaeology*, 3, pp. 37–40.
- Kierdorf U., 1994. A further example of long-bone damage due to chewing by deer. *Intern. Journal of Osteoarchaeology*, 4, pp. 209–213.
- Koryakova L., Krause R., 2013. General remarks of multidisciplinary research in the Kamennyi Ambar microregion on the first phase of the project. *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, Bonn, pp. 1–21.
- Langman V.A., 1978. Giraffe pica behaviour and pathology as indicators of nutritional stress. *The Journal of Wildlife Management*, vol. 42, pp. 141–147.
- Rassadnikov A.Ju., 2012. Modifikatsionnye izmeneniia kostei zhyvotnykh iz ukreplennogo poseleniia Kamennyi Ambar (Ol'gino) [Modification changes of animal bones from the fortified settlement of Kamennyi Ambar (Ol'gino)]. *Uralskii istoricheskii vestnik*, no. 4 (37), pp. 85–91.
- Rassadnikov A., Kosintsev P., Koryakova L., 2013. The osteological collection from the Kamennyi Ambar settlement. *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, Bonn, pp. 239–285.
- Sekulig R., Estes R.D., 1977. A note on bone chewing in the sable antelope in Kenya. *Mammalia*, 41, pp. 537–539.
- Sharapova S.V., Krause R., Molchanov I.V., Stobbe A., Soldatkin N.V., 2014. Mezhdistsiplinarnye issledovaniia poseleniia Konoplianka v luzhnom Zaural'e: Predvaritel'nye rezul'taty [Interdisciplinary studies at Konoplyanka settlement in the Southern Trans-Urals: Preliminary results]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, Seriya Istorii, filologiya, vol. 13, no. 3, pp. 101–109.
- Sutcliffe A.J., 1973. Similarity of bones and antlers gnawed by deer to human artefacts. *Nature*, 246, pp. 428–430.
- Wyatt J.R., 1971. Osteophagia in Masai giraffe. *African Journal of Ecology*, vol. 9, p. 157.

ХРОНИКА

К ЮБИЛЕЮ А.Н. БАГАШЕВА

Директору Института проблем освоения Севера СО РАН доктору исторических наук, профессору Анатолию Николаевичу Багашеву 28 июня 2017 г. исполняется 60 лет.

А.Н. Багашев родился в г. Березники Пермской области. В 1974 г. поступил в Томский государственный университет на исторический факультет. С физической антропологией — наукой, позволяющей математически точно исследовать исторические общности и процессы, он познакомился на втором курсе, во время участия в антропологической экспедиции под руководством А.Р. Кима. Это знакомство привело в дальнейшем к серьезному погружению в науку. В 1981 г. Анатолий в составе исследовательского коллектива под руководством В.А. Дремова начинает работать в Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири при Томском университете. В 1990 г. А.Н. Багашев переходит в Институт проблем освоения Севера.

Научные интересы А.Н. Багашева сосредоточены в области изучения генезиса населения Северной Евразии. В монографиях и статьях, посвященных древним историческим эпохам, на основе оригинальных палеоантропологических данных ученым прослежены основные этапы истории антропологических типов Северной Евразии, определены источники расовых компонентов и уточнены пределы изменчивости палеопопуляций в пространстве и времени, реконструированы основные направления их этногенетических связей от неолита до средневековья.

В работах, освещающих формирование современных народов Западной Сибири, введены в научный оборот обширные краниологические источники и выявлены закономерности хроноло-

гической и географической изменчивости населения. Это позволило ученому построить новую систематику антропологических типов Северной Евразии. В результате детального анализа специфики антропологического комплекса, фиксируемого у народов Западной Сибири, он обосновал выделение самостоятельной западно-сибирской локальной расы и особого, западно-сибирского, вторичного очага расообразования. Дочерние очаги в составе западно-сибирского — северный и южный соотнесены соответственно с генезисом обских угров и южных самодийцев. Новая систематика, предложенная А.Н. Багашевым, более адекватно отразила родственные связи между этносами и их исторические судьбы по сравнению с ранее предложенными классификациями и в наибольшей степени скоррелирована с этнолингвистической дифференциацией народов Северной Евразии.

А.Н. Багашев проявил себя как незаурядный организатор в сфере науки. Уже в начале своей работы в лаборатории археологии и этнической антропологии ИПОС в 1990 г. он приступает к формированию группы специалистов в области физической антропологии. С 1997 г. он возглавляет вновь созданную в Институте лабораторию антропологии и этнографии. В настоящее время руководимый А.Н. Багашевым сектор физической антропологии состоит из семи человек и является одним из самых представительных объединений специалистов этого профиля в стране. Исследования сотрудников сектора охватывают преимущественно территорию Сибири в хронологическом интервале от каменного века до исторической современности. Тематический спектр научных интересов коллектива широк и включает систематизацию краниологического разнообразия и этногенетическую историю, палеоэкологические и палеомедицинские аспекты, реконструкцию внешнего облика представителей древних народов.

В 2007 г. Анатолий Николаевич Багашев был избран директором Института проблем освоения Севера.

В это время в Институте существовали два направления исследований: гуманитарное и биологическое. Их поддержание и развитие в рамках единого научного учреждения были и остаются важной составляющей деятельности администрации института под руководством А.Н. Багашева. Усилия директора сосредоточены как на сохранении и продолжении научных исследований по уже реализуемым темам, так и на создании новых тематических блоков исследований. В настоящее время в штате ИПОС 53 научных сотрудника, в том числе 9 со степенью доктора и 20 — со степенью кандидата наук. Почти половина научного кадрового состава — молодые ученые. В Институте семь секторов — археологии, этнологии, физической антропологии, социальной антропологии, археологических и природных реконструкций, геоэкологии, биоразнообразия и динамики природных комплексов.

Кроме выраженных в публичной деятельности организованности, целеустремленности и научной заинтересованности, в личном общении Анатолий Николаевич проявляет человеческие качества, которые трудно переоценить. Всегда, даже в самых сложных обстоятельствах, внушает оптимизм его стремление разобраться в ситуации и помочь. Ему свойственны позитивный настрой при общении с людьми, отзывчивость, честность и основательность. А.Н. Багашев — уважаемый коллега и верный друг.

Хочется пожелать Анатолию Николаевичу творческих успехов во всех сферах деятельности, крепкого здоровья, семейного благополучия и надежных друзей.

Д.И. Ражев, О.Е. Пошехонова

Список основных публикаций А.Н. Багашева

1. Багашев А.Н. Распределение дискретных краниологических признаков в некоторых тюркоязычных популяциях Сибири // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 1984. С. 105–115.
2. Багашев А.Н. Соотношение антропологического состава средневекового и современного населения Омского Прииртышья // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 106–109.
3. Багашев А.Н. Антропологический состав средневекового населения Среднего Прииртышья // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 22–54.
4. Багашев А.Н. Антропологический состав и формирование тоболо-иртышских татар по данным краниостеологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 17 с.
5. Багашев А.Н. Материалы по краниологии тарских татар // Обряды народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1990. С. 192–213.

К юбилею А.Н. Багашева

6. Багашев А.Н. Материалы по краниологии тобольских татар // Сравнительная антропология башкирского народа. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1990. С. 122–137.
7. Багашев А.Н. Краниологический тип нижнеиртышских хантов // Обские угры: (Ханты и манси). М.: ИЭА РАН, 1991. С. 29–37.
8. Багашев А.Н. Таксономическое положение тоболо-иртышских татар в системе расовых типов Западной Сибири // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири. Омск: ОмГУ, 1991. С. 18–37.
9. Львова Э.Л., Бирюкович Р.М., Дремов В.А., Аксянова Г.А., Багашев А.Н., Хить Г.Л. Тюрки таежного Причулымья: Популяция и этнос. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 246 с.
10. Багашев А.Н. К антропологии населения Западной Сибири эпохи неолита // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск: ОмГУ, 1993. С. 151–156.
11. Багашев А.Н. Многомерная статистика о краниологической специфике народов Западной Сибири // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1993. С. 134–137.
12. Багашев А.Н. Этническая антропология тоболо-иртышских татар. Новосибирск: Наука, 1993. 152 с.
13. Дремов В.А., Багашев А.Н. Краниологические данные к вопросу о формировании хантов // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1993. С. 148–151.
14. Багашев А.Н. Краниологические исследования в Западной Сибири // Западная Сибирь — проблемы развития. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. С. 55–60.
15. Bagashev A.N. On the Problems of Anthropology of West Siberian Populations during the Neolithic period // Journal of Korean Ancient Historical Society. Seoul, 1994. № 16. P. 171–198.
16. Bagashev A.N., Kim A.R. Craniology of Western and Southern Siberian Peoples // Journal of Korean Ancient Historical Society. Seoul, 1994. № 16. P. 347–365.
17. Матвеев А.В., Багашев А.Н., Зенько А.П., Канакин И.А., Аблажей А.М., Муратов П.Д., Бойко В.А., Кучер В.В. Ямал — знакомый и неизвестный. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1995. 240 с.
18. Багашев А.Н. Материалы по краниологии населения гороховской культуры // Тюменский исторический сборник. Тюмень: ТюмГУ: ИПОС СО РАН, 1996. С. 20–28.
19. Багашев А.Н. Материалы к краниологии сарматов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. Вып. 1. С. 65–74.
20. Багашев А.Н. О расовой систематике народов Северной Евразии // Раса: Миф или реальность? М.: Старый Сад, 1998. С. 17–19.
21. Багашев А.Н. Проблемы таксономии и расогенеза тюркоязычных народов Западной и Южной Сибири // Сибирские татары. Тобольск: Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 6–8.
22. Багашев А.Н., Дремов В.А., Ким А.Р., Рыкун М.П. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4: Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во ТГУ, 1998. 354 с.
23. Зах В.А., Багашев А.Н. О сопряженности культурогенеза и расообразования в формировании неолитического населения Западной Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 194–202.
24. Багашев А.Н. Генезис и таксономия обских угров // Обские угры. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 1999. С. 16–18.
25. Багашев А.Н. Краниологический тип пелымских манси // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 69–77.
26. Bagashev A.N. The Racial Structure of West Siberia Ugrians // Europa et Sibiria. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999. P. 41–47.
27. Багашев А.Н. В.А. Дремов В.А. и сибирская антропология // Труды Том. обл. краеведч. музея. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. Т. 10. С. 186–192.
28. Багашев А.Н. Западносибирская раса // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 1. С. 333–334.
29. Багашев А.Н. Обские угры в мировой расовой классификации // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 2. С. 281.
30. Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. 374 с.
31. Багашев А.Н. Формирование древнего и современного населения Западной Сибири по данным краниологии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 51 с.
32. Багашев А.Н. Краниологические данные к проблеме генезиса южных самодийцев // Самодийцы. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2001. С. 15–18.
33. Багашев А.Н. Ретроспективный взгляд на расогенез нарымских селькупов // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 132–134.
34. Багашев А.Н. Хронологическая изменчивость краниологического типа нарымских селькупов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 159–174.

К юбилею А.Н. Багашева

35. Багашев А.Н. Антропологический состав населения Прикетья: (Лукьяновский и Максимоярский могильники) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2002. Вып. 3. С. 40–43.
36. Багашев А.Н. Генезис южных самодийцев по данным антропологии // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. С. 90–103.
37. Багашев А.Н. Сложение уральских народов в свете антропологических данных // Северный археологический конгресс: Доклады. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 18–23.
38. Bagashev A.N. Uralic peoples origin in the light of bio-anthropological data // Северный археологический конгресс: Доклады. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 24–29.
39. Аксянова Г.А., Багашев А.Н., Богордаева А.А., Лар Л.А., Квашнин Ю.Н., Конев А.Ю., Ощепков К.А., Повод Н.А. Этнография и антропология Ямала. Новосибирск: Наука, 2003. 390 с.
40. Багашев А.Н. Антропологический тип средневековых тюрков Нижнего Притомья: (Могильник Астраханцево) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003. Вып. 4. С. 68–73.
41. Багашев А.Н. Антропологический тип южных самодийцев и его происхождение // Наука о человеке и обществе: Итоги, проблемы, перспективы. М.: ИЭА РАН, 2003. С. 141–157.
42. Багашев А.Н. Новые материалы к антропологии неолитического населения Западной Сибири // Горизонты антропологии. М.: Наука, 2003. С. 438–443.
43. Багашев А.Н., Антонов А.Л. Особенности антропологии населения г. Томска в XVII–XVIII вв.: (Воскресенская Гора) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003. Вып. 4. С. 74–77.
44. Багашев А.Н. Антропологическая структура средневековых палеопопуляций Томско-Нарымского Приобья // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2004. Вып. 5. С. 32–34.
45. Багашев А.Н. Дремов В.А. // Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард; Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. Т. 1. С. 277.
46. Багашев А.Н. Западносибирская раса // Большая Тюменская энциклопедия. Тюмень, 2004. Т. 1. С. 467.
47. Багашев А.Н. Роль миграций и автохтонного развития в формировании антропологических особенностей населения саргатской культуры раннего железа // Экология и демография человека в прошлом и настоящем. М.: Энциклопедия российских деревень, 2004. С. 196–199.
48. Багашев А.Н., Повод Н.А., Волжанина Е.А., Антонов А.Л. Структура межнациональных браков коми-ижемцев Северного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2004. № 5. С. 138–151.
49. Багашев А.Н., Антонов А.Л. К проблеме генезиса компонентов антропологической структуры русского старожильческого населения омского Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005. С. 17–21.
50. Багашев А.Н., Ткачев А.А., Волков Е.Н. Поселение русских землепроходцев Большая Хета в Красноярском Приполярье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 7. С. 116–127.
51. Багашев А.Н., Пошехонова О.Е. Антропологический состав и проблемы происхождения средневекового таежного населения Среднего Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. № 8. С. 87–97.
52. Багашев А.Н., Московченко Д.В., Волжанина Е.А. Историко-культурное и природное наследие Севера Западной Сибири: Итоги изучения и перспективы комплексного сохранения // Проблемы сохранения, использования и охраны культурного и природного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. С. 18–22.
53. Ларина Н.С., Багашев А.Н., Бойко А.А. Палеорекострукция влияния геохимической ситуации на минеральный статус костной ткани // Успехи современного естествознания. 2008. № 7. С. 53–55.
54. Багашев А.Н. Генезис краниологической уникальности обских угров // Форум «Идель-Алтай». Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 21–23.
55. Багашев А.Н. Дифференциация и таксономия палеопопуляций северной части Евразийской промежуточной зоны // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. Вып. 1. С. 32–35.
56. Багашев А.Н., Ражев Д.И. Надымский Городок: Палеоантропологическое исследование // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 111–124.
57. Багашев А.Н. Локусы и очаги расообразования // Человек: Его биологическая и социальная история. М.; Одинцово: Изд-во АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт», 2010. Т. 1. С. 55–61.
58. Багашев А.Н. Миграции и автохтонное развитие в генезисе древних и современных популяций Западной Сибири // Север и Юг: Диалог культур и цивилизаций. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 48–48.
59. Багашев А.Н. Сложение и эволюция населения кулайской археологической культуры по антропологическим данным // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западносибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 384–387.

60. Багашев А.Н., Антонов А.Л. Краниологическая характеристика русских старожилов Омского Прииртышья // Л.В. Татаурова Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв.: По материалам комплекса Изюк-I. Омск: Апельсин, 2010. С. 247–280.
61. Багашев А.Н., Московченко Д.В., Ражев Д.И., Пошехонова О.Е. Химический анализ костной ткани нарымских селькупов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 53–63.
62. Багашев А.Н., Федоров Р.Ю. Принципы расселения и этнокультурные процессы в среде белорусских переселенцев Урала и Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 148–152.
63. Багашев А.Н. Происхождение аборигенов Северной Евразии. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co.KG, Germany, 2011. 363 с.
64. Багашев А.Н., Ражев Д.И., Пошехонова О.Е. Средневековое население таежной зоны Западной Сибири в свете антропологических данных // Наука, общество, человек: Вестник УрО РАН. 2011. № 1 (35). С. 127–137.
65. Багашев А.Н., Алексеева Е.А. Краниология Усть-Полуя: Родственные связи и проблемы таксономии // Археология Арктики. Екатеринбург: Деловая пресса, 2012. С. 72–77.
66. Багашев А.Н., Пошехонова О.Е., Ражев Д.И. Анализ состава химических элементов в костной ткани средневекового населения Западной Сибири: методический аспект // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 10–12.
67. Багашев А.Н., Ражев Д.И., Московченко Д.В., Пошехонова О.Е. Интерпретация факторной структуры концентраций химических элементов в костях таежного населения Западной Сибири // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. Вып. 2. С. 12–16.
68. Багашев А.Н., Федоров Р.Ю. Особенности этнокультурной идентичности белорусских переселенцев в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3. С. 124–129.
69. Багашев А.Н., Ражев Д.И., Пошехонова О.Е., Алексеева Е.А. Антропологические особенности населения субарктики Западной Сибири в эпоху раннего железа // Физическая антропология: Методики, базы данных, научные результаты. СПб., 2013. С. 8–10.
70. Багашев А.Н., Федоров Р.Ю. Народные православные традиции белорусских крестьян-переселенцев в Зауралье // Урал. ист. вестник. 2013. № 2 (39). С. 56–63.
71. Багашев А.Н. Антропологическая дифференциация древних и современных популяций Северной Евразии // Генетика человека и патология: Проблемы эволюционной медицины. Томск: Печатная мануфактура, 2014. С. 35–40.
72. Багашев А.Н., Ражев Д.И., Пошехонова О.Е., Алексеева Е.А. Антропологические особенности населения субарктики Западной Сибири в эпоху раннего железа // Физическая антропология: Методики, базы данных, научные результаты. СПб., 2014. С. 60–73.
73. Багашев А.Н., Федоров Р.Ю. Историко-этнографические аспекты жизни белорусских крестьян-переселенцев на Дальнем Востоке // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2 (25). С. 99–106.
74. Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Багашев А.Н., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л. Атласовское захоронение XIV–XV вв. кулун-атахской культуры в контексте проблем этногенеза якутов // Всадники Северной Азии и рождение этноса: Этногенез и этническая история саха. Новосибирск: Наука, 2014. С. 233–240.
75. Багашев А.Н. Антропология сибирских татар // Этнография и антропология сибирских татар. Казань: Идель, 2015. С. 120–143.
76. Багашев А.Н., Слепченко С.М. Материалы по краниологии тазовских ненцев // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. Вып. 3. С. 12–16.
77. Багашев А.Н. Межгрупповая изменчивость краниологических особенностей северных самодийцев и кетов // Вестник ТГУ. История. 2016. № 4 (42). С. 86–93.
78. Багашев А.Н., Ражев Д.И., Зубова А.В., Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л. Антропологическое исследование раннеякутского Атласовского погребения XIV–XV веков // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. № 2. С. 137–147.
79. Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Николаев Е.Н., Петров Д.М., Сыроватский В.В., Багашев А.Н., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Ражев Д.И., Зубова А.В., Алексеева Е.А., Кузьмин Я.В. Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхинского погребения середины XV — начала XVI вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 90–109.
80. Багашев А.Н., Ражев Д.И., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Алексеева Е.А. Результаты антропологического изучения мумифицированных останков из могильника Зеленый Яр в Нижнем Приобье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. № 1. С. 135–145.
81. Багашев А.Н., Слепченко С.М., Алексеева Е.А., Слепцова А.В. Краниологическая находка на святилище кулайского городища Большой Лог в Омске // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 2 (37). С. 57–71.
82. Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Петров Д.М., Соловьева В.Н., Сыроватский В.В., Багашев А.Н., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Ражев Д.И., Алексеева Е.А., Зубова А.В., Кузьмин Я.В. Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии: Результаты комплексного исследования // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 1 (36). С. 44–63.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует на своих страницах работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология», «Палеоэкология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде одного файла Word, озаглавленного по фамилии автора, а также дополнительных файлов с иллюстрациями.

Рукопись должна включать:

а) сведения об авторе (авторах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи;

в) аннотацию, в которой необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы (**объемом 2000–2500 знаков**), на русском языке;

г) ключевые слова;

д) основной текст работы (рекомендуется выделять цель работы; методику или методологию проведения исследований, если присутствует определенная новизна или оригинальность; результаты работы; основные выводы);

е) библиографический список;

ж) иллюстрации и подрисовочные подписи, вставленные в текст после ссылок на рисунки (если рукопись снабжена иллюстрациями). Иллюстрации высылаются в графических файлах, желательно в векторном формате, в одном слое, с разрешением более 300 dpi;

з) список сокращений.

В конце рукописи авторы представляют на английском языке:

— фамилии, имена авторов;

— место работы авторов (данные об аффилировании авторов author affiliation);

— адрес организации (улица, № дома, город, почтовый индекс);

— e-mail авторов;

— заглавие статьи;

— резюме (2000–2500 знаков с пробелами);

— ключевые слова.

Кроме того, в конце рукописи должен быть представлен список литературы («References») в романском алфавите (латинице) в хорошем качестве, с тем чтобы эти ссылки могли быть учтены при цитировании публикаций авторов и журналов. Для этого нужно воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. После названия на латинице цитируемой статьи, монографии в квадратных скобках дается название на английском языке. Пошаговая инструкция по оформлению списка литературы на латинице находится на странице журнала: <http://www.ipdn.ru/rics/va>. Список «References» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

При предоставлении некорректных текстов на английском (название статьи, резюме, ключевые слова, переводы для списка «References») редакция отклоняет статью.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования в течение 2–3 недель при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют печатный вариант статьи по адресу: 625003, а/я 2774, ИПОС СО РАН, редколлегия журнала. Между автором (соавторами) и главным редактором журнала «Вестник археологии, антропологии и этнографии» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи (включая основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список, транслитерацию) не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». Статья должна содержать не более 4–5 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л.

4. **Рукописи объемом свыше 1 уч.-изд. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей, неадекватным переводом на английский язык не рассматриваются.**

5. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

6. Не допускается:
— производить табуляцию;
— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

7. В качестве иллюстраций к статье могут выступать графические изображения (рисунки, чертежи и т.д.), фотографии, а также графики, диаграммы. **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.**

Все прилагаемые к рукописи иллюстрации должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т. д.).

В подрисуночных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисуночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями.

8. Таблицы должны быть представлены без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Все таблицы должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовок. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается.

9. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

10. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер: a, b, c, d** и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.**

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Древние культуры..., 1994, с. 115; Зданович, 1984b, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы следует придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

- Анисимов А.Ф.* Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.
Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д. и др. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 23–36.
Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.
Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. С. 4–11. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.
Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень, 2000. С. 235–238.
Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. Новые памятники на озере Андреевском // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 204–205.
Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.
Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.
Шилов С.Н., Рябинина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правом берегу р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.
Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.
Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. et al. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journal of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787.

Плата за публикацию статей не взимается.

Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан каждым из авторов.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ИПОС СО РАН

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68.

Адрес сайта: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия
Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ — Архив Центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета
БНЦ СО РАН — Бурятский научный центр СО РАН
БФАН СССР — Башкирский филиал АН СССР
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ГА ОО — Государственный архив Оренбургской области
ГИМ — Государственный исторический музей
ГУТО ГАТ — Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГИ АН РС (Я) — Институт гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия)
ИГИиПМНС СО РАН — Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ИИА УрО РАН — Институт истории и археологии УрО РАН
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИИЯЛ УНЦ РАН — Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИЭ АН СССР — Институт этнографии АН СССР
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии РАН
КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК
КСИЭ — Краткие сообщения ИЭ АН СССР
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МЭЭ ОмГУ — Материалы этнографической экспедиции Омского государственного университета
НА УНЦ РАН — Научный архив Уфимского научного центра РАН
ОЛЕАиЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГИА — Российский государственный исторический архив
СА — Советская археология
СО РАН — Сибирское отделение РАН
СЭ — Советская этнография
ТФ ИсАОО — Тарский филиал казенного учреждения Омской области «Исторический архив Омской области»
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ЭО — Этнографическое обозрение
ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт проблем освоения Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт проблем освоения Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

ое издание

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 2 (37)

2017

Главный редактор
доктор исторических наук А.Н. Багашев

Редактор
Верстка
Художник
Перевод на английский
и редактирование

Е.М. Зах
М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
С.А. Иларионова
Р.О. Поплавский

*Точка зрения авторов публикуемых материалов не отражает точку зрения редакции.
При перепечатке материалов ссылка на статью журнала
«Вестник археологии, антропологии и этнографии» обязательна*

Подписано в печать 07.06.2017. Уч.-изд. л. 18,3. Объем 12,5 Mb.
Минимальные системные требования: Pentium 330 МГц, ОС Windows 98 и выше,
ОЗУ 512 МБ, Internet Explorer, Adobe Reader 5.0 и выше

Адрес редакции: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86, тел. (3452) 406-360
E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru
Размещение журнала: <http://www.ipdn.ru>

ISSN 2071-0437

9 771811 746005

**Коллектив ИПОС СО РАН
сердечно поздравляет
директора Института
доктора исторических наук
Анатолия Николаевича Багашева
с 60-летием
с пожеланиями успехов в научной
и организационной деятельности,
крепкого здоровья и оптимизма**